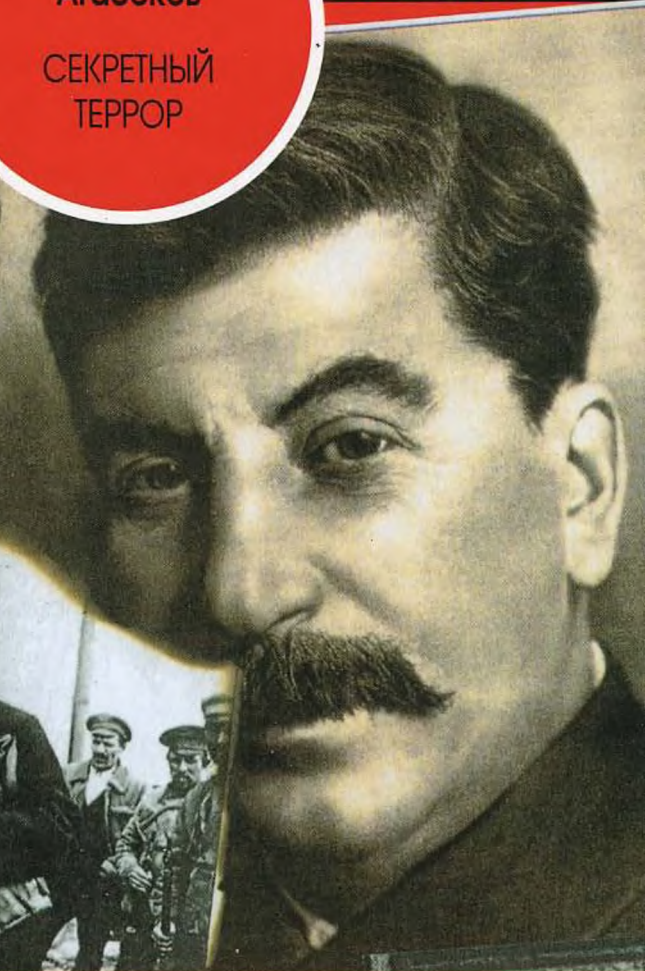

СЕКРЕТНЫЕ

МИССИИ

Георгий
Агабеков

СЕКРЕТНЫЙ
ТЕРРОР

СЕКРЕТНЫЕ

МИССИИ

Георгий
Агабеков

СЕКРЕТНЫЙ ТЕРРОР

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)
А23

Художник Р. АЮПОВА

Агабеков Г. С.

А23 Секретный террор: Записки разведчика. — М.: ТЕРРА—
Книжный клуб, 1998. — 336 с. — (Секретные миссии).

ISBN 5-300-01738-8

Автор книги Г. Агабеков — крупный разведчик-чекист, ушедший в 1930 году на Запад и убитый за это в 1937 году агентами НКВД.

Его мемуары — это уникальное свидетельство непосредственного участника многих операций советской разведки. Огромный интерес представляют и выразительные характеристики таких деятелей ВЧК—ОГПУ—НКВД, как В. Р. Менжинский, Г. Г. Ягода, М. А. Трилиссер, Я. Х. Петерс и другие.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 5-300-01738-8

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

(Вместо предисловия)

В середине прошлого года я открыто порвал с ОГПУ, где работал в течение десяти лет непрерывно. Не будучи уверен, что останусь в живых после того, как о моем намерении станет известно в Москве, я составил записки о деятельности ОГПУ во всех странах мира, которые могли быть опубликованы даже после моей смерти. В то время моей основной задачей являлось разрушить, дезорганизовать весь налаженный десятилетием наш секретный аппарат за границей. Для этого нужно было разоблачить весь людской состав секретных агентур, что я и сделал в своих записках, указав почти всех наших агентов во всех странах Востока и Запада, которые мне были известны.

Мои «записки» достигли поставленной цели. Часть агентуры ОГПУ была арестована правительствами стран, где они вели свою шпионскую деятельность. С другой же частью ОГПУ прервало связи, исходя из принципа разведки: «Разоблаченный агент теряет всякую ценность». В аппарате иностранного отдела в Москве вождям ОГПУ также пришлось произвести массовые пертурбации. Разоблаченные мной резиденты уже не могли быть использованы для заграничной работы. Их нужно было заменить новыми кадрами. Эта же мера диктовалась тем, что многие резиденты были моими личными друзьями и вожди ОГПУ боялись, что, вырвавшись за границу, они могут примкнуть ко мне и дополнить мои разоблачения.

Таким образом, иностранный отдел ОГПУ к концу 1930 года, после десятилетней стройки, в течение какового времени сумел раскинуть густую шпионскую сеть по всему миру, оказался у вдребезги разбитого корыта.

Но жизнь не ждет, и Москва приступила к подготовке новых резидентов, которые должны были начать плести новую шпионскую сеть по всем странам.

В связи с этим является своевременным разоблачить другую, не менее важную сторону работы ОГПУ, — это комплектова-

ние его работников и методы работы чекистов за границей. Читатель, я надеюсь, познакомится не только с методами чекистов, но и с психологией самих чекистов и легко их узнает, встретив на своем жизненном пути.

Центр ОГПУ (Объединенного государственного политического управления) находится в Москве, на Лубянской площади. Он занимает весь квадрат между Большой и Малой Лубянкой и тянется по Большой Лубянке вплоть до гостиницы «Селект» на Сретенке, содержащейся на средства ОГПУ для уловления приезжих иностранцев. Иностранцы, останавливаясь там, подвергаются тщательной слежке, а их багаж тайно обыскивается в их отсутствие; руководящий персонал гостиницы является агентами ОГПУ. Дома в переулках Варсонофьевском и Милютинском заняты под общежития-коммуны для сотрудников, и фактически вся территория между Лубянкой и Сретенкой находится в распоряжении ОГПУ.

В этом учреждении к настоящему времени работает около 2500 человек. Из них около 1500 являются членами коммунистической партии. Остальные — частью комсомольцы, частью беспартийные. Беспартийные, как правило, занимают низшие должности: это — машинистки, делопроизводители и пр.

ОГПУ разделено на отделы: контрразведывательный (КРО), иностранный (ИНО), секретный (СО), особый (ОО), специальный (СПЕКО), экономическое управление (ЭКУ), информационный отдел (ИНФО), оперативный отдел, восточный отдел (ВО), отдел пограничной охраны (ПО) и административно-организационное управление. Кроме того, имеются вспомогательные части: хозяйственная часть, комендатура, фельдъегерский корпус, кооператив, клуб, типография и тюрьма.

Во главе всего учреждения стоит председатель ОГПУ — Менжинский, достаточно известный по своей прежней деятельности. Будучи высокоразвитым и образованным человеком, он, однако, не пользуется достаточным авторитетом в Центральном Комитете партии и в Политбюро (верховное руководство Центральным Комитетом). Менжинский сильно болен, редко вмешивается в дела внутреннего управления ОГПУ и ограничивает свою деятельность тем, что представляет это учреждение в Центральном Комитете партии.

Менжинский имеет двух заместителей. Первый из них — Ягода — фактически управляет всем учреждением.

Ягода, человек властолюбивого характера, обладает сильной волей и готов на все ради достижения намеченной цели. Насколько Менжинский благовоспитан и образован, настолько

Ягода груб и некультурен. Держится он на своем посту благодаря угодливости перед членами Политбюро и ЦК и благодаря искусству интриги — оружию, которым он владеет в совершенстве. Он своевременно учитывает возможности конкурентов и принимает меры к их уничтожению. Так, например, видя во втором заместителе председателя ОГПУ, Трилиссере, опасного противника, он добился через Центральный Комитет партии его снятия с работы.

Для проведения в исполнение своих целей Ягода окружил себя хотя и бездарной, но преданной публикой, которая за его подачки и поддержку готова делать и делает все, что он захочет. Одним из таких прихлебателей является его секретарь Шанин, уголовная личность, с явно садистскими наклонностями. Этот Шанин устраивает частенько для Ягоды оргии с вином и женщинами, на которые Ягода большой охотник. Девочки на эти вечера вербуются из комсомольской среды.

Все отделы ОГПУ, за исключением иностранного, пограничного и специального, объединяются в секретно-оперативное управление, начальником которого состоит тот же Ягода.

Иностранный отдел и пограничный подчиняются второму заместителю председателя. Специальный отдел во главе с начальником Бокием подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии.

Все начальники отделов, оба заместителя и председатель составляют коллегия ОГПУ, которая собирается раз в неделю для обсуждения и решения очередных дел.

Чем занимается каждый из отделов? Контрразведывательный отдел ведет работу внутри СССР по борьбе с иностранным шпионажем и с контрреволюционными выступлениями в среде гражданского населения. Этот отдел обслуживает также все иностранные миссии в СССР, ведя разведку и добывая информацию и документы в этих миссиях. Отдел имеет широкую внутреннюю агентуру. Все управляющие гостиницами, заведующие кино и театрами состоят его агентами. Контрразведывательный отдел, или, как он сокращенно называется, КРО, имеет агентуру во всех советских учреждениях и ежедневно получает от своих агентов сведения о происходящем в этих учреждениях. Он же поставляет мелких служащих: горничных, шоферов и т. п. — для иностранных миссий и через них получает разного рода сведения, вербуя в то же время в агентуру других служащих иностранных миссий. Начальником КРО является Ольский. Это человек лет под тридцать пять, молодой, энергичный, преданный сторонник Ягоды. Ольский сумел подобрать соответствующих людей в свой аппарат, и работа отдела считается удовлетворительной. Отдел разделен на не-

сколько отделений, обслуживающих каждое свою отрасль. Так, например, первое отделение ведет исключительно наблюдение за гостиницами, театрами, ресторанами. Оно же вскрывает перехваченную корреспонденцию, главным образом дипломатическую почту иностранных посольств и миссий, тем или иным путем попавших в руки ОГПУ.

Второе и третье отделения занимаются работой по борьбе со шпионажем Прибалтийских стран; третье отделение, например, заманило в Россию Савинкова. Четвертое отделение борется со шпионажем восточных стран, пятое отделение — с англо-американским шпионажем и т. д.

Секретный отдел (СО) ведет работу по борьбе с враждебными коммунизму политическими партиями, с течениями внутри коммунистической партии, и, наконец, он же борется с религией и ведет работу по ее разложению. Агентура отдела охватывает все слои населения, и главным образом духовенство.

Работа по духовенству поручена шестому отделению СО, и руководит ею Тучков. Он считается спецом по религиозным делам и очень ловко пользуется разделением церкви на старую и новую, вербуя агентуру с той и с другой стороны. Шестое отделение помещается рядом с иностранным отделом, и мне часто приходилось видеть у дверей Тучкова священников, ожидающих с ним беседы.

Секретный отдел, как и все другие, разбит на отделения со строго определенными функциями. Начальник отдела Дерibas, старый член партии, интересуется больше делами партийных группировок, на разоблачении которых надеется нажить себе капитал перед Центральным Комитетом и получить в награду пост второго заместителя председателя ОГПУ. Это его давнишняя мечта. Она заставляла его все время блокироваться с Ягодой против Трилиссера, чтобы, спихнув последнего, занять его место. Благодаря такой личной занятости начальника, отдел работает сравнительно неважно, если не считать энергичной деятельности Тучкова по разложению духовенства.

Экономическое управление (ЭКУ) ведет работу среди промышленных, торговых и финансовых учреждений СССР по выявлению экономических злоупотреблений, причин невыполнения планов и борется с экономическим шпионажем в СССР. Начальник отдела — Прокофьев, человек образованный и энергичный. Раньше Прокофьев был помощником Трилиссера по иностранному отделу, но Трилиссер постарался от него избавиться, боясь, что со свойственной ему энергией Прокофьев столкнет его самого с места.

Информационный отдел (ИНФО) следит за настроениями во всех слоях общества и содержит колоссальный штат секретных

осведомителей. Этот же отдел выполняет роль цензуры над литературными и театральными произведениями и перлюстрирует корреспонденцию, обращающуюся внутри СССР. Начальником отдела является Алексеев, бывший анархист, перешедший в коммунистическую партию, кажется, в 1920 году.

Алексеев работает не за страх, а за совесть, но все-таки не пользуется большим доверием у президиума ОГПУ. При нем всегда, в качестве заместителя, имеется один из надежнейших партийцев. Таковым «наблюдателем» в настоящее время состоит некто Запорожец, испытанный чекист, бывший помощником Трилессера по иностранному отделу и ушедший вследствие несогласия с осторожной политикой Трилессера. Этот Запорожец славился тем, что во время петлюровщины сумел проникнуть к Петлюре и состоял одно время его личным адъютантом.

Особый отдел (ОО) ведает наблюдением за армией и флотом. Через военных комиссаров и политруков, обязанных информировать отдел, ОГПУ всегда находится в курсе настроений армии. ОО наблюдает также за снабжением армии продовольствием и амуницией и следит за правильностью охраны военных складов. Начальником отдела является сам Ягода, но фактически управляет им Ольский, начальник КРО.

Восточный отдел (ВО) ведет работу в восточных национальных республиках и среди восточных национальных группировок. Номинально им управляет Петерс, фактически же работой руководит некто Дьяков. Петерс же, как известно, является членом Центральной контрольной комиссии и ей отдает все свое время.

Петерс — фигура морально окончательно разложившаяся. Женщины и личная жизнь интересуют его больше, чем все остальное. Еще будучи полномочным представителем ОГПУ, он, разъезжая по окраинам, всегда имел при себе в вагоне двух-трех личных секретарш, которых, по мере ненадобности, высаживал из поезда по пути следования. Так, например, в бытность мою резидентом ОГПУ в Бухаре в 1922 году Петерс приезжал с двумя девицами и, высадив их в Бухаре, предложил мне устроить их куда-нибудь. Его заместителем по восточному отделу в 1929 году был некто Петросян, бывший председатель грузинской Чeka, расстрелявший председателя крымского ЦИКа Ибрагимова для того, чтобы жениться на его жене. Когда об этом узнал Центральный Комитет, то Петросяна уволили без права работы в органах ОГПУ. Он потом жаловался мне, что Петерс, его начальник и друг, делал много худшие вещи, и тому это сходило с рук, а вот когда он сделал маленький проступок, то негодяй Петерс не встал на его защиту.

Специальный отдел (СПЕКО) работает по охране государ-

ственных тайн от утечки к иностранцам, для чего имеет штат агентуры, следящий за порядком хранения секретных бумаг. Другой важной задачей отдела является перехватывание иностранных шифров и расшифровка поступающих из-за границы телеграмм. Он же составляет шифры для советских учреждений внутри и вне СССР.

Шифровальщики всех учреждений подчиняются непосредственно специальному отделу. Работу по расшифровке иностранных шифров спецотдел выполняет прекрасно и еженедельно составляет сводку расшифрованных иностранных телеграмм для рассылки начальникам отделов ОГПУ и членам ЦК.

Третьей задачей специального отдела является надзор за тюрьмами и местами заключения по всему Советскому Союзу, охрану же их несут войска ОГПУ. При отделе имеется канцелярия, фабрикующая всевозможные документы (паспорта, фальшивые удостоверения и пр.), необходимые для той или иной цели в работе.

Начальником отдела состоит Бокий, бывший полпред ВЧК, буквально терроризировавший Туркестан в 1919—1920 годах. О нем еще и сейчас, десять лет спустя, ходят легенды в Ташкенте, что он любил питаться сырым собачьим мясом и пить свежую человеческую кровь. Несмотря на то что Бокий только начальник отдела, он, в исключение из правил, подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии и имеет колоссальное влияние в ОГПУ. Подбор сотрудников в специальном отделе хорош и работа поставлена образцово.

Пограничный отдел (ПО) управляет войсками особого назначения ОГПУ, всеми пограничными войсками и ведет борьбу с контрабандой. Все таможни обязаны иметь тесный контакт с ПО и фактически подчиняются ему. Начальник отдела Вележев был прежде помощником Трилиссера по иностранному отделу. Это идейно убежденный коммунист, хотя в партии состоит только с 1920 года. В 1924 году его послали под фамилией Ведерникова в Бизерту на приемку от Франции флота Врангеля, затем под этой же фамилией он ездил в Китай и был там одним из руководителей китайской революции и организатором работы ОГПУ.

Начальником иностранного отдела (ИНО) и вторым заместителем председателя ОГПУ был до недавнего времени Трилиссер. Ныне его сменил Мессинг, бывший до того полномочным представителем ОГПУ в Ленинграде. ИНО обслуживает исключительно за границу. При каждом полпредстве и крупном консульстве он имеет своего полуофициального представителя, которому иногда придаются помощники. Эти представители, или резиденты ОГПУ, занимают, главным образом, должности вто-

рого секретаря или атташе при полпредстве, но иногда устраиваются в торгпредствах и в других хозяйственных учреждениях за границей.

Работа иностранного отдела заключается в освещении политического и экономического положения иностранных государств, в добыче всевозможных документов, имеющих ценность для советского правительства, в выявлении отправляемых в СССР разведчиков других стран, освещении жизни эмиграции, разложении эмигрантских организаций и пр. и пр. Этот отдел, кроме самостоятельных заданий, обязан выполнять и задания других отделов ОГПУ, поскольку дело касается заграницы. Кроме того, на обязанности его лежит освещение работы советских дипломатических и хозяйственных учреждений.

Иностранный отдел, кроме указанных официальных представителей, имеет в тех же странах свою «нелегальную агентуру», работающую под вымышленными фамилиями и фальшивыми паспортами. Эти секретные — «нелегальные» — резиденты пользуются особыми правами и доверием. Главная их задача заключается в том, чтобы прочно обосноваться в данной стране, завести связи и укрепить положение настолько, чтобы можно было продолжать дело даже в случае военного столкновения и высылки официальных представителей. Посылки «нелегальных» резидентов начались года два назад, когда анализ внешних событий показал неизбежность будущей войны. С тех пор нелегальные резиденты обосновались в Персии, Афганистане, Турции, Ираке и западных странах. Посылаемые таким порядком представители ОГПУ не должны поддерживать связи с официальными советскими представительствами за границей.

На остальных отделах останавливаться не стоит, ибо они играют подсобную роль, за исключением оперативного отдела, ведающего агентурой для наружного наблюдения. Обыкновенно, для наружного наблюдения за тем или другим лицом, заинтересованный отдел обращается в оперативный отдел, который и принимает на себя выполнение задачи. Оперативному отделу подчиняется комендантская часть. Комендантская часть производит аресты, обыски и расстреливает приговоренных в специальных подвалах, находящихся под зданиями ОГПУ. Эти подвалы расположены во внутренней тюрьме и усиленно охраняются красноармейцами из войск особого назначения. Даже во внутренний двор тюрьмы никому из сотрудников не разрешается входить без прямой надобности и специального разрешения. Только из некоторых окон здания можно на Лубянке видеть маленький двор и окна камер, закрытые щитами от посторонних глаз. За все мое пребывание в ОГПУ я не видел, чтобы арестованных выводили на прогулку.

Отделы ОГПУ разбиты на отделения. Как общее правило, не только один отдел не должен знать работы другого, но даже отделения одного и того же отдела не смеют посвящать друг друга в свою деятельность.

ОГПУ имеет полномочные представительства во всех национальных республиках и крупных центрах СССР. Эти представительства организованы по типу Москвы, только в меньшем масштабе. Вместо отделов там имеются отделения — филиалы московских отделов. Полномочные представительства, подчиняющиеся Москве, имеют в свою очередь филиалы в губернских, окружных и уездных центрах, являющиеся еще меньшей их моделью.

Я нарочно остановился на организации ОГПУ, чтобы читатель мог видеть всю структуру этого аппарата, так как без этого он не может себе представить всей колоссальной машины, законспирированной от остальных учреждений советской власти и конспирирующей внутри самой себя. Из этой организационной схемы читатель видит, что каждый отдел имеет свою самостоятельную сеть секретных агентов. Ему легко будет теперь поверить, что общее число секретных агентов в одной только Москве превышает десять тысяч человек. Через них ОГПУ контролирует не только деловую жизнь всех учреждений и предприятий, но и частную жизнь каждого, чем-нибудь выдающегося гражданина, не говоря уже об иностранцах, которые находятся под особенно тщательным наблюдением.

Помимо всего описанного нужно помнить, что в помощь ОГПУ приданы милиция и органы уголовного розыска и что, по завету Ленина — «каждый коммунист должен быть чекистом». Каждый коммунист, каждый комсомолец, наконец, каждый «сознательный» гражданин СССР, узнав или услышав что-нибудь, идущее вразрез с интересами советского правительства, обязан сообщить об этом органам. Таких добровольцев-осведомителей сотни тысяч в СССР; но они считают нужным помогать ОГПУ или находиться с этим учреждением в хороших отношениях, потому что только тогда они могут рассчитывать на относительно спокойную и обеспеченную жизнь. Таким образом, зерна, посеянные Дзержинским, выросли в повсеместный шпионаж: сын доносит на отца и сестра на брата.

ОГПУ по своей работе связано со всеми учреждениями в СССР и во всех учреждениях пользуется более или менее сильным влиянием.

ОГПУ только формально подчиняется Совнаркому, а фактически — Политбюро ЦК. Оно беспрекословно выполняет все ди-

рективы, получаемые от руководителей ЦК партии. Если при жизни Дзержинского ОГПУ иногда пускалось в обсуждение того или иного вопроса или постановления ЦК, то после его смерти оно получило при ЦК партии чисто исполнительные функции и не смеет рассуждать. Это можно видеть на многочисленных политических примерах и на частных примерах Бажанова и Беседовского, которых ОГПУ хотело ликвидировать и не сумело настоять на своем: Политбюро запретило. Перемена объясняется разницей в личном авторитете Дзержинского и Менжинского. В то время как первый сам был членом Политбюро и играл там крупную роль, последний едва прошел на последнем съезде в члены ЦК. Отсутствие личного авторитета несколько снизило авторитет и всего ОГПУ по отношению к другим наркоматам, руководителями которых являются более крупные фигуры, чем Менжинский.

Когда после смерти Дзержинского в 1926 году обсуждалась кандидатура на пост председателя ОГПУ, Политбюро долго колебалось и одно время даже думало поручить руководство ОГПУ Орджоникидзе или Микояну. Их имена выдвигались ввиду малой известности Менжинского и его недостаточного авторитета в партийной среде. Однако, учитывая ропот среди сотрудников ОГПУ, которые, слышав об этих кандидатурах, чуть не открыто говорили о национал-шовинистических тенденциях Орджоникидзе и о беспросветной глупости Микояна, Политбюро утвердило безликую кандидатуру Менжинского. С тех пор орган диктатуры пролетариата стал послушным орудием в руках Политбюро и его руководителя Сталина. Весь мир мог в этом убедиться на примерах расправы с троцкистами и правой оппозицией.

Между ОГПУ и Наркоминделом всегда шла жестокая борьба за влияние в Политбюро. Несмотря на то что внешними сношениями СССР заведует Наркоминдел, Центральный Комитет информируется по вопросам внешней политики также и ОГПУ. Почти всегда сведения и заключения этих двух учреждений по одним и тем же вопросам расходятся между собой. Так, например, по вопросу о восстании в Афганистане в 1929 году Наркоминдел стоял за поддержку Амануллы и его сторонников, а ОГПУ высказывалось в пользу Ба-чаи-Сакао, выдвинутого народными массами. В этих разногласиях корень антагонизма между руководителями обоих учреждений, и антагонизм передается по всей линии ОГПУ и Наркоминдела до самых низов. Наиболее ярким врагом ОГПУ является замнаркоминдела Литвинов. Он органически ненавидит ОГПУ, однако другой замес-

титель наркома, Карахан, имеющий личные счета с Литвиновым, не гнушается иногда заигрывать с ОГПУ.

Борьба принимает особенно острые формы при назначении сотрудников за границу и продолжается за границей между полпредом или консулом и представителями ОГПУ.

Обыкновенно при назначении того или иного сотрудника за границу вопрос должен решаться в специальной комиссии ОГПУ, собирающейся раз в неделю. Комиссию возглавляет начальник иностранного отдела, а чаще кто-нибудь из его помощников. В состав ее входят представитель ЦК, он же заведующий бюро заграничных ячеек при ЦК, и представитель учреждения, которое командировает сотрудника. Заблаговременно заполненная и присланная в иностранный отдел ОГПУ анкета ходит по всем его отделам и отделениям, о данном лице наводятся справки в архивах и по картотеке. Достаточно, чтобы его фамилия фигурировала в каком-нибудь донесении агентов ОГПУ, даже без всякого повода, как комиссия отказывает ему в визе и предлагает заменить его другим. Решающее слово в комиссии принадлежит представителю ОГПУ.

Как заносятся подозреваемые лица на картотеку, можно судить по тому, что в начале 1929 года, когда решили проверить и обновить картотеку, в ней нашли личные карточки... Бриана, Вильсона, Ллойд-Джорджа и других «крамольников». На картотеку заносятся часто только фамилии или только имена, так что почти невозможно установить тождество лица. Поэтому достаточно бывает просителю визы на въезд или выезд иметь похожую фамилию или имя, чтобы он получил отказ. В этих случаях не только он, но зачастую и само ОГПУ не знает, в чем он, собственно говоря, обвиняется. Случается, что когда задерживается лицо, имеющее крупную протекцию, и ОГПУ получает запрос о причине его невыпуска за границу, то оно не может выдвинуть никакого мотива отказа. Попав впросак, оно нехотя выдает разрешение. Помню, летом 1929 года поступило множество анкет от американских и английских туристов. Многим из них ОГПУ отказало. Центральный Комитет, по требованию Наркоминдела, предложил ОГПУ отменить постановление. Оказалось, что органы ОГПУ не могли выдвинуть никаких конкретных обвинений против «отказываемых», а ЦК партии нуждался в долларах туристов.

Особенно часто ОГПУ задерживает сотрудников Наркоминдела. Наркоминдел отвечает тем же при назначении сотрудников ОГПУ за границу через аппарат Наркоминдела. Но Наркоминдел поступает благоразумнее и старается найти какой-нибудь благовидный предлог если не для отказа, то, в крайнем

случае, для оттяжки, ссылается на неимение штатов, на несоответствие назначаемого и т. п.

Так, например, было со мной.

В 1927 году ОГПУ выдвинуло меня на должность резидента в Ангару, с зачислением на официальную должность атташе посольства. Наркоминдел ответил, что должен запросить согласие полпреда в Турции, Сурица. Спустя две недели пришел ответ: Суриц согласен. Тогда спохватились, что по штатам Ангары нет должности атташе и что таковую необходимо специально учредить на одном из ближайших заседаний коллегии НКВД. Наконец, спустя еще три недели, должность по штату была учреждена, а еще через неделю Наркоминдел сообщил, что все готово, однако находит, что меня, как армянина, посылать в Ангару неудобно, хотя официально, по паспорту, я должен был ехать, как еврей, под чужой фамилией.

Борьба за границей между полпредом или консулом и представителем ОГПУ выливается иногда в ожесточенные формы. Корень борьбы лежит в двоевластии, создающемся вследствие полной автономности представителей ОГПУ. Этот представитель, или, как он иначе называется, резидент, формально подчинен полпреду по должности секретаря или делопроизводителя, но на самом деле, благодаря возложенным на него специальным задачам и полной бесконтрольности сообщений с Москвой, авторитет его выше и страх перед ним совслужащих за границей сильнее страха перед самим полпредом. Полпред, сам чувствуя над собой постоянный контроль и всегда ожидая какой-нибудь пакости со стороны резидента, естественно, старается себя застраховать и первый нападает на него, полагая, что нападение есть лучший способ защиты. Для этого используется формальное подчинение резидента. Начинается склока, раскалывающая полпредство и очень часто все остальные совучреждения в стране на враждебные лагеря. Драка углубляется и разрастается, пока кого-нибудь из лидеров не отзовут в Москву; оставшийся другой лидер высылает затем всех сторонников своего врага. Приезжает новый на место высланного, борьба обновляется, вчерашний победитель терпит поражение, начинается высылка новой группы, и так без конца. Этим, и главным образом этим, объясняется столь частая смена сотрудников заграничных учреждений, стоящая колоссальных средств государству, ибо при переездах выдаются большие суточные, подъемные, проездные и т. д.

Яркий пример такой склоки дало в 1927—1928 гг. полпредство СССР в Тегеране, где тамошний посол Юрнев, столкнувшийся с торгпредом Гольдбергом, выжил его и всю его группу,

а затем, после отъезда Юренева, были выброшены из Тегерана и все сторонники Гольдберга.

Подобные же склоки происходили в Афганистане, в Мешехе, Тавризе, Пехлеви. На них я потом остановлюсь подробнее.

Отношения ОГПУ с Наркомторгом, при назначении сотрудников, приблизительно таковы же, как и с Наркоминделом, но ввиду малой сопротивляемости представителей Наркомторга трений между ними бывает меньше. До 1927 года ОГПУ использовало аппарат Наркомторга за границей не только для легального прикрытия своих агентов, но и для финансирования и снабжения секретных агентур товарным фондом, лицензиями и прочим.

Так, например, агентура Мешехе, добывавшая английскую почту, снабжалась мануфактурой для открытия магазина, который должен был служить прикрытием нашему агенту. Мешехское купечество за доставку сведений в ОГПУ снабжалось лицензиями Наркомторга, что подрывало монополию внешней торговли и вызывало недовольство среди честного персидского купечества. Тегеранская агентура снабжалась сахаром и нефтепродуктами для лавок, открытых для камуфлирования агентов. В связи с колоссальными убытками от таких операций Центральный Комитет партии воспретил наконец ОГПУ иметь торговые сношения с Наркомторгом. ОГПУ ныне довольствуется использованием торгового аппарата для переброски сотрудников за границу, да и то на вторые роли. Работники Наркомторга не имеют дипломатических паспортов и потому меньше гарантированы от провалов, чем сотрудники полпредств. С другой стороны, советская власть опасается компрометировать свои хозяйственные учреждения за границей после налета на Аркос.

Резидент ОГПУ за границей собирает экономический материал по указаниям из Москвы, но обязан выполнять и иногда выполняет задания полпреда и торгпреда по добыче нужных им документов, договоров конкурирующих фирм и т. п. В таких случаях торгпредство берет все расходы на себя. Обыкновенно же весь информационный материал направляется в иностранный отдел ОГПУ в Москву, где его перерабатывают и рассылают затем в копиях по заинтересованным инстанциям.

Почти до 1926 года отношения между ОГПУ и Коминтерном были самые дружеские. Начальник иностранного отдела Трилиссер был большим приятелем заведующего международной связью Коминтерна Пятницкого, и оба учреждения находились в теснейшей деловой связи. Да иначе и быть не могло, так как ОГПУ ведет работу за границей по обследованию контрреволю-

ционных и оппозиционных организаций, в которые входят все русские и иностранные антибольшевистские партии, начиная от социал-демократии и IV Интернационала и кончая фашистами. Этим материалом ОГПУ, естественно, должно делиться с Коминтерном, чтобы облегчить ему работу в борьбе с враждебными коммунизму влияниями. Кроме того, в иностранных компартиях, в особенности в восточных странах, имеется большой запас провокаторов, борьбу с которыми и выявление которых взяло на себя ОГПУ, так что, повторяю, деловая связь между ОГПУ и Коминтерном неизбежна.

На местах, за границей, эта связь, однако, приняла совсем другой характер. Резиденты ОГПУ, поддерживающие связь с представителями Коминтерна за границей, пошли по линии наименьшего сопротивления в своей работе. Вместо того чтобы самим рисковать и вербовать нужную агентуру, они стали пользоваться для шпионской работы местными коммунистами, что в конце концов стоило дешевле и было безопаснее как в идейном отношении, так и в отношении возможной провокации.

Шумиха, поднятая в связи с знаменитым «письмом Зиновьева», непрекращающаяся дискуссия в европейской печати по вопросу о единоличии советской власти и Коминтерна и риск предательства и провокации среди завербованной из местных коммунистов агентуры заставили ОГПУ в 1927 году дать категорическое распоряжение своим представителям ни в коем случае не связываться с представителями Коминтерна и с местными партийными организациями. Такого рода распоряжения получили одновременно представители Наркоминдела, Наркомторга и Разведывательного управления за границей.

Распоряжение это, однако, не всегда и не всеми выполнялось. В Москве же отношения остались старыми. Так же, как и раньше, из всех поступающих материалов выделяются интересные Коминтерн вопросы и отсылаются тому же Пятницкому. Связь еще более окрепла с тех пор, как Коминтерн в Москве сумел организовать (в течение последних двух лет) превосходно поставленное «паспортное бюро», то есть отдел по фабрикации фальшивых паспортов. ОГПУ, имеющее такое же собственное бюро, часто обращается за помощью по снабжению своих сотрудников фальшивыми иностранными паспортами в бюро Коминтерна.

Разведывательное управление является Четвертым управлением штаба РККА. Начальником его состоит Берзин. Это управление ведет военную разведку за границей через военных атташе при посольствах. Кроме того, управление имеет нелегаль-

ную агентуру, независимую от аппаратов военных атташе. Для снабжения ее иностранными паспортами и разными удостоверениями Разведупр прибегает к помощи паспортного бюро Коминтерна. Как и представители ОГПУ, военные атташе и нелегальные агенты Разведупра не имеют теперь права связываться с местными компартиями и использовать их для своей работы.

Отношения между Разведупром и ОГПУ в Москве чисто официальные. Они заключаются в обмене информационным материалом. В отношениях существует некоторая натянутость: ОГПУ никогда не упускает случая заняться чисто военным шпионажем и часто конкурирует с Разведупром. Считая, что оно может выполнять эту работу лучше, ОГПУ время от времени поднимает перед ЦК партии вопрос о ликвидации Разведупра и передаче его функций и бюджета в ОГПУ. Однако Центральный Комитет предпочитает сохранять оба органа отдельно. Это дает ему возможность взаимно их контролировать.

За границей связь и сотрудничество между резидентом ОГПУ и военным атташе зависит от личных взаимоотношений. Однако чересчур тесная дружба Москвой не одобряется, так как резиденты могут спеться, и Москва будет лишена возможности их контролировать. В этом я убедился на собственном опыте, когда, получив назначение в Афганистан, я спросил свое начальство, каковы должны быть мои отношения с военным атташе, и выслушал ответ: «Никаких отношений, наблюдайте за ним...»

Говоря об отношениях иностранного отдела ОГПУ с другими организациями, необходимо упомянуть о связи его с собственными отделениями на местах.

В то время как Москва посылает представителей в иностранные столицы для освещения общих вопросов, приграничные отделения ОГПУ имеют право посылать своих агентов в ближайшие пограничные районы для освещения вопросов местного значения. Эти агенты должны подчиняться московскому представителю и вести работу в точно указанном районе. Однако поскольку нет точной разграниченности, очень часто эти агенты проникают глубоко в страну и иногда, чувствуя свое превосходство над московским представителем, стараются взять инициативу в свои руки, приобрести самостоятельность и расширить сферу своей деятельности. Эти попытки всегда вызывали в Москве твердый отпор, однако местные отделы все-таки кое-чего добились. Так, например, Ташкентское ГПУ самостоятельно работает в Западном Китае, Северном Афганистане и Восточной Персии. Владивосток ведет работу в районе Харбина, Одесса работает в Бессарабии, но больше всех

добилось кавказское Чека, захватившее в сферу своей работы Западную и Северную Персию, всю Азиатскую Турцию и имеющее своего почти независимого представителя при константинопольской резидентуре ОГПУ.

Местные отделы ОГПУ стараются использовать для посылки агентов советские консульства, но большей частью довольствуются торговыми учреждениями. Так, например, Кавказ использует аппарат Наркоминдела (резидент ОГПУ в Тавризе сидит в консульстве), закавказского торгового представительства и Нефтесиндиката для посылки агентов в Персию и Турцию. Ташкент использует для работы в Персии и Афганистане аппараты «Бюроперса», Нефтесиндиката и «Афганского торгового общества».

Но, повторяю, несмотря на раздвоенность в работе, местные работники подчиняются представителю Москвы, посылают ему копии донесений и получают от него деньги за работу. Работники Разведупра, наоборот, работают каждый в отдельности и посылают свои донесения непосредственно в Москву, не обмениваясь друг с другом информацией.

Бюджет ОГПУ трудно исчислить. Помимо правительственных ассигнований, оно имеет огромные приходы от контрабанды, захватываемой на границах, от собственного колоссального хозяйства: жилых домов (в этих домах живут его сотрудники, бывшие и настоящие, платящие за квартиры и комнаты, между прочим, дороже, чем жильцы всех других советских домов), кооперативов, типографий и прочего.

Если бы даже я мог произвести точный учет этому бюджету, то не думаю, чтобы он представлял собой большой интерес. Я хочу остановиться только на бюджете иностранного отдела, который может дать некоторое представление о размерах и размахе работы ОГПУ за границей.

Нужно сказать, что бюджет иностранного отдела формируется в долларах и из года в год сокращается в связи с острой нуждой в валюте. Так, например, в то время как на 1928—1929 годы было отпущено три миллиона долларов, уже в январе 1929 года, то есть когда не истек еще бюджетный год, средства были сокращены сперва на десять, а затем к концу года на целых тридцать процентов. На 1929—1930 годы было отпущено один миллион пятьсот тысяч долларов, то есть только половина прошлогоднего бюджета. Лозунг экономии проводится и здесь. Как составляется бюджет иностранного отдела. Перед началом октября отдел запрашивает смету у всех резидентов. На основании этих смет, расчетов с Наркоминделом и возмож-

ности непредвиденных расходов составляется смета всего отдела и вносится в Политбюро. Бюджет иностранного отдела ОГПУ, как секретный, утверждается не Народным комиссариатом финансов, а Политбюро.

Получает деньги отдел от правительства каждые три месяца. Несмотря на то что при составлении бюджета запрашиваются резиденты на местах, однако при утверждении местных смет НАЧИНО исходит не из представленных требований, а из необходимости в работе: иногда отпускают во много раз больше представленной сметы, а иной раз сократят наполовину.

Это зависит от успешности работы резидента. Так, например, в начале 1927 года я, будучи в Персии, имел ежемесячную смету в две с половиной тысячи долларов, а к концу того же года смета была увеличена до пяти тысяч. Берлинская резидентура ОГПУ имела в 1928 году пятнадцать тысяч долларов ежемесячной сметы, а в 1929 году эта смета была снижена до семи тысяч.

Резиденты обязаны ежемесячно посылать в Москву отчет об израсходованных суммах, и если в течение трех месяцев расход составляет меньше, чем отпущенные по смете суммы, то смета соответственно сокращается, если же затем, в связи с развитием работы, резиденту необходимы дополнительные средства, он должен представить мотивированное объяснение. Очень часто резиденты, чтобы избежать сокращений, тратят или, по крайней мере, показывают, что тратят больше, чем на самом деле следует. На каждый произведенный расход должен иметься оправдательный документ, а если такового по тем или иным причинам нет, то справка самого резидента с указанием, на что израсходованы суммы.

Отчеты резидентов поступают вместе с общей почтой в соответствующие отделения и, по рассмотрении и утверждении, направляются к заведующему финансовой частью иностранного отдела.

Финансовая часть иностранного отдела совершенно обособлена от финансового отдела ОГПУ. Заведует ею некто Ключарев, молодой парень, лет тридцати, ведающий этой работой уже в течение шести лет. До того он работал в Лондоне вместе с Розенгольцем, но разругался с послом, приехал в Москву и не пожелал больше состоять в коммунистической партии, несмотря на многократные увещевания партиячейки. Однако он пользуется полным доверием как партии, так и ОГПУ.

Деньги резидентам посылаются в долларах через Наркоминдел, почтой или телеграфно. В первом случае в особо запечатанном конверте на имя резидента, во втором — Наркоминдел

телеграммой просит полпреда выдать соответствующую сумму резиденту, которую ОГПУ внесло в кассу Наркоминдела в Москве.

ОГПУ держит связь со своей заграничной агентурой через дипломатических курьеров Наркоминдела. Каждый резидент ОГПУ за границей имеет кличку. Так, например, берлинский резидент Гольдштейн имеет кличку Александр, константинопольский резидент Наумов — Бур и т. д.

Соответствующее отделение в Москве заготавливает письмо с инструкциями для резидента на простой бумаге и нумерует ее. В последнее время, после налета китайцев на Пекинское полпредство, запрещено начинать письма словами: «Уважаемый товарищ». Ставится только номер.

Инструкция подписывается соответствующим помощником начальника ИНО, причем подписью также служит условный псевдоним. Письмо запечатывается в конверт, на конверте ставится кличка резидента и пометка: «Никому другому не вскрывать, вскрыть только адресату». Этот конверт вкладывается в другой, на котором пишется адрес того полпреда или консула, куда письмо направляется, и в таком виде почта сдается в Наркоминдел. Печать на внутреннем конверте ставится условная, часто какая-нибудь печать царского времени, а на наружном конверте накладываются печати Наркоминдела. Кличка резидента известна полпреду или консулу, и тот по получении письма, не вскрывая, передает его по назначению.

Таким же способом посылаются письма нелегальным резидентам, с той лишь разницей, что внутри резидентского конверта помещается еще один конверт для нелегального, кличку которого не должен знать даже полпред; ее знает только один легальный резидент ОГПУ, который и направляет письмо адресату через имеющуюся у него секретную связь.

Почта в Москву идет обратно таким же порядком.

Резидент, подписавшись кличкой, запечатывает все имеющиеся материалы в конверт без адреса, но с указанием: «Вскрыть только адресату». На конверт ставится резидентская условная печать, он вкладывается в другой конверт, запечатанный полпредской печатью, и адресуется в Москву в «Историко-научное общество, Трипольскому», что означает главные буквы подлинного адреса: иностранный отдел, Трилиссеру. Получающая в Москве почту дипкурьерская часть Наркоминдела знает, чьи это письма, и сообщает об их получении в ОГПУ. Оттуда приходит сотрудица и уносит почту.

За последние два года эта связь перестала удовлетворять

ОГПУ: во-первых, Наркоминдел все время боится изобличения и компрометации своего учреждения и настаивает на изменении системы связи, а во-вторых, опыт афганских и китайских событий показал, что связь через Наркоминдел не прочна, и в случае разрыва дипломатических отношений или других причин связь с резидентами часто обрывается, то есть разведка не достигает основной своей цели — сохранения ее на время военных действий. Эта мысль, собственно, и натолкнула на идею организации нелегальных резидентур ОГПУ параллельно с легальными, и она же поставила на очередь вопрос о новых способах связи с ними.

В этом направлении проведены следующие реформы: константинопольская резидентура, помимо дикпурьерской связи, поддерживает связь с Москвой через советские пароходы, курсирующие между Одессой и Константинополем, на которых разъезжает специальный агент ОГПУ по связи. Через советские же пароходы поддерживается связь с нашими агентами в Геджесе и Йемене.

На этом я заканчиваю описание организационной структуры ОГПУ, его сил, средств и перехожу к личным воспоминаниям.

Я буду писать, главным образом, о работе, которую проделал сам или которой руководил, и буду ссылаться только на факты, которые мне достоверно известны. Обвинять меня в преувеличении не придется, ибо когда пишешь о себе, неудобно выставлять себя и свою работу на первый план. Поэтому, вероятно, скорее всего будут обвинять в преуменьшении. Однако мне легко будет опровергнуть и это обвинение, ибо, во-первых, как я упоминал, мне не могло быть все известно, так как каждый сотрудник ОГПУ знает только порученное ему дело, а во-вторых, я был за последние шесть лет почти все время за границей и не мог знать многого того, что я слышал бы, если бы находился в Москве. Я ставлю своей задачей объективную передачу фактов, участником и непосредственным свидетелем которых я был. Заинтересованные державы могут свободно их проверить.

Париж, 1930 г.

Автор

«Товарищи! Класс помещиков и капиталистов у нас уничтожен. Вместо царской России — теперь РСФСР. Власть находится в руках трудящихся, в руках рабочих и крестьян. Мы победили на фронте военном. Авангард пролетариата, коммунистическая партия, призывает всех трудящихся на новый фронт — фронт трудовой: для восстановления страны, разрушенной годами империалистической и Гражданской войны...» — монотонно, по складам читал политрук передовицу екатеринбургской газеты «Уральский рабочий» сидящим вокруг него на нарах красноармейцам.

Это был урок политической грамоты — политчас в казармах 210-го батальона войск ВНУС (внутренней службы). Стоял ледяной мороз. Казармы, несмотря на то что стояли холода, не отапливались. Не было дров. Красноармейцы ежились в своих рваных шинелях и слушали чтение политрука.

Я, двадцатичетырехлетний военком батальона, расхаживал по помещению своего батальона, подходя то к одной, то к другой группе занимающихся, и следил за занятиями. Мне было холодно, как и всем остальным, и я шагал все чаще и чаще, чтобы отогреть окоченевшие ноги. Прохаживаясь, я с наслаждением думал о конце политчаса, когда я смогу пойти в канцелярию батальона, погреться у маленькой железной печурки и проглотить горячего кипятку, заменяющего чай. Мечты мои прервал голос батальонного писаря, прибежавшего в одной рубашке с разносной книгой в руке.

— Вам срочный пакет из губкома, товарищ комиссар, распишитесь, — обратился он ко мне, передавая разносную книгу с пакетом.

Расписавшись в книге, я вскрыл пакет.

«Члену РКП (б) тов. А...

С получением сего предлагается Вам немедленно явиться в губком партии РКП (б) к заведующему учраспредом тов. ...», — пробежал я письмо.

«Зачем это я понадобился в губкоме? Наверно, опять по-

ручат сделать какой-нибудь доклад, а то еще хуже — руководить субботником», — подумал я, пряча письмо в кармане.

Губком помещался недалеко от казарм, и я решил сходить туда до конца занятий и узнать, в чем дело. Через десять минут я уже был в губкоме, дождавшись своей очереди, подошел к заведующему учраспредом и протянул ему письмо.

— А! Товарищ А... по постановлению губкома вы назначены в распоряжение губчека, где срочно требуются сотрудники-коммунисты. Списки на вас посланы еще вчера, потому советую вам завтра же с утра явиться в распоряжение губчека, — сказал заведующий и вслед за этим повернулся и начал говорить со следующим посетителем.

Я медленно отошел от него и, выйдя из губкома, направился в казарму. Занятия шли к концу, но они меня уже перестали интересовать. Я даже забыл о предстоящем горячем кипятке. Я мог думать только о том, что с завтрашнего дня я буду сотрудником ЧК, о которой я так много слышал как о беспощадном органе диктатуры пролетариата, не знающем пощады к врагам революции, ЧК, о которой все население пело частушку:

Ой, яблочко, куда катишься,
В губчека попадешь, не воротишься...

С завтрашнего дня я буду называться чекистом. Затем мелькнула мысль: «А что я там буду делать? Ведь я же, в сущности, только старый солдат и ничего, кроме войны, не знаю. Может быть, мне поручат расстреливать приговоренных? Ведь их там, говорят, расстреливают десятками каждую ночь. Нет, я на такое дело не пойду. Да и зачем им брать на такую работу военкома батальона? А впрочем, завтра увидим!»

К 9 часам следующего утра я уже подходил к зданию губчека, которое помещалось на Пушкинской улице в доме № 7. Это было небольшое двухэтажное деревянное здание, с большим подвалом для арестованных, со двором и с конюшней в конце двора, где производились расстрелы выводимых из подвала. Председателем Чека и одновременно председателем особого отдела 3-й армии, находившегося в Екатеринбурге, был Тунгусков, старый матрос. Об этом недалеком человеке, жестоком по природе и болезненно самолюбивом, рассказывали страшные вещи. Его товарищами были — начальник секретно-оперативной части Хромцов, человек очень хитрый, наиболее образованный из всей тройки, до революции мелкий служащий в Вятской губернии, и латышка Штальберг, настолько любившая свою работу, что, не довольствуясь вы-

несением смертных приговоров, она сама спускалась с верхнего этажа в конюшню и лично приводила приговоры в исполнение.

Эта «тройка» наводила такой ужас на население Екатеринбурга, что жители не осмеливались проходить по Пушкинской улице.

Это было десять лет тому назад. Сейчас, в 1930 году, Тунгусков сам расстрелян за бандитизм, Хромцов, исключенный из партии, ходит безработным по Москве, и только Штальберг работает следователем по партийным взысканиям иностранных работников при Центральной контрольной комиссии. Их садистские наклонности получили некоторое возмездие только много лет спустя, после того как они погубили тысячи безвинных людей, прикрываясь защитой революции и интересами пролетариата.

У входа в здание губчека меня остановил часовой-красноармеец, вооруженный винтовкой, револьвером и шашкой.

— Пропуск, товарищ! — спрашивает часовой у меня.

— У меня еще нет пропуска, я только что назначен в Чека, — отвечаю я неуверенным голосом.

— Третья парадная налево, в комендатуру. Там спроси пропуск, — указывает мне часовой.

Подхожу к комендатуре. Дверь наверх и рядом ворота во двор. Снова часовые у двери и у ворот. Ниже слышны какие-то смутные голоса. Я посмотрел вниз и увидел узкие решетки подвальных окон, полузамерзших от мороза. В просветах видны людские головы. «Это, наверное, и есть тот самый подвал губчека», — думаю я и, отвернувшись, быстро вхожу в комендатуру. Длинная комната, разделенная деревянной перегородкой с маленькими оконцами. Я просунул свой мандат и партийный билет в одно из окошек. Через пару минут высушенная рука возвратила мне бумагу и пропуск.

— Второй этаж, комната восемь, к товарищу Корякову, — дал мне указание дежурный комендант.

Я возвратился с пропуском к основному зданию. Часовой, осмотрев пропуск, пропустил меня, и я прямо по лестнице поднялся на второй этаж. Перед дверьми стоял второй часовой, уже только с одним револьвером. Он также проверил пропуск и пропустил меня за дверь. Я вошел в узкий коридор, освещенный электрической лампочкой. По бокам коридора двери с номерами. Налево я заметил № 8 и подошел к нужной мне двери. «Уполномоченный по борьбе с контрреволюцией», — читаю я на двери. Значит, сюда. «Входи», — слышу

голос на мой стук и, открыв дверь, вхожу. Маленькая, не более пяти квадратных метров, комната. У окна письменный стол, в одном углу небольшой несгораемый шкаф, какой-то деревянный шкаф с бумагами и несколько кожаных кресел. На стене висят портреты Ленина и Дзержинского; за письменным столом сидел парень лет двадцати шести с папашой на голове, из-под которой выбивались светлые волосы. Полушубок из оленьей кожи и колыт, висевший на ремне через плечо. Он что-то писал.

— В чем дело, товарищ? — спросил он, мельком взглянув на меня и продолжая писать.

Я начал рассказывать о своем назначении в ЧК и одновременно разглядывал каракули, которые он старательно выводил на бумаге. Вдруг, не дав мне закончить, он внезапно оторвался от бумаги и подскочил к окну.

— Пойди сюда! Смотри! — подозвал он меня. Видишь того буржуя в черной шубе? — спросил он.

Я посмотрел в указанном им направлении и увидел человека, одетого в черное, проходившего по противоположному тротуару. — Вижу, — ответил я.

— Беги за ним и проследи, что он будет делать сегодня до двенадцати часов ночи. Завтра придешь в это время и письменно доложишь о своих наблюдениях, — приказал он.

— Да, но я командирован... — начал было я.

— Засохни и брось свои комиссарские привычки заниматься демагогией. Делай, что приказываю, товарищ! — скомандовал он.

Я подумал, что, пока я буду спорить, человек на улице уйдет и я его потом не найду. Взяв свой пропуск, я стремительно выбежал из комнаты и бросился вниз.

— Стой, товарищ! Пропуск! — остановил меня часовой, загораживая дорогу штыком.

Я подал ему пропуск. Он не спеша, внимательно осмотрел бумажку и насадил ее на штык.

— Проходи!

И я стремглав полетел за человеком в черном. Догнал его на углу и, обогнав, заглянул ему в лицо. Это был человек средних лет, с типичным русским лицом. Серые глаза, светлые усы и борода. Одет он был в черного меха шапку и в черную же поповскую шубу с енотовым воротником. Он шел спокойными шагами, не обращая на меня никакого внимания. Но я вдруг вспомнил кучу прочитанных мною детективных романов, где, как правило, сыщики следили за своими

жертвами незаметно для них, и также, чтобы не быть замеченным своим объектом, несколько отстал от него, а затем даже перешел на противоположную сторону улицы. Так мы шли минут десять. Черное пальто, дойдя до здания коммунального хозяйства, вошло туда. Спустя минуту я зашел вслед за ним. Я нашел мой объект в коридоре, разговаривающим с другими посетителями, которые, обращаясь к нему, называли его «товарищ заведующий». Итак, это был заведующий коммунальным хозяйством, который с утра шел к себе на службу, и, вероятно, он пробудет здесь до конца занятий. Так оно и оказалось. Он направился к себе в кабинет и больше не выходил. Мне ничего не оставалось, как ждать. Я бродил вокруг этого учреждения до 4 часов дня. В четыре заведующий вышел со службы и пошел к себе домой. Следя за ним, я также пришел к его дому и зашел к председателю домкома, где я узнал фамилию моего объекта, его семейное положение и прочие мелочи. Покончив с этим, я опять стал ждать, но так и не дождался выхода моего «буржуя». Он, видимо, был добрый семьянин и сидел в кругу своей семьи. Я же как проклятый ждал его до 12 часов ночи на морозе не евши. В полночь я, охоченевший, проклиная свою новую службу, вернулся к себе на квартиру.

На следующий день я опять очутился в губчека в комнате № 8. Там я застал, кроме вчерашнего субъекта, еще одного. Среднего роста, добродушного вида, с круглым, румяным лицом и опущенными по-крестьянски вниз усами, он сидел по другую сторону письменного стола, в пиджаке, надетом на русскую рубаху.

— А, здорово, товарищ! Ну, как дела? — обратился ко мне мой вчерашний знакомый.

Вместо ответа я подал ему приготовленный рапорт о моих вчерашних наблюдениях. Взяв бумажку, он, не читая, бросил ее на стол и обратился к человеку в пиджаке:

— Вот, товарищ Коряков, губком прислал нам нового работника. Парень ничего, шустрый.

Я поздоровался с Коряковым. Это и был уполномоченный по борьбе с контрреволюцией. Ознакомившись с моими бумагами, Коряков открыл ящик стола и извлек несколько листов бумаги.

— Вот, товарищ А... заполните эти две анкеты, напишите свою автобиографию и подпишите подписку. Вы будете моим помощником по секретной агентуре. Садитесь здесь к столу и пишите, — сказал Коряков, подавая мне бумаги.

Я взял подписку и начал читать:

«Я... сотрудник Екатеринбургской губчека, обязуюсь выполнять все распоряжения ВЧК и ее органов. Обязуюсь сообщать о всем слышанном и замеченном, могущем принести вред советской власти, своим ближайшим начальникам. Все мне известное по работе в органах ЧК обязуюсь хранить в строгой тайне. В противном случае я буду подвергнут высшей мере наказания — расстрелу».

Я написал автобиографию, заполнил анкеты и подписку. Коряков, взяв бумаги, аккуратно вложил их в папку, на которой старательно вывел: «Личное дело сотрудника ВЧК Агабекова». И так же аккуратно, открыв несгораемый шкаф, положил эту папку на пачку других такого же рода.

Так я был принят в ЧК. Отныне я должен быть чекистом. Должен смотреть, слушать и доносить.

Сегодня коммунист, а завтра чекист. Какая разница! Ведь Ленин сказал, что каждый коммунист должен быть чекистом.

ПРОВЕРКА ЧЕКИСТОВ

Я был назначен сотрудником для связи с агентурой при уполномоченном по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом. Моим начальником был Коряков, простой полуграмотный крестьянин Пермской губернии. Он был честным человеком, относился к делу добросовестно, и поэтому улов контрреволюционеров был у него не обильный. По этой причине начальство было им недовольно. Проработал я там до января 1921 года и, как военный, был затем переведен в особый отдел 3-й армии помощником начальника агентуры.

Случай, о котором хочу рассказать, произошел со мной месяц спустя, после того как я приступил к новой работе. Благодаря моей сравнительно с другими грамотности, мне поручались все более крупные дела. Однажды вечером я был срочно вызван уполномоченным Коряковым.

— Вот, товарищ А... Имеется очень опасное и ответственное дело, которое я хочу поручить вам. Дело в том, что вчера ночью наши агенты задержали подозрительное лицо, которое, по агентурным данным, ехало на какой-то тайный съезд в Екатеринбург. При обыске у него обнаружен клочок бумаги с адресом одного лица, живущего здесь в Екатеринбурге, и пароль «Сибирь близка Уралу». На допросе он отказался отвечать на вопросы, видимо, чтобы оттянуть время и дать возможность организации замести следы. Поэтому мы решили

послать по обнаруженному адресу нашего человека с найденным паролем, дабы скорей выяснить, в чем дело. Вы не боитесь принять эту задачу на себя? — спросил он.

— Нет, конечно, — ответил я, — но я бы хотел знать больше подробностей о задержанном лице, чтобы не попасть впросак.

— Других данных, кроме того, что я сказал, нет. Да! При нем же найден еще железнодорожный билет, из которого видно, что он ехал из Томска. Вот и все. Кстати, имеете ли вы револьвер?

— Да, наган всегда при мне, — ответил я.

— Так и прекрасно, товарищ! Вот вам адрес и пароль. Идите туда сейчас же, а завтра доложите мне о результатах.

Я вышел из ЧК и направился по указанному адресу. Нужная улица находилась где-то у пруда за городом. После долгих поисков я нашел номер дома и остановился перед маленькой калиткой. Предварительно проверив револьвер, я постучал. Дверь открыла пожилая женщина.

— Здесь живет гражданин П.? — спросил я.

— Да. Пожалуйста, входите, — любезно пригласила она.

Я поднялся по лестнице за женщиной, которая проводила меня в комнату и, попросив подождать, вышла.

В ожидании я разглядывал комнату. Единственное окно во двор. Скромная мебель. Стол, над которым висит большое зеркало. На стенах картины. Среди них я вижу портрет Карла Маркса. «Странно, — подумал я, — зачем у контрреволюционера висит Маркс? Наверно, чтобы лучше себя замаскировать», — ответил я сам же на свой вопрос.

В это время вошел высокий, здоровенный мужчина с чисто бритым лицом, одетый в сюртук. Войдя, он вопросительно посмотрел на меня. Я, также ни слова не говоря, протянул ему написанный на клочке бумаги пароль. Рука невольно крепче сжала рукоятку нагана в кармане шинели.

— А, наконец-то вы приехали. А мы вас ждали раньше. Что так задержались? — спросил он, держа в руках пароль.

— Трудно было с устройством документов, да и поезда сейчас, сами знаете, как ходят, — ответил я.

— Да, да! Ну, ладно, давайте выйдем прогуляться и потолкуем на свежем воздухе, — предложил он, надевая шубу.

Застегнувшись, он повернулся ко мне спиной и что-то шарил в кармане. Я взглянул в зеркало и увидел, что он переключивает браунинг из кармана брюк в пальто.

Невольная дрожь пробежала по моему телу. Что, если он

угадал, что я не тот, за кого себя выдаю? Что, если он меня пристрелит здесь на окраине города, и концы в воду...

Мы вышли вместе. Мой спутник предложил пройти к чернеющему недалеко лесочку.

— Нет, уединяться опаснее, — возразил я, — лучше будем ходить по главным улицам. Меньше подозрений.

А сам думал: «На главных улицах он не посмеет стрелять».

Он не возражал. Мы пошли по направлению к городу. На ходу он задавал вопросы о состоянии «нашей организации» в Томске, о настроении членов партии, об отношении к нам населения и т. д. Я ему что-то плел, стараясь не дать ему возможность меня расшифровать. В свою очередь я начал спрашивать о состоянии организации в Екатеринбурге.

— О, у нас здесь, видимо, поставлена работа лучше, чем у вас. Мы имеем мощную организацию. Много наших членов среди армии и даже в коммунистической партии. Оружия сколько угодно. Так что если будет постановление съезда, то скоро можно будет начать выступление против Советов. Да, кстати, — продолжал он, — вы приготовили тезисы вашего доклада на съезде?

— Нет еще, я вообще боюсь держать у себя что-либо компрометирующее, — ответил я, а сам подумал: «Однако дело серьезное; собирается какой-то съезд».

— Приготовьте тезисы к съезду и передайте их мне послезавтра вечером при новой встрече, — предложил он мне.

Погуляв еще немного, мы попрощались. П. поплутал немного по улицам, дабы убедиться, что за мной нет наблюдения, и затем поспешил домой.

На следующее утро я сделал подробный доклад Корякову о своей встрече и беседе.

— Прекрасно, продолжайте, — сказал Коряков, потирая руки. — Я заготовлю тезисы к завтрашнему дню, и вы их передадите ему.

В назначенный вечер я пришел на место свидания раньше времени.

Тезисы доклада лежали у меня в кармане. Я расхаживал по мерзлому снегу, чтобы согреться и не подавать вида прохожим, что я кого-то жду.

В условленный час подкатили прекрасные сани, из которых вышел ожидаемый мною человек. На этот раз он был одет в военную форму. На нем прекрасно сшитая, кавалерийского образца шинель и буденовка с большой красной звездой. Он быстро подошел ко мне:

— Я очень тороплюсь. Послезавтра состоится съезд всех делегатов. У меня масса работы по организации съезда. Давайте ваши тезисы. Вам нужно послезавтра в девять часов вечера быть у городского театра. Сперва проедет мотоциклетка, а за ней следом будет идти автомобиль, который остановится около вас. Вы подойдете к шоферу и скажете пароль: «Светло», на что он ответит: «Но холодно». Тогда спокойно садитесь в машину и вас доставят на съезд.

Я не успел ничего ответить, как он вскочил в сани и помчался дальше.

«Сведения чрезвычайно важные. Я должен их сообщить немедленно», — решил я и, несмотря на поздний час, направился прямо в губчека.

Корякова не было. Он где-то на операции, иначе говоря, производил обыск и арест. Я решил пойти к самому начальнику секретно-оперативной части ЧК Хромцову и доложить обо всем.

— Войдите! — ответил голос на мой стук в дверь. Я вошел. Большая комната. На полу ковры. У стены за громадным письменным столом сидит Хромцов. Лет под сорок, с бритым полукруглым лицом, хитро бегающими зеленоватыми глазками. Стриженная голова с лысиной. Перед ним на столе куча бумаг. Настольная лампа, пара револьверов и колбаса с хлебом. На стене за его спиной висят несколько нагаек. Это и был Хромцов, одно имя которого наводило ужас на арестованных в губчека.

— В чем дело, товарищ? — обратился он ко мне, одновременно уплетая колбасу.

Настроение у него, как видно, было хорошее. Я ему рассказал подробно о своей встрече и о готовившемся съезде контрреволюционеров.

— Хорошо, до завтра времени еще хватит разделаться с этой бандой. Доложите завтра утром Корякову, и он примет меры, — сказал он и, поднявшись, направился к шкафчику у стены.

Я, считая разговор законченным, повернулся и пошел к дверям.

— Подожди! — окрикнул меня Хромцов, открывая шкафчик. — Хочешь выпить? — спросил он меня, доставая из шкафа бутылку со спиртом.

Я согласился. Хромцов налил чайный стакан и залпом выпил. Наполнив вторично, он передал мне. Я не пил долгое

время, кроме того, в этот день я был голоден. Спирт ударил мне в голову; я зашатался.

— Что, слаб ты, я вижу, по этой части? — сказал Хромцов, ухмыляясь. — На, закуси, пройдет.

И он мне передал хлеба и колбасы.

Я вышел из ЧК поздно. Лунная, морозная январская ночь. Снег хрустел мягко под валенками, а выпитый спирт разливал теплоту по всему телу. На душе также хорошо. Я выполнил долг коммуниста-революционера. Я раскрыл контрреволюционный заговор.

На следующее утро я пришел на службу с приготовленным подробным рапортом о вчерашних похождениях. Не успел я открыть дверь комнаты № 8, как дружный хохот встретил меня. Не понимая, в чем дело, я обвел взглядом комнату, и — о ужас! — за столом напротив Корякова сидел мой таинственный «организатор съезда» и усмеялся.

— Вот, познакомься, — продолжая смеяться, обратился ко мне Коряков. — Это мой другой помощник по секретной агентуре. Видишь ли, мы просто организовали всю эту историю, чтобы посмотреть, как ты будешь держаться и чем вообще дышишь. А теперь давай примемся взаправду за работу по борьбе с контрреволюцией.

Так проверяли и проверяют преданность молодых чекистов.

АГЕНТУРНОЕ ДЕЛО «ЛЮСЯ»

На окраине города Екатеринбурга большой участок земли, обнесенный высокой древней стеной. Внутри ограды несколько старых и новых крепких построек и обширная церковь. Двор разбит на дорожки, обсаженные деревьями, выглядевшими такими же древними и крепкими, как и постройки. Эта усадьба до революции была отведена под женский монастырь.

Ныне монашенки в большинстве разбежались, а оставшиеся несколько старушек переселились в маленький флигелек и промышляют обшиванием золотом знамен Советов.

В главном же здании был размещен кавалерийский полк, а церковь была обращена в клуб для красноармейцев.

Иконы и другая церковная утварь были вынесены на чердак и брошены на произвол судьбы. Стояла зима, не было дров, и красноармейцы рубили деревья на дворе монастыря, оголяя аллеи, несмотря на то что рядом за оградой начинался лес. Иконы же и другую утварь брали для разжигания сырых дров.

В одном из монастырских флигелей жили люди, не имевшие никакого отношения ни к монастырю, ни к красноармейцам. Это были, главным образом, мелкие советские служащие, о коих никто не заботился, или же люди, выгнанные реквизицией из своих домов и не нашедшие другого жилья, как эти старые маленькие комнатки, служившие, видимо, кельями прежним обитательницам.

В этом же флигеле жила молодая девушка Люся с маленьким братом. Потерявшая во время Гражданской войны родителей, она служила в каком-то советском учреждении и содержала себя и брата.

Не помню, как и где я с ней познакомился, но она мне понравилась своим энергичным, сильным и бойким характером. Я, видимо, также был для нее небезразличным, поэтому я часто проводил в ее крохотной комнатке свои свободные вечера.

По своей работе в губчека я имел задание вербовать секретных агентов во всех слоях населения, подходящих для информационной работы. И я решил завербовать Люсю. Я хотел этого не потому, что она могла быть полезна чем-либо, а лишь потому, что я видел ее нужду, доходившую до голода. Ведь она получала 3/4 фунта хлеба в день на двоих. Устроив же ее в число секретных информаторов, я мог бы выписывать для нее усиленный паек продовольствия из обильных запасов ЧК.

Однако в беседах с ней я не знал, как лучше приступить к этой щекотливой теме, и часто сидел в задумчивости.

— Что ты все думаешь? — как-то спросила Люся в один из таких моментов.

— Да так, дела, — ответил я уклончиво.

— Я вообще замечаю, что ты в последнее время что-то много думаешь. К чему-то готовишься. Поделись со мной, скажи, в чем дело? — продолжала она.

— Ах, что говорить! Все равно ведь не сможешь помочь!

— А может быть, и смогу. Я ведь не такая уж дура. Говори, в чем дело. Заговор какой-нибудь, что ли? — спросила она с любопытством.

Тогда я решился раскрыть перед ней карты и предложить работать для ЧК. Но прежде чем я начал свою речь на эту тему, я как-то машинально спросил:

— Скажи, Люся, кого ты больше любишь, белых или красных?

— Как тебе сказать, — задумчиво ответила она, — к белым я отношусь равнодушно, а красных я ненавижу всей душой.

Я был огорошен искренностью ее ответа. Значит, она должна ненавидеть меня. Хорошо, что она не знает, что я тоже коммунист, тем более — чекист.

Я молчал. Я не мог больше и думать о вербовке ее в информаторы ЧК.

— Скажи, верно ли я угадала, что ты подготавливаешь восстание? Я ведь тоже могу помочь в этом деле, — продолжала она.

— А чем ты могла бы помочь? — задал я вопрос.

— А что нужно! Я же не знаю. Скажи, что нужно делать? — приставала она.

— Ну, что бывает нужно для восстания? — уже равнодушно говорю я. — Конечно, люди, деньги и оружие.

— Я могу помочь тебе людьми, — вдруг выпалила она.

— Как, какими людьми? — в тревоге спросил я.

— Видишь ли, — начала она, — здесь, в лесах, сейчас скрывается очень много красноармейцев-дезертиров. Это в большинстве крестьяне из окрестных деревень. Их мобилизовали в армию и хотели отправить на Польский фронт, а в то же время их хозяйства подвергают всевозможным реквизициям. Узнав об этом, они убежали со службы и скрываются в лесу. Я их часто встречаю, так как их семьи приносят для них хлеб сюда, а я уже передаю им в лес. Ах! Если бы ты слышал, что рассказывают они и их семьи о коммунистах! Ты бы их так же возненавидел, как я, — продолжала она. — Их сейчас в лесу около полусотни человек. Они хотят подобрать еще столько же, достать оружие и начать партизанскую войну против большевиков.

Я сидел ошеломленный и слушал. Оказывается, тут у меня под боком организовывается банда для борьбы с советской властью. Я чекист и поэтому должен немедленно доложить об этом в ЧК. Я должен раскрыть и арестовать эту группу. Да, но Люся! Как быть с ней! Что будет с ней, если я донесу? Ведь ее тоже арестуют. Мало того, возможно, что и расстреляют. А ведь она же не знала, кому доверилась! Наконец, она мне нравится, может быть, даже я ее люблю. Что делать?

— Ну, что же ты молчишь? — оборвала Люся мои мысли. — Хочешь, я познакомлю тебя с ними?

— Подожди, посмотри, нужно подумать, — ответил я. Я больше не мог сидеть в ее комнате. Я должен уйти и в самом деле подумать. Немного спустя я попрощался и вышел из монастыря на улицу.

Уже ночь. До дома далеко — километра два. Холодный, ле-

дяной ветер поднимает снежную пыль и носит ее по пустынным улицам. Я шел и, не чувствуя холода, по привычке кутался в шинель. Шел и обдумывал только что слышанное. Доложить в ЧК или нет? Чувство долга боролось с чувством к женщине, к человеку. Мысли в голове путались. Ах, если бы можно было с кем-нибудь посоветоваться, поделиться. Но с кем? Чем я гарантирован от того, что мои друзья также не работают для ЧК? Даже Люся. Не второе ли это испытание со стороны ЧК! Я лег спать, не придя к какому-либо решению.

Утром, как обычно, я пришел на службу в ЧК. Поздоровавшись, я занял свое место и, раскладывая бумаги, посмотрел в сторону уполномоченного Корякова. Он также смотрел на меня ласковым, немного смеющимся лицом. Точно он знал о моем вчерашнем приключении. Знал о моем душевном состоянии и подбадривал меня своей улыбкой.

Это был момент, когда я почувствовал, что вопрос для меня решен. Я должен немедленно сообщить ему о дезертирах. Я чувствовал, что я должен принести в жертву не только Люсю и свои чувства к ней, но, если потребуется, и самого себя. Ведь на то я и коммунист-чекист, призванный защищать революционные завоевания пролетариата.

— Товарищ Коряков, у меня к вам важное дело, — сказал я, подсаживаясь к нему. И я пересказал ему мой разговор с Люсей во всех подробностях.

— Хорошо, напиши рапорт и заведи агентурное дело. Приготовь все к двенадцати часам, чтобы я успел доложить Хромцову.

Я написал рапорт и, подписав его, вложил в папку, на которой большими буквами вывел: «Агентурное дело, дезертиры, кличка Люся».

Коряков вернулся улыбающийся и довольный.

— Тебе придется разрабатывать это дело дальше. Пусть их соберется побольше. За это время постарайся установить с ними связь и выясни точное место их пребывания, их намерения и, главное, нет ли у них связи с контрреволюционными партиями, — приказал Коряков, возвращая дело.

— Слушаю, — ответил я.

Вечером я опять у Люси. На этот раз я уже сам навел ее на разговор о дезертирах.

— Да вот двое из них скоро придут сюда. Если ты хочешь, я тебя познакомлю с ними, — предложила она.

Я с равнодушным видом согласился.

Спустя короткое время пришли дезертиры. Молодые крес-

тынянские парни, одетые в черные деревенские полушубки и меховые шапки. Только американские ботинки да обмотки напоминали об их пребывании в армии.

Мы сидим за столом, пьем морковный чай без сахара и беседуем. Они мне сразу доверились. Живут они в лесу на заброшенной лесопилке. Жизнь опасная и нелегкая. В свои деревни показаться не смеют. Ненавидят комбеды, которые разорили их хозяйства в деревне. Решили бороться с большевиками.

— Вот только плохо с оружием, — говорит один. — У нас всего три винтовки. Добиваемся оружия. Как только пополнимся, так начнем бить большевиков. Может быть, вы сможете достать оружие? — спросил он меня.

Я ответил, что оружие, может быть, я сумею добыть из воинской части, где я служу.

— Но я боюсь, что у вас может оказаться шпион, который потом меня и выдаст, — добавил я.

— Да что вы. Там все наши ребята. Вот приходите к нам и увидите сами, что за ребята, — пригласили они.

И мы тут же условились, что в следующее воскресенье они опять придут сюда за продуктами и поведут меня в лес показать своих ребят.

Закинув мешки с сухарями за плечи, они ушли.

Уже спускались сумерки, когда в следующее воскресенье я вышел из монастыря в сопровождении знакомых дезертиров. Выйдя за ограду, мы направились к опушке леса. Долго мы шли вдоль опушки, пока наконец свернули в лес и пошли по протоптанной снежной тропинке. Кругом стоял высокий стройный сосновый лес. Тишина. Я шел за быстро идущими спутниками. Прошли, наверное, около двух верст в глубь леса. Внезапно из темноты раздался голос:

— Кто идет?

— Свои, братишка, — разом ответили мои спутники. Из-за дерева вышел молодой мужик с винтовкой и подошел к нам. Обменявшись с ним несколькими фразами, мы пошли дальше, а часовой опять направился к своему посту.

Еще шагов двести — и среди деревьев промелькнул огонек. Наконец открылась широкая поляна, на которой я увидел несколько развалившихся строений. В одном из них светился огонь и слышались голоса. Мы направились на огонь. Это был длинный дощатый сарай. Посередине ярко топилась печка-буржуйка, на которой что-то варилось. Вокруг печки, расположившись прямо на полу в полушубках и шинелях, че-

двоек двадцать грелись и беседовали. Были видны люди, лежащие и вдали от огня. Сарай освещался толстой вагонной свечой, воткнутой в бутылку, стоявшую на подоконнике. Окна были забиты наглухо досками.

При нашем входе разговоры смолкли. Меня пропустили ближе к печке.

— Так вот, братишка, видишь, как мы живем, — обратился ко мне мужчина лет тридцати пяти с длинными унтерскими усами, закрученными кверху. — Вот дожили до власти народной, а народ-то, вишь, от своей власти в лесу прячется.

Постепенно все разговорились. Все жаловались и проклинали советскую власть, которая оказалась не лучше царской. Каждый приводил десятки примеров действия властей, которые разорили дочиста хозяйства крестьян.

После двухчасовой беседы я ушел, обещавшись помочь чем могу. До опушки леса меня провожали мои старые друзья.

Через неделю я еще раз пришел к своим «милым братьям» и принес им три берданы, которые было решено на заседании губчека передать дезертирам, чтобы укрепить их доверие ко мне. Прошло еще дней десять после этого, как однажды Коряков, вернувшись с докладом от Хромцова, сказал:

— Хромцов приказал сегодня ночью ликвидировать банду. Нужно также арестовать девицу. Операция назначена на двенадцать часов ночи. Ты возьмешь двух комиссаров и покажешь точно, где живет девица, а с дезертирами мы разделаемся сами.

В 11 часов того же вечера я с двумя комиссарами пошел в монастырь. Пробравшись потихоньку по двору, мы подошли к флигелю, и я, оставив своих спутников дежурить, вошел к Люсе. Она, ничего не подозревая, приготавливала постель. Долго сидеть у нее я не мог. Что-то щемило в душе. Я представлял ее маленькое лицо через час, когда придут за ней комиссары с наганами. В последний раз оглядев комнату и попрощавшись, я поспешно вышел. Недалеко от флигеля прохаживались комиссары, ожидая условленного часа.

Мне больше нечего было делать. Я пошел домой и лег в постель. Но я не могу уснуть. Я все время смотрел на часы и представлял себе, что делается в лесу и в монастыре. Сегодня все они будут ночевать в подвале губчека. Это была моя первая работа. Я не мог заснуть до утра.

Никакие доводы о долге коммуниста, о защите революции не давали успокоения. Перед глазами стояло лицо Люси, с укором взирающее на меня.

СУД И РАСПРАВА В ЧК

Большая комната в два окна, на которых висят полуспущенные шторы. Комната обставлена мебелью, обитой коричневой кожей. Два громадных роскошных письменных стола, покрытых малиновым сукном. На одном из них стоят два телефонных аппарата. На стенах висят портреты Ленина и Троцкого. Дверь занавешена тяжелой портьерой и обита войлоком и кожей, делающей ее звуконепроницаемой. Это кабинет председателя губчека Тунгускова.

Идет заседание коллегии губчека. За столом сидят Тунгусков, напротив него в креслах начсоч Хромцов и член коллегии Штальберг. Перед каждым из них листы чистой бумаги и список дел, подлежащих рассмотрению. За другим столом сидит старший следователь губчека Рабинович с грудой папок на столе, которые он нервно и торопливо перебирает.

Тунгусков — старый матрос, одетый и сейчас в матросскую форму, с впалыми щеками и выбитыми зубами, бритый, с редкими волосами, зачесанными назад. Вертит в руках цветной харандаш и просматривает московские газеты. Хромцов с опухшим от пьянства и бессонных ночей лицом, на котором выделяются маленькие, заплывшие хитрые глаза, развалившись в кресле, о чем-то оживленно спорит с рядом сидящей Штальберг. Это молодая, не более двадцати пяти лет, женщина с упрямым выражением лица, со светлыми, коротко остриженными волосами и серыми мертвыми глазами. Это и есть Штальберг, третий член коллегии губчека, как я уже говорил о ней выше, наиболее бессердечная.

— Ну, товарищи, заседание объявляю открытым. Товарищ Рабинович, начинайте доклад, — обратился Тунгусков к следователю, откладывая газеты.

Следователь взял первую папку и, вынув из нее лист бумаги с резюме дела, начал вслух читать; заканчивает он обычными словами: «Принимая во внимание вышеизложенное, полагаю применить высшую меру наказания — расстрелять».

Члены коллегии слушают следователя вяло или почти не слушают. Ведь это все уже согласовано до заседания.

— Есть какие-нибудь возражения, вопросы? — спросил Тунгусков. Молчание.

— Утвердить, — пробормотал Тунгусков в сторону следователя и поставил цветным карандашом крестик рядом с фамилией, дело которой слушалось.

Следователь также сделал пометку на постановлении и, от-

ложив первую папку, сейчас же начал читать следующее дело. Он торопится. Чем больше дел рассмотрят, тем лучше. Нужно скорей разгрузить подвал с арестованными и дать место новым... врагам революции. А времени так мало. Всего два часа заседают коллегия.

Наконец заседание кончено. Следователь передал постановления членам «тройки» на подпись. Все, расписавшись, спешно разошлись. У каждого из них накопилось за эти два часа много новых дел.

Собрав бумаги, вышел за ними и следователь. Усталой походкой пройдя к себе в кабинет, бросил папки на стол и вызвал по телефону коменданта губчека.

Через несколько минут вошел комендант Попов. Это высокий, широкоплечий детина, с рыжими, закрученными кверху усами. Он выглядит еще выше и здоровее рядом с маленьким и щуплым Рабиновичем. Одет он в черный кожаный костюм. Через плечо на ремне висит наган. На груди приколоты большая звезда и красный бант.

— Ну как, работы много будет сегодня, товарищ Рабинович? — спросил он, войдя в комнату следователя.

— Четырнадцать человек, — ответил Рабинович, передавая список коменданту. Комендант, покручивая усы, просмотрел список, не спеша сложил лист вчетверо и засунул в верхний карман кожаной куртки.

— Остальных шесть человек отправьте сегодня же в исправдом, — добавил следователь.

— Есть, — ответил комендант по-морскому, поправляя наган на ремне, и, повернувшись, ушел через внутреннюю дверь в комендатуру.

Большое полуподвальное помещение под комендатурой губчека. Саженой тридцать, не больше. Помещение разгорожено деревянными перегородками на три части. Никакого оборудования и мебели, если не считать электрических лампочек под потолком каждого отделения да парашек. Узкие, в решетках окна выходят на улицу. Кое-где в окнах стекла выбиты и двери затянуты тряпьем или старой кошмой. Деревянный пол, отопления никакого. Да оно и не нужно, и без того душно. Две двери ведут: одна во двор, а другая прямо в комендатуру. За запертыми дверями стоят часовые и смотрят через просверленный глазок внутрь помещения. Это и есть знаменитый подвал губчека.

Глубокая ночь. При свете электричества вповалку на полу, на своих мешках, шубах, а то и просто подложив под голову шапку, спят тревожным сном около 120 человек. Это арестованные. Тела покрывают все пространство. Негде ступить ногой. Душный, смрадный воздух стоит в подвале неподвижно. Тишину нарушают лишь тяжелые вздохи и бормотание во сне спящих. Изредка кто-нибудь, проснувшись, шагая через тела, подходит к параше, стоящей у двери, и возвращается на место.

Вдруг послышался лязг отпираемого замка и скрип двери. Все в подвале немедленно вскакивают, точно и не спали. Каждый про себя думает, не за ним ли идут. Но нет, это привели новых арестованных — новую партию контрреволюционеров. Красноармейцы пропускают в подвал новый десяток людей. Входят несколько бородатых, неуклюжих крестьян с мешками на плечах, какой-то интеллигентного вида человек с чемоданчиком в руке: не то чиновник, не то коммивояжер — и, наконец, старый деревенский поп, одетый в такой же дряхлый, как и он сам, тулуп.

Новоприбывшие вошли и боязливо высматривают, куда бы приткнуться. Старые обитатели придвигаются плотней, подбигают ноги и освобождают место для пришедших.

Какой-то шутник поздравляет прибывших с новосельем.

Прошло несколько минут. Уже мешки нашли себе место, и прибывшие, вытащив кисеты с деревенской махоркой, заворачивают «собачьи ножки» и предлагают табак соседям.

Кто-то задает вопрос: «Откуда, земляки?»

— Шадринские, камышловские, — слышны ответы.

Находятся земляки, и разговор принимает оживленный характер.

— А кто его знает, за что посадили? За контру эту самую. А какая контра, и сам не знаю. Одно известно — весь хлеб отобрали вчистую. Семья нынче сидит голодом, а весной сеять будет нечего, — отвечает устало, безнадежным голосом один из прибывших.

Докурили сигарки и вновь укладываются спать. Воздух стал еще тяжелее от зловонного дыма махорки.

Начинает рассветать. Приходит дежурный комендант. За ним два красноармейца несут большой ящик с хлебом, нарезанным ломтями. Каждый подходит и по списку получает дневную порцию — полфунта черного хлеба. Другие красноармейцы вносят бак с кипятком, и начинается чаепитие.

После завтрака арестованные садятся группами и, закурив, делятся своими мыслями. Каждый рассказывает, за что его

арестовали, и старается доказать, что за ним нет никакой вины, точно от убеждения собеседников зависит его освобождение. Так продолжается до сумерек.

Вновь открывается дверь, и опять появляется дежурный комендант с листом бумаги в руках. За ним видны красноармейцы.

— Иванов, Петров, Сидоров... выходите с вещами на допрос.

Вызванные, наружно радуясь и улыбаясь, собирают мешки и идут к выходу. На самом же деле в душе у них тяжелые сомнения. Почему на допрос с вещами? Не ведут ли их расстрелять? Думают и улыбаются. Что же делать?

Дверь захлопнулась за ушедшими. Оставшиеся с напряжением ждут. Что будет с ушедшими? Если в течение двух часов они пройдут мимо окон подвала, это значит, что их или освободили, или же перевели в исправительный дом. Если же нет, то... то, значит, их повели в конюшню.

Но вот проходит час. Слышен шумный топот под окнами. Проходят арестованные под конвоем. Их ведут в исправдом, в тюрьму. Какие счастливцы: они будут сидеть в тюрьме. Они останутся живы и, может быть, даже выйдут на свободу. А здесь, в подвале... горе оставшимся здесь.

Уже поздно. Наверное, не меньше десяти часов вечера. В подвале старики, подложив под головы мешки с сухарями, спят. Поп также заснул, сидя у стены и опершись на нее спиной. Наиболее молодые молча сидят и, уныло глядя в сторону, курят. Вдруг слышится топот ног за дверьми и звук отодвигаемого засова. Входит дежурный комендант.

— Иванов, Петров, Сидоров... на допрос к следователю! — кричит он, делая веселое лицо.

— С вещами или без вещей? — спрашивают неуверенным голосом некоторые коменданта.

— Лучше с вещами. Может, после допроса сразу освободят, не ворочаться же, — бурчит комендант, отводя лицо в сторону.

Начинаются сборы. Дежурный поторапливает. Ведь следователь ждет.

— Ну, прощайте, братишки, может, и не увидимся больше, не поминайте лихом, — прощаются уходящие.

Некоторые на прощание целуются с оставшимися. Поп, проснувшись от шума, смотрит удивленными, непонимающими глазами на эту сцену и часто крестится.

Ушли. Дверь захлопнулась. Все опять сидят на своих местах, но никто больше не спит. Сон пропал. Каждый думает о своей участи. Вот увели этих на казнь. Когда придут за ним? Может быть, сегодня же.

Во дворе губчека, в дальнем углу у самой стены, находилась конюшня. Это был длинный, темный сарай, где в одном углу были привязаны обслуживавшие Чека лошади, а в другом, ближе к выходу, навалена огромная куча навоза.

Вот ведут из комендатуры по двору двух крестьян. Руки их крепко связаны назад веревками. За каждым из них идет комиссар в кожаной куртке, брюки галифе и в правой руке наган. Несмотря на снег и стужу, крестьяне полураздеты и без шапок. Зачем им одежда, что им холод? Их ведут на казнь. Через несколько минут их не будет в живых. Дошли до дверей конюшни. Один покорно входит, а другой вдруг остановился на минутку у дверей и неожиданно для комиссара рванулся от дверей и стал кричать. Точно он только что понял, что это его последний час. Он кричит или, вернее, воеет и плачет и хочет вырваться куда-то. Но комиссар уже крепко держит его сзади за веревку и толкает к дверям конюшни. Они уже внутри у самой двери конюшни. Следом раздаются выстрелы в глубине. И все смолкло. Выходят, пряча револьверы в кобуры, палачи. Дрожащими руками закуривают папиросы «Зефир» и спешат в комендатуру за новыми жертвами.

В подвале арестованные не могут слышать криков и выстрелов в конюшне. Их слышит конюх из арестованных, спящий тут же, в конюшне. Он только приподнимает голову на минутку и смотрит на дверь широко раскрытыми глазами, полными ужаса, и затем внезапно прячется глубже в полушубок и лежит неподвижно до утра.

Слышны эти крики и наверху, в губчека. Хромцов, услышав вопли, на минутку замирает, а затем, вскочив, подбегает к шкафчику и, вытащив бутылку со спиртом, жадно тянет прямо из горлышка. Председатель Тунгусков торопливо закуривает новую папиросу, а Штальберг спокойно пудрит лицо реквизированной пудрой «Леда».

Красноармейцы поспешно бросают тела убитых на дровни, присматриваясь к валенкам, которые получше. Дежурный комендант торопит их, так как нужно до рассвета вывезти трупы за город и закопать в заранее приготовленных ямах.

Наутро комиссары идут домой отдыхать после ночной ра-

боты. Под мышками у них узелки. Это все, что они нашли ценного у убитых крестьян.

Контрреволюция уничтожена. Да здравствует власть рабочих и крестьян!

КОМАНДИРОВКА В ТЮМЕНЬ

Как я упоминал, начальником особого отдела состоял все тот же Тунгусков, а его заместителем был некто Старцев, человек интеллигентный и образованный, но страшный пьяница. Моим же непосредственным начальником в отделе являлся некто Иванов, бывший ремесленник-жестянщик. Беспробудный пьяница, больной алкоголик, он по утрам не мог выйти на работу, не выпив предварительно бутылки водки. Такие же порции он принимал в течение дня, а вечером уже настоящим образом напивался. Все мое время при нем уходило на добычу водки, что было довольно трудно, так как в то время спиртные напитки были запрещены, а отпускаемый месячный запас спирта на секретную работу Иванов поглощал в течение недели. На мой вопрос — почему он так много пьет и не лучше ли ему прекратить это занятие, он отвечал, что не может бросить пить, потому что, будучи в Перми, он расстрелял тысячи людей, которые «приходят его мучить», если он не напивается. Что это была за фигура, видно хотя бы из следующего.

В апреле 1921 года пришла на имя начальника особого отдела бумага из Пермского ревтрибунала, в которой сообщалось, что трибунал рассмотрел дело о хищении серебра (серебряной посуды и прочих вещей), конфискованного у буржуазии, и, установив виновность Иванова в хищении, приговорил его к пяти годам тюремного заключения. Трибунал просит направить Иванова в Пермь для отбытия наказания. Начальник особого отдела передал бумажку Иванову и велел дать письменное объяснение под его диктовку. Когда я его спросил, почему же он сам не напишет, он признался, что писать не умеет, а только может подписать фамилию. Объяснение, конечно, удовлетворило начальника, и Иванов был оправдан.

В то время из центра пришло распоряжение об отмене красного террора. Однако подвалы губчека и особого отдела были полны всяким народом, начиная от офицеров и священников и кончая крестьянами, прятавшими хлеб от реквизиции. Каждую ночь происходили ликвидации этих «нахлебников», как их называли в Чека. Хотя для расстрелов сущест-

вовал специальный штат комиссаров, однако в них принимало участие и начальство. Обыкновенно после такой работы Старцев и Иванов напивались до положения риз и не показывались на службе по два, по три дня. Так длилось до мая 1921 года, когда пришло распоряжение о реформировании 3-й армии в 1-ю трудовую и о ликвидации особого отдела.

Началась ликвидация не только дела, но имущества. Было множество конфискованных золотых и серебряных вещей, денег, драгоценностей, одежды, даже продовольствия. Все это было вынесено в общую комнату и распределено между сотрудниками. После этого была устроена генеральная попойка всех сотрудников, и особый отдел 3-й армии закончил свое существование.

К весне 1921 года в Тюменской губернии восстали крестьяне Ялуторовского уезда, перебили около 400 коммунистов и объявили в своих районах безвластие. Местные войска не могли справиться с восстанием. На помощь им были посланы части из Екатеринбургa и Омска. Одновременно для усиления местной Чека было послано несколько сотрудников из Екатеринбургской губчека. В числе командированных находился и мой бывший начальник Коряков, которым, как я говорил, начальство не было довольно и решило его сплавить. Приехав в Тюмень, Коряков получил назначение заведовать информацией губчека и, узнав о ликвидации особого отдела, потребовал моего откомандирования в Тюмень. Приехав в Тюмень в июле 1921 года, я получил назначение помощником Корякова по секретной агентуре.

По информационным сведениям, восстанием крестьян руководили работники из местного губернского продовольственного комитета, где полно было эсеров и меньшевиков и было очень мало коммунистов. Были сведения, что сам губпродкомиссар находится под влиянием эсеров и посылает на места уполномоченных, которые подстрекают крестьян к выступлению против советской власти. Чека командировала меня в губпродком на официальную должность заведующего личным составом, чтобы я мог проверить весь состав служащих и следить за их работой и передвижениями.

Прежде чем продолжать, остановлюсь немного на руководителях Тюменской губчека. Председателем был некто Студитов, старый путиловский рабочий, но деклассировавшийся, с огромным животом. Ныне он состоит членом ЦКК в Москве.

Членами коллегии были: Бойко — начальник секретного управления, человек развитой и претендовавший на пост председателя, и некто Пильчак, который ничего из себя не представлял, кроме того, что был родственником начальника спецотдела ВЧК в Москве, Бокия. Между тройкой шла глухая вражда, передававшаяся в среду сотрудников. С одной стороны был Студитов, а с другой — Бойко и Пильчак.

Вступив в должность заведующего личным составом, я получил директиву немедленно очистить аппарат от всех бывших офицеров и других подозрительных лиц. Директиву эту я осуществлял, постепенно заменяя увольняемых людьми, присланными из губернского комитета, а чаще приходившими по личной рекомендации губернских вождей.

Сидя в отделе личного состава, я, конечно, завел агентуру и в других отделах и имел полное представление о работе всего продовольственного комитета. С агентурой в то время расплачивались не деньгами, так как деньги не имели почти никакой цены, а продуктами, водкой или же протекцией в учреждениях, где агенты служили. В распоряжении губчека имелся секретный фонд спирта, выдававшийся агентуре для угощения лиц, у которых можно было получать сведения.

Одним из таких агентов мне было сообщено, что из Тюменской губернии вывезено 20 000 пудов хлеба незаконным путем и что за это дело крупные взятки получили председатель Чека Студитов, председатель губисполкома и председатель губернского комитета партии. Я, конечно, доложил об этом своему непосредственному начальнику Бойко. Недели две спустя Бойко при очередном скандале со Студитовым намекнул о взятке. В ту же ночь по распоряжению Студитова был арестован Бойко, а заодно с ним и Пильчак по обвинению в склоке и подрыве авторитета начальства.

Пильчаку вскоре удалось при помощи своих приверженцев бежать из Тюмени в Москву и найти там поддержку у Бокия, а спустя несколько дней в Тюмень прибыл для расследования дела инспектор от полномочного представителя ВЧК в Сибири. В результате расследования Бойко был освобожден, а Студитов выехал в Новониколаевск к полномочному представителю ВЧК Павлуновскому и, получив там изрядный нагоняй, вернулся обратно в Тюмень.

Я искал случая покинуть Тюмень, потому что боялся, что Студитов рассчитается со мной. Однако со мной ничего не случилось. То ли Студитов не знал о моем участии в этом

деле, то ли ввиду наступившей чистки партии в 1921 году решил переждать.

Из Москвы тем временем поступило циркулярное распоряжение о командировании лиц, владеющих восточными языками, в распоряжение ВЧК. Я воспользовался циркуляром и, как знающий турецкий и персидский языки, стал проситься в командировку. Студитов меня не задерживал.

В ВОСТОЧНОМ ОТДЕЛЕ ВЧК

Приехал я в Москву вскоре по объявлении нэпа. Уже начали открываться кое-какие магазины, в витринах стали появляться пирожные и булочки вперемежку с сапогами и другими товарами.

Я явился в административный отдел ВЧК. Там меня зарегистрировали и, как восточника, направили в четырнадцатое специальное отделение. В то время были только «специальные» отделения, которые затем уже преобразовались в отделы. Так, наше отделение ВЧК вскоре стало называться иностранным отделом ОГПУ, восьмое отделение — специальным отделом и т. д.

Начальником отделения у меня был Михаил Абрамович Трилиссер. Делами отделения он мало интересовался и даже помещался не при отделении, а при коллегии ВЧК. Работой фактически руководил его помощник, эстонец Стырне, молодой человек, лет двадцати двух, однако очень способный. До работы в ВЧК он служил в коммунальном хозяйстве, перешел в ВЧК из соображений карьеры и для выслуги перед начальством готов был на что угодно.

Явился я к Стырне и после первого же разговора был зачислен сотрудником для поручений. Когда на следующий день я пришел на работу, то застал десяток молодых людей, занятых чтением газет и разговорами о продовольственных карточках. Упомяну из этих людей только Триандофилова, грека с Кавказа, Казаса, караима из Крыма, и Риза-заде, азербайджанца из Баку, так как к ним мне придется вернуться в моем рассказе. Я присоединился к общей компании и начал знакомиться с московскими условиями жизни.

Поселился я в доме № 9 на Большой Лубянке, отведенном под общежитие сотрудников ВЧК и называвшемся тогда «домом коммуны № 2». В одной комнате помещалось восемь человек: пять мужчин и три женщины — жены сотрудников. Помещение отапливали мы сами — дровами, которые нам

предоставлено было искать где угодно. Скоро я понял, почему все заняты были разговорами о продовольствии: в Сибири всегда можно было достать хлеб, но здесь, в Москве, все выдавалось исключительно по карточкам.

Мне, как знающему персидский язык, поручили ознакомиться с материалами по афганскому посольству в Москве и передали два толстых дела, содержащих донесения наружной разведки. Члены иностранных миссий, конечно, не нуждались в продовольствии (часть запасов привозилась из-за границы). У них было множество знакомых, пользовавшихся их связями для легкого получения продуктов. Среди знакомых особенно много было женщин. В донесениях агентов наружного наблюдения регистрировались все лица, посещавшие посольства, и все лица, с которыми встречались члены миссии в городе, но сообщались только приметы лиц, без указания адресов, фамилий и пр.

Одновременно с делами афганского посольства я просмотрел дела по персидскому и турецкому посольствам и нашел там точно ту же картину. Я был молодым и неопытным разведчиком, но понял, что одним наружным наблюдением многого не достигнешь. Вскоре я представил Стырне доклад с предложением организовать внутреннее освещение иностранных посольств. Мой доклад был передан Трилиссеру и утвержден. Для выполнения его мне предложили поступить сотрудником в отдел Среднего или Ближнего Востока Наркоминдела и отсюда завести знакомства с членами миссий, среди которых предстояло вербовать агентуру для ВЧК.

Заместитель председателя ВЧК Уншлихт снабдил меня письмом к управляющему делами Наркоминдела с просьбой устроить на службу. Несмотря на личное письмо Уншлихта, Наркоминдел меня не принял (уже тогда существовал антагонизм между Наркоминделом и ВЧК). Пробегав по кабинетам ВЧК со своим проектом полтора месяца, я ничего не добился и вдобавок разругался на одном из собраний ячейки со Стырне, а потому решил уехать из Москвы.

Моей мечтой было попасть в Туркестан, где я оставил родных.

В декабре 1921 года я подал заявление об откомандировании меня в Туркестан и, несмотря на уговоры Трилиссера, отправился в Ташкент в распоряжение полномочного представителя ВЧК в Средней Азии, знаменитого Петерса.

Перед отъездом из Москвы я впервые познакомился с системой отправки за границу работников ВЧК. Это, собственно,

была первая проба ВЧК посылки своих людей на заграничную работу. В конце 1921 года в Ангору назначили нового посланника СССР. К составу его миссии пристроили двух наших сотрудников — Триандофилова, уехавшего под фамилией Розенберга, и Риза-заде, не помню под каким псевдонимом. По позднейшим сведениям, Риза-заде успел на границе с кем-то подраться, расшифровал себя и был задержан, а Триандофилов поехал в Турцию и проработал там около года, пока Москва не отозвала из-за какой-то склоки, разыгравшейся в стенах ангорского полпредства.

Приехал я в Ташкент в первых числах января 1922 года и представился Петерсу. Познакомившись с моим «личным делом» (я забыл сказать, что на каждого сотрудника ОГПУ имеется «личное дело», куда заносятся все его деяния, передвижения по службе и отзывы начальствующих лиц), Петерс вызвал к себе заведующего политическим сектором Рейсixa и, сказав, что назначает меня в Бухару, велел ознакомить меня с обстановкой, в которой мне придется работать. В кабинете Рейсixa я получил все материалы из Бухары и о Бухаре.

Положение в Бухаре в то время было крайне напряженно. Население, издавна подогреваемое панисламистской и пантюркской пропагандой, к концу 1921 года почти поголовно восстало против советской власти. Повсюду оперировали повстанческие отряды басмачей, руководимые активными панисламистами, ферганскую область терроризировал знаменитый курбаши (вождь) Курширмат, прозванный Джангиром (покорителем мира). Беспощадно вырезая все европейское население, он ради забавы иногда уничтожал дотла и узбекские кишлаки.

Другой курбаши, Фузаил Максум, действовал в Таджикистане и, наконец, Ибрагим-бек, представитель бежавшего в Афганистан эмира бухарского, являлся фактическим правителем локайцев.

Каждый из этих вождей имел десятки шаек, возглавляемых мелкими вождями. В эти шайки вкрапливались военнопленные турецкие офицеры, находившиеся в Туркестане. Фактическими руководителями басмачей были турки, хорошо подготовленные в военном и культурном отношении.

Энвер-паша, который по уговору с Лениным должен был после первого съезда народов Востока в Баку поехать в Тур-

кестан для усмирения этих банд, объединения их в один кулак и под лозунгом освобождения народов Востока двинуть затем через Афганистан в Индию, не сдержал своего слова.

Бывшие министры-младотурки сговаривались с советским правительством в Москве о восстании мусульманского мира против Европы. Энвер-паша, бывший военный министр Турции, был принят в Кремле лично Лениным. Опираясь на свой авторитет среди народов Востока, он просил Ленина дать ему возможность поднять родственные туркам народы Туркестана и повести их через Афганистан на Индию. Ленин согласился. Каждый преследовал собственную цель. Энвер надеялся организацией движения напугать союзников и помешать разделу Турции. Ленин же полагал, что восстание восточных народов расширит сферу большевистских влияний и подорвет могущество Англии, благодаря чему ускорится революционное движение на континенте. Во всяком случае, движение отвлечет внимание Европы от советской России, даст большевикам возможность выиграть время и подготовиться ко второму приступу революции.

Энвер-паша выехал в Бухару. Бухарцы встретили его восторженно. Когда он проезжал по улицам Бухары, женщины, стоявшие на крышах домов, сбрасывали чадру и открывали свои лица в знак высшей чести. В Бухаре Энвер нашел много старых приверженцев из турецких офицеров.

Польщенный приемом населения и видя слабость советского правительства, честолюбец Энвер немедленно решил использовать положение. Почему бы, в самом деле, до похода на Индию ему не стать правителем Туркестана. Достойный сын Чингисхана и Тамерлана, он, завоевав Центральную Азию, сможет затем, подобно предкам, повести свои полчища на запад.

Через несколько дней после приезда в Бухару Энвер отправился со свитой на охоту и больше не вернулся в отведенную ему резиденцию. А спустя неделю он, объединив часть басмаческих отрядов, уже наступал на Бухару.

Оборона затруднялась тем, что среди членов бухарского правительства имелись сторонники Энвер-паши, подробно информировавшие его о передвижениях красных войск и даже помогавшие ему материально.

Маленькая группа русских войск с трудом несла охрану железнодорожной линии и еле сдерживала наступающих басмачей. Энверовцы подходили все ближе и уже заняли селение Богауддин в девяти верстах от Бухары.

Тем временем пришло подкрепление буденовцев. Прямо с эшелонов их перебросили к Богауддину. К вечеру дивизия вернулась в Бухару. Штаб бухарского военного министерства получил краткое донесение: противник разбит и отступил от Бухары.

На поле сражения у Богауддина осталось до 5000 трупов. Убирать их было некому, так как местное население разбежалось. Поселок был буквально сравнен с землей. Скот и все ценное буденовцы увели с собой.

Несколько отдохнув, буденовская дивизия выступила в Восточную Бухару. По пути следования войска не оставляли камня на камне. Жители частью погибли под буденовскими шашками, частью бежали и присоединились к басмаческим отрядам. Война приняла затяжной партизанский характер.

Я должен был ехать в Бухару в качестве начальника агентуры вместе с бывшим начальником особого отдела в Фергане, Окотовым, и начальником секретного управления при нем, Яковлевым. Все трое мы должны были приехать в Бухару секретно, чтобы никто не мог догадаться о нашей миссии. Задача же заключалась в организации агентуры по «освещению» членов бухарского правительства и выяснению, кто из них и как помогает повстанцам.

В беседах со мной Рейсих рассказал следующую историю. Он был делегирован на съезд народов Востока в Баку и остановился в общежитии со всеми восточными коммунистами. Энвер-паша, приехав из Москвы, посетил общежитие. Едва Энвер вошел, все коммунисты-восточники упали на колени, поползли к нему и стали целовать ему руки и одежду. Эта картина произвела такое гнусное впечатление на Рейсиха, что он выхватил наган и хотел застрелить Энвер-пашу. Его вовремя схватили чекисты, охранявшие Энвера. Ныне, после бегства Энвер-паши, его, Рейсиха, выпустили из тюрьмы и назначили начальником политического сектора по борьбе с басмачеством, то есть с Энвером. После этого случая он, да и все русские коммунисты, перестали доверять коммунистам-восточникам. Если мне поручили работу в Бухаре, то только потому, что я поступил в партию в России. Недоверие к восточным коммунистам я затем неоднократно наблюдал у многих видных работников, всегда возражавших против приема восточных коммунистов в органы ОГПУ.

В течение недели я изучал материалы. Затем мне выдали корзину бумажных денег выпуска 1919 года, ходивших в то время в Бухаре, и я выехал на место назначения. Со следу-

ющим поездом должны были ехать Окотов и Яковлев. Кроме денег я был снабжен документами на фамилию Азадов. Документы удостоверяли, что я бывший белый офицер, демобилизованный из Красной Армии, как чуждый элемент, и должны были служить свидетельством моей политической благонадежности для бухарского правительства, которое, по сведениям ОГПУ, не проявляло симпатий к коммунизму.

Приехав в Бухару, я, как военный человек, пошел искать работу в штаб бухарских войск. Мне посчастливилось, так как я сразу был принят сотрудником в оперативный отдел штаба. Начальство мое вскоре приехало. Окотов устроился в Бухаре под видом делопроизводителя при уполномоченном Туркестанского фронта, а Яковлев делопроизводителем при полпредстве Наркоминдела, которое тогда еще имелось при бухарском народном правительстве.

Военным министром, или назиром, был младобухарец Арифов, записавшийся после бухарской революции в коммунистическую партию. Его заместителем был крымский князь Тамарин, бывший офицер царской армии. Комиссаром штаба состоял коммунист Куцнер, с которым я подружился и от которого через несколько дней взял подписку о готовности работать на нас. Благодаря моим стараниям и помощи комиссара штаба, мне поручили через несколько дней организацию разведывательного отделения. Приняв это предложение, я выписал секретно нескольких сотрудников Чека и назначил их начальниками разведывательных пунктов в разных городах Бухары. Таким образом, благодаря счастливой случайности, весь разведывательный аппарат бухарского штаба попал к нам в руки. Мы могли делать под прикрытием бухарского правительства что угодно.

Недели через две аппарат заработал. Поступавшие материалы предварительно сортировали, неважную для нас часть я докладывал бухарскому правительству, а другую часть секретно, через Наркоминдел, отправлял в Ташкент. Одновременно мы начали налаживать внутреннюю агентуру в самом штабе. Благодаря ей мне удалось установить, что сам военный министр Арифов активно помогает басмачам, держит тайную связь с Энвер-пашой и с афганским посланником в Бухаре Мамед-Расул-ханом, через курьеров которого сносятся с вождями басмачей.

Тем временем приехал в Бухару сам Петерс вместе с военным командованием Туркестанского фронта на бухарский съезд Советов. Бухарское правительство устроило им велико-

лепный прием. На съезде было произнесено много революционных речей. Арифов, оставаясь военным министром, был избран заместителем председателя совнаркома Файзулы Ходжаева. По окончании съезда меня вызвал Петерс для доклада. Когда я сообщил ему, что сам зампредсовнарком и военный министр Арифов является организатором басмачества, Петерс назвал это провокацией и, не веря мне, велел немедленно ликвидировать дела и приготовиться к выезду в Ташкент, напомнив, что за такую работу он обыкновенно расстреливает. Я ничего не ответил и ушел укладывать вещи. В ту же ночь меня вновь вызвали к Петерсу. В возбужденном состоянии он заявил, что я был прав, так как вечером Арифов убежал к басмачам.

Петерс тут же велел мне составить письменный доклад об остальных министрах. Я это сделал, и через несколько недель часть бухарского Совета народных комиссаров была вызвана в Москву якобы для доклада и больше к своим обязанностям не возвращалась. Увезенные министры были заменены новыми, по строгому подбору Петерса. Сам я после этого вскоре выехал в Ташкент, передав дела вновь организовавшемуся особому отделу 13-го корпуса; начальником отдела был назначен Лазаватский, ныне занимающий должность советского консула в Керманшахе (Персия).

Вместе со мною уехали из Бухары Окотов и Яковлев. Работа их ни в чем особенно не успела проявиться. Окотов с первого же дня по приезде начал увлекаться бухарскими женщинами и был быстро провален, а Яковлев беспробудно пил. Эта командировка была их последней. После этого их обоих уволили. Сейчас Окотов работает где-то в Туркестане по кооперации, а Яковлев состоит во Владивостоке советским судьей, продолжая пьянствовать.

Петерс, недели через две по возвращении из Бухары в Ташкент, уехал в Москву и больше не возвращался в Туркестан.

Во время пребывания в Бухаре я познакомился с тогдашним начальником Разведывательного управления Туркестанского фронта Ипполитовым, ныне совконсулом и представителем Разведупра в Авхазе (Персия). Когда я приехал в Ташкент, он сделал мне предложение перейти на работу к нему. На этом же настаивал Реввоенсовет Туркестанского фронта, требуя моего откомандирования из ОГПУ. В мае 1922 года я уже числился за Разведупром.

СОНЬКА НЕЗОЛОТАЯ РУЧКА

Свой рассказ о бухарском периоде моей работы мне хотелось бы дополнить одним эпизодом.

В Бухаре я проживал одновременно на двух квартирах. В Старой Бухаре я занимал две комнаты в казенном здании недалеко от штаба армии, а в Новой Бухаре (Кагане), расположенной в двенадцати верстах от Старой, я занимал номер в единственной еще функционирующей гостинице «Европа». Это была небольшая комната с двумя дверьми, выходящими одна в коридор, а другая в смежный номер. Последняя была заставлена платяным шкафом.

Соседний номер занимал нелегальный резидент ВЧК — Окотов, проживавший по документам делопроизводителя какого-то учреждения и носивший фамилию Петров. Я, как и многие другие, был подчинен ему.

Я сидел поздно вечером в своем номере и составлял сводку сведений, полученных за день. Раздался троекратный стук в шкаф у смежной двери. Я встал, повернул ключ и открыл дверь шкафа. Оттуда вышел Окотов и сел на свободный стул. Это был высокий, худощавый мужчина с бритым продолговатым лицом и вдумчивыми, умными глазами. При людях мы никогда не встречались и делали вид, что незнакомы. Только по ночам он открывал смежную со мной дверь и через шкаф, задняя стенка которого была разобрана, проходил ко мне.

— Ну, что у тебя новенького? — спросил он, устало скользя взглядом по бумагам на столе.

— Ничего особенного, вот сводку для тебя составляю, — ответил я, откладывая бумаги в сторону.

— Ты помнишь, я как-то развивал теорию, что на Востоке при помощи хорошенькой, неглупой женщины можно многое сделать. Так вот, я тебе скажу, сегодня утром я встретил такую женщину, которая точно создана для нашей работы.

Тут у Окотова, против обыкновения, оживилось лицо.

— Да, совершенно случайно я встретил то, что нам нужно.

— Кто же это такая? — спросил я. — Уж не завлекла ли она тебя в свои сети, — смеялся я, ибо знал, что Окотов не из того теста сделан, чтобы увлекаться женщинами.

— Да нет! В том и дело, что я и сам не знаю, кто она, и даже не мог выяснить ее адреса. Да вот я лучше расскажу тебе по порядку. Сегодня утром, когда я сел в поезд, чтобы ехать в Старую Бухару, по обыкновению, все места были заняты и пришлось торчать на переполненной площадке вагона. Я

стоял у самого выхода и смотрел на проходившие перед глазами декханские поля. Ты ведь знаешь, что я бывший эсер и не могу равнодушно смотреть на вспаханную землю. А тут еще эта живописная картина. Бухарцы в ярких, пестрых халатах с подобранными полами, босиком, топчутся в грязи и в то же время на головах белые как снег тюрбаны. Работают, как во времена фараонов, примитивным способом засевая на своих маленьких клочках земли табак, хлопок, рис. Поневоле я смотрел на эту картину и думал: какой черт нас сюда занес устраивать мировую революцию. Не лучше ли оставить их в покое. Эх! Как только покончу с Бухарой, вернусь и сейчас же подам рапорт об увольнении. Хватит, больше нет сил.

— Ладно, это ты потом, — перебил я его. — А где же девочка, я все-таки не вижу.

— Да, так вот, стою я и вдруг слышу, за спиной какая-то женщина оживленно разговаривает, как видно, с двумя мужчинами. Уже по ее голосу я подумал, что она должна быть молодая, красивая и вдобавок умная женщина. Я не хотел оборачиваться. Мне хотелось попробовать угадать ее внешность, поэтому я продолжал слушать беседу, стоя к ним спиной. Из разговора я заключил, что у нее колоссальные знакомства в Бухаре и что она знает туземный язык. Поезд подходил к станционному семафору Старой Бухары, и через пару минут мы должны были быть на станции. Я обернулся и сразу встретился лицом к лицу с молодой женщиной с редким красивым лицом еврейки, с черными, как маслины, жгучими глазами. Из-под черной шляпки выбивались иссиня-черные густые волосы. Одетая она была в черное же пальто и темно-синее платье. На шляпе я заметил три позолоченных квадрата, прикрепленных с правой стороны. Поезд остановился у станционной платформы, и она вышла в сопровождении собеседников на перрон. Я вышел за ними и, проходя мимо, услышал, что ее спутники, прощаясь, называли ее Софья Владимировна. Вот все, что я узнал о ней.

— Немного, в сущности, — подумав, сказал я.

— Да, но ты знаешь мое чутье. Я уверен, что эта женщина нам будет полезна. Надо только ее разыскать.

— В том-то и дело. Но как? Мы здесь всего три недели. Агентурный аппарат ничтожный, а знакомств, в сущности, никаких, за исключением пары коммунистов, — возразил я.

— Однако давай попробуем, — начал опять Окотов. — Во-первых, что мы знаем о ней? Так как она ехала утренним восьмичасовым поездом, то, значит, она служит где-то в Ста-

рой Бухаре, поэтому ее можно встретить каждое утро на станции. Затем мы знаем ее наружность, и главная примета — это шляпа с квадратиками. Наконец, мы знаем, что ее зовут Софья Владимировна. Исходя из этих данных, пожалуйста, завтра же дай задание агентуре выяснить ее фамилию, место жительства и место службы, — добавил он уже начальническим тоном.

— Слушаюсь, — ответил я и придвинул к себе бумаги.

— Ну, я пойду к себе работать. Когда закончишь писать сводку, положи в шкаф, — сказал Окотов и скрылся тем же путем, каким пришел.

Я продолжал работать. Закончив сводку, я сжег все вспомогательные бумажки. Заперев сводку в шкаф, я положил ключ в карман, оделся и вышел через наружную дверь из отеля. Я спешил к двухчасовому ночному поезду, чтобы под утро быть на своей официальной квартире в Старой Бухаре.

Спустя два дня я опять сидел в «Европе» с Окотовым и докладывал ему, что за это время было сделано. О Софье Владимировне моей агентуре удалось выяснить помимо всего того, что требовалось, также то, что она являлась невестой адъютанта военного министра, который, по нашим сведениям, был начальником секретной агентуры при Совете народных назиров.

Получив нужные сведения. Окотов решил написать ей письмо с приглашением встретиться с ним.

— Вот увидишь, я ее завербую, — говорил он уверенно.

Я в душе не соглашался с его тактикой и думал, что его письмо останется без ответа, но я видел, что возражать бесполезно, и молчал.

Письмо было послано. Свидание было назначено в его комнате в отеле, и я должен был, сидя в своем шкафу, быть невидимым свидетелем встречи.

Вопреки моему ожиданию Софья Владимировна согласилась на встречу и пришла в назначенное время. Войдя в комнату, она сразу обратилась к Окотову со словами:

— Слушайте, я получила ваше письмо. Я не думаю, чтобы вы по пустякам назначали свидание. Я уверена, что вы серьезный человек и начнете прямо с дела, по которому вы меня вызвали.

Окотов, ошеломленный, начал говорить, что, в сущности, у него нет никаких дел, что он ее часто видит и она ему настолько понравилась, что...

— Я не пришла слушать ваши любовные признания, —

прервала она его и, повернувшись, ушла, сердито хлопнув дверью. Я вышел из засады и нашел Окотова сидящим в удрученном состоянии. Мне стало жалко его за неудачу.

— Послушай, Коля, — сказал я, — дай мне взяться за нее, и ты увидишь. Разреши только недельку заняться ею.

— Нет, я сам. Посмотрим, чья возьмет, — отрезал он.

Я вышел. На следующий день моя агентура сообщила, что Сонька (она уже получила кличку) играет активную роль в разведке Совета народных назиров. Еще два дня позже, когда я пришел в «Европу», я нашел печально сидящего за бутылкой коньяку Окотова. Он пил редко, почти никогда. — Что случилось? — спросил я.

— Дело дрянь, я сегодня целый день не могу выйти из дома. Я все время вижу за собой слежку. Вероятно, расшифрован, и мне нужно выехать, чтобы не провалить других.

Я ему передал новые сведения о Соньке.

— Так вот кто натравил на меня шпикиов! — воскликнул он. — Ну, братишка, возьмись за нее. Мне все равно теперь нельзя выходить на улицу, — предложил он мне.

Чудный южный мартовский день. Солнце еще не жжет, а только ласкает своими лучами, напоминая весну на севере. К пятичасовому поезду из Старой Бухары в Каган собралась масса народу. Тут, главным образом, служащие, возвращающиеся со службы в Каган, где они живут. Много женщин, приехавших в Ст[арую] Бухару за покупками, и, наконец, не мало и узбеков, едущих в Каган провести вечер, а может быть, и ночь вдаль от семей и знакомых.

Толпа частью разгуливает по перрону. Многие делают покупки у уличных торговцев сладостями и фруктами, которые толпятся у вокзала с лотками на головах. Большая очередь стоит у билетной кассы.

Я издали слежу за Сонькой, прогуливающейся по перрону с каким-то пожилым человеком. На ее лице скучающее выражение, из чего я заключаю, что собеседник ей неинтересен и она не прочь от него избавиться. Я продвигаюсь к ней ближе. Наконец она, не прощаясь, отходит от своего спутника и направляется к торговцу миндалем.

— Извиняюсь, если не ошибаюсь, вы м[адемуазе]ль Кацман? — обратился я к ней.

— Да, а в чем дело? — спросила она, окидывая меня удивленно-любопытным взглядом.

— Я начальник разведки бухарского штаба. Мне нужно по-

говорить с вами по одному очень важному делу, — отрекомендовался я.

— Пожалуйста, говорите, я вас слушаю.

— Видите ли, — начал я, — здесь неудобно говорить, ибо, повторяю, дело очень важное. Не согласитесь ли вы поехать со мною в штаб, где мы спокойно могли бы поговорить, — предложил я.

— Нет, — ответила она, взглянув на часы на руке, — я опоздаю к поезду.

— Это поправимо, — сказал я. — Вы сможете поехать в Каган на штабном фаэтоне. Я думаю, что так даже приятнее будет ехать.

Подумав немного, она согласилась.

Мы сидим в моем кабинете при штабе, роскошно обставленном мебелью и коврами, вывезенными из дворцов бывшего эмира бухарского.

— Так вот, Софья Владимировна... — начал я.

— Откуда вы знаете, как мое имя, отчество? — перебила она меня.

— Мы многое знаем, на то мы и разведка, — продолжал я. — Мы знаем, что вы хорошая патриотка, что вы очень умная женщина и что у вас большие знакомства. Наконец, нам известно, что вы обладаете настойчивостью и при желании всегда добьетесь ваших целей. Поэтому, нуждаясь в вашей помощи, я и решил прямо обратиться к вам.

— Чем же я могу быть полезной, — уже более мягко сказала она, польщенная моими словами.

— Я хочу просить вас принять участие в нашей работе и надеюсь, вы принесете очень много пользы. Особенно ценя вас, я предлагаю вам сразу исключительные условия. Я готов платить вам пятьдесят рублей золотом за каждый рапорт. Так что если в месяц вы дадите тридцать рапортов, это составит тысячу пятьсот рублей золотом или тридцать миллионов на нынешние бухарские деньги. Конечно, в вашей работе понадобятся непредвиденные расходы. Вам также нужно будет иметь хорошие туалеты. Это все также будет оплачиваться нами, — соблазнил я ее.

Она сидела и некоторое время обдумывала. Предложение для нее, видимо, заманчивое, но что-то ее удерживало согласиться.

Наконец она заговорила:

— Да, все это хорошо, но я боюсь, что кто-нибудь узнает,

что я у вас работаю шпионкой, а у меня родные, что они скажут! Наконец, жених...

— Вы можете быть уверены, — прервал я, — что никто не будет и не должен знать. Мы даже наружно не будем подавать вида, что знакомы, а наши встречи будут происходить на конспиративной квартире, — уговаривал я.

— Хорошо, я согласна. Только имейте в виду, я не буду ничего писать своей рукой. Я только буду сообщать все, что вам нужно, словесно.

— Прекрасно, это для нас безразлично, — согласился я, делая радостное— лицо.

— А теперь говорите, что нужно, а то уже поздно.

Я дал ей пустяковое задание и адрес конспиративной квартиры, где мы должны в будущем встречаться. Мы вышли из кабинета, и я предложил ей ехать в экипаже одной, дабы не быть скомпрометированной моей компанией.

Вечером того же дня состоялся очередной доклад Окотову.

— Ладно, а что ты думаешь делать с ней дальше? — спросил он.

— А вот подожди, втянем ее постепенно в работу, а там видно будет, — ответил я, хотя, признаться, и сам еще не знал, что я буду делать дальше. Но я был уверен, что обстоятельства подскажут.

Кацман начала работать очень усердно и добросовестно. Я ей давал все более сложные поручения, и она выполняла их без особых затруднений. Она уже успела дать много сведений о красноармейских частях, стоявших в Кагане. Она освещала жизнь и деятельность тогдашнего афганского консула в Бухаре Расул-хана. От нее же я имел сведения о деятельности восставшего Эвеншер-паши. Одновременно моя агентура следила за самой Кацман и выяснила, что она со своим женихом являются душой секретной разведки Совета народных назиров. По-видимому, пользуясь тем — другим аппаратом, она легко выполняла мои поручения, зарабатывая себе личные деньги.

Теперь она была менее осторожна со мной. Она уже подписала несколько расписок в получении денег от меня. Она заполнила анкету, где ее настоящая фамилия стоит рядом с ее кличкой. Наконец, она даже принесла в последний раз два рапорта, написанных ее рукой. План расправы в голове у меня созрел.

Однажды Кацман, по обыкновению, пришла на конспиративную квартиру. Она застала меня сидящим за столом с печально опущенной головой.

— Что с вами? — спросила она, усаживаясь в кресло.

— Плохие дела, — начал я, — вчера ночью напился пьяный и не знаю, где потерял портфель. Сегодня я искал по всем местам, где был вчера, но портфеля не нашел.

— А что, там были деньги? — равнодушно спросила она.

— В том-то и дело, что не одни только деньги, — я сделал паузу. — Вы знаете, как я скрываю вашу работу для нас. Так вот, чтобы никто не знал о нашей связи, я все ваше личное дело всегда хранил при себе в портфеле. И вот теперь портфель пропал вместе с бумагами. Не знаю, что и будет.

Мгновение она сидела и соображала. Затем она вскочила как ужаленная.

— Так что же вы сидите? Нужно же разыскать. Ведь что будет со мной, если кто-нибудь прочтет эти бумаги. Я же тогда пропала. Что скажут мои родные! Ах! — и она начала плакать.

— Бросьте, не нервничайте! — раздраженно остановил я ее. — Моя агентура сейчас разыскивает портфель, и, я надеюсь, он будет найден.

Она ушла заплаканной. Я взял телефонную трубку, вызвал трибунал и соединился со следователем-узбеком Хитаровым. Он являлся нашим секретным агентом, и я попросил его прийти ко мне.

— Вот что, товарищ Хитаров, — встретил я его, — пошлите, пожалуйста, за своей подписью повестку на бланке трибунала по этому адресу.

— Хорошо, — ответил он, читая адрес. — А что мне делать, когда она явится ко мне?

— Не беспокойтесь, она не придет. Видите ли, это частное дело между нами, я ей симпатизирую, но она очень горда. И вот я хочу ее немного поуготать, — объяснил я смущенно.

Спустя два дня Кацман буквально влетела ко мне.

— Смотрите, я получила повестку из трибунала. Это, вероятно, по поводу этих несчастных бумаг. Боже, что я буду делать?

— Слушайте, Софья Владимировна, я знаю этого следователя. По моим сведениям, он большой взяточник. Вы не ходите в трибунал, и я постараюсь поговорить с ним. Я, вероятно, смогу уладить дело. Не беспокойтесь. Идите домой и приходите завтра в это время. Я вам скажу о результатах.

На следующий вечер она пришла. Я поджидал ее с серьезно-озабоченным лицом.

— Ну как? — спросила она, не успев войти в комнату.

— Не знаю, как и сказать. Я был у следователя. Бумаги у него. Он обвиняет вас в международном шпионаже. В конце концов он согласился потушить дело, но просит сорок миллионов взятки. А я такими деньгами не располагаю, — закончил я.

— Слушайте, товарищ Азадov (я тогда работал под этой фамилией). Найдите эти деньги, я вас умоляю. У меня есть накопленные восемь миллионов; я их передам вам, а остальные я отработаю. Только прекратите это дело во что бы то ни стало, — просит она, и слезы катятся по щекам.

Я сидел в раздумье минуты три. Затем внезапно обратился к ней:

— Слушайте, Софья Владимировна, с одной стороны, мне вас жалко и вместе с тем обидно, что вы со мной не откровенны. Ведь вы же одновременно работаете в агентуре Совета бухарских назиров. Почему бы вам не взять денег отсюда.

— Откуда вы знаете, что я там работаю? — спросила она, покраснев.

— Я вам уже говорил, что нам очень многое известно. Поскольку мы начали говорить откровенно, давайте продолжать. Хотите, я заплачу следователю сорок миллионов и буду продолжать платить вам по миллиону, как и раньше. Я сделаю это при одном условии.

— Каком? — спросила она.

— При условии быть со мной абсолютно откровенной. Если вы сейчас же назовете всех руководителей и агентов секретной разведки назиров и задачи, которые они поручали вам, то я завтра же покончу со следователем и все по-прежнему останется только между нами, — предложил я.

Короткое молчание.

— Хорошо, я согласна. Пишите, я буду говорить.

В этот вечер я получил полный список всей бухарской агентуры, и из заданий, которые назиров давали этой агентуре, мне стало ясно, что вдохновителем восстания против бухарского правительства являются сами же члены этого правительства.

Теперь оставалось отправить Кацман куда-нибудь подальше, чтобы она не могла помешать нашей дальнейшей работе.

— Прекрасно. Дело в том, что следователь просил, чтобы вы уехали недели на две из Бухары, дабы он смог начисто, без всяких подозрений, уничтожить начатое против вас дело. Куда бы вы могли поехать на недельку? — спросил я, укладывая в карман полученные сведения.

— У меня тетка живет в Самарканде. Я могу поехать к ней, — ответила она.

— Так вот вам еще пять миллионов, и завтра же выезжайте в Самарканд. Отдохните там неделю-две, затем приедете, и будем продолжать работать, — закончил я, вставая.

Той же ночью я сидел в своей комнате отеля «Европа» и составлял обширную сводку на основании полученных материалов. Через открытый шкаф вошел Окотов.

— Ну, все кончено, — обратился я к нему. — Подпиши вот эту телеграмму и завтра можешь опять свободно расхаживать по городу.

И я рассказал ему мой последний разговор с Кацман.

— Я же тебе с самого начала говорил, что эта женщина окажется полезной, — смеясь, сказал Окотов, подписывая телеграмму, которая гласила: «Самарканд. Начальнику особого отдела ВЧК. Сегодня наблюдением нашего агента выезжает Самарканд Кацман София, повторяю, Кацман София. По прибытии немедленно арестуйте Кацман Софию, содержите до особого распоряжения. Окотов».

Дальше нам легче работать. Мы знаем, кто работает против нас и как. Мы теперь будем бить наверняка. Бухарская народная республика будет уничтожена. Люди, ее поддерживающие, будут арестованы и ликвидированы. Их места займут наши люди, и будет объявлена «социалистическая республика».

УБИЙСТВО ЭНВЕР-ПАШИ

Военные действия на Бухарском фронте принимали неопределенный характер. Красные войска, стянутые в Восточную Бухару, не могли продвигаться вследствие своей малочисленности, отсутствия снабжения, сильной жары и противодействия местного населения. Население не столь сочувствовало Энвер-паше, сколь ненавидело Красную Армию. Ненависть бурно выростала в связи с безобразиями, которые чинили красные части. Особенно неистовствовала буденновская армия.

Энвер после неудачной попытки захватить Бухару отступил и расположился со своим штабом в Таджикистане. Его отряды появлялись то с фронта, то с тыла красных войск и были неуловимы. Командование советскими войсками пришло к убеждению, что басмачество можно ликвидировать только уничтожением Энвер-паши.

Задача заключалась в поимке Энвера. Это было трудно, так как Энвер часто менял свою стоянку. Было решено прибегнуть к глубокой разведке и, установив местопребывание Энвера, не выпускать его из виду. Задачу эту поручили мне.

Я должен был проникнуть в расположение басмачей под видом торговца-разносчика.

Получив директивы и деньги, я выехал из Ташкента вместе с сотрудником Разведупра Осиповым. Он должен был служить связью между мной и штабом войск.

Я имел простой паспорт на имя купца Расулова. Осипов ехал под своей фамилией.

В Бухаре мы закупили всякого товара и отправились в Карши. Мы лежали на средней полке вагона четвертого класса. Под головами у нас стояли ларек, набитый всяким мелким бакалейным товаром, и мешок с бельем и частью того же товара.

Уже утро. Мы стоим на станции Эмирабад. Наш поезд еще вчера вечером вышел из Кагана и, пройдя всего четыре версты, стал. Говорят, причина задержки — это налив воды в цистерны, которую нужно доставлять на все станции вплоть до Карши. На всех станциях водокачки разрушены повстанцами, и жители сидят без воды.

Я смотрел из окна вагона на куполообразную постройку почти нового станционного здания. Наверху под куполом виднелись сохранившиеся золотые письма на арабском языке: эта станция служила для стоянки личного поезда эмира бухарского и названа его именем. Теперь все разрушено. Купол станционного здания пробит в трех местах попавшими в него снарядами. Я не выходил из вагона и не мог видеть, что вообще осталось от остальных построек. Да это меня и не интересовало. Я лежал и думал о порученном мне Реввоенсоветом Туркфронта задании.

После боев под стенами Бухары бывший военный министр Турции, Энвер-паша, отступил с восставшими басмачами в Восточную Бухару. Красная Армия вынуждена была следовать за ним, обеспечивая свой тыл и связь от нападений почти поголовно восставшего населения маленькими гарнизонами. Русские солдаты, не привыкшие к нестерпимой туркестанской жаре, без воды, без провианта гибли как мухи. Целая дивизия выбыла из строя только от малярии и дизентерии. Войска таяли, не имея возможности встретиться с врагом.

Найти Энвер-пашу и сигнализировать о месте его пребывания, не теряя его из виду, пока не будет уничтожен, — за-

дача тяжелая. Трудность состояла еще в том, что найти его в горах и пустынях Восточной Бухары, когда все население помогало ему и ненавидело пришельцев русских, было делом почти безнадежным. И даже при благоприятном исходе эта задача была смертельно рискованная.

Но что значит риск, смерть для коммуниста-чекиста? Разве не должны они жертвовать жизнью для советской власти? А в Бухаре ведь советская власть. Правда, пока лишь формально, на основании постановления Всеузбекского курултая (состоявшегося, кстати, под руководством бывших агентов ЧК), но это не важно. Сейчас нужно уничтожить врага, а там можно взяться и за строительство.

Итак, нужно найти Энвера. Об этом я и думал, лежа на жестких досках в вагоне, пробираясь в Восточную Бухару под видом мелкого торговца. Узбеки уважают мирных торговцев. Мне нужно с ними подружиться, а там видно будет.

— Ну, Саша, давай будем пить чай. Сбегай за кипятком, а я нарежу колбасы и хлеба, — предложил я своему спутнику.

Осипов не спеша надел сандалии на босу ногу и, взяв чайник, пошел на станцию за кипятком. Он был здоровый детина одних со мной лет. По натуре очень флегматичен, он больше надеялся на свои кулаки, чем на голову.

Завариваем мутную воду зеленым чаем, который вся Бухара употребляет в летние месяцы. Вдруг резкий толчок вагона назад, затем вперед, и поезд тронулся. Идет он медленно, так как путь опасен. В любом месте могут быть разобраны рельсы.

Попивая чай, мы смотрим в узкое окно вагона на мелькавшую перед глазами панораму. Кругом солончаковые пески. Издалека мелькают маленькие оазисы-кишлаки из глинобитных построек, которые теперь разрушены и напоминают древние развалины. Кое-где торчат одинокие деревья тутовника, покрытые густым слоем серой пыли. Жителей почти не видно. Точно все вымерло. И так повсюду, до самого города Карши. Глаза устают смотреть. Жуткое однообразие.

Убрав чай, мы вынимаем колоду карт и играем в «бб» до одурения. Так ехали весь день и ночь, пока на следующее утро не прибыли на станцию Карши. Поезд дальше не шел, железная дорога была разрушена. Нужно было искать других способов передвижения.

— Ну, Сашенька, забирай манатки, давай слезать. Дальше придется драть пешком, — сказал я, взявшись за лоток.

— Зачем пешком, ведь едет же народ как-то. Может, и мы как-нибудь устроимся. Давай сходим в город и расспросим.

Заодно и отдохнем, может быть, в последний раз, — предложил Осипов.

— Да, пожалуй, ты прав, пойдем в город, — согласился я.

От станции Карши до города восемь верст. Единственная дорога, по сторонам которой тянутся сады, обведенные глиняными заборами, настолько изъезжена, что густая пыль примерно с фут толщины покрывает ее всю. Воздух, несмотря на раннее утро, уже накален летним солнцем. Прошедшие арбы подняли густое облако пыли, которое неподвижно осталось висеть в воздухе. Ни малейшего движения ветра. Кое-где у станционных зданий навесы узбекских чайных, под которыми, укрывшись в тени, сидят на корточках несколько туземцев и вяло пьют чай из пиал.

Закинув мешки с товаром на плечи, мы тронулись в город. Не прошли мы и версты, как услышали за собой стук колес. Обернулись и видим: едут красноармейские обозные повозки порожняком.

— Товарищ, подвези до города, угощу, — остановил Осипов первую повозку.

— А что у тебя есть? — спросил красноармеец, бросая взгляд на мешок за спиной Осипова.

— Сотню папирос хочешь? — сразу предложил он.

— Садись, — согласился армеец.

Мы, быстро забросив товар в повозку, взобрались к нему на сиденье.

— Спасибо, товарищ, — поблагодарил Осипов, передавая сотню папирос и предлагая отдельно закурить армейцу из своего портсигара. — А куда вы едете?

— Да вот едем в город на базу. Заберем продукты и повезем в Гузар, — ответил армеец.

— Эх, вот счастье-то. А ведь и мы в Гузар. Как бы с вами поехать, товарищ? — продолжал Осипов.

— А вы кто такие будете? — спросил армеец, подозрительно окинув нас взглядом.

— Да как тебе сказать. Мы тоже солдаты, демобилизованные, и вот решили поторговать немного.

— Что же, выходит, спекулянты, — усмехнулся армеец.

— Мы бы заплатили, — вставил я.

— Да я ничего против вас не имею, да вот как бы начальство не было против. А сколько вы дадите? Миллион сможете дать? Я уж тогда на свой риск свезу вас, — внезапно предложил армеец.

Мы немедленно согласились и уже по-дружески закурили по новой папироске.

— Только вот что. Вы подождете где-либо у чайханы. Когда, погрузившись, выедем из базы, то вы и сядете.

Недалеко от города стоит двухэтажное здание. Это караван-сарай. Тут же, у ворот сарая, чайхана. У самой двери гигантский, желтый, всегда кипящий самовар. Рядом мангал, на углях которого завариваются несколько разбитых и починенных цветных чайников. Перед чайханой арык с медленно струящейся водой. Тут же у воды столетний карагач, который бросает тень на большое пространство у чайханы. Вокруг дерева приделаны широкие сиденья, покрытые коврами. На них сидят и полулежат узбеки. Около каждого чайник с чаем. Мы подошли к скамьям.

— Салам алейкум, — по традиции поздоровались мы.

— Алейкум салам, — ответили нам, и мы, сбросив мешки, заняли места рядом с ними.

В ожидании повозки мы пили чай со свежими лепешками и наслаждались прохладой тени.

Наконец подъехали повозки. Мы уселись в повозку нашего знакомого и, покачиваясь по ухабам дороги, выехали из города.

— Ну, Саша, теперь смотри в оба. Ты должен изучить дорогу наизусть. Ты же связь, — сказал я.

— Не беспокойся! — ответил Осипов, накрывая голову платком для защиты от палящего солнца.

Ехали мы целых пять дней по пустынной дороге. Изредка попадались уцелевшие чайханы и возвращавшиеся с фронта солдаты. Некогда цветущая Бухара напоминала древнее заброшенное место. Жители бежали к басмачам или в Афганистан. Проходившие части Красной Армии забирали съестные припасы, реквизировали скот для перевозок. Страна была разорена дотла...

Мы въехали в Гузар. Маленький, крытый навесом базар. По обеим сторонам прохода темные, прохладные лавки. На крытых кошмами и ковриками нарах лавок сидят, поджав под себя ноги, лавочники и равнодушно смотрят на снующую по базару публику.

Мы подъехали к традиционной чайхане — этой восточной гостинице и, расплатившись с армейцем, сошли с повозки. Город представлял из себя полуразвалины. Дома частью были разрушены, частью же пустовали, покинутые жителями. В

уцелевших жилищах расположились войска и госпитали, до отказа набитые больными тропической лихорадкой.

Дорога нас порядком утомила, потому чайхана казалась нам райским местом. Мальчишка принес в медном кувшине воду для мытья. Смыв с себя грязь и пыль, мы расположились пить чай. Узбеки в чайхане спрашивают нас, кто мы, откуда приехали и чем занимаемся. Вместо ответа я раскрыл свой ларек и предлагаю товар. Это наша лучшая рекомендация. Начинается рассматривание товара и оживленный разговор о рыночных ценах товаров в Бухаре. Мы, с своей стороны, интересуемся рынками в Деннау и Юрчи, куда намерены ехать «продавать свой товар». Ко мне сбоку подсел узбек, одетый довольно бедно. Ему на вид лет тридцать пять. Желтое, худое, но энергичное лицо, умные глаза.

— Слушай, бай, — обратился он ко мне, — меня зовут Абдурахманом. Я здесь, в Восточной Бухаре, уже пятнадцать лет занимаюсь коммиссионными делами. Раньше все богатые русские купцы продавали товар через меня. Теперь же дела плохи, торговли нет. Товары из России не приходят, и мне нечего делать. Хочешь, я тебе буду помогать торговать? Я знаю здесь положение каждого купца. Знаю, где какой товар можно выгодней продать. Я даже поеду с тобой в Деннау и Юрчи, — добавил он торжественно, точно этим он приносил какую-то жертву.

— Очень хорошо, Абдурахман-бай, — ответил я, — мы пробудем здесь дня два. Давай поработаем, а дальше увидим. Если ты сможешь сделать нам хорошие дела, то мы с тобой всегда будем работать, даже из Бухары.

Отныне мы под опекой Абдурахмана. Он повсюду нас рекомендует и стал с нами более интимен. Он заинтересован в успехе нашей торговли, ибо надеется получить свою долю. Мы в его сопровождении пошли покупать кое-какие товары, которые выгодно можно продать в районе Деннау.

— Слушай, бай, — прошептал он мне на ухо, — мы должны купить товар у старого Рахматуллы-бая и попить с ним чаю.

— Почему именно у него? — спросил я.

— Ты же слышал, что в Деннау и Юрчи много басмачей, — начал он объяснять мне, — так вот, нужно беречь свой товар. Мало ли разбойников шляется по дорогам. Но если мы будем иметь письмо Рахматуллы к его брату в Деннау, то мы можем спокойно ехать. Верь старому Абдурахману, он знает, что говорит.

Мы подошли к лавке Рахматуллы-бая. Узкое, глубокое помещение, заваленное всяческим товаром, начиная с пуговиц и ситца и кончая керосиновыми лампами и галошами. У двери сидит сам Рахматулла, одетый в белый чесучовый халат. Его большой живот обвязан цветными бухарскими шелковыми платками. Скуластое жирное лицо со скудной растительностью. Узкопосаженные монгольские глаза блестят под густыми седеющими бровями. Таков старик Рахматулла. В руках он перебивает длинные, черного дерева четки.

— Салам алейкум, Рахматулла-бай, — поздоровался Абдурахман, низко кланяясь. Мы также поклонились.

— Вот привел к тебе хороших купцов из Бухары, — продолжал он, сбрасывая туфли с босых ног и садясь на корточки у края ковра.

— Добро пожаловать, — ответил спокойным голосом Рахматулла, разглядывая нас. — Садитесь, гостями будете. Два чайника чаю, — командует он проходившему мальчику из чайханы. За чаем он стал расспрашивать, как мы путешествовали, что нового в Бухаре, но ни слова о нужных нам товарах. Таков обычай Востока — с делом не спешить.

Наконец Абдурахман начал говорить о деле:

— Видишь ли, Рахматулла-бай, мои баи приехали из Бухары и привезли много товара. Еще больше товара идет за ними. Но они по моему совету хотят купить кое-что здесь для Деннау и Юрчи, куда мы, иншалла, поедем вместе. Так вот, я привел их к тебе, ибо кто лучше тебя знает, что нужно для Деннау, где твой брат Джума-бай является аксакалом.

Долго говорили. Затем выбирали товар. Обмениваясь любезностями, стали торговаться. Спорили. Делали вид, что уходим, ибо у него дорогие цены. Клялись друг другу всеми святыми, что он продает, а мы покупаем себе в убыток. И, наконец, сторговались.

— Хай, Рахматулла-бай, — начал опять Абдурахман после того, как мы ударили по рукам, — ты сам видишь, что баи богатые купцы и хорошие люди. Они закупили у тебя столько товару, но ты знаешь, что сейчас в районе Деннау, куда мы едем, беспокойно, а люди они нездешние. Напиши своему старшему брату аксакалу Джума-баю, что тебе эти люди известны и что ты поручаешь их его покровительству. С этим письмом, иншалла, они продадут успешно товар и вернуться к тебе за новым.

— Хорошо, — ответил Рахматулла, уже опять спокойно-не-

возмутимый, кидая четки. — Позови мирзу (писца), я пошлю привет своему брату.

Подошел уличный писец. Сев на ковер и раскрыв пенал с ручкой и чернилами, он начал писать под диктовку Рахматуллы. Закончив писать, он прочитал написанное вслух и передал письмо Рахматулле. Тот, откинув халат, достал золотые часы на цепочке. На этой же цепочке висела его личная печать. Обмакнув печать в чернила, Рахматулла лизнул конец письма и приложил печать.

— С Богом. Иншалла, благополучно приедете и с пользой будете торговать. Привет моему брату аксакалу, — сказал Рахматулла, передавая письмо и прощаясь с нами.

Раннее утро. Мы в пути на Деннау. У нас три маленьких выносливых осла. На двух сидим я и Осипов. На третьем привязан товар, и изредка на этом же осле отдыхает Абдурахман, идущий пешком. Сейчас он идет за ослом, понукая его палкой.

— Абдурахман-бай, трудно сейчас жить стало. Совсем нет торговли, — сказал я от скуки.

— Да, — вздохнул он, — это революция все испортила. Не будь революции, я теперь богатым человеком был бы.

— А ведь басмачи тоже против революции, почему ты не с ними? — продолжал я.

— Басмачи хотят эмира, — ответил он, оглядываясь по сторонам, точно кто-нибудь в этой пустыне мог его подслушать. — А я знаю, что такое эмир. При старом эмире наш гузарский бек силой взял мою сестру и изнасиловал. А его писарь заставил сожительствовать с ним моего младшего брата. А что сделаешь? Только скажи, и голову отрубят. Нет, лучше русские. Они лучше, чем эмир. Вот теперь Энвер-паша хочет быть эмиром, — продолжал он, — его из Турции выгнали, и он пришел к нам. Они воюют, грабят, а нам житья нет. Да, все плохо. — И он стал бить палкой осла, точно вымещал на нем всю злобу.

— Абдурахман-бай, а почему бы тебе не поехать в Бухару и спокойно там торговать? — не отставал я.

— А как поедешь? У меня семья, трое детей. На торговлю нужны деньги, — ответил он безнадежно. — А хорошо было бы жить в Бухаре. Я там был два раза, — мечтательно добавил он.

У меня мелькнула мысль завербовать его.

— Да, деньги большая сила, а сейчас заработать их очень

трудно, — задумчиво сказал я. — А знаешь, Абдурахман-бай, что русские обещают большие деньги тому, кто найдет Энвер-пашу и сообщит властям, где он укрывается.

— Неужели? А сколько они дают? — спросил он с любопытством.

— Сто миллионов, — ответил я, — я сам читал объявление в Бухаре, когда выезжал оттуда.

— Хоп! Это очень большой капитал. Только зачем они дадут столько денег, если каждый мальчик знает, что Энвер в кишлаках у Деннау, — сказал он с сомнением.

— Ну, а если это правда, ты пошел бы на это дело? — спросил я.

— За половину, за четверть этих денег отдал бы Энвера и всех этих турок. Это они принесли войну в наши края, — с ненавистью сказал он.

— Да, тогда ты был бы очень богатый купец, — сказал я и замолчал. Я решил, что нужно дать время переварить ему эту мысль. Я начал разговаривать с Осиповым о пустяках. Он, ухмыляясь, поддерживал разговор. Он понял мой план и одобряет его.

Вечером мы расположились отдыхать на ковре, расстеленном прямо на земле у придорожной чайханы. После жирного пилава мы пили последний перед сном чай.

— А хороший ты человек, Абдурахман-бай, и я бы очень хотел, чтобы ты разбогател и стал большим купцом. Тогда бы мы вместе торговали, — начал я разговор.

— Да, было бы неплохо, — ответил он.

— Вот ты сегодня говорил, что Энвер у Деннау. А не опасно ли нам ехать туда с товаром? — сказал я, наводя его на разговор об Энвере.

— С письмом к Джума-баю нам бояться нечего. Он сам большой басмач. Все продукты басмачам доставляет он. А может быть, к нашему приезду русские поймают Энвера, и все будет кончено, — закончил он.

— А знаешь, я бы хотел, чтобы ты помог русским поймать его. Тогда бы ты получил большие деньги.

— Я бы тоже хотел. Сто миллионов большие деньги. Но как? Я даже русского языка не знаю, — сказал он.

— Если хочешь, пойдем вместе в Деннау к русскому коменданту, — вмешался в разговор Осипов, — он мой хороший знакомый. Ты ему расскажешь, а я буду переводить. Он тебе, наверно, сразу даст денег.

— Хай! — сказал Абдурахман. — Пойдем с тобой вместе. Только не забудь, Алексан-бай.

Словом, по дороге в Деннау мы окончательно завербовали Абдурахмана. Он оказывал нам ценные услуги, познакомив с местными жителями, рекомендуя нас как мирных купцов и собирая полезные сведения.

Гарнизон Деннау состоял из роты пехоты и эскадрона кавалерии с пулеметами. Жизнь в городе замирала с наступлением сумерек. Чувствовалось, что фронт недалеко.

Мы с Осиповым решили сразу же связаться с начальником гарнизона. Тем временем Абдурахман выяснил, где расположен штаб Энвер-паши. Во дворе у ворот, где размещался гарнизон, было привязано несколько оседланных лошадей. В глубине двора маленькое здание. На двери на листе бумаги старательно карандашом выведено: «Начгар Деннау».

Вошли. За простым кухонным столом, накрытым серым солдатским сукном, сидит военный. Об этом можно догадаться по брюкам-галифе, сапогам и шпорам. До пояса же он раздет, так как стоит сильная жара.

— Вы товарищ начальник гарнизона? — спросил я.

— Да, а в чем дело, граждане? — ответил он, глядя на нас вопросительно.

— Я — уполномоченный Реввоенсовета Туркфронта, — представился я и, достав из кармана ножик, начал распарывать подкладку моего пиджака. Достав из-за подкладки мандат, напечатанный на куске шелкового полотна, подал ему.

«Предъявитель сего тов. Агабеков назначен для активной борьбы с контрреволюционными повстанцами. Всем военным и гражданским учреждениям и лицам надлежит оказать тов. Агабекову всемерное содействие по выполнению возложенной на тов. Агабекова задачи. Член Реввоенсовета Туркфронта Воронин. Начразведупра Ипполитов», — было в мандате.

— А это мой товарищ по связи, товарищ Осипов, — представил я.

— Садитесь, товарищи, — засуетился начгар, предлагая нам стул, на котором сидел.

— Итак, сегодня ночью мы выезжаем к басмачам в штаб Энвер-паши. Установите тесную связь со штабом дивизии и ждите от нас известий, — закончил я беседу с начгаром, и мы вышли.

У нас все готово. Мы получили письмо от Джума-бая, где он рекомендует нас как мирных купцов, и Абдурахман, сия-

ющий, получив от начгара десять миллионов, собирает все вещи в мешки. Ночью мы выехали в кишлаки к басмачам.

Уже вторую ночь мы проводим среди басмачей. Большая часть товаров распродана. Мы уже подружились со многими басмачами и считаемся своими людьми среди них. Вечером мы сидели у чайханы среди басмачей. Настроение у них подавленное. Никуда нельзя носу показать, повсюду Красная Армия.

— Вот подождите немного, — говорит один свирепого вида, со шрамом на щеке басмач, — паша послал послов во все страны мира. Скоро к нам на помощь придут афганцы, а потом и англичане. Тогда уж мы прогоним русских.

— Ждать долго придется, — говорит другой, работающий на кухне у Энвера, — я вчера во время обеда слышал, как паша сказал, что придется здесь прожить не меньше трех недель.

— А хорошо бы сейчас сделать налет на какую-нибудь станцию. Я обязательно захвачу себе русскую жену, — говорит третий, лет сорока басмач с большим хищным носом на худощавом лице.

— Ты лучше гляди, что делает твоя теперешняя жена, — перебивает его другой. Все смеются. Люди оживляются. Разговор завязывается, и каждый вспоминает о замечательных случаях своей жизни.

Я лежал с Осиповым. Мы слушали разговор басмачей.

— Шура, завтра с утра тебе придется выехать вместе с Абдурахманом в Деннау, и пусть немедленно наши окружают кишлак. Слышал, что они намерены здесь жить три недели? — сказал я на ухо Осипову.

— Ладно, а как же ты? — спросил Осипов.

— А я буду здесь ждать результатов.

— Укокошат они тебя одного, — после короткого молчания сказал Осипов. — Давай лучше уйдем вместе.

— Брось дурака валять, — оборвал я его, — делай, что говорят. Ты поедешь под предлогом привезти новую партию товара.

— Ладно, — ответил Осипов и, повернувшись на другой бок, закурил папироску.

Уже четыре дня я один среди басмачей. Товары все распроданы. Мне абсолютно нечего делать. Я почти все свое время проводил в чайхане. Только изредка выходил посмотреть, нет ли чего нового у небольшого глиняного домика, где помещался Энвер-паша. Однажды я его увидел. Он прогуливался в компании одного из своих офицеров. Среднего роста,

красивое лицо, приподнятые кверху усы, аккуратно выбритый. Он носил все еще форму турецкого офицера. Только на голове вместо фуражки красовалась белая чалма. Задумчивое выражение лица. Видно, о чем-то думал.

В одиночестве я тоже думал. И чем больше думал, тем страшнее становилось. Я ведь был молод, и мне также жить хотелось. А тут один, в стане басмачей. Я отгонял эти мысли. Старался думать об успехе дела. Зато как приятно будет, выполнив задание, вернуться в Ташкент. В город, где нет басмачей и где безопасно.

Но назойливые тревожные мысли возвращались. Не напутали бы там наши в Деннау. Не опоздали бы. Но нет, Осипов — верный и умный парень. Он не напугает и не даст напутать. Нужно взять себя в руки и ждать...

На другое утро на осле с товарами приехал Абдурахман. Разгружаясь, он незаметно передал мне клочок бумаги: «Войска вызваны, связь не прерывайте. Случае изменения дислокации противника срочно сообщите».

Я закурил этим клочком бумаги папироску. Опять начали торговать привезенными товарами, время проходило незаметнее.

Поздно вечером приехал Осипов. При виде меня на его лице засияла улыбка.

— Ну, братишка, — начал он, когда мы уединились, — сегодня нужно тикать отсюда.

— Почему? — спросил я.

— Дивизион прибыл в Деннау и к утру будет здесь.

— Ладно, предупреди Абдурахмана.

Через час мы, по одному выйдя из чайханы точно на прогулку, прошли за кишлак. Соединившись в темноте, мы ускорили шаги и, наконец, пустились бежать. Осипов держал в руках наган, захваченный в последнюю поездку. Мы бежали и шли, шли и бежали. Сердце точно хотело лопнуть от напряжения, но мы боялись погони. Мы хотели жить. Наконец вдали послышался глухой топот конницы. Мы бросились в сторону от дороги и залегли. Проехали человек шесть кавалеристов, а за ними показался весь дивизион.

Мы вышли им навстречу. Нас радостно встретили. Дав подробные указания начальнику и комиссару дивизиона, мы двинулись дальше, а кавалерия пошла заканчивать наше дело.

На другой день получили известие, что Энвер-паша убит. Моя задача была выполнена, и я расположился на отдых в

Деннау. Вечером пришло подробное донесение о произведенной операции.

Дивизион, приняв тщательные меры предосторожности, продвигался по указанному нами маршруту. На рассвете войска подошли к месту расположения штаба Энвер-паши. Чтобы отрезать отступление, один эскадрон был отправлен в обход селения.

В семь часов утра войска пошли в атаку на басмачей. Однако врасплох их застать не удалось. Началась перестрелка. Под пулеметным огнем басмачи не выдержали, дрогнули и отступили. Энвер-паша, поняв положение, приказал басмачам держаться, пока он не отойдет вместе со штабом в горы.

Вместе с тридцатью своими приближенными он помчался в противоположную от боя сторону. Расчет его не оправдался. Он наткнулся на эскадрон, посланный в обход селения. Видя себя окруженным, Энвер бросился в рукопашный бой.

Произошла короткая схватка. Штаб Энвера был изрублен шашками. Успели спастись только двое. Красноармейский отряд не знал, с кем вел бой. Лишь потом, при осмотре трупов, опознали Энвер-пашу. Ударом шашки буденовец снес ему голову и часть плеча. Рядом с обезглавленным трупом валялся Коран. Энвер, видимо, держал его в руках, когда повел свой штаб в атаку. Коран отправили в Ташкентское ОГПУ и приложили к делу об Энвер-паше.

Так сложил голову бывший военный министр Турции Энвер-паша, один из авантюристов от революции.

Я лежал на скамейке в кабинете начальника гарнизона Деннау и, подложив под голову седло, отдыхал. В углу сутеллся Абдурахман, заваривая традиционный чай. Он теперь богат, так как получил обещанную награду. Он уже держит себя с другими узбеками очень важно. Но мне он услуживает. Он хочет ехать со мной в Бухару, где думает открыть торговлю.

Сейчас он преданно-ласково смотрит на меня и приготавливает чай. Я также ему улыбаюсь, но вместе с тем зорко смотрю за его манипуляциями.

Не насыпал бы яду в чай. Это на Востоке случается...

Дело Энвера было прекращено и сдано в архив. Басмачество лишилось вождя и пошло на убыль. Приверженцы Энвера рассеялись по стране небольшими группами, искали убежища в Афганистане.

Успешно выполнив операцию, я вернулся в Ташкент и получил двухмесячный отпуск.

Советские власти деятельно ликвидировали остатки басмаческого движения. В районе Восточной Бухары еще держался вождь локайцев Ибрагим-бек, а в Хорезме действовал Джунаид-хан.

Один из руководителей ОГПУ по борьбе с басмачеством, Скижали Вейс, работавший затем за границей под фамилией Шмидт, рассказывал мне, как он расправлялся с басмачами. Он подсылал людей к повстанцам, поручая травить пищу басмачей цианистым калием, от чего погибали сотни людей; люди Скижали Вейса снабжали басмачей самовзрывающимися гранатами, вбивали в седла главарей отравленные гвозди и т. д. Так было уничтожено большинство руководителей басмаческого движения.

СЛУЖБА В КОНТРРАЗВЕДКЕ

В один из ближайших после отпуска дней я пошел зарегистрироваться в ОГПУ (каждый работник ОГПУ после своего откомандирования или ухода продолжает состоять на учете и должен ежемесячно регистрироваться) и встретил там своего бывшего московского начальника Стырне. Оказывается, ОГПУ в конце 1922 года приступило к организации в Туркестане контрразведывательного отдела, и Стырне был прислан из Москвы для постановки дела и руководства. Встретив меня, он пригласил вновь перейти к нему на работу. Я дал согласие и через несколько дней сидел в КРО на должности уполномоченного первого отделения контрразведки. Это было отделение по борьбе с иностранным шпионажем. Начальником отделения состоял небезызвестный Уколов, посланный затем в 1925 году в Кантон; захваченный с документами при нападении китайцев на советское консульство, он был убит китайским полицейским.

В ОГПУ имелись сведения, что английский представитель в Кашгаре Эссертон использует в разведывательных целях кашгарцев, ведущих торговлю с Туркестаном и проживающих на советской территории. Было установлено наружное наблюдение за всеми видными кашгарцами, в частности за аксакалами (старшинами). Ни наблюдение, ни перлюстрация писем никаких улик не давали. Дела пухли от маловажных сведений. Число лиц, подозреваемых в шпионаже, росло, и к моему приходу в одном только Ташкенте числилось до девятисот подозреваемых в шпионаже кашгарцев.

Как велась борьба со шпионажем, можно видеть из следующих примеров.

В январе 1923 года из Бухарского ОГПУ от Лозоватского поступило донесение о раскрытии тайной организации, вербующей людей в Бухаре, снабжающей их оружием и готовящейся к выезду в Семиречье для поднятия восстаний. Руководителями организации являются кашгарцы, действующие по инструкциям англичан. Сведения эти Лозоватский получил от индусского эмигранта Абдул-Каюма, бежавшего из Северной Индии в 1920 году вместе с Роем, вождем индусских коммунистов. Организация должна была проехать через Ташкент.

Каюма срочно вызвали в Ташкент. Он подтвердил донесение и добавил, что организация заготовила даже знамя для восстания. Через несколько дней действительно в Ташкент приехали шесть мужчин и две женщины. По указанию Каюма их арестовали и при обыске обнаружили несколько револьверов и патронов, а также какое-то расшитое полотно, которое, по-видимому, должно было служить знаменем для повстанцев.

Задержанные лица не говорили по-русски. Переводчиком был приглашен тот же Каюм. На допросах арестованные чистосердечно сознались во всем. В ожидании суда их продержали под арестом около восьми месяцев. Тем временем приехал из Памира переводчик памирского отряда Хубаншо. Он как-то встретился с арестованными и передал, что они хотят говорить со мной. В ожидании новых разоблачений я вызвал их к себе. На новом допросе неожиданно выяснилось, что никакого признания они восемь месяцев тому назад не делали, а все запротоколированные показания выдумал сам Каюм, который был и доносчиком и переводчиком. Тут же выяснилось, что оружием и «знаменем» снабдил их под благовидным предлогом тот же Каюм.

Арестованные после девятимесячного заключения были выпущены. Я возбудил дело против Каюма, который в то время уже находился в Москве, но ничего не мог добиться. Каюм и поныне работает переводчиком при полномочном представителе ОГПУ в Средней Азии.

Другой случай.

Поступило агентурное донесение, что один кашгарский купец в разговоре с другими сказал, будто он знает в Ташкенте до тридцати английских шпионов — кашгарцев. Купец был незаметно схвачен на улице и водворен в тюрьму при

ОГПУ, причем в книгах арестованных его записали под другой фамилией, чтобы никто не догадался о его местонахождении. Его допрашивали с пристрастием в течение пятнадцати дней. О шпионаже он ничего не мог сказать. Его освободили и прямо из тюрьмы выслали на китайскую территорию.

Таковы были методы борьбы ОГПУ со шпионажем в 1922—1923 годах.

Спустя месяц после поступления в КРО я был назначен помощником начальника отделения, и ко мне перешли все дела по афганскому и персидскому шпионажу. Нас особенно интересовали отношения афганцев с басмачами. В то время как афганское правительство официально заявляло о своей дружбе с советской Россией, басмаческие шайки всегда находили убежище на афганском берегу Амударьи и оттуда совершали налеты на советскую пограничную стражу.

Что касается Персии, нас не столько интересовала персидская разведка, сколько английская. Английский военный атташе в Мешедэ Томсон имел близкие связи с русскими эмигрантами и пользовался их услугами для разведки в советском Туркестане.

Помню, из Мешедэ прибыл русский эмигрант Герасимов. Он явился в ОГПУ как раскаявшийся и передал нам шифр, якобы украденный у генерала Выгорницкого, проживавшего в Мешедэ и, по нашим сведениям, состоявшего на службе у английской разведки. При подробном допросе он объяснил, что шифр был выкраден персом, слугою Выгорницкого, и передан ему. Еще через несколько дней, на очередном допросе, он обмолвился, что перс был неграмотен. В ответ на вопрос, как же неграмотный перс мог узнать шифр, Герасимов сознался, что его прислал военный атташе. Герасимова расстреляли.

Вслед за ним прибыл другой эмигрант, некто Багдасаров. Он работал в Мешедэ у англичан шесть месяцев с ведома советского консула, получил задание и явки от англичан и с нашего же ведома приехал в Туркестан. Благодаря Багдасарову, была выявлена часть английской агентуры в Туркестане. Ее мы и использовали для дезинформации представителя английской разведки. Одновременно в Ташкенте возникла идея организовать агентуру для борьбы со шпионажем в приграничных районах. Первые опыты были начаты в Хоросане, и представительство ОГПУ было поручено советскому консулу в Мешедэ Хакимову.

Хакимов вскоре уехал, и его заменил Апресов, прослуживший затем консулом в Мешед в течение трех лет. Хакимова же перевели в Аравию, где он сейчас состоит полпредом СССР в Йемене при имаме Яхья.

Апресов, занимая должность советского консула и резидента, являлся одновременно представителем Разведупра и Коминтерна и работу в Мешед поставил на должную высоту. Юрист по образованию, очень толковый, хорошо знающий психологию Востока, владеющий персидским языком и тюркским наречием, любящий риск и приключения, он самой природой был создан для работы в ОГПУ на Востоке. К тому же он имел некоторую практику в работе. Будучи советским консулом в Реште, он сумел похитить через сожительницу английского консула в Реште архив консула, чем завоевал полное доверие этого учреждения.

Апресов взялся за работу, и к середине 1923 года от него стали поступать копии всей секретной переписки английского консульства в Мешед с английским посланником в Тегеране и с индийским генеральным штабом. К этому времени я уже занимал пост начальника отделения, так как Стырне уехал в Москву в контрразведывательный отдел, где состоит поныне в должности помощника начальника КРО, а в Туркестане его заменил Уколов. Несмотря на успехи Апресова, ОГПУ не было им довольно, потому что свои донесения он в копиях посылал Разведупру и Наркоминделу, а ОГПУ любит владеть информацией монополично. Поэтому было решено послать в Мешед специального человека для продолжения нашей работы. К этому вынуждало также то обстоятельство, что Шумяцкий, полпред СССР в Тегеране, уехал в отпуск и, оставив Апресова своим заместителем, велел ему выехать в Тегеран.

Сперва был послан в Мешед некто Вонаг под видом управляющего делами конторы Нефтесиндиката. Затем Вонага сменил Вербов, старый партиец, выживший из ума старик; Москва прислала его нам, желая от него избавиться.

К тому же времени мы учредили резидентуру ОГПУ в Мазари-Шерифе (Афганистан); работа была поручена консулу Думпису.

Иллюстрацией того, как мы в то время работали и к каким средствам прибегали для добывания нужных сведений, может служить следующая история.

Как я упоминал, нас весьма интересовало отношение Афганистана к басмачеству и роль афганского консула в Ташкенте в этом деле. Для целей осведомления мы исполь-

зовали памирского переводчика Хубаншо, таджика по национальности, который, еще в Памире помогал нам вести разведывательную работу в Индии. Для этой работы был выбран именно он, так как афганский консул в Ташкенте тоже был таджиком.

Подосланный к консулу Хубаншо быстро с ним подружился. Используя племенную вражду между афганцами и таджиками, он уговорил консула продать нам шифры и секретную переписку консульства. Однако консул запросил за это десять тысяч рублей золотом и не соглашался уступить за тысячу, которую мы предлагали. Тогда мы решили получить шифры и переписку даром. Выбрав день, когда в консульстве остались только консул и секретарь (охрану мы не считали: она была нашей), мы пригласили консула на ужин, а секретаря вызвала к себе его сожительница (наша агентша). В консульстве никого не осталось. Ужин мы устроили с вином и женщинами. К концу пиршества одна из женщин всыпала консулу в стакан снотворное, и к одиннадцати часам вечера консул спал беспробудным сном. Мы же, отстегнув у него с часовой цепочки ключи от несгораемого шкафа, проникли в консульство и сфотографировали все, что нам было нужно. После операции ключи были водворены на место. На следующее утро консул проснулся в объятиях одной из пировавших с ним женщин и, ничего не подозревая, с головной болью вернулся в консульство.

В заключение этой главы расскажу об убийстве атамана Оренбургского казачьего войска Дутова.

Разведупр Туркестанского фронта имел в Чугучаке секретного агента, бывшего штабс-капитана. Ему поручили убийство атамана Дутова, находившегося со своим штабом в Западном Китае. Штабс-капитан нанял для убийства одного киргиза. Киргиз выполнил свою задачу превосходно.

На быстром коне он подсказал к штабу Дутова и попросил вызвать атамана, для которого он якобы привез личный секретный пакет. Дутов вышел на крыльцо. Киргиз подал левой рукой пакет. Когда Дутов взял пакет, киргиз правой рукой выхватил револьвер и, выстрелив в упор, убил атамана наповал. Повернув коня, убийца умчался к советской границе и был пропущен в СССР.

За это дело киргиз был награжден орденом Красного Знамени. Офицер же, организовавший убийство, получил в на-

граду полную амнистию, советский паспорт и возвратился к своей семье в Ташкент.

По приезде в Ташкент ОГПУ вызвало его, чтобы расспросить о положении в Западном Китае.

Окончив допрос, во время которого он весь дрожал, я спросил, в какой части города он живет, и, узнав, что нам по пути, вышел вместе с ним. На улице к офицеру подошла женщина, оказавшаяся его сестрой. Он мне признался, что, получив вызов в ОГПУ, он думал, что его расстреляют, и взял с собою сестру, чтобы она хотя бы знала, что с ним случилось. Выйдя живым, он радовался, как мальчик. Мы устроили его на службу куда-то бухгалтером, однако через месяц он явился ко мне как-то вечером и в крайне возбужденном состоянии просил меня сказать, почему за ним продолжают следить. Я пытался его разуверить. Он ушел, видимо не поверив. Еще через месяц явилась его сестра и сказала, что брата, заболевшего манией преследования, отвезли в больницу. Нервы этого человека, бывшего восемь лет на войне, не выдержали страха перед ОГПУ.

ОГПУ И КОНТРАБАНДИСТЫ

Звонит настольный телефон. Я поднял трубку.

— Слушаю!

— Откуда говорят? — спросил голос.

— Это ОГПУ, — ответил я. — Кто спрашивает?

— Это товарищ Агабеков?

— Да, я вас слушаю.

— Здравствуйте, товарищ Агабеков, говорит с вами Доктор. Нельзя ли сейчас с вами встретиться? У меня срочное дело.

— Одну минутку, — ответил я в трубку и посмотрел на часы. — Хорошо, я буду через полчаса на нашей квартире, — и положил трубку.

Я начальник отделения по борьбе со шпионажем и контрабандой в Ташкенте. В моем распоряжении до пятидесяти секретных агентов, работающих повсюду, начиная с иностранных консульств и кончая гостиницами и базарами. Я говорил по телефону из своего кабинета, комнаты № 14. Звонил мне секретный агент по кличке Доктор, дававший сведения о контрабандистах. Это очень пронырливый человек из бывших торговцев. Раньше, вероятно, сам занимался контрабандой, а потом нашел более выгодным выдавать вчерашних своих кол-

лег. Он даром не любит меня тревожить. Его сведения всегда наводят на верное дело.

Я запер бумаги в несгораемый шкаф, сунул в карман револьвер, лежавший на столе, и вышел из кабинета.

В гостинице «Касым», на Ура-Тюбинской улице, один из номеров занят неизвестным лицом. Это одна из моих конспиративных квартир. При входе в номер со стула поднялся мне навстречу выше среднего роста пожилой человек с брюшком. Тупые черты лица оживляли хитрые карие глаза. Большой загнутый нос придавал лицу хищный вид. Это — Доктор, прозванный мною этой кличкой, ибо он прекрасно разбирается в качестве контрабандных химических продуктов.

— Что у вас нового? — спросил я, усаживаясь.

— Маленькое дело, товарищ Агабеков, — сказал он, улыбаясь. — Я уже давно слежу за группой лиц, торгующих опиумом и сантонином, и вот сегодня я выяснил, что продавцом этих товаров является одна женщина по фамилии Н.

— Вы знаете ее адрес? — коротко спросил я.

— Да, я уже успел с ней познакомиться и побывал на ее квартире. Сейчас она имеет в наличии два пуда опиума и десять сантонина. Я обещал сегодня же привести к ней покупателя на эти товары. Так что дело верное.

— Так что же вы предполагаете делать? — спросил я.

— Я думал, не будет ли лучше, если вы пойдете со мной к ней под видом покупателя. Тогда вы сами убедитесь в наличии товара, — предложил Доктор.

Я, обдумав предложение Доктора, согласился.

— Тогда пойдем сейчас же, — сказал он и, выходя из комнаты, добавил: — Только, товарищ Агабеков, не забудьте мою долю после ликвидации дела. Вы знаете, что у меня семья и сто пятьдесят рублей жалованья хватает с трудом.

— Не беспокойтесь, — прервал я его жалобы, — вы получите третью часть казенной стоимости захваченной контрабанды. Вам это полагается по закону.

Дойдя до небольшого домика, мы постучались в калитку. Вышла средних лет блондинка с утомленным и озабоченным лицом. Видно, она вышла из кухни, не успев снять передника. Доктор любезно поздоровался и представил меня. Она спокойно посмотрела на меня и, видимо не найдя ничего подозрительного в моем виде, предложила войти.

— Посидите в комнате, я сейчас, — сказала она, направляясь на кухню. Через минутку она вернулась к нам уже без передника и села.

Торг наш был очень короткий. Она вытащила из-за стенового зеркала кусок опиума и порошок сантонина и передала нам как образец товара. Мы попробовали товар, нашли его подходящим и быстро пришли к соглашению в цене.

— Извиняюсь, мадам, я не знал, что мне сегодня придется купить такую большую партию товара, и не взял с собой достаточно денег. Если вам не трудно, я бы предложил вам пойти на мою квартиру, где вручу вам деньги, — предложил я.

— Хорошо, я только оденусь, — согласилась она и ушла в другую комнату.

— Итак, Доктор, когда мы выйдем из дома, вы покинете нас под благовидным предлогом. Ее же я возьму к себе, — прошептал я своему осведомителю. — Вечером придете на конспиративную квартиру, я вам принесу деньги за работу.

— Спасибо, — ответил он. — Кстати, у меня есть еще одно дельце. Может быть, к вечеру я сумею кое-что выяснить и передать вам.

Мы шли по улице с женщиной одни. Несмотря на жару, она оделась в темное осеннее пальто, в котором ей, очевидно, жарко. Я вел ее по направлению к нашему зданию.

— Слушайте, гражданин, далеко еще до вашей квартиры? — спросила она после десятиминутной ходьбы.

— Нет, осталось всего два квартала, — успокаивающе ответил я. Мы завернули за угол, и вдали показалось наше огромное четырехэтажное здание.

— Ах, я что-то неважно себя чувствую, очень жарко, — беспокойно сказала моя спутница, распахивая пальто.

Мы все ближе подходили к комендатуре.

— Ах, слушайте, — опять сказала она, — где же ваша квартира? Я что-то беспокоюсь, мне страшно почему-то.

Женщина, видимо, чувствовала что-то неладное.

— Что вы боитесь, мадам, — успокаивал я ее. — Вот сейчас мы придем ко мне, получите деньги, и все будет кончено.

Осталось несколько шагов до комендатуры.

— Ох! Я больше не могу идти. Я не хочу идти дальше. Мне страшно. Слушайте, это же ОГПУ! — выговорила она, уже чуть не плача. В глазах ее виден испуг и ужас.

— Не бойтесь! Разрешите вас поддержать! — Я взял ее под руку и повел в комендатуру. Она покорно шла.

Длинная комната. Стоят три стола, отделенных деревянным барьером от посетителей. За первым столом сидит дежурный комендант. Темно-синяя фуражка с красным околы-

шем, защитного цвета гимнастерка, неизменный револьвер на ремне через плечо. Темно-синие жандармские брюки заправлены в сапоги. У дверей стоит красноармеец с винтовкой.

— Товарищ дежурный, отправьте эту женщину под конвоем ко мне наверх, — обратился я к коменданту.

— Слушаю, товарищ Агабеков!

Я вышел из комендатуры. Уже в дверях я слышал грубый голос дежурного:

— Ваша фамилия, гражданка? — это он заполнял для нее пропуск в здание.

— Итак, гражданка, вам, я полагаю, запирается уже нечего. Скажите, где у вас спрятан товар и кто вам его доставляет? — спросил я.

Женщина сидела на стуле предо мной с бледным лицом, но она уже несколько пришла в себя и, видимо, приняла какое-то решение.

— У меня нет никакого товара, — ответила она.

— Как нет товара? А что же вы мне собирались продавать? — спросил я.

— Я только была посредником у другого человека. Если я продала бы товар, то взяла бы у хозяина. А у меня самой товара нет. Можете обыскать мою квартиру, — с жаром проговорила она.

— Ну, мы это сделаем без вашего предложения, а пока в таком случае скажите, у кого же вы должны были взять товар? — задал я вопрос.

— Ну, а это — хоть расстреляйте меня на месте — не скажу. Ни за что не скажу! — уже истерично кричит она.

— Что же, придется вам посидеть в подвале, пока не скажете, — спокойно сказал я.

— Товарищ красноармеец, — обратился я к часовому, сопровождавшему женщину ко мне и ожидавшему у двери, — отведите гражданку обратно в комендатуру, и пусть ее посадят до моего распоряжения.

Красноармеец подошел к женщине. Она встала и направилась к двери; однако, не дойдя, она резко повернулась и, рыдая, говорит:

— Ах, не сажайте меня в подвал. У меня ребенок, что я буду делать? Господи, Господи! Я все скажу, только не сажайте.

— Так, я вас слушаю, — сказал я, приглашая занять место.

— У меня нет товара. Товар принадлежит Ахун-баю, кашгарскому купцу, который давал продавать мне на комиссию. Я бедная женщина, у меня ребенок. Нечем жить, — говорила она с трудом, сквозь рыдания.

— Скажите адрес Ахун-бая, — требовал я.

— Он живет на Урбе, — называет улицу. — Только, ради Бога, не сажайте меня в тюрьму.

— Хорошо, я должен проверить ваши показания, но я предупреждаю вас, что за контрабандную торговлю следует три года тюрьмы, и вы их получите, если сказали неправду. А если вы сказали правду, то мы посмотрим, что можно сделать для вас. Сейчас же вы посидите в комендатуре, пока я проверю ваши показания.

Через полчаса я, снабженный ордером на обыск и арест, подъехал к ее квартире. Калитка была незаперта. Пройдя двор, я вошел в коридор и увидел направо кухню. Стоя у шипящего примуса, худенькая девочка лет двенадцати, надев передник матери, что-то размешивала в кастрюле.

— Как тебя зовут, девочка? — спросил я, подойдя к ней.

— Ольга, — ответила она, продолжая свое занятие.

— А что ты делаешь, Ольга? — спросил я.

— Мамы нет дома, и я смотрю за обедом, чтобы не пригорел, — ответила она.

— А где твоя мама? — опять задал я вопрос.

— Она ушла в город и придет к обеду. А ты можешь подождать ее, — предложила она, — она скоро придет.

Я смотрел на эту девочку, ожидавшую свою маму к обеду. Мысли роем неслись в голове. Глядя на ее русую головку, я думал: «А что она будет делать, если ее мама не придет к обеду ни сегодня, ни завтра, ни через год?» Я вспомнил, что мне нужно сделать обыск. Но как? Как я мог делать обыск, раскидывать в комнатах вещи в присутствии этого ребенка, ожидавшего мать к обеду? Нет, ни за что!

— Нет, Ольга, я пойду, а ты смотри за обедом, — сказал я, глядя ее мягкие русые волосы.

И в первый раз за всю службу я не выполнил своего долга. Я ушел, не сделав нужного обыска.

Я остановился в одном из узких переулков Урбы у обитой жестью калитки и постучал. Через минуту за дверью послышались шаги, и калитка открылась. Передо мной стоял маленького роста смуглый кашгарец, на лице которого при виде меня выразилась жалкая улыбка.

— Вы гражданин Ахун-бай? — спросил я по-русски.

Он мотнул головой.

— Я сотрудник ОГПУ и имею ордер на производство у вас обыска, — сказал я, перешагнув порог.

— Пожалуйста, — ответил он и начал беспомощно суетиться передо мной. — Только я вас прошу, пожалуйста, делайте все потихоньку, чтобы моя жена не слышала. Она лежит больная.

— А что с ней? — спросил я.

— Она вчера родила мальчика, — ответил он, и на минутку на его лице показалась счастливая улыбка.

Я ему не поверил. Наверно, это трюк, чтобы получше запрятать контрабанду. Я пошел вперед и открыл первую дверь. Полутемная комната. Прямо на полу постелена постель, в которой лежит еще молодая женщина с бледным больным лицом. Рядом с ней что-то копошится и издает писк. С другой стороны сидит другой ее ребенок, мальчик лет четырех. Он смотрит на меня своими черными большими глазами, держа палец во рту. Я выскочил из комнаты и закрыл за собой осторожно дверь.

— Слушай, Ахун-бай... — обратился я к кашгарцу, и мы с ним говорили целый час.

В своем кабинете за письменным столом сидел начальник секретно-оперативной части Моисей Борисович Гордон. Несмотря на свои сравнительно молодые годы, он уже до того разжирел, что едва помещается за столом. Его толстое рыхлое лицо и шевелюра сильно напоминают Зиновьева, и он, зная это, старается подражать председателю Коминтерна. Я сидел напротив и докладывал о работе моего отдела.

— Слушай, Агабеков, у тебя происходит что-то странное. Ты сегодня кого-то арестовывал, куда-то ездил с обыском — и в результате ничего. В чем дело? — спросил он.

— Да, я задержал двух контрабандистов, но после допроса решил отпустить, — ответил я.

— Почему? — опять задал он вопрос, подозрительно глядя на меня.

— Потому что оба они оказались лишь посредниками и у них не было обнаружено никакого товара. Кроме того, я долго говорил с задержанным кашгарцем и в результате завербовал его. Он обещал в течение месяца поймать для нас минимум сорок пудов контрабанды. Наконец, я думаю, что он нам пригодится и для разработки кашгарского шпионажа у нас. Исходя из этих соображений, я решил, что нам полез-

нее иметь сорок пудов опиума и плюс агента, чем лишнего арестованного в подвале, — ответил я.

— Да, но по закону ты не имел права освободить их, раз налицо совершенное против государства преступление, — уже нервничая, говорил Гордон.

— Товарищ Гордон, может быть, с точки зрения законов вы и правы. Но я смотрю на дело иначе. Основной революционный закон — это закон целесообразности. В этом ведь коренная разница между нашими и буржуазными законами. Так нас учила и учит наша партия. Сейчас нам нужна валюта, и я уверен, что мы получим больше пользы от кашгарца, который нам будет помогать ловить контрабанду, чем от кашгарца под замком. Впрочем, если вы находите в моих действиях состав преступления, то можете привлечь меня к ответственности. Я же обращусь в комитет партии, — угрожающе добавил я.

Я знал, что Гордон боится партийного комитета, ибо у него много грязных поступков, мне известных. Кроме того, ведь я был секретарем бюро ячеек ОГПУ и членом партийного комитета. Он побоится поднять дело против меня.

— Ну, ладно, дай Бог, чтобы ты оказался прав, — сказал он, вздыхая, уже примирительным тоном.

Я оказался прав. Благодаря кашгарцу мы обнаружили не сорок, а сотню пудов контрабанды. Он же оказался полезным и в политических делах. Интуиция и на этот раз меня не обманула.

РАБОТА В ПАРТАППАРАТЕ

В августе 1923 года моя разведывательная работа кончилась. На очередных партийных перевыборах меня избрали секретарем ячеек войск органов ОГПУ в Средней Азии и членом комитета партии в Ташкенте.

Я вступил на новое поприще партийной работы. Описывать ее не буду; она заключалась в получении директив из вышестоящих партийных органов и проведении их в жизнь. Остановлюсь только на партийной дискуссии 1923 года между Центральным Комитетом и Троцким. По этому случаю из Москвы приехал специально Межлаук, ныне работающий в Высшем совете народного хозяйства, и, собрав весь партийный актив района, или аппарат, как его называл Троцкий, дал нам соответствующую линию поведения. Однако, несмотря на мои и всего начальства ОГПУ старания, несмотря на суровую

дисциплину в органах и войсках ОГПУ, все-таки при голосовании 45 процентов партийцев оказались на стороне Троцкого, и то только потому, что счетчики голосов были наши. Как потом выяснилось, в центральном ОГПУ в Москве также большинство сотрудников стояло за Троцкого, и дело дошло до того, что собрание пришлось прервать на сутки, а на следующий день вызвать из Ленинграда Зиновьева, который в четырехчасовой речи наконец убедил сотрудников голосовать за Центральный Комитет партии.

О том, насколько советские государственные органы зависимы от партии, показывает также следующий случай. Предстоял большой показательный процесс в Верховном суде Туркестана.

В один из дней по вызову заведующего орготделом я явился в областной комитет партии. Постучавшись, вошел к нему в кабинет. Небольшая, хорошо обставленная, но грязная комната. Пыль на креслах, на столе. У одной стены стоит большой книжный шкаф, набитый книгами, газетами, брошюрами. В углу на древках стоят несколько свернутых знамен, покрытых пылью. Несколько полотнищ с разными лозунгами прибиты к стене. За столом сидит заведующий орготделом Галустян с выделяющейся большой стриженной черной головой. Он просматривал и подписывал какие-то бумажки.

— А, товарищ Агабеков, садитесь. У меня для вас важное поручение, — проговорил он, торопливо делая пометки на бумаге и отодвигая от себя все папки в сторону.

Взяв одну из лежащих на столе папирос, я закурил и сел.

— Так вот, вы знаете, наверно, о деле Махлина, Мадуева и К°, этих мерзавцев, — начал он.

Я кивнул головой. О Махлине, заведующем исправдомом (тюрьмой), я слышал, что он, пользуясь своим служебным положением, брал взятки, злоупотреблял властью и заставлял арестованных женщин сожительствовать с ним. Кроме того — и это было главное, — на Махлина поступил донос, будто он служил в контрразведке у англичан, когда англичане занимали Туркестан (доказательство по последнему пункту, кстати, так и не было представлено).

— Дело в том, — продолжил заведующий, — что Махлин и Мадуев — коммунисты, или, вернее, были коммунистами, потому что сейчас партийные билеты у них отобраны. Слухи об их деяниях проникли в рабочую массу и вызывают возмущение. У меня имеется много заявлений на этот счет от

наших товарищей партийцев. Поэтому мы решили их расстрелять не обычным порядком, а предварительно устроить показательный процесс. Нужно показать массам, что советская власть расправляется с провинившимися коммунистами так же, как и с контрреволюционерами. По нашему предложению ОГПУ передало их дело в Верховный суд, который и будет судить. Председателем суда назначен товарищ Смирнов, вы, наверно, его знаете, а членами суда мы решили назначить вас и одного товарища женщину из женотдела. Так вот, нужно повести дело так, чтобы массам была ясна их классовая чуждость, и приговорить их к расстрелу.

— А каково мнение Центрального комитета партии? — спросил я.

— ЦК утвердил наше решение, — продолжал Галустян, — и даже сам Межлаук (председатель Средазбюро ЦК. — *Ред.*) будет выступать общественным обвинителем. Тут все согласовано. Вам только нужно технически провести процесс. В особенности вам, ибо, между нами, ведь Смирнов неграмотный, а товарищ из женотдела не в счет. Поэтому вам придется, так сказать, подводить под статьи. Я думаю, вы по своему опыту в Чека это дело сумеете провести.

— Будет сделано, — ответил я. — Когда же начнется процесс?

— Да вот завтра мы вынесем постановление о назначении вас членом Верховсуда. Затем нужно нажать на профсоюзы, чтобы они мобилизовали как можно больше народа на процесс, и, я думаю, со следующего понедельника можно начать. Другие члены суда уже инструктированы, и о деталях вы сами с ними договоритесь, — закончил он.

На прощание он мне подарил несколько новейших брошюр, и я вышел на улицу из областного комитета партии.

Итак, с завтрашнего дня я буду членом Верховного суда и должен публично выступать как представитель правосудия. Первой моей мыслью было сейчас же пойти в Верховный суд и ознакомиться со следственным материалом. А затем я, вспомнив инструктирование Галустяна, подумал: «Зачем? Ведь вопрос уже решен. Нужно просто приговорить к расстрелу». И я повернул к себе в здание Чека.

Не успел я, придя к себе в кабинет, приняться за дела, как позвонил телефон.

— Это Агабеков? Здорово, говорит Смирнов. Слушай, нам придется с понедельника работать вместе. Так вот, суд будет

заседать в театре «Колизей». Начнем с трех часов дня, чтобы публика успела подойти.

— Хорошо, это все? — спросил я.

— А с делом не хочешь ли ознакомиться, их тут четыре папки? — в свою очередь спросил Смирнов.

— Нет, — ответил я, — не стоит терять время.

— Правильно, на суде во время допроса лучше разберемся, чем по бумагам. Ну, прощай.

— Прощай, — я положил трубку.

Театр «Колизей». Большое круглое здание, вмещающее до 4 000 человек. Оно было построено под цирк, но впоследствии переделано в театр. Весь состав суда, в том числе и я, собрался за кулисами. Я взглянул сквозь щель занавеса. Партер уже был заполнен публикой, но прибывали все новые партии профсоюзников. На эстраде стоял длинный стол, покрытый красным сукном. Комендант суда устанавливал на столе чернильные приборы, графин с водой и звонок. Направо от стола виднелась кафедра для прокурора. Налево были расставлены под одной из лож стулья для защитников. Вверху в ложе уже сидели подсудимые.

Наконец раздалась команда коменданта суда: «Встать. Суд идет», — и мы вышли из-за кулис. Все заняли свои места. Председатель суда Смирнов, маленького роста, с изрытым оспой лицом и красноватым от чрезмерного злоупотребления спирта носом, сел посередине между мной и женщиной. Он держит себя важно и, видимо, чувствует себя уверенно. Я в форме, а женщина — член суда — в кожаной тужурке. Направо от нас разместился прокурор, еще молодой человек с высохшим лицом и воспаленными красными глазами. Он молодой коммунист, и данный процесс был первым серьезным делом, порученным ему партией. Он явно волновался. Налево сидели защитники. Видно, старые, опытные юристы. Они держались очень спокойно. Безнадежно спокойно. Видимо, и им было известно, что весь этот суд — простая комедия и что приговор уже имеется наготове.

Обвиняемых трое: заведующий исправдомом Махлин, областной прокурор Мадуев и один из следователей прокуратуры. Махлин, с крупными чертами лица, живыми энергичными глазами, коммунист, сидел уверенно и спокойно. Точно своим видом он старался показать суду и публике, что привлечение его к суду является очевидным недоразумением, и вот суд все это выяснит, и он вновь займет свое прежнее положение. У Мадуева интеллигентное лицо.

Старый юрист, стоявший всегда на страже законов, он сейчас чувствует себя смущенным, оказавшись перед судом. Причем он, видимо, хорошо не знает, в чем его обвиняют, ибо все предъявленные ему обвинения ни к какой статье закона не подходят. Держал себя Мадуев скромно и с достоинством. Следователь же несколько нервничал и поглядывал в сторону Мадуева, точно считал его все еще начальством и искал моральной поддержки. За подсудимыми стояли два конвоира с обнаженными револьверами.

Публика, уже переполнившая зал, как видно, прочно усе-лась, ожидая интересного зрелища. Кое-где было слышно пощелкивание семечек.

Из обвинительного акта, который нудным голосом прочитал председатель суда, было видно, что Махлин, занимая должность заведующего тюрьмой, возмутительно обращался с арестованными. Будучи сам коммунистом, он не переносил арестованных из бывших коммунистов и так издевался над ними, что один из них повесился в своей камере. С тюремными деньгами и хозяйством он обращался как со своей собственностью.

Мадуев и следователь обвинялись в укрывательстве Махлина, ибо по занимаемой должности они должны были знать о действиях Махлина и не приняли никаких мер.

Суд начался обычными вопросами председателя к подсудимым. Затем стали выступать свидетели, состоявшие почти сплошь из тюремных обитателей. Говорили главным образом женщины. Перебирали всю грязь советской тюрьмы, должностующей служить новым методам искоренения преступлений и перевоспитания человека. Допрос подходил к концу, а доказать только можно было, что Махлин сожительствовавал с двумя заключенными женщинами. О Мадуеве и следователе же никто и не упомянул на суде.

Я плохо следил за процессом суда. Я сидел и смотрел на Махлина, который усердно парировал все выступления против него, и думал: «А ведь тебя расстреляют. Хотя ты и жил только с двумя женщинами. И в сущности какое же это преступление? Кто из советских, даже маленьких, начальников не живет с подчиненными им по службе женщинами? Ведь если всех их расстрелять, то и большевиков не останется! А вот тебя, Махлин, для примера расстреляют. Хоть будь ты чист как стеклышко — расстреляют. Есть постановление Центрального Комитета партии. А поскольку это так, то зачем терять время мне да и тысячам рабочих и служащих на слушание процесса? Не лучше

ли сразу ухлопать подсудимых без этой комедии?» И сам же себе ответил: «Нет, партия права. Мало их расстрелять, нужно еще на этом деле заработать, обработав общественное мнение». Я продолжал терпеливо заседать на суде.

Не буду останавливаться на всем процессе. Он тянулся десять дней. Опишу лишь выступление члена ЦК Межлаука в качестве общественного обвинителя.

Высокий, худощавый, еще довольно молодой человек, с решительным выражением лица и хорошо подвешенным языком, Межлаук действительно ярко обрисовал картину ужасов советских тюрем вообще. Покончив с описанием, он взял Махлина как представителя тюремной администрации, и получилась картина, что не советская власть, а Махлин виновник каторжных условий в советских тюрьмах. О других подсудимых Межлаук не имел материала, но зацепился за то, что прокурор Мадуев до ареста не внес членских взносов в профсоюз за четыре месяца.

— Значит, они даже не члены профсоюза, — кричал Межлаук, — они потеряли связь с массами. Они потеряли тот компас, который должен был их ориентировать на массы. Они оказались чужды им. Нет им места в обществе, которого они не признают. Пролетарский суд должен безжалостно вырвать и очистить советскую общественность от остатков буржуазных корней, — закончил он.

Гром аплодисментов огласил зал. Иначе и не могло быть, ибо говорил член Центрального Комитета правящей партии.

Наконец мы ушли за кулисы для вынесения приговора. Нас троих заперли в маленькой комнате и за дверь поставили часового. Никто не должен входить к нам, говорить с нами, влиять на нас при вынесении приговора. Мы должны сами беспристрастно решить участь подсудимых. Какая насмешка! Ведь мы получили директиву приговорить их к расстрелу за неделю раньше суда. К чему эта комедия?

Вечером жена Смирнова принесла обед для нас троих. Зная обычай мужа, она прислала также бутылку «рыковки». Смирнов кушал и запивал, вернее, пил и закусывал. Он доволен. Он выполнил свою часть работы и теперь отдыхал. Женщина читала какую-то брошюру. Я сидел и составлял обвинительное заключение. Передо мной — пачка чистой бумаги и Уголовный кодекс. Я писал и переписывал. И так до глубокой ночи. Остальные уже спали.

Только на следующее утро мы покинули совещательную комнату и вернулись в зал. Та же обстановка, только больше народу. Смирнов стал читать:

— «На основании статей таких-то... все приговорены к расстрелу».

Жуткая тишина длилась бесконечную минуту. Первыми очнулись конвоиры и стали торопливо выводить осужденных. Затем начала выходить публика.

В кабинете у заворгота областного комитета партии на этот раз весь состав суда и прокурор.

— Товарищи! ЦИК СССР утвердил приговор только над Махлиным. Остальным расстрел заменили: Мадуеву — десять лет и следователю — восемь лет исправительных работ. Завтра нужно приговор над Махлиным привести в исполнение, — обратился к нам Галустян.

— По закону при расстреле должен присутствовать один из членов суда, представитель прокуратуры и доктор, — вставил прокурор.

— Ну и прекрасно, — ответил ему Галустян. — Будете присутствовать вы и товарищ Агабеков. А доктора возьмите где-нибудь. Об остальном позаботится комендатура ОГПУ, куда я уже звонил, — закончил он.

Прокурор ничего не ответил, но его бледное лицо еще более побледнело.

К зданию Верховного суда подкатила легковая машина, за ней следом подошел грузовик с несколькими красноармейцами. Мы сели в легковую машину и поехали по направлению к тюрьме. За нами следовал грузовик. Дверь тюрьмы открыл сам заведующий исправдомом (уже новый). Он нас поджидал. Мы направились к одиночной камере Махлина. Узкая квадратная комнатка без всякой мебели. Под потолком маленькое окошечко с густой железной решеткой. Махлин сидел на асфальтовом полу с разутыми ногами. Сапоги его стояли тут же рядом. Увидев нас, он, не вставая, выжидательно смотрел. Видно, еще до сих пор не верил, что будет расстрелян. Он надеялся на отмену приговора и сейчас ждал, что мы ему сообщим.

— Гражданин Махлин, ЦИК СССР отказал вам в помиловании, поэтому сегодня приговор суда должен быть приведен в исполнение. Имеете ли вы что-либо передать вашим родным и друзьям? — сказал я.

Еще минуту он смотрел на меня, точно воспринимая произнесенные мною слова. Затем глаза его потухли, и вместе с

потерей надежды он как-то весь опустился, точно проткнутая шина. Он молча сидел и не шевелился.

— Итак, передавать нечего? — переспросил я. — Ну, в таком случае одевайтесь.

Он взял один сапог и хотел натянуть на ногу. Затем, видимо, раздумал и, отложив сапог, обратился ко мне:

— Товарищ Агабеков, у меня остаются жена и четверо детей. Передайте им сапоги, кольцо и вот куртку. Мне они теперь не нужны, а им, сиротам, пригодятся, — говорил он как бы сам с собой, снимая куртку.

Я больше не мог выдержать, глядя на эту сцену. Я вышел из камеры и ушел ждать в канцелярию тюрьмы. С завязанными назад руками красноармейцы бросили Махлина на дно грузовика. Вероятно, ему было больно и неудобно лежать на досках. Но до этого ли ему сейчас? Он ведь теперь всего лишь груды мяса. Что ему ушибы? Через час он будет ничто.

Грузовик быстро помчался вперед. Мы, следуя за ним, глотали облака пыли, поднятые им. Наконец выехали за город; еще немного — и грузовик, подъехав к холмам, остановился. Пока красноармейцы высаживали Махлина, мы также подъехали и вышли из машины. Земля была покрыта еще не успевшей высохнуть весенней травой. Легкий ветерок играл ею, раскачивая тонкие стебельки. В стороне от дороги, в тридцати шагах, виднеется яма, приготовленная заранее красноармейцами.

Махлин уже стоит на ногах. Ему предложили идти в сторону ямы. Он боязливо и неуверенно сделал несколько шагов. За ним с наганами в руках шли красноармейцы. Вдруг выстрел и одновременно пронзительный крик... Махлина не видно. Он свалился на землю. Два выстрела в упор — доканчивают.

Доктор нервно-суетливо побежал к трупам, но, не дойдя, отбежал назад.

Прокурор стоял с открытым ртом, бледный как смерть. Правосудие свершилось.

ТРОЦКИЗМ СРЕДИ ЧЕКИСТОВ

Выше я уже упоминал о том влиянии, которое имел Л. Д. Троцкий на сотрудников ОГПУ. В этой главе рассказ о том, как это влияние выкорчевывалось.

В кабинете секретаря Новгородского комитета ВКП(б) Епанешникова набилось человек тридцать. Дело было в конце 1923 года. За закрытыми окнами валил снег. В комнате стоял густой чад от накуренного табака. Маленькая открытая фор-

точка была не в силах вытянуть густые клубы дыма, и воздух в комнате становился все более нестерпимым.

Однако никто из присутствовавших не обращал на это внимания. Собравшиеся представляли собой партийный актив городского комитета партии, и им сегодня предстояло решить важнейший жизненный вопрос партии. Нужно было решить, кто прав и кто виноват в поднятой Троцким дискуссии перед съездом партии. Его, Троцкого, книга «Уроки Октября» расшевелила всю партийную массу, ибо идеологи Центрального Комитета партии усмотрели в этих «Уроках» новую попытку Троцкого ревизовать ленинизм, новую попытку «протащить» троцкизм, пользуясь безнадежностью положения больного Ленина.

Партийный актив состоял в своем большинстве из секретарей ячеек городских учреждений и предприятий. Среди них присутствовал и я как секретарь объединенного бюро ячеек войск и органов ОГПУ. Все мы с нетерпением ожидали члена Центрального Комитета Межлаук, приехавшего только что из Москвы и назначенного докладчиком на нашем партактиве.

Я, как, вероятно, и большинство из собравшихся, не читал еще книги «Уроки Октября» и знаком с затронутыми в книге вопросами по статьям в московской «Правде». Я заговаривал на эту тему то с одним, то с другим из секретарей, стараясь в беседе с ними выяснить для себя сущность разногласий в Центральном Комитете партии, а также прощупать мнение моих собеседников, но повсюду наталкивался на один и тот же ответ: «Да что голову ломать. Вот Межлаук сделает доклад и даст директивы, по которым будем работать».

Только один из присутствовавших, видимо, не разделял мнений собравшихся. Он сидел в стороне и, смотря на остальных, полупрезрительно улыбался. Это был председатель Хлопкового комитета Мамаев. Изредка к нему подходил секретарь комитета Епанешников и, обменявшись парой фраз, уходил с улыбкой сожаления и превосходства на лице.

Наконец пришел Межлаук. Как всегда свежесбрившийся, одетый в новенький, хорошо сшитый костюм Межлаук резко отличался от нас, полурабочих, полувоенных, не знавших, что такое полный комплект новой одежды, и брившихся от случая к случаю.

— Товарищи, заседание партактива объявляю открытым. Слово для доклада предоставляется товарищу Межлауку! — выкрикнул обычную формулу Епанешников, уступая место докладчику.

— Товарищи, — начал Межлаук, — вы все, наверно, читали в «Правде» и «Известиях» о той дискуссии, которая сейчас происходит в Москве. Товарищ Троцкий вновь старается провести в партии свою идею «перманентной» революции, которую так четко раскритиковал в свое время товарищ Ленин. Сейчас в своей книге «Уроки Октября» Троцкий идет еще дальше. Он обвиняет партию во внутрипартийном зажиме, выдвигает теорию разделения партии, противопоставляя молодых старикам... — Межлаук говорил часа два. Говорил красиво, хорошо, связно, но было видно, что он говорил не свое, а повторял слышанное им в Москве.

— Троцкий добился новой дискуссии в коммунистической партии. Еще дискуссии 1921 года Ленин считал роскошью, которую позволила себе партия, а сейчас мы стоим перед новой роскошью. Троцкий, пользуясь временной болезнью Ленина, хочет внести раскол в мощную монолитную пролетарскую партию, но товарищи, верные последователи Ленина, Зиновьев, Каменев, Рыков и все остальные члены ЦК партии, решили еще раз дать с помощью всей партии отпор тенденциям троцкистов и, очистив свои ряды от сомневающихся, идти сомкнутыми рядами к мировой социальной революции, — закончил Межлаук.

Кругом аплодисменты. Повсюду сияют радостные лица, точно троцкизм уже разбит и мировая социальная революция установлена.

— А ведь товарищ Троцкий прав, говоря об отсутствии внутрипартийной демократии, — неожиданно для всех спокойным голосом сказал Мамаев, едва стихли хлопки, — вот хотя бы возьмем сегодняшнее собрание. Товарищ Епанешников собрал секретарей ячеек, то есть тех же аппаратчиков, и хочет...

— Товарищ Мамаев, — прервал его секретарь, — вам не давали слова.

— Ну, так дайте слово. В чем же дело? — спросил, улыбаясь, Мамаев.

— Слово будет даваться в порядке записи желающих. Есть товарищи, желающие высказаться по докладу товарища Межлаука? — обратился Епанешников к собранию.

Желающих говорить было много. Собрание продолжалось около трех часов. Наконец приступили к голосованию резолюции, предложенной Межлауком, осуждавшим позицию Троцкого. Мамаев был против, четверо воздержались. Остальные единогласно голосовали за резолюцию, причем каждый

старался, чтобы его высоко поднятую руку заметил член ЦК Межлаук и оценил его правоту.

— Так вот, товарищ, — инструктировал после заседания каждого из секретарей ячеек Епанешников, — завтра резолюция партактива будет опубликована в «Туркестанской правде», а затем нужно полностью провести эту резолюцию на ближайшем собрании по ячейкам. Копии протоколов собраний срочно пришлите в горком.

Большая церковь, превращенная ныне в клуб войск и органов ОГПУ. Длинное квадратное помещение. Стены обиты длинными полосами красной материи, на которых лозунги. Местами висят плакаты и различные диаграммы. На сцене также плакаты и свернутые знамена. Сейчас там же стоят стол и несколько стульев для президиума собрания. Ниже стоят ряды длинных скамеек, теряющихся в глубине помещения. Все скамьи заняты красноармейцами и сотрудниками ОГПУ, сидящими вперемежку. Идет партийное собрание ячеек войск и органов ОГПУ. Председательское место занимает среднего роста полный мужчина с большим бледным, распухшим лицом и редкими вьющимися светлыми волосами. Это полномочный представитель ОГПУ в Средней Азии Бельский. Он бесконечно вертится на своем стуле, ибо у него ишиас. По сторонам от него сидят члены президиума. Слово для доклада о дискуссии предоставляется мне.

— Товарищи, — начал я свою речь и почти слово в слово повторил то, что я слышал на партактиве у Межлаука, разбавляя все это материалом из последних номеров столичных газет. Говорил я около часу, как и полагается приличному докладчику. Аудитория слушала меня не прерывая. Доклад свой я закончил также по трафарету — победным кличем.

— Кто хочет слово по докладу? — спросил председатель. Гробовое молчание.

— Есть вопросы к докладчику? — опять задал вопрос Бельский.

В дальнем углу поднялся начальник отдела по охране границ Коваленко. Коренастый украинец, с сиплым голосом, злоупотребляющий алкоголем. Он бывший анархист-коммунист из рабочих.

— У меня, собственно, такого рода вопрос. Вот докладчик нам здесь рассказывал целый час о том, что мы уже читали в газетах: что нужно бороться с Троцким и другими. А ни

одного слова он не сказал, против чего, собственно, бороться. Какая программа у Троцкого? Чего он хочет? Мы ничего не знаем. Мы только слышали, что в Москве дискуссия с Троцким и с другими товарищами, которых мы хорошо знаем. Обвинять их в контрреволюции — абсурд. Значит, тут что-то другое. Так пусть нам расскажут подробно все «за» и «против», а там и мы выскажемся, — сказал Коваленко.

Собрание сразу загудело. Со всех сторон раздавались голоса: «Правильно, правильно».

После короткого совещания было решено собрать через два дня новое собрание и выставить докладчика, который бы доложил о точке зрения оппозиции.

Через два дня опять собрание в том же клубе. Только больше народу. Помещение набито битком. Много любопытных из беспартийных. Доклад о точке зрения оппозиции я поручил сделать одному из военкомов батальона Гусеву. Он невзрачного вида человек, никогда ничем особенно не интересовавшийся и редко выступавший на собраниях. Ничего особенного от него нельзя было ожидать.

Собрание было объявлено открытым, и слово предоставили Гусеву. Он начал тихо, запинаясь, цитировать мою речь на прошлом собрании. Затем, вытащив из-за пазухи шинели пачку московских газет, стал цитировать из них. Собрание скучало, и многие перестали слушать оратора. Но вдруг что стало с Гусевым? Он перешел на тему о позиции Троцкого. Он весь преобразился. Он, перестав заикаться и жестикулируя на сцене, говорил:

— Вот сейчас на этом собрании я буду говорить то, что думаю, и то, что чувствую, а завтра товарищ Бельский сошлет меня куда-нибудь к черту на кулички. И это вы, товарищи, называете внутрипартийной демократией? — говорил он. — Ведь каждый из вас знает, что если не угодишь начальству, то угодишь куда-нибудь подальше. А как вы это назовете, как не подхалимство? Чекисты — подхалимы! А почему такие завелись у нас? Благодаря тому, что в партийном аппарате укрепились чиновники-бюрократы. Нельзя слово пикнуть — выбросят из партии! — уже кричал он. — Где у нас равенство в единой коммунистической партии? На бумаге, в уставе партии. А на самом деле верхи и низы. Начальники и подчиненные. Верхи обросли на теплых местах и тянут к себе родственников, подхалимов, бюрократов. Везде и повсюду круговая порука. Рука руку моет. Только внутрипартийная демократия

даст возможность проявить все недочеты нашей партии и избавиться от них.

Собрание гудело. Кругом шум и выкрики. Каждый хотел говорить. Бельский, побледневший еще больше, старался восстановить порядок. Бесперывно дребезжал звонок председателя.

Ораторы выступали один за другим. Все упрекали в казенщине партийный аппарат.

— Революция, видно, кончилась! — кричал один из ораторов. — В то время как одни дрались на фронтах, наиболее проворные заняли хлебные места.

— Каждый сидящий на посту в ЦК партии, — говорил другой, — хвастается, что он был членом партии чуть не с Рождества Христова, а на самом деле никто не знает, что он делал и где был во время Октябрьского переворота. Нужно вычистить весь партийный аппарат.

Прения были прекращены. Стали выносить резолюции. Чувствовался перевес оппозиции. Почти все красноармейцы — члены партии — высказывались в пользу Троцкого. В то время как они, выступая единым фронтом, подали одну общую резолюцию, сторонники ЦК были разрозненны и внесли четыре резолюции. Бельский, учтя положение, предложил объединить их в одну, и уже после такого «трюка» стали голосовать.

363 голоса за Центральный Комитет партии, 356 за Троцкого. Почти половина ОГПУ, органа защиты диктатуры ЦК, стояла на стороне Троцкого. Это было почти полным поражением. Но формально ЦК имел большинство в семь голосов, и меньшинству пришлось подчиниться.

Было объявлено, что ОГПУ стоит за Центральный Комитет партии. За Зиновьева и Каменева.

В большом здании театра «Колизей» общегородское партийное собрание. В президиуме сидят местные партийные заправилы и приехавшие из Москвы Рудзутак и Варейкис. Рудзутак в богатой меховой шубе, которую не снимает на собрании, делает доклад. Выступавших ораторов много. Большинство защищали точку зрения Троцкого. Сторонники ЦК старались скомпрометировать троцкистов по личным мотивам. «Это все ущемленные. Это люди, сами метящие на теплые места. Волки в овечьей шкуре» — такие эпитеты троцкистам были бесконечны.

Началось голосование. Счетчики заранее были намечены

секретарем горкома Епанешниковым. От них многое зависело. Они могли сотню голосов убавить или прибавить.

— Кто за резолюцию товарища Рудзутака? — крикнул председатель собрания Манжара.

Начался подсчет поднятых рук.

— Кто за резолюцию товарища Мамаева? — Опять подсчет.

— Две тысячи четыреста шестьдесят голосов за Рудзутака и тысяча пятьсот двадцать за Мамаева, — объявил председатель. — Таким образом, большинством голосов принимается резолюция товарища Рудзутака.

— Пойдите, — раздался громкий, повелительный голос с галерки, — разрешите спросить у товарища Епанешникова, сколько всех присутствующих членов партии?

Все оглядываются на галерку и смотрят на взобравшегося на доски красноармейца, задавшего вопрос.

— Три тысячи двести, — не соображая, выпалил Епанешников.

— Так как же голосующих оказалось около четырех тысяч? — спросил все тот же красноармеец.

Поднялся ужасный шум, крики. Минут десять в зале стоял страшный гул голосов.

— Вносится предложение переголосовать, — смог наконец объявить председатель.

Снова началось голосование. 1607 голосов за Центральный Комитет и 1593 за Троцкого. Никто не сомневался, что тут не обошлось без махинаций счетчиков, давших победу Центральному Комитету партии.

В Ташкенте к Бельскому приехал погостить полномочный представитель ОГПУ Белоруссии Медведь. Это одинаковой комплекции и, видимо, психологии с Бельским человек. Они большие друзья и старые соратники. Лицо у Медведя жесткое, да и деяния за ним числятся немягкие. Сейчас он вместе с Бельским сидит у меня в бюро ячейки.

— Да, я тебе скажу, было тут дело с этой дискуссией, — рассказывал Бельский, — не знаю, случайно или с намерением товарищ Агабеков подобрал докладчиком оппозиции некоего Гусева. Так я тебе должен сказать, он так и оказался гусем, холера ему в бок. Еле отстояли позицию ЦК. Ведь подумай, что сказали бы в Москве, если бы у меня здесь оппозиция взяла верх. Ну, я этого Гусева отправил отсюда в Семиречье. Пусть он там бузит, сколько ему хочется.

— Что Москва сказала бы, ха, ха, — ответил Медведь. — Там положение почище оказалось. Там выступал не гусь какой-нибудь, а сам товарищ Преображенский. С цифрами в одной руке, с азбукой коммунизма в другой. Одним словом, профессор. Ты знаешь ячейку в Москве, это ведь три тысячи коммунистов. Так вот, после доклада Преображенского большинство оказалось сторонниками Троцкого. Привезли с постели полураздетого Рязанова, чтобы хоть он воздействовал. Не помогло, публика не слушала. Кто-то из ребят обозвал его старым козлом. А Дзержинскому и другим членам коллегии вообще говорить не давали. Требовали немедленно ввести внутривнутрипартийную демократию, разогнать партийный аппарат. «Долой бюрократов, долой аппаратчиков!» — сплошь и рядом кричала ячейка. Пришлось прервать собрание и перенести на следующий день. Ну, а на следующий день были приняты меры. Во-первых, срочно по прямому проводу вызвали из Ленинграда Зиновьева, а затем Феликс особо заядлых крикунов частью изолировал, частью отправил в срочные командировки. На следующий вечер собрание открылось речью Зиновьева. Ну, тот и начал. Говорил четыре часа подряд. Все обалдели, слушая его. Голоснули — и что же? Несмотря на принятые меры, ничтожным большинством прошла резолюция ЦК. Да, жаркая была дискуссия. Почти тысяча девятьсот двадцать первого года, — закончил Медведь.

— Кстати, ты уже получил приказ о расформировании юридического отдела ОГПУ в Москве? — спросил Медведь Бельского. — А знаешь, почему расформировали? Нет? Так я тебе скажу. Весь отдел целиком оказался разложенным и стоял за оппозицию. Ну, Дзержинский и разогнал их, отправив на окраины. Четырех из них он прислал ко мне в Белоруссию.

— Да, — задумчиво ответил Бельский, — хороших коммунистов на окраины не шлют, а все больше бузотеров или провинившихся. Точно здесь тюрьма какая-то.

Таковыми мерами во время дискуссии вожди партии и отстояли «монолитность и единство» пролетарской партии в рядах коммунистов ОГПУ.

Я девять месяцев был непрерывно избираем секретарем ячеек органов ОГПУ. На этой должности я убедился, что на партийной работе делать нечего. Там думать и решать не нужно. Все заранее обдуманно и решено, и эти решения получаешь в виде циркуляров и резолюций, которые обязан не-

уклонно проводить в жизнь. Иначе — обвинение в уклоне, замена более покладистым членом партии и опала.

Я не мог больше вынести гнилого духа партийной работы и решил вернуться на практическую активную работу.

НАЗНАЧЕНИЕ РЕЗИДЕНТОМ В КАБУЛ

Руководя партийными делами, мне пришлось ближе познакомиться с полномочным представителем ОГПУ в Туркестане Русановым, а потом с заменившим его Бельским.

Русанов, молодой человек лет тридцати, бывший студент Томского университета, член партии с 1916 года, был сильным, энергичным и независимым человеком, вследствие чего часто имел столкновения как с ОГПУ в центре, так и с местными властями. Он не терпел ничьего авторитета и делал все, что ему вздумается. До Туркестана он был представителем ОГПУ в Закавказье, где, как рассказывал его постоянный секретарь Вивчинский, Чека захватила однажды видного грузина меньшевика, приехавшего из-за границы. Русанов донес в Москву с просьбой разрешить его расстрелять. Дзержинский, который еще был жив, потребовал отправить меньшевика в Москву. Русанов, получив такой ответ, решил, что если он отправит меньшевика в Москву, то там за него похлопочут и добьются освобождения. Поэтому он отдал приказ немедленно его расстрелять, а в Москву сообщил, что, к сожалению, телеграмма Дзержинского запоздала и пришла после расстрела. Дзержинский вызвал Русанова в Москву для объяснения, но Русанов отложил выезд на несколько дней, чтобы дать Дзержинскому успокоиться, ибо знал, что тот за неисполнение приказаний может с горячей руки расстрелять его самого. Расчет оказался правильным: он выехал в Москву с опозданием и получил за свое деяние только строгий выговор.

В Туркестане Русанов задержался недолго. Центральный Комитет партии, с которым он был не в ладах, потребовал его отзыва. Осенью 1923 года он уехал, а на его место прибыл Бельский, который и поныне является представителем ОГПУ в Средней Азии. Русанов же, приехав в Москву, подал в отставку и со скандалом ушел из органов. Ныне он руководит машинотрестом в Москве и категорически отклоняет все приглашения вернуться в ОГПУ.

Бельский оказался полной противоположностью Русанова. В то время как его предшественник шел напролом, он старался обойти препятствия, выждать, улучшить момент и, бла-

годаря такой тактике, в течение семи лет бесценно держится в Туркестане, постепенно прибрав к рукам всю страну. Это один из сильнейших работников. Он тайно добивается поста заместителя председателя ОГПУ и добьется, конечно, если не сорвется на каком-нибудь резком повороте партийной линии. Его единственный недостаток, с точки зрения ОГПУ, тот, что он старый бундовец и в коммунистическую партию вступил только в 1917 году. Для ответственного поста зампреда ОГПУ это является недостаточным стажем.

Одновременно с работой в ОГПУ я состоял слушателем Восточного института в Ташкенте и к этому времени находился уже на втором курсе.

Случайно я встретился со своим старым знакомым Ипполитовым. Он предложил мне опять перейти в Разведывательное управление и поехать в Мешед вести работу по военной линии. Мне, признаться, шаблонность партийной работы надоела, и я с удовольствием готов был переменить службу, а потому попросил Ипполитова договориться с Бельским. Через несколько дней меня вызвал Бельский и сказал, что Ипполитов просил отпустить меня к нему, но что он, Бельский, на это не согласен; если же я желаю переменить работу, то могу ехать за границу резидентом ОГПУ. Окончательное решение вопроса он отложил до своего возвращения из Москвы, куда должен был выехать на несколько дней для доклада.

В конце апреля 1924 года Бельский вновь вызвал меня и передал, что начальник иностранного отдела Трилиссер приглашает меня ехать резидентом ОГПУ в Кабул. Если я согласен, то должен немедленно выехать в Москву для официального оформления назначения. Ехать надо было вместе со вновь назначенным в Кабул послом Старком. На следующий день после этого разговора я, снабженный личным письмом Бельского, выехал в распоряжение Трилиссера.

Приехав в Москву в начале мая 1924 года, я в тот же день был принят Трилиссером. Трилиссер поговорил со Старком по телефону и направил меня к нему. Старк проживал в гостинице «Савой». Я явился к нему прямо от Трилиссера.

Первым вопросом Старка было, как я думаю вести свою работу в Афганистане. Я уклончиво ответил, что я молод во всех отношениях и впервые еду за границу, поэтому рад, что буду работать под руководством такого старого, опытного товарища, как Старк. Он был членом партии с 1905 года. Ответ

мой его удовлетворил, так как он, видимо, не особенно любил самостоятельную работу чекистов, да и вообще, как потом оказалось, враждебно относился к членам своей собственной миссии. Вопрос о моей поездке тут же был решен в положительном смысле.

Старк написал записку управделами Наркоминдела Дмитриевскому. Я пошел с ней в Наркоминдел и через несколько дней был официально зачислен на должность помощника завбюро печати и информации при кабульском полпредстве.

Около недели я просидел в аппарате иностранного отдела ОГПУ, знакомясь с делами и со всеми циркулярами по работе ОГПУ в Афганистане. В то время почти совсем не было материалов по Афганистану, если не считать сводок Ташкентского ОГПУ о положении в приграничной полосе. Мне сказали, что до сих пор фактически ОГПУ не вело работы в Афганистане. Обязанности резидента ОГПУ в Кабуле выполнял поверенный в делах СССР Вальтер, но от него пока ничего не поступало. Мне придется принять от него дела, если таковые имеются, и организовать самостоятельную агентуру, которая освещала бы деятельность афганского правительства и его отношение к англичанам. Особенное внимание, вслед за англичанами, предлагалось обратить на немцев, которые в то время усиленно приглашались афганским правительством на службу; советское правительство было этим обстоятельством обеспокоено. Кроме того, я должен был освещать внутреннее политическое и экономическое положение Афганистана, обратить серьезное внимание на бухарскую эмиграцию и на пограничные племена Северо-Западной Индии (о них мы тогда ничего не знали, но возлагали на них большие надежды для организации восстания в Индии). В циркулярном порядке мне предлагалось также наблюдать за положением и охраной полпредства, поведением сотрудников и т. д. Одновременно я знакомился с правилами связи с Москвой, составлением денежной отчетности, порядком учета агентуры и конспирации. О связи и денежной отчетности я уже рассказывал, остановлюсь на агентуре.

Вся тайная агентура должна иметь нумерацию. Ежемесячно резидент ОГПУ посылает в Москву список вновь завербованных агентов, их характеристики и перечень обязанностей с указанием вознаграждения. Кроме того, желательно иметь фотографическую карточку агента. Настоящие фамилии агентов посылаются в Москву отдельно, в зашифрованном виде. Копии агентурных донесений не должны храниться в архивах резиден-

туры во избежание возможного провала. Клички агентов не обязательны, но крупные агенты могут иметь, кроме номера, и кличку.

После ознакомления с делами в иностранном отделе ОГПУ меня отправили в специальную лабораторию КРО (тогда еще не имелось своей лаборатории при иностранном отделе) и научили там способу вскрывать запечатанные пакеты, познакомили с составом для изготовления печатей, снабдили химическими чернилами для секретной переписки и рецептом чернил. На этом приготовления закончились. В последний день меня снабдили специальным шифром ОГПУ и пятью тысячами долларов, и в конце мая вся миссия, в том числе и я, выехала из Москвы в Кабул.

Миссия состояла из полпреда Старка, его жены, личной машинистки Булановой (как потом оказалось, его второй жены), первого секретаря Эдуарда Рикса, военного атташе Ивана Ринка, завбюро печати Мархова, шифровальщика Фридгута, казначея Данилова с женой и меня. Кроме того, с нами ехали два дипкурьера, везших дипломатическую почту и миллион рублей золотом. Эти деньги советское правительство посылало афганскому правительству в силу договора 1919 года, по которому правительство СССР обещало выдавать афганцам ежегодную субсидию в один миллион золотых рублей. Несмотря на договор, советское правительство только в 1924 году сделало свой первый взнос.

В Ташкенте мы остановились на несколько дней. Старк договаривался с туркестанским правительством по некоторым пограничным вопросам. Военный атташе устанавливал связь с Разведупром Туркестанского фронта, а я явился к Бельскому, получил от него задания и договорился о способах связи с ним, так как Москва разрешила мне выполнять поручения Ташкентского ОГПУ с условием не давать возможности его агентам выходить из приграничной полосы.

Договорившись по всем вопросам, мы выехали через Бухару в Термез, где на следующий день, 28 июня 1924 года, переправились через реку Амударью и очутились на афганском пограничном посту Патта-Гиссар.

КРАЖА КОНСУЛЬСКИХ ШИФРОВ

Случай, о котором хочу рассказать, произошел незадолго до моего отъезда в Афганистан. Мы сидели на загородной вилле, предоставленной в распоряжение сотрудников ОГПУ, на квар-

тире у начальника контрразведывательного отдела Стырне. Нас в комнате трое: Стырне, его помощник Уколов и я, занимавший должность начальника отделения по борьбе со шпионами.

Стырне, выше среднего роста, блондин, с устремленным куда-то в пространство взглядом, до крайности нервный, ежеминутно вскакивал со стула и, сделав несколько шагов, опять опускался на свой стул. Уколов, уже пожилой человек, среднего роста, широкоплечий, с упрямым бритым подбородком, с торчащими ежиком седеющими волосами, придающими лицу еще большее выражение упрямства, сидел неподвижно-спокойно, склонившись над столом, и смотрел на бегающего по комнате Стырне. Я скромно сидел в стороне и улыбался, довольный присутствием в кругу моих начальников. Стырне, посмотрев на часы, сказал:

— Он должен быть здесь через пять минут. Повторяю, товарищи, нам чрезвычайно важно его завербовать, ибо мы тогда будем иметь возможность не только быть в курсе всей работы афганцев в Туркестане, но, вероятно, раскроем и карты англичан, которые работают через афганцев. Кроме того, мы через него сможем влиять на афганскую политику. Будьте очень с ним любезны и, главное, больше льстите и подливайте ему вина.

Мы знали, что речь идет об афганском консуле, который, заранее подготовленный секретной агентурой, должен сейчас прийти сюда и окончательно договориться с нами о работе на нашу разведку. Вся обработка консула проводилась агентурой моего отделения, вот почему, вопреки правилу ЧК — вводить как можно меньше людей в курс дела, я был привлечен на это собрание.

Через несколько минут раздался звонок, и я пошел открывать дверь. Раздевшись в передней, консул вошел в комнату и, поздоровавшись, уселся в предупредительно предложенное ему кресло. Лет пятидесяти, высокий, грузный брюнет с большой проседью. На бронзовом лице большой крючковатый нос и густые брови, из-под которых блестели черные глаза. Одет был консул в европейский костюм, и лишь голова была покрыта черной барашковой шапкой, которую он, войдя в комнату, не снял. По этой же шапке секретная агентура окрестила его кличкой Шапочка, и на досье об афганском консуле, лежавшем у меня в несгораемом шкафу, красовалась надпись: «Агентурное дело Шапочка».

После обычного обмена любезностями уселись за чай. Хотя консул и приглашен был на чай, стол был оставлен ви-

нами и закусками. После нескольких рюмок коньяку официальный тон разговора стал исчезать, и консул оживился.

— Расскажите, господин консул, что-нибудь интересное об Афганистане. Ведь это такая таинственная для нас страна, — попросил я, подливая вина.

— Я должен сказать, что я по национальности не афганец, а таджик. Вы, вероятно, слышали, что афганцы относятся враждебно к таджикам, но мне тут повезло. Мальчиком семи лет я был взят покойным эмиром Хабибулла-ханом в Кабул и жил при дворе. Там я, собственно, и вырос. Затем эмир назначил меня консулом в Бомбей, где я прожил три года. Нынешний эмир Аманулла-хан назначил меня генеральным консулом к вам в Ташкент. Вот и вся моя жизнь. Я не бывал в Европе и ничего не видел, кроме нашей страны, а у нас нет замечательных вещей, о которых я мог бы рассказать. Ни театров, ни синема и вообще никаких развлечений, как в Ташкенте, — рассказывал консул. — Кстати, — спросил он меня, — кто была эта высокая женщина в вашей ложе в прошлый раз в театре?

— Это одна из моих хороших знакомых, — ответил я. — А что, она вам понравилась? Если хотите, я вас познакомлю с ней, — предложил я.

— Да, я с удовольствием познакомлюсь с ней, — ответил консул, и глаза его заблестели еще больше.

— Итак, господин консул, — начал Стырне после изрядного числа выпитых рюмок, — мы теперь с вами хорошие друзья. Вы знаете, что мы вообще любим афганский народ, который первый протянул руку большевикам, но дело в том, что за последнее время мы замечаем недружелюбные акты со стороны Афганистана. Так, например, басмачи, с которыми мы боремся, пользуются гостеприимством в Афганистане. Конечно, мы думаем, что это влияние англичан на некоторых членов вашего правительства, поэтому мы, считая вас нашим другом, хотели бы просить информировать нас о тех недружелюбных нам распоряжениях, кои вам известны.

— А что вы можете мне предложить? — задал вопрос консул.

Мы переглянулись между собой, ибо вопрос был для нас неожиданным. Наконец Стырне решил идти в открытую.

— Смотря, что вы можете нам предложить. Скажите, в чем конкретно вы можете нам помочь, и, я надеюсь, об условиях мы договоримся, — ответил Стырне.

— Я могу вас познакомить со всей секретной перепиской

консульства и дам вам ключ к шифру между мною и Кабулом. Но взамен я прошу политической и материальной гарантии. Вы должны обещать мне через Наркоминдел право убежища в случае моего отказа вернуться в Афганистан, и, наконец, я прошу за все мои услуги десять тысяч рублей золотом, что, я думаю, для вас является небольшими деньгами, — выкладывал консул свои условия.

Мы молчали. Что можно было ему ответить? Вопрос о праве убежища так же, как и вопрос о такой сумме, как 10 000 рублей золотом, мы были не вправе решать. Об этом нужно было просить разрешения высшей инстанции.

— Хорошо, мы обсудим ваши предложения, и я думаю, что мы придем к соглашению, — ответил Стырне.

Деловой разговор исчерпан. Побеседовав еще короткое время о разных мелочах, консул уехал. Опять мы остались одни. Стырне задумчив, Уколов по-прежнему невозмутим.

— Да, дело нелегкое достать такую уйму денег. Нужно будет вопрос согласовать с ЦК и с Наркоминделом, а это займет недели две времени. Да и едва ли наши главки согласятся на такую комбинацию. Однако посмотрим, — задумчиво сказал Стырне. — А вы, товарищ Агабеков, пока продолжайте агентурную разработку консульства, чтобы не терять даром времени, — обратился он ко мне.

Я сидел на конспиративной квартире с молодым таджиком, недавно приехавшим из Парижа. Это был мой секретный агент Хубаншо, подружившийся с афганским консулом и информировавший нас о консульских делах. Хубаншо был завербован отрядом особого отдела ОГПУ на Памире. Там же ему преподали несколько лекций политической грамоты и зачислили членом коммунистической партии. Всего только три месяца, как он впервые в своей жизни спустился с горных вершин Гималаев и, приехав в Фергану, увидел поезд и автомобиль. Свидетели рассказывали мне, что когда Хубаншо увидел движущиеся деревянные дома-вагоны без всякой посторонней помощи, то этот коммунист — авангард мирового пролетариата — испугался и убежал со станции в горы. Его с трудом поймали, привели обратно и объяснили, что тут нечистая сила ни при чем, а во всем виноват паровоз. Однако, несмотря на дикость, Хубаншо обладал природным умом и сообразительностью. А главное — он был наделен хитростью дикаря.

— Ну, как поживает твой сородич — консул? — спросил я его.

— Ничего себе. Он ожидает вашего ответа на его предложение и удивляется, что так долго его не имеет. Сейчас в консульстве спокойно, дипломатические курьеры уехали, и консульство почти опустело, — докладывал он.

— Хубаншо! Ты обещал принести мне план расположения консульских комнат и до сих пор не приносишь. В чем дело?

— План у меня давно готов, товарищ Агабеков, но я не умею чертить, — ответил Хубаншо смущенно.

— Так давай ты будешь объяснять, а я начерчу, — предложил я. И мы подробно нанесли на бумагу план консульства.

— А что представляет из себя секретарь консула? — продолжал спрашивать я у Хубаншо.

— Это пожилой афганец, который почти ничего не делает. У него имеется работа, лишь когда консульство готовит почту. Как только дипкурьеры уезжают, он свободен и редко бывает в консульстве.

— Где же он проводит время?

— Он живет с одной русской женщиной и почти все свободное время проводит у нее, — ответил Хубаншо.

— Кто она такая? — спросил я.

— Не знаю. Она, кажется, портниха. Если нужно, я завтра узнаю о ней все подробности.

— Да, пожалуйста, завтра же узнай, кто эта женщина, где живет и вообще все подробности, — закончил я.

Прошло две недели. Уколов и я вновь собрались в кабинете у начальника КРО Стырне. Лицо его выражало явное недовольство.

— Ну, товарищи, как я и предвидел, по делу «Шапочка» нам отказали во всем. ЦК согласился отпустить на это дело только тысячу рублей золотом, но главное несчастье — с Наркоминделом, который категорически протестует против предоставления права убежища консулу. Уполнаркоминделом Михайлов назвал это дело авантюрой, которая может только испортить наши отношения с афганским правительством. И так, в нашем распоряжении тысяча рублей. Я думаю, можно предложить и червонцы. Может быть, он согласится. Как вы думаете? — обратился Стырне к нам.

Уколов после короткого раздумья сказал:

— Нужно найти другой путь к документам консула.

— Я тоже того мнения, что нужно найти другой путь, — начал я, — ведь предположим даже, что мы уплатим нужные

деньги и получим шифр. А где гарантия, что через месяц шифр не будет изменен и мы опять останемся ни с чем? Что же тогда? Опять платить, что ли? Не говоря о том, что, возможно, консул откажется от тысячи рублей, и мы очутимся в неловком положении.

— Хорошо вы все рассуждаете, — волновался Стырне, — а где же этот другой путь? Единственный другой путь, какой я вижу, это украсть документы. А это может вызвать еще худший дипломатический скандал.

— А почему бы и нет? Мы не украдем, а лишь сфотографируем документы. В консульство проникнуть не трудно, и там почти никого нет. Вопрос только в том, как открыть нестерраемый шкаф, где лежат документы. Ключ от шкафа консул носит всегда при себе на цепочке от часов. Вы разрешите мне разработать план и доложить вам потом? — закончил я.

— Ну, ну, попробуйте, — ответил Стырне с сомнением в голосе.

Мы разошлись по своим кабинетам.

— Войдите! — ответил я на стук в дверь моего кабинета. Дверь отворилась, и вошла высокая блондинка лет тридцати, с обильно напудренным помятым лицом. На лице ее выражение страха, смешанного с любопытством.

— Я получила повестку явиться в комнату номер пятнадцать к товарищу Агабекову, — начала она.

— Вы гражданка Власова? — спросил я и, получив утвердительный ответ, предложил ей сесть.

Она села на кончик предложенного ей стула и боязливо разглядывала комнату. Я, делая вид, что очень занят своими бумагами, исподволь изучал ее. Затем внезапно обратился к ней:

— Скажите, гражданка Власова, вы хорошо знаете географию СССР?

Она мнется и смущенно улыбается. На ее лице удивление по поводу заданного вопроса.

— Вы знаете, где находится Чимбай? — продолжал я. — Вот смотрите, — и я ткнул пальцем в угол карты Туркестана, висевшей на столе. — Это маленький хивинский кишлак в пятистах верстах от железной дороги. Туда нужно ехать двадцать дней на верблюдах. Там свирепствует тропическая малярия и не живет никто, кроме туземцев, — рассказывал я ей. Она смотрела на меня и на карту, ничего не понимая.

— Так вот, гражданка, я сейчас с вами говорю здесь совер-

шенно секретно, и о нашем разговоре никто не должен знать. И я должен предупредить вас, что если нам станет известно, что вы кому-либо передали о нашем разговоре, то я вас вышлю в этот самый Чимбай, — сказал я. — А теперь давайте откровенно поговорим о деле, — продолжал я. — Скажите, вы знакомы с секретарем афганского консульства, не так ли?

— Да, я немного знакома с ним, — ответила она испуганно.

— Так вот, нам все равно, много или немного вы с ним знакомы. Нас интересует, можете ли вы, если нам это будет нужно, задержать его у себя на ночь до утра?

— Могу, — ответила Власова, — он всегда сидит у меня, пока я не попрошу его уйти.

— Ну и прекрасно, пусть сидит себе на здоровье. Это все, что нам нужно. Я как-нибудь попрошу вас задержать его на всю ночь, и, если вы успешно выполните нашу просьбу, мы будем вам благодарны, — сказал я.

— А мне ничего не будет за то, что я знакома с иностранцем? — спросила она.

— Будьте спокойны, ничего не будет, если выполните нашу просьбу. Теперь вы свободны, — сказал я, ставя штемпель на ее пропуске, без чего часовой не выпустит ее из здания.

— Только никому ни слова о моей просьбе. Не забывайте Чимбай, — напомнил я ей на прощание.

И она, улыбаясь, ушла торопливой походкой, радуясь, что так легко отделалась.

Большая роскошная квартира, переданная в распоряжение ОГПУ для специальных целей. Прекрасно сервированный на шесть персон стол. Много вина, коньяку и ликеров. Стол заставлен закусками. Мы пригласили афганского консула, который должен прийти к девяти часам вечера. Остальная публика собралась раньше. В гостиной сидят Уколов и три девицы. Двое из них секретные агенты моего отделения, а третья — моя машинистка. Это та самая высокая девица, которая так сильно понравилась консулу в театре. Он предупрежден, что она будет на этом интимном вечере, вот почему я уверен, что обязательно придет. Она также имеет инструкцию — быть к консулу как можно благосклоннее. Она должна будет играть главную роль на вечеринке. В ожидании консула я проверяю все приготовления к столу. Кто-то из девиц бренчит на пианино в соседней комнате.

Ровно в 9 часов консул пришел, и мы повели его к столу.

Ему отведено место рядом с машинисткой. Прежде чем приступить к закускам, мы начали с традиционной русской водки. После пары рюмок консул, улучив момент, спросил меня:

— Почему вы не даете ответа на мое предложение? Я уже жду три недели.

— Дело в том, что ваше дело очень серьезное и важное, поэтому запросили Москву, откуда еще нет ответа, — ответил я, — но, я думаю, каков бы ни был ответ, он не может изменить наших личных отношений, — добавил я.

— Конечно, конечно, — поспешно сказал консул. — Я очень люблю русских, в особенности русских женщин, — засмеялся он, кидая взгляд на свою соседку.

— Поэтому прошу занимать вашу даму, — сказал я и подмигнул повернувшейся к нам машинистке.

Около полуночи консул, почти пьяный от вина и близости соседки, сидел на диване и прижимался к девушке. Остальные женщины, несмотря на инструкцию пить как можно меньше, не удержались и, напившись, сейчас смеялись во все горло над молчаливым Уколовым. Я сидел в их компании и смотрел на золотую цепь, видневшуюся из-под расстегнутого пиджака консула. Украдкой взглянув на часы, я решил, что уже пора действовать. Было без четверти час, а в час ночи на улице должны были меня поджидать мой уполномоченный с фотографом. Я направился к столу и, налив рюмку вина, всыпал в нее дозу снотворного порошка. Рюмку я поставил на край стола, затем взял из вазы цветок, понюхал его несколько раз и бросил рядом с рюмкой.

Это был условный знак машинистке, сидевшей рядом с консулом и следившей за моими действиями. Через минуту она обратилась к консулу:

— Давайте выпьем за нашу любовь, — и, встав, взяла приготовленную рюмку, подала консулу. Схватив другую, она чокнулась с ним и пьет. Консул, глядя на нее влюбленными глазами, приложился к своей рюмке и выпил до дна.

Никто ничего не заметил. Веселье продолжалось. Минут через десять консула стало клонить ко сну.

Соседка, взяв его под руку, отвела в соседнюю комнату и через несколько минут вернулась с цепочкой от часов, на коей висели ключи.

Я торопливо открыл несгораемый шкаф, стоявший в спальне консула. За мной стоял мой уполномоченный, освещенный

шая карманным электрическим фонарем дверцы шкафа. Хотя в консульстве никого не было, мы старались не производить шума.

— Вот шифр, — сказал я, вытаскивая лежащую в конверте со сломанными сургучными печатями тетрадку. — А вот и папка с секретными циркулярами, — продолжал я вытаскивать бумаги и передавать их уполномоченному.

В шкафу больше ничего нет, за исключением двух мешков с афганскими серебряными рупиями.

— Сейчас же поезжайте к нам и сфотографируйте все это. Смотри, чтобы бумаги лежали в том же порядке, в каком они сейчас. Приезжай как можно скорее, — инструктировал я уполномоченного.

5 часов утра. Я только что водворил цепочку от часов на жилет консула, мирно спящего рядом с машинисткой. Остальные тоже спят, кто на кроватях, кто на диванах. Все сошло благополучно. Я доволен операцией. С наслаждением я выпил чайный стакан вина и лег на ближайший диван отдохнуть.

Наутро разбудил меня Уколов. Консул только что открыл глаза. Я, протирая глаза, подбежал к нему.

— Ну, как спали, господин консул? — спросил я.

— Большое спасибо, — улыбнулся консул, стараясь скрыть головную боль.

Через час он собрался уезжать. Мы шумно прощаемся с ним и берем друг у друга обещание устроить еще такую же вечеринку.

Уже 10 часов утра. Я спешу к себе в кабинет, чтобы посредством добытого шифра расшифровать собранные заранее копии секретных телеграмм «дружественного Афганистана»!

АФГАНИСТАН

На афганской границе нас встретили с почетом. По распоряжению эмира Амануллы-хана, навстречу нам были поданы 20 верховых и 40 вьючных лошадей и эскадрон кавалерии, сопровождавший миссию до Кабула.

По оказании обычных почестей полпреду мы в тот же день выехали в Мазари-Шериф, куда прибыли через сутки. Как я уже упоминал, в Мазари-Шерифе представителем ОГПУ был советский консул Думпис. Несмотря на то что официально я был всего только начальником бюро печати, он по линии ОГПУ был моим подчиненным.

На следующий же день после прибытия я попросил у Дум-

писа отчет о работе и убедился, что он ровно ничего не делал. В свое время ему было отпущено на работу 50 фунтов стерлингов. Я попросил вернуть деньги и считать себя свободным. Поступил я так потому, что, по сведениям консульских сотрудников, Думпис исключительно занимался потреблением кокаина, забросив все остальные дела. Я сообщил об этом Старку, и он обещал принять меры к замене Думписа другим лицом. Действительно, спустя месяц после нашего прибытия Думписа отозвали в Москву. Его место занял бывший консул в Маймине (Афганистан) Постников.

Отдохнув дня три в Мазари-Шерифе, миссия пустилась в дальнейший путь и благополучно прибыла в Кабул в двадцатых числах июля. В пути мы пробыли около месяца, проделав всю дорогу на лошадях, с ежедневными ночевками. В пути я успел познакомиться ближе со своими будущими сотрудниками и выяснить их взаимоотношения.

В составе группы несколько женщин, среди них доминирующую роль играли жена полпреда Ася и его личная машинистка Нина Буланова. С большим носом, кривыми ногами, Ася, однако, претендовала на звание «мисс Афганистан» и, несколько не стесняясь присутствия Старка, заигрывала то с военным атташе Ринком, то с сотрудником Марховым, ехавшими в Кабул без жен. Буланова, девица с лошадиными зубами, с первого же дня пути при каждом удобном и неудобном случае старалась подчеркнуть, что она не обыкновенная машинистка, а фактически вторая жена полпреда с ведома и разрешения первой. Во флирте она также не отставала от жены Старка. Буланову Старк нашел в Германии и увез с собой в Эстонию, где занимал пост полпреда. Там он устроил ее машинисткой в полпредстве и одновременно, чтобы упрочить положение, ввел ее в члены эстонской коммунистической партии, куда ее, конечно, сразу приняли по рекомендации советского посла. Получив перевод в Кабул, он повез ее с собой через всю Россию.

Мархов был евреем из Англии, прибыл в СССР в 1919 году, в последнее время состоял студентом Восточного института в Москве по языку урду (индийское наречие) и ныне командировался институтом и Наркоминделом в Кабул для практического ознакомления с языком и индийскими делами. Помимо обзора прессы, он должен был выполнять поручения полпреда по линии работы Коминтерна, тайное представительство которого Старк совмещал со званием и обязанностями советского посла. Мархов, учась в Москве, инфор-

мировал ОГПУ о жизни института; Трилиссер советовал мне связаться с ним за границей и использовать его. Однако я решил сначала к нему присмотреться.

Мархов ухаживал поочередно за обеими женами, явно отдавая предпочтение более молодой Булановой. За десять дней пути мы с ним настолько сдружились, что он откровенно делился со мной своими впечатлениями.

— Слушай, Гриша, — обратился он как-то в пути ко мне, — обе девочки отбивают меня друг у друга, не знаю, на ком из них остановиться. Да и боюсь — Старк приревнует.

— По-моему, возмись за полпредшу. Это будет для нас выгодно и с деловой стороны. Она может быть полезна, да и Старк не будет ревновать, — посоветовал я.

— А не лучше ли Буланова? По крайней мере, будем иметь свою машинистку, — возразил Мархов.

— Делай как знаешь. В конце концов это — не мое дело, — ответил я.

Рикс — первый секретарь — был полковником в старой армии. После революции его приговорили к расстрелу на Украине, он оттуда бежал в Туркестан и как знающий персидский язык был взят прежним полпредом в Кабуле, Сурицом, в качестве переводчика в Афганистан. Ему же в то время было поручено ведение военной разведки. Будучи беспартийным, он никаких политических взглядов не высказывал и состоял на положении лакея при полпреде и его женах. Старк очень уважал его именно за эту полную беспринципность.

Ринк — военный атташе, беспартийный, заслуженный военный специалист, бывший капитан царской армии, был очень образованным и развитым человеком. Держал себя всегда с большим тактом, никому в то же время не уступая своей самостоятельности. Остальные сотрудники миссии интереса не представляли, за исключением шифровальщика Фридгута, который служил одновременно наушником полпреда. Тайная влюбленность в Буланову в конце концов погубила его карьеру, так как Старк, узнав о его любовных чувствах, мгновенно откомандировал его в Москву, несмотря на все его прежние заслуги.

— Вы типичный армянин, товарищ Агабеков. Вы, вероятно, ревнивы, как все армяне, и, наверное, будете держать вашу жену под замком, — обратилась ко мне жена полпреда, с которой я ехал рядом.

— Я коммунист и смотрю на женщину как на товарища, но жена, кроме того, по-моему, является интимно-близким

товарищем, каковых особенно много иметь неприятно, просто хотя бы из гигиенических соображений, — ответил я.

— Да, сразу видно, что вы не жили на Западе, и хотя вы и коммунист, но отсталый. По-моему, я могу быть предана идее, партии, но быть преданной чему-нибудь физическому: кушанью, платью, мужчине, я просто не понимаю, — сказала она, изобразив на лице гримасу.

— Да, я на Западе не жил и, признаться, вашей теории тоже не понимаю, — ответил я.

Двухлетнее пребывание в Афганистане показало, что эти две женщины, снабженные партийными билетами коммунистической партии и пользовавшиеся покровительством полпреда Старка, знали только два чувства: любить или ненавидеть. Все их действия диктовались их животными чувствами. Своими любовными похождениями они восстановили всех против всех. Их муж Старк ненавидел тех, кого они любили, и тех, кого они ненавидели. Вся жизнь и работа посольства превратились в сплошную цепь интриг и любовных походов.

Советское посольство, куда мы прибыли через десять дней пути, помещалось в довольно старом здании напротив знаменитого и единственного в Афганистане завода «Машинханэ». Между заводом и посольским домом протекала река Кабул, от которой летом остается одно высушенное русло и название. Вдоль реки по руслу бродят буйволы в поисках воды и сырого места. Посольский дом страшно неудобен, и единственным преимуществом его является огромной толщины чинара, раскинувшая среди двора свои громадные ветви, которые давали богатую густую тень. Члены миссии почти все свободное время проводят под этим деревом. От старого водоноса мы знали, что дом этот принадлежал предшественнику нынешнего мустоуфи (заведующий налоговым управлением), который чересчур усердно собирал налоги, большую часть которых забывал сдавать в казну. Благодаря своей плохой памяти, он скопил громадное состояние. Однажды вечером по приказу эмира пришли в дом солдаты и, вытащив мустоуфи с постели, повесили его тут же на чинаре, под тенью которой он любил отдыхать. Тут он висел три дня и три ночи. Затем труп убрали, а имущество конфисковали в пользу казны. Водонос показывал нам толстую ветвь дерева, поддерживавшую своего хозяина в последнюю критическую минуту его жизни.

Наш приезд в Кабул совпал с национальным собранием в Афганистане, так называемой большой джиргой, начавшей заседать в конце июля 1924 года. Для выяснения внутреннего по-

ложения Афганистана правильная информация о джирге могла сыграть большую роль. Это заставило меня сразу же по приезде приняться за работу. Однако, когда я обратился к бывшему поверенному в делах СССР Вальтеру и спросил, какой секретной агентурой он располагает, то оказалось, что почти никакой агентуры у него нет и что фактически советская миссия не имеет никаких сведений о внутренних делах Афганистана. Тут мне помог Мархов, который уже успел по линии Коминтерна связаться с некоторыми лицами, в частности с небезызвестным афганцем и индийским англичанином Раджой Протапом, находившимся в то время в Кабуле; от него Мархов получал все подробности о происходившем на джирге.

Раджа Протап, или, как он себя сам называл, «раб человечества», пользовался большим уважением у эмира Амануиллы-хана.

Протап проживал в Кабуле в германской миссии, где также пользовался большим уважением. Во время мировой войны Протап был германофилом и оказывал услуги германской миссии Нидермайера, который с группой немецких офицеров пробрался в Афганистан, чтобы поднять афганские племена против англичан. В 1919 году, когда, по мнению советской власти и группы индийских революционеров, нарастала революция в Индии, было избрано народное индийское правительство в Кабуле; Протап был президентом этого правительства.

Осенью 1924 года эмир отправил Протапа через Россию и Америку для популяризации идеи паназиатского союза и для пропаганды избрания эмира Амануиллы всемусульманским калифом. Протап проехал через СССР, надеясь, что дружественные отношения с советским полпредом в Кабуле и вражда к англичанам послужат ему достаточной рекомендацией в СССР. Он жестоко ошибся. Несмотря на личные рекомендательные письма полпреда, он по выезде из Москвы был высажен агентами ОГПУ на одной из станций, обыскан и арестован. Только после энергичного вмешательства Наркоминдела его освободили и выпустили за границу, где он опубликовал в газетах свои злоключения. Протапа эти неприятности не обескуражили. Попав затем в Китай и Японию, он пытался снова связаться с советскими представителями, однако у ОГПУ возникли подозрения, что он является японским и английским агентом, и связь с ним была прекращена. В 1929 году Протап вновь приехал в СССР и намеревался проехать в Персию и Афганистан. Так как его туда не пустили, то он остался в Москве на попечении афганского министра

иностранных дел Гулам Джелани-хана, заменявшего афганского посла в Москве, пока посол Наби-хан путешествовал с военной экспедицией по Северному Афганистану.

Я принял дела у Вальтера. При приемке оказалось, что он имеет всего только одного агента: жандармского полковника Абдул-Меджид-хана. Его Вальтер завербовал в бытность свою секретарем советского консульства в Герате. Кроме того, для связи имелся в посольстве некий Ефендиев, персидский подданный, родом из Мешеда, по настоящей фамилии Мамедов, Измаил. Архива и денег у Вальтера не оказалось: архива он не заводил, а деньги успел истратить. Пришлось с этим помириться и принять от него то, что имелось. В таком же положении, по словам военного атташе Ринка, оказались и дела Разведупра, порученные тому же Вальтеру. Разведупр прислал ему для работы вместо валюты 12 каратов бриллиантов. Он их якобы истратил, но не сделал ничего для Разведупра. Впоследствии Ефендиев рассказывал, что Вальтер присвоил эти бриллианты и преподнес их своей жене.

АГЕНТЫ И СОТРУДНИКИ ОГПУ В АФГАНИСТАНЕ

По приезде в Кабул моим намерением было не торопиться и постепенно знакомиться со страной и людьми для организации сети. Однако события не ждали. Через месяц после джирги вспыхнуло восстание на юге Афганистана, известное под именем Хостинского восстания.

Первое время для получения информации я пользовался услугами Абдул-Меджид-хана, но вскоре его арестовали за отказ ехать драться с повстанцами: он был в родственных отношениях с племенем мангуну и не хотел против него воевать. Пришлось опять прибегнуть к помощи Мархова.

Нужно сказать, что к этому времени взаимоотношения в полпредстве резко обострились. Старк оказался всецело под башмаком своих двух жен. Жены же, не удовлетворяясь одним Старком и ценя в нем, по-видимому, только его дипломатическое звание, искали развлечений на стороне. Внимание обеих остановилось на Мархове. Я, однако, крепко прибрал его к рукам, и, по моему настоянию, он отдавал почти все свои досуги работе. Обиженные неудачей, женщины начали настраивать Старка против меня и отвергнувшего их прелести Мархова. Старк повел открытую войну, пользуясь всеми средствами и лицами, в частности фридгутом. Вслед за уехавшим Вальтером он вдруг откомандировал в Москву Ефендиева,

чтобы лишить меня возможности пользоваться его услугами. Не довольствуясь этим и другими мелкими неприятностями, он предложил мне, прежде чем посылать зашифрованные телеграммы в Москву, показывать ему их текст, по циркуляру же ОГПУ он на это не имел права. Чувствуя, что мои позиции слабы, так как Москва меня знала мало, а выявить своей работы я еще не успел, боя я не принял и выжидал удобный для себя момент. Не отказываясь показывать ему тексты зашифровок, я показывал ему не настоящие, отправляемые мной в Москву, а специально для него составленные, которые я тут же, возвращаясь домой, уничтожал.

Но однажды я ему сказал:

— Простите меня, но шифр ОГПУ выдан исключительно под мою ответственность, и я не имею права показывать тексты никому, даже и вам.

— В таком случае я отказываюсь визировать ваши телеграммы, — лаконично отрезал Старк.

— Хорошо, не будем ссориться. Я запрошу по этому вопросу Москву, а до получения ответа я буду знакомить вас с текстами, — согласился я после некоторого раздумья.

— Ну, вот и хорошо, — ответил Старк, довольный своей победой.

В очередном письме в ОГПУ я писал:

«Ввиду дальности расстояния и редкой курьерской связи мне приходится по всем мало-мальски важным и срочным вопросам посылать вам телеграммы. Между тем недавно полпред предложил мне знакомить его с текстами шифров, отказываясь в противном случае их визировать. В случае исполнения его требования мы фактически поставили бы всю нашу работу под контроль полпреда. Впредь до получения указаний, чтобы не испортить и без того неважные отношения с полпредом, я для видимости согласился с его условиями и показываю ему специально составленные тексты, не соответствующие посылаемым вам. Жду ваших срочных указаний по этому вопросу».

На это письмо я мог получить ответ не раньше чем через два-три месяца, а за это время я был вынужден каждый день составлять фальшивые тексты телеграмм для Старка, чтобы удовлетворить его самолюбие. Наконец спустя два месяца пришел ответ из Москвы. Начиная Трилиссер писал мне:

«Конечно, полпред не имеет права предъявлять вам таких требований. Взятую вами линию не давать повода к столкновениям считаем правильной, тем более что конфликт у вас

несомненно создаст конфликт между вами и НКВД здесь. Продолжайте вашу линию, насколько это возможно».

Таким образом, Москва определенно указала права резидента ОГПУ и готова была пойти на конфликт с НКВД. Я почувствовал под ногами почву, решил при удобном случае дать бой Старку.

Случай представился скоро. Я получил от известного басмача предложение ликвидировать эмира бухарского. В ту же ночь я заготовил по этому поводу зашифрованную телеграмму и наутро понес ее на визу Старку.

— А где же текст телеграммы? — спросил Старк.

— Товарищ Старк, с сегодняшнего дня я больше не могу давать вам текстов моих телеграмм, — ответил я.

— Интересно, что вы до сих пор могли, а теперь не можете? — иронически спросил меня Старк.

— А потому что мне надоело составлять для вас фальшивые тексты, — выпалил я.

Наступило гробовое молчание. И без того красное лицо полпреда побагровело окончательно. Пальцы его сжимались в кулаки. У него был вид, точно он хотел броситься на меня с кулаками. Но я спокойно стоял, держа руки в карманах. Старк знал, что я всегда хожу с оружием.

— Как, значит, четыре месяца вы обманывали меня самым наглым образом! — наконец заорал он.

— Да, признаюсь, обманывал. Но вы сами заставили меня прибегнуть к этому. Вы отлично знаете, что я не имел права показывать доверенный мне шифр. Я лишь выполнил свой долг. А теперь прошу подписать эту телеграмму, — закончил я, протягивая ему бумагу.

— Я не хочу иметь с вами никаких дел! — закричал Старк и, повернувшись, ушел.

— В таком случае я буду вынужден посылать телеграммы по индоевропейскому телеграфу за счет Наркоминдела, — сказал я ему вдогонку и вышел.

Часа через два ко мне пришел личный секретарь полпреда Фридгут и передал мне, что отныне Старк предложил все бумаги на подпись передавать через него, ибо он не желает лично встречаться со мной.

— Какой скандал! — рассказывал мне Фридгут. — Старк влетел в столовую красный как рак и ругал тебя на чем свет стоит. «Жены» бросились его успокаивать и все твердили: «Мы же говорили, что Агабеков пишет какую-нибудь гадость про нас в Москву, поэтому и не хочет показать тебе».

И тут не обошлось без участия «жен» Старка.

Кстати, отношения Старка с военным атташе Ринком испортились благодаря все тем же женам, за одной из которых военный атташе ухаживал. Фактически единственным работником Старка остался Рикс, служивший с рабской верностью своему новому хозяину.

Мархов тем временем принял всю тайную коминтерновскую агентуру, в которую входила, между прочим, сикхская военная организация, державшая связь с полпредством через владельцев (членов организации) лавки с канцелярскими принадлежностями у входа на Сарыпуль-базар в Кабуле. Для иллюстраций наших отношений в полпредстве приведу следующий пример: сикхская организация как-то доставила Мархову план индийской крепости Раввалпинди. Мархов, конечно, прежде чем снести план полпреду, показал его мне. Я сказал, что этот план представляет интерес не столько для ОГПУ, сколько для военного ведомства, и посоветовал дать возможность ознакомиться с ним военному атташе Ринку. Карту отнесли Ринку. Он заинтересовался ею и попросил казначея Данилова сфотографировать ее. После этой операции Мархов представил карту Старку. Старк вызвал для фотографирования ее того же Данилова, а тот, по злому умыслу или по глупости, доложил, что он уже фотографировал этот план для военного атташе. В результате вспыхнул скандал, ухудшивший отношения Старка со мной, Марховым и военным атташе.

Старк откомандировал в Москву Мархова. За ним уехал и Ринк. Теперь пришел ко мне прощаться и личный секретарь Старка Фридгут. Лицо у него возбужденное и вместе с тем печальное. Он должен завтра выехать в Москву. Его командировка для всех неожиданна.

— Слушайте, Агабеков, я не люблю быть откровенным, в особенности с чекистами, которые всегда любят на этом деле заработать, но с вами другое дело. Я хочу вам рассказать все. Я хочу отомстить Старку за его подлое отношение ко мне. Я работал с ним в течение четырех лет в Ревеле и здесь. Я исполнял все его приказания. Участвовал во всех его подлых интригах. И за это все он мне предложил немедленно убраться из Кабула. За что, спрашивается? А за то, что я посмел влюбиться в Буланову. За то, что я сказал Старку, что мы любим друг друга и хотим жениться. За это он меня отправляет в СССР. Ладно, я уеду, — продолжал Фридгут, — но перед отъездом я расскажу вам о всех его гнусностях. Для вас, конечно, не секрет, что Старк живет одновременно с двумя женами. Это они шпигова-

ли Старка против вас. Они хотят во что бы то ни стало выжить вас отсюда, ибо они думают, что вы знаете о всех их любовных интригах и сообщаете об этом в Москву. Мархова Старк тоже откомандировал по просьбе Аси, которая обиделась, что Мархов пренебрег ею. Она доказала Старку, что он ваш друг. Признаться, и я во многом им помогал. Военный атташе Ринк также уехал из-за Булановой. Старк, заметив его ухаживания за нею, бомбардировал письмами Москву, чтобы сняли Ринка. И так на все и на всех Старк смотрит через призму личных отношений. И из-за личных отношений к Булановой он теперь высылает меня. Хотите, я изложу для вас все это в письменном виде, — предложил Фридгут.

Я ему ответил, что в Кабуле все это ни к чему и пусть он лучше сообщит о всех безобразиях в Наркоминдел.

— Что вы смеетесь надо мной! Ведь замнаркома Литвинов — большой приятель Старка и одного поля ягода. Он после такого заявления выгонит меня со службы и из партии, — ответил Фридгут. — Я лучше подам заявление в ОГПУ.

Я ему дал адреса, и Фридгут на следующий день уехал. По приезде в Москву он побывал в ОГПУ и подал жалобу на незаконные действия Старка в ЦКК, где после короткого расследования дело замяли. Рука руку моет. Ведь Старк тоже был членом коммунистической партии с 1905 года. Старк продолжал царствовать в Кабуле вместе со своими «женами».

Всего, что наделали эти две женщины, — не рассказать. Из-за них и по их желанию из Кабула были высланы 32 сотрудника. Отправив многих, они сами также кончили плохо. Девица Буланова вдруг оказалась беременной от неизвестного отца и, чтобы не скомпрометировать посла (хотя тут-то он как раз был ни при чем), вынуждена была выехать в Москву, где и родила ребенка.

Относительно же жены полпреда Аси я в 1928 году, уже будучи начальником восточного сектора ОГПУ в Москве, получил от резидента в Кабуле Шмидта следующее донесение:

«Вчера второй секретарь посольства Великовский, зайдя в спальню полпреда, нашел жену полпреда, Асю Никитичну Старк, лежащей мертвой на полу. Она покончила самоубийством выстрелом в висок. Револьвер «браунинг» лежал тут же рядом. По сведениям, утром в день смерти Ася имела бурное объяснение с летчиком... с которым она находилась в интимной связи, так как последний стал интересоваться женой шифровальщика посольства Матвеева. Чтобы не создавать дипломатического скандала, было решено срочно убрать труп

и официально объявить, что жена посла умерла от разрыва сердца. Несмотря на принятые меры при уборке трупа, по сведениям нашей агентуры, афганское правительство и местные дипломатические круги осведомлены о действительной причине смерти».

Так кончили свою карьеру две «жены-советницы» советского посла Старка.

Сам же Старк, как старый большевик, считал недостойным для себя, как коммуниста, горевать по застрелившейся жене. В то время как труп ее везли в Москву, он уже нашел новую подругу, жену своего шифровальщика, с которой поселился в летней резиденции посольства в Пагмане и проводил новый «медовый месяц».

Среди агентов Мархова был индусский мусульманин из Читрала, ярый сторонник Надир-хана. В то время Надир-хан проживал в Париже, и этот читралец жил в его загородном имении. Там его обычно навещал Мархов. Он имел большие связи на территории независимых племен и познакомил нас со знаменитыми вождями Мулла Баширом и Падша-Гулем. Кроме того, он же дал нам несколько человек помельче для отправки на агентурную работу среди независимых племен. Мулла Башир получал из коминтерновских денег 500 фунтов стерлингов каждые три месяца за доставку сведений о положении племен и на ведение среди них коммунистической пропаганды.

Агентом Мархова был также индус, дававший уроки персидского языка директору афгано-германского торгового общества, Ибнеру. Индус, будучи связан со своей индусской колонией, давал подробную информацию о текущих событиях и о всех членах индусской колонии в Кабуле. Агенты, информируя Коминтерн по специальным вопросам, попутно освещали и другие вопросы. Вспоминаю следующий интересный проект, пересланный мною в то время в Москву.

Видный индус, представленный нам лицом, приближенным к Надир-хану (он сейчас, кажется, назначен министром просвещения в Афганистане), просил меня отправить его в Москву. На мой вопрос: «Зачем?» — он объяснил, что хочет научиться в Москве делать фальшивые фунты стерлингов, а затем поехать в Индию, печатать английские деньги и вести на них коммунистическую пропаганду... Не знаю, что из этого проекта потом вышло: им занялся Коминтерн, так как вопрос выходил из сферы ведения ОГПУ.

Я усиленно вел самостоятельную вербовку людей для работы по линии ОГПУ. После ареста Абдул-Меджид-хана я связался с его двоюродным братом, служившим в кабульской полиции, и получал через него все сведения, добывавшиеся афганской полицейской агентурой. Раджа Протап познакомил меня с одним важным правительственным чиновником, через которого я получал правительственные сведения. От него же я получал сведения о племенах мусульманской Индии, с вождями которых он, по поручению Амануллы-хана, поддерживал тесную связь.

Однажды вечером на его квартире я познакомился с начальником кабульской полиции. После продолжительной беседы мы согласились, что у нас имеются общие интересы, диктуемые враждой к англичанам. Мы с ним договорились быстро. За ежемесячное вознаграждение в 600 рупий он дал обязательство, по моим указаниям, арестовывать всех английских тайных агентов. Естественно, что это условие мною было использовано полностью. Всякий, подозревавшийся в английском шпионаже, арестовывался нами через этого начальника полиции.

В Кабуле, как я упоминал, было много немцев. Они были единственными европейцами, поддерживавшими отношения с нами. Среди них я завербовал некоего Лещинского, служившего переводчиком в министерстве иностранных дел Афганистана. Вторым нашим агентом был агроном Бюрде, работавший в Кабуле, затем командированный в район Мазари-Шерифа. В районе Кандагара работал для нас инженер-агроном Мазух, и, наконец, в самом Кабуле давал нам сведения один инженер-техник, фамилию которого сейчас не помню. Лещинский и техник были членами германской коммунистической партии, поэтому с ними мы связались просто, а остальных потом они сами завербовали. Мазух и Бюрде освещали экономическое положение страны, Лещинский давал копии с переводимых в министерстве докладов, договоров и т. д., а техник сообщал сведения о немецкой и о всей остальной европейской колонии в Афганистане.

Затем мною был завербован некто Бернарди, совмещавший должность советника министра финансов Афганистана с должностью драгомана при итальянском посольстве и представителя «Америкен Ист К°» по заготовке кишок. Бернарди освещал различные отрасли общественной и экономической жизни Афганистана, а также давал сведения об итальянском посольстве. В награду за это, по моему настоянию, ему было

уступлено представительство Нефтесиндиката в Кабуле. Бернарди затем переехал в Персию и, после моего отъезда из Персии, порвал связь с Советами.

В то время в Кабуле строилось новое здание для английской миссии. На этих постройках работал русский эмигрант Семехин. Он был завербован мною с условием, что после года работы будет амнистирован и получит разрешение возвратиться на родину в Советский Союз. Через Семехина мне удалось завербовать несколько индусов при английском посольстве, которые сначала освещали внутреннюю жизнь английского посольства, а затем, по мере откомандирования в Индию, работали там, посылая оттуда сведения через того же Семехина.

В начале 1925 года, когда восстание в Хосте несколько стихло, полпред Старк получил письмо от бывшего шейх-уль-ислама с просьбой увидеться с ним или с его доверенным человеком. Письмо было доставлено сыном шейха. Старк, вызвав меня, предложил заняться этим делом. В тот же вечер я вместе с сыном шейха отправился к нему на дом, где меня встретили сам старик и его старший сын. Старик начал свой рассказ с 1916 года, говоря, что он уже тогда мечтал пробраться в Россию, увидеться с русскими властями. Затем перешел к событиям 1919 года, когда в Вазиристане вспыхнуло восстание против англичан. Он подробно рассказал о своей встрече в то время с Джемал-пашой, турецким министром, приехавшим в Кабул. Джемал-паша предложил ему поехать в район независимых племен и поднять восстание против англичан, обещав помощь оружием и деньгами от имени советского посла в Кабуле Раскольников и советского правительства. Шейх отправился с сыновьями в район племен и поддерживал восстание в течение восемнадцати месяцев, но обещанное оружие не прибыло. Ныне, в связи с восстанием в Хосте, он опять выражал готовность поехать к восставшим племенам и направить их против англичан. Он предлагал вести партизанскую войну, уничтожать форты, разрушать дороги, мосты, блокгаузы, все сооружения, воздвигнутые англичанами.

Для этой работы шейх просил 100 тысяч рублей и 5 тысяч винтовок со 100 патронами к каждой. Я обещал доложить о нашей беседе послу и сообщить ответ. С первой же почтой я передал предложение шейха в ОГПУ в Москву. ОГПУ ответило, что против предложений шейха советское правительство не возражает, но отказывается дать оружие, так как доставка оружия из СССР или через СССР вскрыет нашу работу и

может вызвать нежелательные политические осложнения с Англией и с Афганистаном. Переговоров с шейхом продолжать не пришлось. В месяц Рамазана, не выдержав длительного поста, он умер.

Месяц спустя после его смерти я возобновил переговоры с его сыновьями. Мы условились, что они будут вести для нас информационную работу. Сфера их деятельности должна была охватывать район племен от Желалабада до Газни. К своей работе они привлекли некоего Мовлеви Мансура, индийского эмигранта, числившегося на афганской службе. С Мовлеви я был знаком со времени моего пребывания на должности начальника отделения КРО в Ташкенте в 1923 году. Тогда Мовлеви, бывший секретарем афганского посольства в Ангоре, направлялся через СССР в Афганистан. О его приезде в Ташкент мне донесли агенты ОГПУ, причем в донесении указывалось, что Мовлеви везет письма ташкентским афганцам, подозревавшимся нами в шпионаже. Кроме того, агенты сообщали, что он везет с собой подозрительные по размерам ящики, в которых могло быть запаковано оружие. Когда Мовлеви выехал из Ташкента на пограничный с Афганистаном пункт Кушку, начальнику Кушкинского особого отдела было приказано выяснить, какие письма и какой груз везет с собой афганский дипломат. Начальник особого отдела понял телеграмму ОГПУ в прямом смысле и велел арестовать и обыскать Мансура, не обращая внимания на дипломатический паспорт. Во время обыска Мансур пытался сопротивляться. Его жестоко избили и принудили сдаться. Результатом инцидента явилась нота афганского посла в Москве в Наркоминдел, и мне было предложено выехать в Кушку для расследования дела. Там я и познакомился с Мансуром.

Завербованная мною тройка распределила свою работу следующим образом.

Старший брат выехал в Газни, где он владел большим поместьем. Оттуда он должен был руководить пропагандой среди племен гийзаев и нозиров.

Мансур посредством взятки получил должность учителя школы в Желалабаде и поселился там. Оттуда он должен был вести работу среди племен восточных провинций, среди адридиев и в княжествах Северной Индии Дир-Сват и Баджаур.

Младший брат остался работать в Кабуле, где у него были большие связи среди духовенства. Он же служил связью между двумя первыми членами тройки и мной.

Все трое получили порядковые номера 13, 14 и 15. Работу свою они выполняли аккуратно. Информация Мансура отличалась точностью и детальностью. Старший брат в Газни специализировался в организации нападений на английские транспорты в пограничной зоне. Младший брат в Кабуле вел работу в правительственных учреждениях. Он вскоре предложил мне приобрести за две тысячи рупий афганский шифр министерства иностранных дел. О предложении мною было сообщено в Москву, но Москва ответила, что тратить денег на покупку не следует, так как шифр... уже имеется в распоряжении спецотдела ОГПУ.

РАЗЛОЖЕНИЕ БУХАРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В Афганистане нашли убежище бывший эмир бухарский (проживавший неподалеку от Кабула в местечке Калаи-Фатуме) и главари басмаческого движения Фузаил Максум и Курширмат. Оба главаря пользовались большой славой и влиянием как среди местных эмигрантов, так и среди населения советской Бухары. Эмир бухарский имел при себе около 300 человек; из их среды пополнялись руководители басмачества, и они же держали связь между эмиром и басмачами в советской Бухаре. Кроме того, в районе Северного Афганистана сосредоточились около тридцати тысяч эмигрантов, преимущественно туркмен.

Москва очень интересовалась бухарской эмиграцией и в каждом письме торопила меня с развитием работы. Подступ к эмиграции я нашел случайно. Однажды, катаясь верхом в окрестностях Кабула, я познакомился с бухарцем, любезно пригласившим меня в гости. Бухарец принадлежал к свите эмира.

Итак, я имел повод поехать в Калаи-Фатуме. В самый штаб басмачей, где проживал сам экс-эмир бухарский. При нем триста басмачей, его адъютанты, генералы и бывшие губернаторы провинций, потерявшие все благодаря большевикам. Я окажусь среди ярых врагов большевизма. Что я могу сделать, если они захотят меня уничтожить? Даже концов не найдут. Рискованная задача. Но я решился, другого выхода нет. Нужно срочно найти информаторов среди бухарцев. Нужно выполнить задание Москвы.

В одну из ближайших пятниц с утра я оседлал своего серого, туркменской породы коня. Сунул в карман браунинг с парой запасных обойм и выехал из ворот посольства. Лошадь

несла меня легкой рысью. Вон в стороне дворец Бабура, где помещается сейчас германская миссия. У меня там много знакомых и друзей. Я часто бывал у них и не уставал любоваться обширным роскошным садом дворца. Дальше впереди виднеется дворец Чиили-Сютюн. На вышке дворца развевается красный флаг. Это — личный флаг эмира афганского. Присутствие флага означает, что эмир находится здесь. А может быть, флаг висит для отвода глаз? Ведь у каждого правителя есть враги. Еще дальше пошли узкие полосы голых полей, с которых урожай уже снят. Наконец вдаль показалась деревушка, расположенная у замка Калаи-Фатуме. Я въехал в деревню и рысью направился к воротам дворца.

— Стой! — закричал часовой у ворот, хватая за узду лошадь. — Куда едешь? — спросил он.

— Мне нужно повидать Али Мардан-бая, — ответил я.

— Что же ты едешь во дворец? Здесь живет эмир-саиб. Сверни налево, в третьем дворе спроси Али Мардана, — уже спокойно указал мне дорогу часовой.

Я свернул налево и, доехав до третьих ворот, въехал во двор. Какой-то узбек вышел из дома и вопросительно смотрел на меня.

— Здесь живет Али Мардан-бай? — спросил я.

— Да, — вежливо ответил он, — только сейчас его нет дома, он еще не вернулся из мечети.

— Так я его подожду, — сказал я, спрыгнув с лошади.

Выбежал мальчишка и, взяв лошадь, стал ее прогуливать. Я сел в тени навеса. Встретивший меня узбек вынес чаю и сел на корточках поодаль. Подошли еще несколько человек. Понемногу вокруг меня собралась толпа.

— Ты хорошо говоришь по-узбекски, но ты не узбек. Что ты делаешь в Кабуле? — спросили меня.

— О, я почти всю жизнь провел в Бухаре. Я имел там свою торговлю, но после революции разорился и вот теперь вынужден служить. Я служу переводчиком при советском посольстве, — ответил я. — Приехал я сюда прямо из Бухары и вот думаю накопить немного денег и опять вернуться в Бухару торговать, — продолжал я.

— Ты недавно из Бухары? — оживился узбек. — Расскажи, как там жизнь и кого ты там знаешь?

Я пил чай, рассказывал о жизни в Бухаре. О новой советской власти, которая помогает всем трудящимся. Об амнистии, дарованной всем желающим возвратиться на родину узбекам. Толпа вокруг меня, выросшая до пятидесяти человек,

слушала с напряженным вниманием. На лицах виднелось чувство тоски по родным местам.

Пришел с молитвы и Али Мардан. Он встретил меня, как старого знакомого.

— Вот, слава Аллаху, живой человек из самой Бухары, — сказал он, обращаясь к слушателям. Мой престиж в глазах публики еще более поднялся. И когда, посидев еще некоторое время, я собрался ехать обратно, несколько человек из группы бросились к моей лошади и помогли мне усесться. Я дал мальчишке, прогуливавшему лошадь, пару рупий и, попрощавшись, уехал. Я возвращался в город довольный своей поездкой. Я чувствовал, что посеянные мною семена принялись хорошо, и радовался будущему урожаю.

— Саиб, — услышал я сдержанное обращение за собой, идя по крытому Сарыпуль, базару Кабула. Я обернулся и увидел двух бухарцев.

— Мы хотим с тобой поговорить. Не можешь ли ты пойти с нами в укромное место?

— Хорошо, — ответил я и свернул в узкий вонючий переулок.

— Мы вдвоем решили вернуться в Бухару и просим твоей помощи. Скажи послу, чтобы разрешил нам ехать домой, — сказал один из бухарцев, убедившись, что мы одни.

— Хорошо, я передам вашу просьбу послу. Приходите на это же место послезавтра, и я вам передам ответ посла, — ответил я, записывая их имена.

В назначенный день мы снова встретились.

— Посол не верит, что вы искренно желаете вернуться на родину и заниматься мирным трудом, — начал я, — он боится, что вы опять будете заниматься басмачеством.

— Нет, саиб, мы уже пять лет как покинули наши дома и семьи. За это время мы испытали все. Нам все время обещали, что мы сможем скоро вернуться домой. Нас заставляли работать, как ослов, и держали впроголодь. Теперь довольно. Мы видим, что все это были пустые обещания. И не только мы вдвоем, но и все наши люди хотят вернуться к своим семьям, но боятся наказания большевиков.

— Ладно, а чем вы докажете, что действительно искренне решили порвать с эмиром? — спросил я.

— Чем хочешь, саиб, — ответили оба.

— Хорошо, я вам предложу следующее: в течение трех месяцев вы будете жить здесь и информировать меня о том, что делается у эмира. Кроме того, вы должны уговаривать и дру-

гих вернуться на родину. Если вы честно исполните эти два условия, то я обещаю уговорить посла выдать вам паспорта. А чтобы вы могли здесь жить, я вам буду выдавать сто рупий в месяц на расходы, — предложил я.

— Мы сделаем все, что ты прикажешь, — без колебаний ответили они.

И я им выдал по десять рублей аванса. Дальше уже дело пошло как по маслу. Теперь в окружении эмира бухарского у меня было больше чем нужно информаторов для дальнейшей работы.

Недели через две желающих возвратиться на родину было около тридцати человек и среди них пять наших агентов. Я послал доклад в Москву, подробно развивавший идею реиммиграции бухарцев. Я настаивал главным образом на реиммиграции вождей бухарского движения, ибо думал, что вслед за вождями партиями двинутся и рядовые члены эмиграции. Москва приняла мое предложение, однако с той поправкой, что надо организовать возвращение рядовых эмигрантов и, лишив таким образом вождей опоры, уничтожить их влияние и значение.

С целью содействия идее «возвращения на родину» ближайший съезд бухарских Советов постановил амнистировать всех эмигрантов, добровольно возвращавшихся в Туркестан, и наделить их землей и инвентарем, чтобы они вновь могли заняться хозяйством. Меры эти диктовались, кроме политических соображений, соображениями экономическими. Восточная Бухара после ликвидации басмачества в 1925 году почти опустела. Жители частью бежали в Афганистан и Персию, частью были вырезаны воюющими сторонами. Глинобитные дома развалились, поля были брошены и не обрабатывались. Некогда богатые селения представляли собой развалины среди пустыни. Еще больший ущерб причиняла стране эмиграция туркмен, которые увели с собой на афганскую территорию весь скот-каракуль, ценившийся наравне с валютой. Все это богатство теперь находилось в Афганистане.

Весной 1925 года мною была отправлена первая партия эмигрантов в 20 человек, среди которых находились два агента ОГПУ для наблюдения. Остальные агенты были оставлены в Афганистане для развития идеи возвращения и для дальнейшего ведения информационной работы. Одним из ценных информаторов-бухарцев был Исак-хан, человек удивительно ловкий. Как-то встретив его в условленном месте в горах, я сказал ему:

— Исак-хан, мне нужно получить именной список всех эмигрантов-бухарцев в Кабуле. Сможешь ли ты его достать?

Маленького роста, краснощекий, с хитрыми карими глазами, Исак-хан подумал несколько минут и ответил:

— Конечно, можно, только это будет стоить денег.

— Ладно, я и так тебе плачу много. Достань этот список, и я выдам тебе, кроме жалования, сто рупий награды, — предложил я.

— Сделаю, саиб, и принесу через неделю, — сказал он и ушел быстрой деловой походкой.

Через неделю мы вновь встретились на том же месте.

— На, возьми, — сказал Исак-хан, вынимая из-за пазухи большой сверток бумаги. — Тут имена всех бухарцев в Кабуле.

Я стал просматривать список и обратил внимание, что кроме имен и фамилий имелись и подробные биографии.

— Как ты достал это, Исак-хан? — спросил я, передавая ему мешок с рупиями.

— Саиб, мне долго пришлось работать. Я сказал всем своим, что хочу написать книгу истории Бухары, в которую хочу включить имена всех моих славных сподвижников. Я сказал, что эту книгу напечатаю, и вся Бухара, весь мир будут читать эту книгу и прославлять героев, воевавших во славу ислама. И вот каждый приходил записать свое имя и давал подробные сведения о себе, чтобы его не спутали с другими однофамильцами, — рассказывал он, улыбаясь.

— Молодец, спасибо, скоро поедешь домой, будешь большим человеком, — ответил я.

— Саиб, — вдруг умоляюще начал Исак-хан, — ты знаешь, когда я приеду в Бухару, я хочу жениться. Так вот, я прошу тебя написать в Москву, чтобы государство выдало мне медаль.

— Зачем тебе медаль? — спросил я.

— Когда я буду иметь медаль, все девушки будут меня любить и каждый бухарец согласится, чтобы я женился на его дочери. Пожалуйста, саиб, сделай это для меня, — просил он.

— Хорошо, вот кончишь работать, поедешь в Бухару, и мы дадим тебе большую медаль, — ответил я, смеясь в душе его наивности.

Исак-хан обрадовался. Он верит мне, ибо я всегда выполнял обещания. Он будет усердно работать, чтобы заслужить медаль у советской власти.

Я же обещал потому, что должен был выполнить один из параграфов полученного из ОГПУ письма. Впрочем, я выполнил свое обещание. Перед отъездом его в Бухару я ему по-

дарил мой значок АВИАХИМа, очень красивый и смахивавший на медаль.

Отправляя как-то очередную партию эмигрантов, я послал письмо Бельскому, председателю ОГПУ в Ташкенте, с просьбой обойтись с эмигрантами насколько возможно лучше и избежать арестов и неприятных формальностей, чтобы слухи об их приеме могли, дойдя до остальной эмиграции в Бухаре, благоприятно содействовать нашей пропаганде возвращения. Однако первая партия, а вслед за нею и вторая, придя на границу, подверглись тщательному обыску, на все пожитки эмигрантов были наложены большие пошлины, часть людей была арестована по подозрению в шпионаже, а часть, не получив обещанной земли и инвентаря, оказалась без средств к существованию и вынуждена была бежать обратно в Афганистан. Прибывшие в Кабул, конечно, быстро расхолодили пыл эмиграции, и приток «возвращенцев» прекратился. Но агентурная сеть, налаженная мной, действовала аккуратно, и сведения об эмире бухарском систематически поступали в наше распоряжение. Часть агентуры я отправил в Северный Афганистан для работы среди туркменской эмиграции. Сведения от этих агентов поступали в распоряжение советского консула в Мазари-Шерифе Постникова, являющегося одновременно представителем ОГПУ.

Для работы мне удалось завербовать полковника Хассан-Эффенди, бывшего турецкого офицера, служившего в военном министерстве Афганистана. Хассан-бей во время энверовской операции состоял в его отряде, после смерти Энвер-паши эмигрировал в Афганистан и поступил на афганскую службу. Многие главари басмаческих отрядов его знали и, приезжая в Кабул, останавливались у него.

В один из дней я сидел на квартире Хасан-бея. Кроме меня и хозяина в комнате находился и главарь каратегинских басмачей Фузаил Максум. Он стоял в дальнем углу на коврике и молился. Человек, поражавший своей жестокостью даже жителей Востока, он сейчас смиренно, как дитя, стоял на коленях и молился своему богу. Он также состоял у меня секретным агентом. Но, глядя на его молитвенную позу, я невольно про себя думал: «А черт знает, что у этого фанатика на душе?»

Мы втроем ждали главу ферганских басмачей Курширмата. По агентурным сведениям, в период его борьбы против советской власти в Туркестане он заключил письменное соглашение с англичанами, в котором они обещали ему помочь оружием и деньгами в борьбе с большевиками. Получение та-

кого документа в руки в 1925 году, после опубликования «письма Зиновьева», имело для нас колоссальное значение. Советское правительство смогло бы этим документом играть на общественном мнении Европы. Поэтому я имел инструкцию идти на все уступки, лишь бы заполучить документ.

Я, признаться, с любопытством и нетерпением хотел видеть Курширмата, прославившегося своей жестокостью на всю Среднюю Азию. Именуя себя Джаанигром (Покорителем мира) и считая себя потомком Чингисхана, Курширмат уничтожал все и всех на своем пути. За период его деятельности в Туркестане он и его шайка уничтожили до десяти тысяч мирных жителей.

Наконец пришел Курширмат в сопровождении своего брата. Среднего роста, худощавый, с забинтованным черным бинтом одним глазом. Черная чалма, которую он носил на голове, еще более оттеняла желтизну его лица. Кивнув нам головой, он уселся в конце длинного стола.

Почва для переговоров между нами была уже подготовлена заранее Хасан-беем, и поэтому я сразу начал говорить о деле.

— Я говорю с вами, Шир-Ахмед, от имени советской власти. Мы предлагаем вам полную амнистию при условии, что вы подробно расскажете о ваших сношениях с англичанами, распустите имеющихся здесь ваших людей и объявите всем вашим сторонникам в Фергане, что прекращаете борьбу с нами и подчиняетесь советской власти, — перечислял я наши условия.

— Хоб, а что я буду делать, когда вернусь в Туркестан? — спросил он.

— Советское правительство вам назначит пенсию и, может быть, предложит приличествующую вам должность, — ответил я.

Курширмат обдумывал мое предложение, насколько можно было судить по одному глазу.

— Хорошо, я подумаю над вашим предложением, — наконец ответил он.

— Правда ли, что вы вели переговоры с англичанами и заключили с ними договор? — спросил я.

— Да, я имел с ними беседу, будучи в Пешаваре. Они мне многое обещали, а на самом деле ничем не помогли, — неохотно ответил он.

— Что же, вы имели с ними письменное соглашение или как? — поставил я интересующий меня вопрос.

— Нет, у нас не было письменного соглашения. Я имел

личную беседу с одним крупным английским чиновником, — ответил он.

Итак, значит, письменного документа нет. Мои сведения не подтвердились. Компрометирующего англичан документа опять не оказалось. А жаль! Какой был удобный случай доказать всему миру миролюбие Советов и империалистические тенденции против пролетарского государства. Но ведь не может быть! Где-нибудь и что-нибудь англичане готовят против Советского Союза и, хотя они народ и хитрый, должны оставить хоть какие-нибудь следы. Нужно искать, и искать хо-рошенько.

И я искал, долго искал. Целых шесть лет после этого случая я проникал в тайны английской политики. За это время было добыто много всяких секретных документов английской дипломатии. Но, увы! Компрометирующих англичан документов мы нигде не находили.

Чем это объяснить? Хитрой работой англичан или честным выполнением взятых на себя обязательств?

А Курширмат? С минуты, когда мне стало ясно, что у него нет документов, я потерял к нему острый интерес. Он после переговоров стал таким же рядовым секретным агентом, как и многие другие.

В середине 1925 года ко мне поступили два предложения: первое — от представителя эмира бухарского, заявившего, что эмир готов примириться с нами при условии, если ему дадут небольшую компенсацию: пенсию и фиктивную власть над одной из провинций Бухары. Эмир бухарский получал от афганского правительства 14 тысяч рупий ежемесячно, и поэтому я начал вести с ним переговоры исключительно в плоскости субсидии, отвергая всякую мысль о предоставлении ему власти, хотя бы и фиктивной. Другое предложение поступило от Фузаила Максума: убить эмира бухарского или же похитить его и отправить в СССР. Оба предложения я немедленно передал в Москву и получил ответ, что ни на какие соглашения с бухарским эмиром советское правительство не идет. Что же касается вопроса о ликвидации его, то Москва принципиальных возражений не имеет и предоставляет осуществление проекта на мое усмотрение при непременном, однако, согласовании моих действий с полпредом. Я обсудил вопрос со Старком; Старк тоже принципиальных возражений не имел, но посоветовал выждать более удобный момент для ликвидации эмира, когда будет меньше риска вызвать осложнения с афганским и другими правительствами.

К этому времени, благодаря хорошо поставленной работе, мое положение в Москве укрепилось, и я считал возможным дать наконец отпор Старку, не перестававшему воевать со мной с начала моего приезда. Случай представился, когда я отправлял телеграмму в Москву о предложениях эмира бухарского. Старк потребовал показать ему текст телеграммы. Я категорически отказал, заявив, что мне надоело составлять для него фальшивые тексты. В ответ на это он, разразился бранью, закончившейся между нами рукопашной схваткой. После этого случая отношения наши совершенно прекратились. Старк стал бомбардировать Москву телеграммами о моем отзыве.

Следует сказать несколько слов о расходах резидентуры ОГПУ. На работу в Афганистане было ассигновано 10 тысяч рупий, или 2 тысячи долларов в месяц. Я получал жалование наравне с полпредом, то есть 1000 рупий ежемесячно. Часть жалования, как сотрудник Наркоминдела, я получал в полпредской кассе, а остальные из кассы резидентуры. Кроме того, конечно, все разъезды, угощения и прочие непредвиденные расходы относились на счет ОГПУ.

Агентура оплачивалась в размерах от 8 до 20 фунтов стерлингов в месяц, смотря по работе. Несмотря на небольшую смету, мне удавалось экономить средства, ибо большую часть расходов оплачивал полпред из сумм Коминтерна. Так, например, Мулла-Баширу на ведение пропаганды и освещение настроений независимых племен Старк выплачивал 500 фунтов стерлингов каждые три месяца. Организации сикхов отпускалось 100 фунтов стерлингов в месяц. Эти деньги присылались за счет Коминтерна, и полпред выплачивал их через Мархова.

Летом 1925 года в Кабул приехал представитель Наркомторга, Лежава-Мюрат, с заданием заключить с афганским правительством торговый договор. Афганцы приняли его очень любезно. Переговоры начались при активном содействии полпреда Старка, но затем затянулись, а одновременно начали портиться личные отношения, и Лежава, охладев к Старку, стал дружить со мной. Желая насолить Лежаве, Старк замедлял темп переговоров. Тем временем начало изменяться политическое положение в Афганистане, бывшее особенно благоприятным для нас после Хостинского восстания, подавленного при помощи советских аэропланов и бомб. Когда вспыхнуло Хостинское восстание, Старк предложил афганскому правительству советские аэропланы и летчиков, надеясь таким образом использовать удобный момент для внедрения советской авиации в Афганистане — важном, с точки зрения

штаба Красной Армии, плацдарме для наступления на Индию. Предложение было принято, и из СССР прилетели в Афганистан десять аэропланов системы «Хавеланд» и «Юнкерс» с летчиками и механиками.

В августе 1925 года Марков, по окончании годичной командировки, уехал в Москву. Его заменил Францевич, человек, заслуживший через месяц по приезде прочную репутацию подхалима и дурака, Францевич считал себя большим спецом по коминтерновской работе и неутомимо сочинял всяческие планы об организации революции в Индии. Старк их задерживал и не посылал в Москву, потому что вообще не верил в возможность революции где бы то ни было.

В сентябре 1925 года шифровальщик Фридгут был срочно отослан в Москву за признание в любви машинистке Булановой и желание на ней жениться. Перед отъездом он пришел ко мне и, каясь во всех грехах, рассказал подробно, как он, по поручению Старка, старался травить меня. Я предложил ему изложить все это письменно и послать этот документ в Москву на заключение ОГПУ.

Считая организованную в Афганистане работу удовлетворительной, я в октябре 1925 года поставил перед Москвой вопрос об организации агентурной сети в Северной Индии. Вместе с тем я просил разрешения выехать в Москву, ибо мои отношения со Старком настолько ухудшились, что уже не было ни одного случая, по которому у нас не происходило бы ожесточенной схватки.

Получив разрешение Москвы выехать с докладом об организации работы в Индии, я в ноябре 1925 года покинул Кабул, сдав временно ведение дел ОГПУ Старку (таково правило), а тот затем поручил его Францевичу.

Приехав в Москву, я явился с докладом к Трилиссеру. Он остался очень доволен работой, предложил мне месячный отдых и велел выдать мне 100 рублей наградных. Однако на следующий же день он снова вызвал меня и сказал, что замнаркоминдела Карахан очень интересуется афганскими делами и просил меня сделать доклад в Наркоминделе. В тот же день я пошел в Наркоминдел к заведующему отделом Среднего Востока Цукерману и условился о дне доклада. В это время приехал в Москву из Кабула торгпред Лежава-Мюрат, которому Старк поручил от своего имени сделать доклад в Наркоминделе о политическом и экономическом положении

Афганистана. В условленный день я пришел в Наркоминдел и застал среди собравшихся Лежаву-Мюрата.

Мой доклад касался главным образом внутреннего положения Афганистана и возможностей, которые следует использовать в северо-западной полосе Индии, населенной независимыми племенами. Выступивший после моего доклада Лежава заявил, что, хотя у него имеются директивы Старка с другими установками, он, однако, всецело присоединяется ко мне и считает также, что вместе с экономическим завоеванием Северного Афганистана необходимо утвердить наше политическое влияние в Южном Афганистане. Выступление его вызвало впоследствии колоссальную склоку, в результате которой Лежава после рассмотрения дела в Политбюро ЦК был отставлен от торгпредства.

После доклада Наркоминдел предложил мне вернуться в Афганистан, на что я уклончиво ответил, что мое возвращение зависит от моего начальника Трилиссера. Когда же на следующий день Трилиссер повторил предложение, я ему откровенно заявил, что считаю мое возвращение в Кабул нецелесообразным вследствие плохих отношений со Старком. Трилиссер сказал, что примет мое заявление к сведению и согласится на мое возвращение только при условии, что Наркоминдел гарантирует мне благоприятную обстановку для работы. Через несколько дней Трилиссер сообщил, что Наркоминдел настаивает на моем возвращении и гарантирует возможность работы. Сталин и Чичерин будто бы напишут письмо Старку о недопустимости его поведения, и письмо будет отправлено с первой почтой. Вместе с тем будет поднят вопрос о замене Старка другим лицом. Настояния Наркоминдела, в частности Карахана, объяснялись тем, что Старк был ставленником Литвинова, и Карахан хотел во что бы то ни стало спихнуть его или же, в крайнем случае, насолить ему и Литвинову. Настаивал он на моем возвращении исключительно из желания «удружить» Старку. Хотя я все это прекрасно понимал, мне ничего не оставалось, как подчиниться, и в декабре того же года, снабженный 10 тысячами долларов и инструкциями об организации информационной сети ОГПУ в Северной Индии, я вновь покинул Москву, направляясь в Кабул.

В Ташкент я приехал как раз в тот момент, когда Красная Армия заняла остров Урта-Тугай на реке Амударье.

Полномочный представитель ОГПУ Бельский, к которому

я явился в Ташкент, смеясь, объяснил, что армия не вторглась на афганскую территорию, что просто само население острова, недовольное афганской властью, устроило «социальную революцию», арестовало представителей власти и, как самостоятельная единица, присоединилось к СССР. Шутя, Бельский просил меня поддерживать эту версию, когда я буду проезжать по афганской территории. Когда я выразил неодобрение и опасение, что инцидент может вызвать неприятные последствия, он признался, что остров захвачен потому, что служил базой для басмаческих шаек, которые, скопясь на острове, совершали регулярные налеты на советскую границу. Остров занят из стратегических соображений, а произошел захват просто. Ночью послали туда отряд переодетых красноармейцев из местного населения, отряд арестовал афганские власти и объявил остров присоединенным к СССР. Туркестан в этом вопросе действовал самостоятельно, не сговариваясь с Москвой, но полагая, что в Москве учтут совершившийся факт и поддержат захват. Для укрепления положения отряд переодетых красноармейцев предложил населению собраться и голосовать по вопросу о власти. Конечно, население «высказалось за присоединение к СССР».

Вообще, говорил Бельский, неприятности с афганцами в последнее время участились. Недавно он поручил своим агентам украсть чемодан с дипломатической почтой у афганского дипкурьера, ехавшего из Ташкента в Кабул. Агенты украли чемодан, но выбросили его из вагона неудачно. Афганцы заметили кражу, открыли стрельбу, остановили поезд и захватили одного агента, который, испугавшись, признался, что действовал по поручению ОГПУ. О краже и допросе агента был составлен акт.

Распровавшись с Бельским, я в январе 1926 года вновь прибыл в Кабул. Политическая обстановка за это время резко изменилась. В связи с захватом красными отрядами острова Урта-Тугая по улицам дефилировали афганские войска, по несколько раз в день проходя перед зданием советского посольства в знак протеста против захвата. Полпредство было сильно испугано. Ни один из его членов не выходил в город. Связь с секретными информаторами, таким образом, оборвалась, и не имелось никаких сведений о намерениях афганского правительства.

По приезде я немедленно явился к Старку, но он, осведомленный о моих московских переговорах, отказался меня принять.

Между нами началась открытая война. Когда я пожелал принять дела и свою агентуру у представителя Коминтерна Францевича, последний заявил, что полпред велел не сдавать мне агентуры, так как агентура нужна им самим для коминтерновской работы. Я, конечно, не мог примириться с таким положением дел. Пользуясь тем, что испуганный Францевич не выходил из полпредства, я в течение двух дней, зная адреса своих агентов, связался с ними, переменял явки и время следующего свидания. Когда Францевич, после ликвидации конфликта, захотел с ними связаться, то уже не мог никого найти.

Меня особенно занимали индийские дела. Москву, кроме пограничных племен, особенно интересовала так называемая секта ахмедийцев, состоявшая, по московским сведениям, в значительном числе из агентов английской разведки. По этому вопросу Москва прислала мне для ознакомления информационный материал, полученный из берлинской резидентуры и из Ташкентского ОГПУ, которое захватило двух членов секты ахмедийцев с грузом сектантской литературы; на допросах оба ахмедийца признались в своей работе для англичан. Помимо этих материалов, Москва вообще присылала мне для сведения свою информацию об Афганистане. Судя по точной и подробной осведомленности автора донесений, можно было полагать, что автор находится в самом Афганистане. В то время, однако, я еще не знал, откуда и как получают эти документы Москвой. Они потом оказались... копиями донесений британского посланника в Кабуле.

Отношения между мной и Старком приняли чрезвычайно острый характер. Посол отказывался визировать мои телеграммы и пересылать мою почту в Москву. Меня поэтому удивило, когда однажды он сам вдруг предложил отправить почту с ближайшим дипкурьером. Подозревая неладное в такой неожиданной любезности, я запаковал несколько газет в пакет и сдал их Старку, а настоящую почту сдал частным образом дипломатическому курьеру, бывшему чекисту, с обязательством доставить ее в собственные руки Трилиссеру.

Впоследствии оказалось, что мои подозрения были правильны. Старк, отправляя мой пакет, одновременно написал консулу в Мазари-Шерифе Постникову, чтобы тот изъясил этот пакет и вернул обратно Старку в Кабул. Постников, будучи одновременно резидентом ОГПУ, этого не сделал и переслал письмо Старка мне для сведения. После этого случая и многих подобных я, видя, что Москва не сдержала обещания,

просил телеграфно Трилиссера отозвать меня. В марте 1926 года моя просьба была наконец удовлетворена. Законсервировав сеть, то есть дав агентам содержание за три месяца вперед, я сдал дела тайно от полпреда бывшему летчику в Кабуле Софронову и выехал обратно в Москву.

КАК МЫ ДРУЖИЛИ С АНГЛИЧАНАМИ

Я в гостях на квартире у одного из помощников министра в Афганистане. Большая комната, устланная коврами. На коврах лежат маленькие тюфяки и подушки. Мы сидели на этих тюфяках, поджав под себя ноги. Помощник министра — худощавый брюнет с светло-серыми глазами, какие можно встретить среди жителей горного Кафиристана. Он — большой приверженец эмира Амануллы и с его разрешения имел дружественные сношения с вождями индийских мусульман — Шовкет Али и Магомет Али. Он сам был в Индии, лично познакомился с этими вождями и был в восторге от них. Он хранил, как реликвию, фотографию, где был снят вместе с вождями индийского халифата, и с гордостью всякий раз показывал эту фотографию своим гостям.

Я приходил к министру иногда по вечерам в гости узнать новости из Индии, которые он получал благодаря своим индийским связям. Он очень не любил англичан, и на этой почве мы были друзьями; в остальном, конечно, он ненавидел большевиков.

Сейчас он, как всегда у себя дома, сидел в белых шароварах, прикрытых слегка пледом, и, попивая из крошечной чашки чай, рассказывал о том, что он делал в министерстве. В комнате кроме меня сидели еще несколько афганцев. Это были его приверженцы и бедные родственники. Они хватали на лету каждое слово и, умиленно улыбаясь, восхищались его мудростью. У двери, сидя на корточках, двое слуг разливали и разносили чай.

— Вазир-саиб, — продолжал я беседу, — теперь вы убедились, что англичане — ваши враги. В то время как советское правительство прислало вам десять военных аэропланов с бомбами и летчиков на помощь эмиру, — в это время англичане дали убежище врагу эмир-саиба, Мамеду Умар-хану.

— Мамед Умар-хан, этот слон, большой негодяй, но он глуп и нам не страшен. А англичане, конечно, всегда рады принести нам вред. Я это все время повторяю эмир-саибу. С вами мы тоже не можем быть большими друзьями, но у нас

один общий враг, и в этом пункте мы должны друг другу помогать, — ответил министр.

— Так-то так, но Афганистан всегда будет в опасности, пока вы не станете сильным государством. А история нас учит, что государство может быть сильным только тогда, если оно имеет выход к морю. Вот если бы Афганистан имел свой порт, хотя бы Карачи, тогда бы вы были сильны и самостоятельны, как и остальные державы мира, — агитировал я.

— Иншалла, будем иметь и порт. Ведь семьдесят миллионов наших братьев мусульман живут в Индии, — сказал он со вздохом.

— Саиб раис-кутвали (начальник полиции) идет, — доложил вошедший слуга и пропустил нового гостя.

— А, очень хорошо, добро пожаловать, саиб, — обратился к начальнику полиции министр, приподнимаясь на одно колено. — А это один мой друг из русского посольства, — представил он меня гостю.

Полицмейстер, короткий, полный мужчина средних лет, в военной форме, занял место на одном из тюфяков. Лицо его выражало заботливость, но он вежливо улыбался.

— Очень рад познакомиться с вами. Я много о вас слышал. Я очень люблю русских, которые являются нашими искренними друзьями, — обратился он ко мне.

Я молча поклонился, а про себя подумал, что вот этот «друг» подослал мне своего агента под видом слуги, держит двух агентов у ворот нашего посольства, которые, высунув языки, бегают за мной, стараясь выяснить мои связи. Наверно, от них-то он и слышал обо мне.

Разговор принял общий характер. Я молча слушал беседующих и изучал начальника полиции.

Министр начал говорить о немецких инженерах, приехавших работать в Афганистан.

— Все эти иностранцы ничего у нас не делают и получают огромное жалование, — жаловался он.

— Вы, кажется, большие друзья с немцами, — обратился ко мне начальник полиции с улыбкой, точно ему известен каждый мой шаг.

Меня взорвала его улыбка.

— Да, мы с немцами дружим, саиб, — ответил я. — Кстати, я сегодня после обеда был у них в посольстве и провел там два часа. Я вам это говорю, потому что ваши люди не успели за моей лошадейю и потеряли меня из виду, — с вежливой улыбкой добавил я.

— Какие люди? — спросил полицмейстер, покраснев.

— Вы ведь знаете, о каких людях я говорю, — ответил я, — но я повторяю, господин министр знает, что мы искренне относимся к Афганистану и у нас нет никаких секретов от вас. Наша цель — это борьба с англичанами, и, я надеюсь, мы в этом также будем друзьями. А если вас будет интересовать какой-либо вопрос, я с удовольствием поделюсь с вами моими сведениями, — закончил я.

Начальник полиции переглянулся с министром, который на своем лице изобразил выражение: «Вот каких друзей я имею!»

— Я очень рад, что вы готовы нам помочь «бороться с англичанами», — ответил он, и мы перешли на другую тему.

После получасовой беседы я, использовав момент, когда министр рассказывал о пользе одного из изданных им декретов, спросил начальника полиции:

— Скажите, господин начальник, вы серьезно не любите англичан и хотели бы бороться с их влиянием?

— Да, я и борюсь, но нам очень трудно, ибо англичане — народ богатый, а у нас очень маленький бюджет, — ответил он.

— Сколько вы получаете жалования? — задал я вопрос.

— Триста рупий в месяц.

— Так вот, если вы согласны тормозить работу англичан здесь, мы готовы помогать вам, выдавая ежемесячно пятьсот рупий на нужды полиции, — предложил я.

— А что мы должны делать? — спросил он.

— Ничего особенного. Вы, наверное, знаете, что мы имеем об англичанах полную информацию. Я буду сообщать имена секретных агентов англичан, а вы их будете арестовывать. Таким образом, вы пополните нашими деньгами вашу кассу и, наверное, получите чин за успешную работу. А взамен того вы также информируете нас, что вам будет известно о наших общих врагах. Как видите, тут, кроме пользы, вашему правительству ничего нет, — убеждал я его.

— Хорошо, я согласен, — ответил он, пожимая мне руку. — Только все это должно остаться между нами.

— Будьте спокойны, — сказал я, поняв, что наша субсидия пойдет в его личный карман, и мы присоединились к общей беседе.

Я возвращался в посольство. Страшная темень и грязь... Хотя слуга, шедший впереди, освещал фонарем тропинку, я не обращал ни на что внимание и шлепал прямо по лужам

грязи. А на душе было удовлетворение. Завербован сам начальник полиции. Нет сомнений, что через него в нашем распоряжении будет весь полицейский аппарат. После нескольких его рапортов мы крепко и навсегда приберем его к рукам.

В десять часов вечера я имел свидание с полковником афганской армии, который должен был мне передать ряд сведений о положении пограничных племен северо-западной границы Индии. Полковник был еще довольно молодым человеком со смуглым энергичным лицом. Высокого роста, стройный, он представлял хороший экземпляр племени африди, к которому принадлежал. Он был очень осторожен и требовал встречи только поздней ночью и лично со мной, не доверяя моим помощникам. Он имел на окраине Кабула дом с большим садом, задняя часть которого примыкала к рисовым полям, вечно залитым водой. Лишь по узкой тропинке можно было верхом подъехать к садовой калитке. Через сад я обыкновенно проходил на женскую половину дома, где мы могли спокойно, в безопасности беседовать.

На этот раз я был болен и не мог ехать верхом. Я решил ехать на баги (бамбуковая коляска) и взять с собой дипломатического курьера, который бы остался с коляской, пока я буду занят с полковником.

Покружив немного по городу, на случай если за нами следили, мы свернули в сторону дворца Баги-Бала. Поминутно мы оглядывались, чтобы убедиться, что за нами нет слежки. Еще несколько минут езды, и мы очутились недалеко от дома полковника. Впереди чернела обсаженная деревьями аллея, ведущая к Баги-Бала.

— Товарищ Максимов, ты проезжай медленно по этой аллее и возвращайся обратно, пока я приду. Далеко не отъезжай, — приказал я дипкурьеру, слезая с баги.

Подождав немного, пока огни фонарей коляски отделились, я внимательно осмотрелся и, никого не заметив, свернул с дороги и пошел прямо по засеянным полям к условленной калитке. Все шло нормально. Полковник уже ждал меня у садовой калитки. Я пробыл у него минут двадцать и благополучно вернулся по тому же пути на дорогу. Но что такое? Коляски нет на условленном месте, и нигде ее не видно. Неужели что-либо случилось с дипкурьером? После нескольких минут ожидания я уже решил было идти пешком, когда заметил вдали приближающиеся огни. Это была наша коляска.

— Почему так далеко уехал? — спросил я дипкурьера, усевшись с ним рядом.

— Вот тут недалеко за деревом я заметил афганца, который наблюдал за нами. Я и решил отъехать, чтобы отвлечь его внимание от тебя, — ответил дипкурьер.

— За каким деревом? — спросил я, остановив лошадь.

— Вон, смотри налево, виднеется его чалма, — кивнул он в сторону от дороги.

Я подъехал ближе, и действительно какой-то афганец сидел на корточках, притаившись за деревом.

— Что ты тут делаешь? — спросил я его по-афгански.

— Да вот увидел, что разъезжает поздно ночью баги, и смотрю, по делу или без дела, — ответил он смутившись.

— Конечно, по делу, — сказал я, — кто же будет ночью кататься тут без дела? Да, скажи, пожалуйста, как нам проехать в английскую миссию? А то в темноте мы потеряли дорогу.

— Езжайте по этой дороге прямо, — ответил он.

— Спасибо, счастливой ночи, — поблагодарил я и пустил лошадь вскачь.

На следующий вечер я получил рапорт от начальника полиции, уже работавшего у меня под № 4:

«Вчера ночью около 11 часов по дороге в Баги-Бала разъезжали в коляске два английских агента и, видимо, кого-то поджидали. Заметив моего человека, они больше не стали дожидаться и вернулись в английское посольство. № 4».

Однажды полпред Старк вызвал меня к себе. Войдя в гостиную, я нашел его в обществе молодого афганца, с умным решительным лицом.

— Спросите у него, товарищ Агабеков, что ему нужно от меня, — обратился ко мне Старк.

Я поздоровался с афганцем и перевел ему вопрос посла.

— Я — сын бывшего шейх-уль-ислама Афганистана, — представился он. — Моего отца хорошо должен знать полковник Рикс, нынешний секретарь посольства. Мой отец работал вместе с послом Раскольниковым. Сейчас отец послал меня к послу спросить, с кем из доверенных ему лиц он может говорить по одному важному вопросу.

Я перевел слова афганца Старку.

— Вероятно, какое-нибудь предложение. Я о старике что-то слышал от Рикса. Не возьметесь ли вы поговорить с ним и узнать, в чем дело? — предложил мне посол.

— С удовольствием, — ответил я и стал договариваться с афганцем о месте и времени встречи.

Маленькая, жарко натопленная комната в доме шейх-уль-ислама, куда привел меня младший сын. Сам старик, весь седой и высохший, сидел на ковре и перебирал четки. Рядом с ним сидел его старший сын — точная копия младшего. Такой же орлиный нос, те же зоркие глаза. Только лицо более возмужалое. В комнате находился еще друг из семьи Мовлеви Мансур из индийских эмигрантов. Его широкое, открытое, умное лицо окаймляла большая черная борода, которую он спокойно время от времени разглаживал. Младший сын приготавливал чай и прислуживал. Единственной мебелью в комнате был стол, на котором стояла лампа, освещавшая висевшую на стене карту Афганистана.

— Вы приехали сюда недавно и, наверное, пока не знаете ни меня, ни Афганистана с его историей, — начал старик. — Афганистан при покойном эмире Хабибулле фактически находился в руках англичан, ибо Хабибулла продан им. Но, несмотря на это, вопреки воле эмира, каждый афганец стремился к освобождению своей родины и к завоеванию независимости для своей страны. Я еще в тысяча девятьсот тринадцатом году, будучи шейх-уль-исламом, вел пропаганду за идею освобождения Афганистана и хотел обратиться за помощью к русскому царю. Мои люди ездили в Ташкент и говорили с тамошним генерал-губернатором. Но начавшаяся война объединила русских с англичанами, и нашей надеждой остались немцы.

— Простите, саиб, все это очень интересно, но я более или менее знаком с историей Афганистана и поэтому просил бы вас говорить о вашем важном деле, — прервал я старика.

— Сейчас, сейчас, сын мой, не торопитесь. Так вот, всю жизнь я боролся с английским влиянием в Афганистане. Все это известно. Когда в Вазиристане началось восстание племен против англичан, меня вызвал находившийся здесь турецкий министр Джемал-паша и предложил ехать к независимым племенам и помогать повстанцам. Он обещал мне от имени советского посла Раскольников и своего послать оружие и деньги для восставших. Я согласился. Я, взяв с собой моих двух сыновей, поехал в Ягистан и восемнадцать месяцев поддерживал восстание своим руководством и авторитетом. Однако Джемал-паша не сдержал обещания. Он прислал немного денег, но оружие не пришло.

— Давайте перейдем к нынешним вопросам, — еще раз перебил я его, видя, что он собирается рассказывать всю ночь.

— Да, скоро уже год, как началось восстание хостинцев против Афганистана, — продолжал старик, — я уверен, что это восстание поддерживается английскими деньгами и оружием. Я считаю большевиков друзьями Афганистана и предлагаю вам следующий план. Я могу поехать в племена, где меня хорошо знают и уважают, и я ручаюсь, что сумею направить восставшие племена против их настоящих врагов — англичан. Таким образом можно спасти Афганистан от междоусобной войны и одновременно разрушить все приготовления и планы англичан на границе Индии, — закончил торжественно шейх-уль-ислам.

Я размышлял над планом старика. Его влияние в племенах не подлежало сомнению. О его прошлой деятельности многое рассказал секретарь посольства Рикс. Предлагаемая им война на индо-афганской границе была выгодна нам, как и всякая война, обострявшая отношения между афганцами и англичанами. Уже благодаря нынешнему восстанию мы сумели внедрить наш воздушный флот в Кабуле, у самых ворот Индии. А чем дальше будет продолжаться война, тем больше выгоды нам.

— Хорошо, саиб, — ответил я, — вопрос этот очень серьезный, я доложу послу. А чем мы можем вам помочь в этом деле?

— Мне лично ничего не нужно, — ответил он, — для выполнения же плана потребуется сто тысяч рублей и пять тысяч винтовок с патронами. Тогда можно спокойно воевать целый год, — закончил старик уверенно.

— Ладно, я доложу послу о вашем предложении, — сказал я и, попрощавшись, ушел.

— Что же, дело неплохое, — выслушав мой рассказ о предложении шейха, ответил Старк. — Напишите в Москву своим, а я также черкну Карахану. Может быть, найдут на это дело средства.

В ту же ночь я составил доклад в Москву о предложении шейх-уль-ислама и через два месяца получил из ОГПУ следующий ответ:

«На § 3 вашего письма № 5 сообщаем, что в высших инстанциях после обсуждения в принципе согласились с вашим предложением. Единственным препятствием служит вопрос о

переброске оружия, что может расшифровать нашу активность и невыгодно отразиться на наших дипломатических отношениях как с Англией, так и с Афганистаном. Поэтому чтобы обойти этот вопрос, мы рекомендуем на основании ваших предыдущих информации попытаться купить оружие через директора немецко-афганской компании Ибнера. В случае успешного разрешения вопроса об оружии телеграфируйте».

Ответ Москвы мне уже не пришлось передать шейху. Он лежал больной. Спустя несколько дней после получения директив я, направляясь в город, заметил большую процессию, впереди которой несколько человек несли на плечах катафалк. Это была похоронная процессия. Стоявший поблизости афганец, которого я спросил: «Кого хоронят?», ответил: «Умер старый шейх-уль-ислам».

После месячного траура сыновья шейх-уль-ислама опять встретились со мной. Без отца они не могли провести больших планов. Не хватало нужного авторитета. Я предложил им более скромные задачи. Они согласились быть секретными информаторами. Два брата и друг их семьи Мовлеви Мансур взяли за работу по сбору сведений в районе от Джелалабада до Газни. Работали они добросовестно вплоть до начала 1930 года. Работают ли они сейчас? Кто знает?

ПЕРСИЯ

Приехав в Москву, я рассказал о своих злоключениях Трилиссеру, а также сообщил обо всем в Центральную контрольную комиссию, где разобрали это дело и оставили его без последствий. В частной беседе решение было мотивировано тем, что сейчас идет усиленная борьба Центрального Комитета партии с троцкизмом и что в этой борьбе каждый старый член партии, стоящий на платформе ЦК, очень дорог. Поэтому пока нельзя тронуть Старка.

Получив двухмесячный отпуск, я собрался провести его в Туркестане, где проживают мои родные. В это время в Москве получили сведения, что в Хоросанской провинции Персии началось восстание, возглавляемое персидским офицером Салар-Джангом. Полученные сведения были разноречивы. Советский консул в Хоросане Апресов сообщил, что восстание вызвано искусственно, спровоцировано англичанами, и в доказательство называл английских агентов, связанных с главарями движения. Из Ташкента в то же время доносили, что движение носит народно-революционный характер, что про-

грамма Салар-Джанга по крестьянскому вопросу вполне сходится с коммунистической, и просили разрешения поддержать восстание оружием и инструкторами. Конкретных фактов о восстании обе стороны не сообщали. Москва, как всегда в таких случаях, кинулась изучать вопрос. Раскопали колоссальные архивы в поисках сведений о Хоросанской провинции. Материалов по социальному составу населения, по экономическому его положению и вообще мало-мальски серьезных данных об этом районе Персии в архивах ОГПУ не оказалось.

Однажды утром меня опять вызвал Трилиссер. Обрисовав в общих чертах положение в Хоросане, он велел мне более подробно ознакомиться с поступившими из Туркестана донесениями. Так как я ехал в отпуск в Туркестан, он просил заодно проехать в район восстания и выяснить на месте, каковы цели Салар-Джанга, как широко восстание пользуется симпатией населения, какова роль англичан в этом движении, каковы силы и состав повстанцев и т. д. Я принял поручение и выехал в Туркестан.

Приехав в пограничный с Персией город Ашхабад, я пришел к председателю Туркестанского ОГПУ, Карутскому, и просил его ознакомить меня с положением дел в Хоросане.

С Карутским мы были старые приятели. Молодой человек чрезвычайной толщины, большой добряк, он, несмотря на свои 30 лет, очень любил выпить и совсем запил после смерти жены, покончившей с собой из-за каких-то семейных неладов.

За обедом Карутский рассказал, что теперь с восстанием делать нечего, так как его фактически уже нет. Правительственные персидские войска, поддержанные курдами этого района, разбили повстанцев. Остатки повстанческих отрядов, в числе 700 человек, отступили к советской границе и просят разрешения интернироваться в СССР. Об этом Карутский уже донес в Москву и Ташкент. В той же дружеской беседе он указал, что, без сомнения, движение Салар-Джанга носило революционный характер. Советская власть сделала большую ошибку, не поддержав восстания, так как этим уронила себя не только в глазах населения Хоросанской провинции, которое надеялось на поддержку СССР, но и многих других восточных стран, где наше равнодушное отношение к восстанию, несомненно, произведет удручающее впечатление. По мнению Карутского, умело использовав восстание, можно было бы образовать из Хоросанской провинции нечто вроде второго Кантона, но с той выгодой, что этот «персидский» Кантон стоял бы на границе с СССР и мог бы получать от нас постоянную

помощь. Не получая разрешения из Москвы, Карутский на свой страх и риск передел человек 50 советских пограничников и перебросил их к повстанцам вместе с несколькими пулеметами в качестве инструкторов. К сожалению, помощь оказалась недостаточной. Виновником ошибки Карутский считал консула Апресова, неправильно информировавшего Москву.

По-видимому, в Москве также пришли к этому убеждению. Апресова вскоре уволили, и консулом в Мешед на его место был назначен Кржеминский. По линии ОГПУ в Мешед прислали некоего Брауна, работавшего прежде в Китае. Когда в Мешед узнали об увольнении Апресова, то недели через две в одном из почтовых ящиков Ашхабада были обнаружены и оттуда доставлены в ОГПУ заявления иранской коммунистической партии, иранского комсомола и союза печатников Персии на имя Чичерина, Сталина и Дзержинского. Авторы заявлений просили не отзываться Апресова из Мешеды, так как будто бы только благодаря ему эти организации существовали и успешно работали. Впоследствии выяснилось, что заявления были посланы не без ведома и одобрения самого Апресова, что послужило ему не в пользу, а во вред.

Я отправил Трилиссеру доклад и получил в ответ разрешение продолжать отпуск. В начале июля 1926 года, по окончании отпуска, я вернулся в Москву. Москва в то время обсуждала мою кандидатуру на посылку в Турцию или Персию.

В Турции резидентом ОГПУ в то время был Гольденштейн, известный больше под кличкой Александр или Доктор (ныне резидент ОГПУ в Берлине)¹. Однако, как я писал об этом выше, Наркоминдел, считая мою армянскую национальность неудобной для работы в Турции, отвел мою кандидатуру.

Началось обсуждение вопроса о назначении меня резидентом ОГПУ в Персию.

В то время резидентом в Персии был Казас, тот самый, который работал со мной в 1921 году в четырнадцатом специальном отделении ВЧК. Оказалось, он ездил в Турцию с комиссией по репатриации эмигрантов, вернувшись в Москву, поступил в Академию восточных языков и после ее окончания получил назначение в Тегеран. Он там работал уже год, но иностранный отдел ОГПУ не был им доволен, вменяя ему в

¹ Когда уже была закончена эта книга, я узнал, что Гольденштейна убрали на покой в СССР.

вину отчасти бездеятельность, отчасти то, что он вмешался в склоку, происходившую в Тегеране между тогдашним полпредом Юрневым и торгпредом Гольдбергом.

Я не дождался ответа. В Москву приехал Гольдберг, торгпред в Персии, явился в ОГПУ и, рассказав о своей склоке с полпредом Юрневым, просил поддержать его. ОГПУ воспользовалось случаем и предложило ему устроить меня в торгпредстве, взамен чего обещало поддержку против Юрнева. Я был немедленно зачислен в штаты Наркомторга на должность старшего инспектора торгпредства с назначением в Тегеран.

В августе 1926 года я выехал через Баку-Энзели в Тегеран, причем на прощание Трилиссер еще раз просил меня обратить особое внимание на пути, ведущие из Персии в Индию, и сказал, что его заветная мечта — иметь хорошего резидента в Индии, не какого-нибудь местного агента, а одного из своих помощников по иностранному отделу.

Я пообещал сделать все, что в моих силах.

ЧЕКИСТ... НА СТРАЖЕ НРАВСТВЕННОСТИ

Осенью 1926 года я был назначен резидентом ОГПУ в Персии. Не успел я приехать в Тегеран и принять дела у своего предшественника Казаса, как получил из Москвы следующую телеграмму: «Николаю. Немедленно выезжайте Мешед, где неблагополучно нашим резидентом. Урегулировав положение, телеграфируйте. Трилиссер».

Мы сидели с Казасом и обсуждали полученную телеграмму.

— Черт знает что там происходит. С первого же дня приезда наш резидент Браун начал склоку с генконсулом Кржеминским, — рассказывал Казас, забравшись с ногами на кожаный диван. — Кржеминского я знаю из Турции, это — тип старого интеллигента. Он вечно волочится за женщинами, несмотря на свои пятьдесят лет, но особой любви к склокам не проявлял, — продолжал Казас.

Я лично не знал ни Брауна, ни Кржеминского. Правда, Брауна я как-то видел при следующих обстоятельствах: будучи в Ашхабаде, я сидел за столиком ресторана в городском саду и заметил проходившего мужчину с черной бородкой, в круглых роговых очках, одетого в белый полотняный костюм и с колониальным шлемом на голове. Он медленно прогуливался по аллее, пристально разглядывая гуляющих. Помню, что я тогда же подумал, что это шпик, но не мог определить, наш

он или чужой, и решил на всякий случай справиться в местном отделе ОГПУ. Когда я, встретившись с председателем ОГПУ Каруцким, описал ему встреченного мною типа, он засмеялся и сказал, что это Браун, едущий новым резидентом в Мешед.

Оставив Казаса в Тегеране, я рано утром следующего дня взял машину в советском транспортном учреждении «Автоиран» и выехал на Мешед. Отвратительная, пыльная, с ухабами дорога, сентябрьский зной и тряска порожнего шестиместного автомобиля быстро утомили шофера и меня. Однако мы поочередно менялись за рулем, ехали без остановки и к вечеру приехали в Семиан, сделав около 350 километров. Этот маленький оазис, расположенный на краю пустыни Центральной Персии и отделенный горной цепью от Каспийского моря, представлял для нас громадный интерес. В районе Семиана должна была находиться нефть. Советское правительство, несмотря на крайнюю нужду в валюте, все-таки выделило до пяти миллионов долларов на получение концессии в этом районе. Однако свыше года шли изыскательные работы, а нефти все не было. Дальнейшие работы требовали все новых средств, а между тем шли разговоры, что тут вообще нет нефти. Поступали и иные сведения: что прибывшие для работы советские инженеры, подкупленные англичанами, нарочно ищут нефть не там, где она есть.

Я решил, несмотря на усталость, пообедав, поехать на место работ. Обедая в местном ресторане, я справился у содержателя о месте работ и узнал, что это в 10—12 верстах от Семиана и что в данное время, по распоряжению персидских властей, работы приостановлены. Пришлось отказаться от своего намерения и лечь спать.

Уже четвертый день я в пути. Я проехал Дамган, Шахруд и подъезжал к Сабзевару. По дороге я тщательно избегал встречи с советскими служащими местных контор по заготовке хлопка, продаже сахара, нефти и т. д. Я не хотел, чтобы в Мешед были предупреждены о моем приезде, поэтому на ночь останавливался у персидских ресторанов и, пользуясь теплой погодой, спал в машине.

Перед выездом из Сабзевара ко мне обратился с просьбой довести до Мешед довольно интеллигентного вида перс. Я согласился, и мы вместе выехали из города. На мое счастье, сам шах незадолго до меня совершил путешествие в Мешед и по случаю его проезда дорога была несколько отремонтирована. Мы ехали по ровной дороге со скоростью 40 кило-

метров в час. Мой спутник вынул из кармана абу (персидский плащ) флакон с коньяком и, отпив немного, предложил мне. Хлебнув еще раз после моего отказа, он спросил меня, в каком учреждении я работаю.

— В торгпредстве, — ответил я, ибо официально я числился инспектором торгпредства.

— Вы, наверное, очень богатый человек? — сказал он мне.

— Почему вы так думаете? — спросил я.

— Потому что вы едете один в собственной большой машине и служите в торгпредстве Тегерана. Если здесь, в провинции, ваши служащие зарабатывают большие деньги, то в центре, наверное, имеете еще больше, — ответил перс.

— Да, у нас платят хорошее жалованье, — сказал я.

— Какое там жалованье! Да разрешили бы мне заготавливать хлопок или шерсть для советской власти, так я бы сам платил жалованье государству. Кто же из ваших служащих живет на жалованье? А впрочем, вы сами хорошо знаете персидские порядки, — сказал он, сделав новый глоток коньяку.

Я заинтересовался и стал расспрашивать его о местных торговых делах.

— Я знаю, кто чем занимается начиная с Сабзевара до Мешеды. Вот хотя бы купец Алиев. Он продал хлопковому комитету голые стены под видом завода за сорок тысяч туманов. А как все дело было устроено? Заместитель председателя хлопка получил десять тысяч туманов взятки, а остальные тридцать тысяч — Алиеву. А шерсть? Знаете, как заготавливают шерсть? Эксперт по шерсти у большевиков, Александров, одновременно состоит в компании с поставщиком шерсти Комаровым. Ну, конечно, Комарову платят высшие цены, а шерсть сдается какая угодно. Ведь приемщик Александров там заинтересован. Он в прошлом году заработал шестьдесят тысяч туманов. Теперь о сахаре и нефти, — продолжал мой спутник, — тут уже система монополии. Эти синдикаты продают свои товары только двум купцам в Мешеды, а те уже устанавливают на рынке цены какие хотят. А за предоставленную им монополию представители синдиката получают свои проценты. А кроме того, зарабатывают на таре, на утечке, подмочке... Это же тысячи и тысячи, а вы говорите о жалованье. Кто из них смотрит на жалованье? Да, вот на какой работе можно стать богачом, — мечтательно закончил он.

Мой спутник переменял тему разговора. Рассказывая о себе, сообщил, что он — большой неудачник в жизни. Занялся торговлей и прогорел. Поступил чиновником на почту, но,

к несчастью, повстанцы напали на почтовую станцию и разграбили ее. Он поступил учителем в школу, которая закрылась за отсутствием средств. Теперь он ехал в Мешед в надежде подыскать подходящее занятие.

Мы проезжали Нишабур. На несколько минут задержали машину у могилы персидского поэта Омара Хайяма, который в своих четверостишиях так прекрасно воспел вино... Вся могила была обвита виноградными лозами. Мой спутник оказался большим почитателем и знатоком Омара Хайяма и почти всю дорогу декламировал его стихи.

Наконец машина взяла последнюю высоту перед Мешедом. Вдали в долине показался город, над которым возвышались бирюзовые с золотом купола мечети святого имама Ризы.

— Вот одна из главнейших святынь мусульман-шиитов, — начал объяснять мой спутник, указывая на мечеть, — ежегодно из разных концов Персии и Афганистана стекаются на могилу имама Ризы сотни тысяч верующих. Существует институт вербовщиков и проводников паломников, которые ведут целые деревни пешком в Мешед к могиле святого. И знаете, как они рекламируют себя? — рассказывал он, смеясь. — «Правoverные мусульмане! Следуйте в паломничество только за мной. Я пользуюсь покровительством святого имама, дающего жизнь. В прошлом году я вел десяток караванов, и из каждого ста паломников погибли только сорок. Остальных шестьдесят я благополучно привел обратно к их домам. Следуйте только за мной!» Это лучшая рекомендация для проводника — вернуть шестьдесят из ста паломников живыми. Обычно погибают от голода и усталости больше половины.

— А зачем же, будучи голодными и бедными, они отправляются в далекое путешествие? — спросил я.

— Наоборот, паломники выезжают из своих деревень с накопленными годами деньгами и провиантом. Но припасов хватает лишь до Мешеда, а деньги быстро переходят в карманы служителей мечети. И вот верующие, без денег и без пищи, должны пятнадцать-двадцать дней идти пешком до своего местечка. В пути от слабости они мрут как мухи. В то время как муллы при святом ежегодно зарабатывают до миллиона туманов от этих несчастных, — рассказывал со злобой мой перс. — И странный этот святой. Он не пьет, не ест и в карты не играет, и, несмотря на это, миллиона туманов ему не хватает. Мечеть вечно находится в долгах. А почему? Потому что могилу святого обслуживают три тысячи бездельников, получающих огромные оклады, и еще больше верующих.

— А вы слышали, что Риза-шаха называют неверующим-бехаистом? — продолжал он немного спустя. — А знаете почему? Потому что он решил положить предел этому безобразному грабежу. Недавно он был в Мешед и приказал уволить две тысячи человек, обслуживающих мечеть, чтобы сократить расходы. Вот эти уволенные, лишенные благ, и распространяют слух, что Риза-шах — бехаист.

Мы уже спустились в долину. Машина мчалась по прекрасной шоссеиной дороге, проложенной англичанами во времена их пребывания в Средней Азии.

— Если будете осматривать мечеть, то обратите внимание, что два купола построены недавно. Старые купола были разрушены русскими войсками, бывшими до революции хозяевами Хоросана. Два перса, совершившие преступление против русских властей, скрылись в мечети имама Ризы и сели в «бест». Командовавший русскими войсками полковник потребовал у персидских властей их выдачи, но последние не могли исполнить требования полковника, ибо по шариату всякий, находящийся в мечети, считается неприкосновенным. Полковник, взбешенный отказом, приказал артиллерии открыть огонь по мечети и разрушил два купола. Вслед за этим в мечеть ворвались казаки, захватили преступников и заодно разграбили большинство драгоценностей мечети. После революции в России народ стал говорить, что это Бог наказал русских за то, что они осквернили святую мечеть имама Ризы.

Мы подъехали к советскому консульству, расположенному вне городских стен. Я поблагодарил своего словоохотливого компаньона и, пообещав вновь встретиться, свернул машину в консульство.

В Мешед я застал склоку между консулом и резидентом Брауном в полном разгаре. Распря разгорелась из-за жены секретаря консульства Левенсон, в которую оба были влюблены и которая отдавала предпочтение поочередно то консулу, то резиденту ОГПУ.

Браун был старым партийцем и личным приятелем Трилиссера. В 1924 году он работал для ОГПУ в Лондоне, затем, после разрыва сношений с Англией, был отправлен в Китай и из Китая как знающий английский язык — переведен в Мешед, для перлюстрации английской почты. По профессии он был ювелир, едва умел читать и писать и попал за границу на службу только благодаря личной дружбе с Трилиссером и знанию английского языка. Кржеминский же был вполне образованным человеком и тонко разбирался в персидских

делах, несмотря на недавнее пребывание в Персии, зато был необыкновенно ленив и больше всего на свете ценил личное благополучие и женщин.

Генеральный консул Кржеминский угощал меня чаем в своем кабинете. Это среднего роста, сорокапятилетний мужчина, с преждевременно постаревшим лицом, начисто бритый, что еще более выделяло морщины. Его темно-серые глаза и все манеры говорили о его мягкости и культурности. Он говорил приятным, убедительным голосом с легким польским акцентом. В то время как я пил чай, Кржеминский с пустой чашкой в руках взволнованно ходил по комнате.

— Ведь поймите, товарищ Агабеков, ну, черт с ним, что он с каждой почтой пишет про меня всякие гадости в Москву и Ашхабад, но ведь помимо этого он мне просто жить не дает здесь. Этот ваш Браун лично ходит за мной по пятам. Он допрашивает консульских слуг, наконец, он ловит всех моих посетителей и допытывается, о чем я с ними беседовал. Ведь это же компрометирует и меня, и всю мою работу, — чуть не со слезами рассказывал консул. — А когда я прошу его прекратить эти безобразия, он становится в позу и, не стесняясь ничьим присутствием, говорит: «Я — Браун, член партии с тысяча девятьсот третьего года и резидент ОГПУ в Мешехе, так что я имею право и обязан контролировать действия всех советских граждан за границей, в том числе и консула». Ну, что вы поделаете с таким человеком? — обратился ко мне Кржеминский.

Я ничего не ответил, решив предварительно выслушать и другую сторону.

Кржеминский, не дождавшись ответа, вновь зашагал по комнате и продолжал приводить факты его отношений с Брауном, один ужаснее другого. Видно, что человека довели до крайнего предела и дальше терпеть он не имел сил.

— Вот что, Казимир Александрович, — сказал я, вставая, — я сейчас иду к Брауну и, если подтвердится хоть десятая доля того, что вы рассказали, то я его отправлю в Москву немедленно.

— Товарищ Браун, давайте познакомимся, — обратился я к резиденту, входя к нему в квартиру. — Я — Агабеков, вы, вероятно, слышали обо мне.

— Да, я получил из Москвы телеграмму, что вы приедете сюда и уполномочены инспектировать мою резидентуру. Зайдите в эту комнату, здесь я работаю, — пригласил он меня.

Я вошел и сел у письменного стола. В углу выделялся

большой, прочный несгораемый шкаф и рядом столик с двумя калильными лампами. Браун сел напротив меня. Это был худощавый брюнет с черной же бородкой. Глаза были спрятаны за толстыми стеклами черепаховых очков.

— Ну, как у вас идет работа? Как с источником «Почта»? Ведь это, кажется, наиважнейший источник вашего района? — спросил я.

— Да, все в порядке. Английская почта поступает аккуратно. Работы хватает. Приходится работать целые ночи. Вот смотрите, — показывает Браун на бумажку с цифрами на столе, — за прошлый месяц поступило двести пятьдесят шесть пакетов. И так каждый месяц. Электричества в консульстве нет, приходится работать при калильных фонарях или освещать магнием. А это отнимает значительное время, — рассказывал Браун.

— А почему бы вам не договориться с консулом и совместными силами не провести электричество? — спросил я.

— Эх, милый мой, вы, я вижу, не знаете Кржеминского. Он не только что помочь, но рад всеми силами помешать нашей работе. Вы знаете, что он даже мне не разрешает пользоваться экипажем, чтобы ночью я мог возвращать английские пакеты источнику, отговариваясь тем, что в случае провала консульство может быть скомпрометировано. Мне приходится в четыре-пять часов утра пешком идти с почтой в город и рисковать, что каждый полицейский может меня задержать, — ответил мне с горечью Браун.

— Ладно, о ваших отношениях мы поговорим после, а теперь давайте просмотрим дела, — предложил я.

Браун поспешно встал и, вынув ключи из заднего кармана брюк, открыл несгораемый шкаф. Выложив на стол груды папок, мы погрузились в их изучение. Работали мы часа два. По ведению дела было видно, что Браун очень усидчивый и методичный работник, любивший копаться в мелочах и систематизировать их.

— Скажите, товарищ Браун, почему у вас нелады с консулом? Ведь вы старый член партии, Кржеминский тоже. Что вам мешает ужиться? — спросил я.

— По-моему, тут во всем виновата жена секретаря консульства Левенсона, — задумчиво ответил Браун. — Дело в том, что консул живет с ней и ревнует ее ко всем. Почему-то и меня он считает соперником.

— А откуда вам известно, что он живет с ней? — задал я вопрос.

— Как откуда? Все об этом знают. Кроме того, я видел своими глазами.

— То есть как? Что вы могли видеть? — спросил я.

— Я сам видел их в спальне у консула. Мне это удалось благодаря тому, что у него в соседней со спальней комнате стоит шкаф. Я залез на этот шкаф и наблюдал через стеклянный верх двери. Жаль только, что мне не удалось их сфотографировать, — закончил Браун с сожалением.

Да, думал я, хорош резидент и член ВКП(б) с 1903 года... Он думает, что для советской политики очень важно, с кем сожительствует консул.

— Слушайте, Браун, а зачем вы следили за консулом? Вы что, его подозреваете в контрреволюции или измене? — спросил я.

— Нет, не подозреваю, но все может случиться. Какой же я резидент, если я не буду знать всего, что делается перед моими глазами? Что, я должен наблюдать только тогда, когда измена налицо, что ли? Тогда уже будет поздно. Наш долг предупредить преступления, пресекать их в корне, а не фиксировать их. Это уж дело судей, прокуратуры и прочее, — отвечал Браун убежденным тоном.

Я ничего не ответил. Значит, правду говорил Кржеминский, уверяя, что Браун следит за каждым шагом его личной жизни. Причем теперь ясно, что Браун это делает не по злобе, а он убежден, что это его служебный долг. Он любит этим заниматься. Он не руководит организованной агентурой, а сам, лично влезая на шкафы, старается шпионить. Да, нужно откомандировать его в Москву. Иначе еще хуже будет. Кто знает, к чему могут привести дальнейшие похождения Брауна.

— Вот что, товарищ Браун. С сожалением должен передать вам, что я имею распоряжение из Москвы принять от вас дела резидентуры и помочь вам поскорей выехать в Москву, где вас ждет другое назначение. Давайте завтра с утра славать агентуру — и выезжайте, — предложил я.

На следующее утро я принимал дела резидентуры и слушал объяснения Брауна.

— Источник номер один. Он — крупный чиновник на почте. Все проходящие через его руки пакеты английского консульства передает нам. Оплачивается сдельно по два тумана за пакет, — рассказывал Браун. — Источник номер два. Служит связью между чиновником почты и нами. Он содержит мануфактурную лавку, которую я ему устроил через наш Текстильсиндикат. И, кроме того, он получает ежемесячно сто

туманов жалованья. Переданные чиновником пакеты он приносит нам и по обработке их возвращает обратно.

— А где вы встречаетесь со «связью»? — спросил я.

— Как когда, иногда в советском клубе, иногда у него на квартире, а бывают случаи, что он приходит в консульство. Дальше следует источник номер три, — продолжал Браун. — Это — бывший русский полковник Гофман. Он был завербован в Тегеране и послан на работу в Белуджистан. Он ведет работу среди белуджистанских племен. Материалы, присылаемые им, интересны с чисто военной стороны. Источник номер четыре, наш агент в Кучане. Он — тамошний житель и прекрасно справляется с работой. Источник номер пять — мулла при мечети имама Ризы. Он освещает настроение духовенства и их взаимоотношения с правительством. Источник номер шесть — контрабандист, отчаянный головорез. Я его использую время от времени против других контрабандистов. Иногда ему удается перехватить секретных курьеров англичан, переходящих нашу границу. Но, главное, он может пригодиться на случай, если понадобится кого-либо ликвидировать. По этой части он специалист, — добавил Браун, улыбаясь.

Так мы перебирали всю агентуру секретных агентов, работавших в Мешедской провинции. Передача дел и людей длилась три дня. Браун выехал в Москву, а на мою телеграмму о присылке нового резидента я получил ответ, что заместитель подыскивается, мне же предлагается руководить работой до приезда нового резидента.

Приняв дела резидентуры, я убедился, какую крупную работу проделал здесь Апресов.

Работы у меня по горло. Официально я являлся инспектором торгпредства, приехавшим в Мешед для инспекции местных хозяйственников, ночами же я встречался с агентурой и просматривал поступающую английскую почту. Вместе с тем было легко работать. Благодаря знанию языка я быстро завязал знакомства среди местного населения, и путем такого знакомства я получал гораздо больше сведений, чем через свою платную агентуру. О злоупотреблениях хозяйственных организаций ежедневно поступали десятки доносов. С другой стороны, привлек я к своей работе уполторгпреда Деницкого, в прошлом крупного чекиста и поэтому обязанного оказывать нам помощь в работе. По поступающим экономическим сведениям я давал ему директивы, которые он проводил в жизнь уже от имени торгпредства. По моим же указаниям Деницкий распределял лицензии на ввоз товаров в СССР. Это был круп-

ный козырь в моих руках, ибо благодаря этим лицензиям я добился работы многих купцов для ОГПУ. Принцип распределения лицензий был таков: кто нам помогал в политике, тому мы помогали в экономике. Эти же купцы оказали нам крупные услуги при заключении советско-персидского торгового договора. Персидское правительство в целях заключения выгодного договора организовало «бойкот торговли с СССР». Почти со всех провинций поступали сведения, что купцы не хотят торговать советскими товарами и требуют закрытия торговли с СССР. Лишь хоросанские купцы ратовали за торговлю с нами и требовали скорейшего подписания договора. Нужно было дезорганизовать бойкотистскую группу. Для этой цели нами были использованы вышеназванные купцы, которые, по нашим указаниям, провоцировали одних, подкупали других и разлагали борющийся с нами лагерь.

Так, например, в то время очень часто устраивались собрания купцов. Если на собраниях выступали сильные сторонники антисоветской торговли, то наши агенты устраивали шумный скандал и срывали собрания.

В самый разгар бойкотистского движения, благодаря помощи вышеназванных купцов, мы завербовали Садри-Тоджара, одного из активных руководителей антисоветского движения. За эту работу мы расплачивались с купцами не деньгами, а лицензиями — разрешениями на ввоз того или другого выгодного товара в СССР. Такова была сила лицензий.

Круг работы резидентуры расширялся. Приходилось все чаще и чаще работать до утра. Однажды я вернулся домой к 11 часам ночи. Я уже открывал ключом дверь, когда заметил, что кто-то шевелится в консульском саду. Я окликнул тень, и из-за дерева подошел ко мне источник № 2, служивший связью с почтовым чиновником, обслуживающим почту английского генконсульства.

Английское генеральное консульство в Мешедехе состоит из генерального консула и военного атташе, являющегося одновременно представителем индийского генерального штаба. Оба они переписываются с британским посланником в Тегеране и с индийским генеральным штабом. Штаб информирует военного атташе о положении на Востоке посредством месячных и шестимесячных сводок. Всю эту переписку мы аккуратно получали и пересылали в ОГПУ в Москву. Делалось это следующим образом. У Апресова состоял агентом некто Мирзоев, глубокий старик, азербайджанец, родившийся в Персии. Мирзоев еще в 1923 году завербовал на персидской почте чи-

новника, ведающего иностранной корреспонденцией. Между Персией и Индией английские дипломатические курьеры очень редки, и пакеты, запечатанные сургучными печатями, обычно доверяются для отправки персидской почте.

— Это я, товарищ Агабеков. Я вас искал повсюду и не мог найти, поэтому пришел сюда. Получена большая почта.

— Прекрасно, заходи, — предложил я, открыв дверь. Мы быстро прошли в рабочую комнату. Я зажег свет и опустил на окна шторы. Источник, отстегнув пальто, вынул завернутые в шелковый платок пакеты.

— Тут восемнадцать пакетов. Нужно спешить, чтобы к четырем часам возвратить обратно, — сказал он.

— Хорошо, успеем. Ты садись на диван и отдыхай, а я буду работать, — предложил я, открывая несгораемый шкаф.

Я вынул из шкафа в порядке лежащие: поддельные печати, коробки с разноцветными сургучами, лампочку для нагревания, амальгаму и весь набор инструментов для вскрытия пакетов, состоящий из ланцетов, пинцетов, остро отточенных костяшек и прочего, — и разложил их на столе. Затем я принялся осматривать пакеты. Большинство из них на этот раз были адресованы из индийского генерального штаба местному английскому военному атташе.

Я уже по опыту знал, что эти пакеты включают в себя внутренний конверт, прошнурованный и запечатанный тремя печатями. На вскрытие таких пакетов уходило больше времени. Нужно было спешить. Я торопливо ломал печати и, введя острие костяной ручки в щель конверта, быстрым привычным движением вскрывал удобные толстые полотняные конверты. Было уже два часа ночи. Большинство пакетов уже были обработаны. Источник, скрючившись на диване, дремал и только изредка, открыв глаза, смотрел, не кончил ли я работу.

Я взял очередной толстый пакет, адресованный военному атташе, и вскрыл его. Внутри оказались два прошитых конверта. Взяв один из них, я сломал печати, подрезал шнур и старался отрезанный конец шнура вытянуть с наружной стороны конверта. Но шнур не поддавался. Я потянул сильнее и вдруг — о ужас! — шнур выскочил так резко, что разорвал конверт наполовину и оборвался. Я невольно выругался. Человек на диване проснулся и, увидев в моих руках разорванный пакет, свалился в ужасе обратно на диван. Я держал в руках разорванный конверт и думал: «Что делать? Что теперь будет? Ведь в таком виде конверт вернуть нельзя. Починить также невозможно, англичане догадаются. Не говоря о том, что наши агенты будут

разоблачены, но и провалится с таким трудом налаженная работа, которая уже в течение трех лет давала прекрасные результаты. И это случилось со мной! Сделал это я сам, а не кто-нибудь другой». Так я сидел с час и думал, изредка бросая успокаивающие слова источнику, который почти плакал. Я не находил выхода из положения, но, взглянув на стол, вспомнил, что имеется еще один внутренний конверт. Мелькнула мысль в голове, кажется, выход найден. Я быстро схватил наружный конверт. Так и есть, в углу конверта химическим карандашом поставлены два номера внутренних конвертов. Я взял резинку и стал стирать номер разорванного конверта. Чисто, следов нет. Выход нашелся. Я решил оставить у себя разорванный конверт со всем содержимым. От Индии до Мешеда далеко. Пройдет много времени, пока спишутся. А если и спишутся, то кто подумает на нас? Вероятнее всего, решат, что делопроизводитель забыл вложить конверт. Я несколько успокоился. «Связь» тоже уже не хныкала. Я принялся за остальные пакеты и уже работал с большой осторожностью. К четырем часам работа была закончена.

Пакеты опять завернуты в шелковый платок, а в лаборатории висели 60 кадров фотографий. Источник, спрятав ношу под пальто, ушел, а я принялся проявлять пленки. Богатая добыча. Будет большая почта в Москву.

Надо сказать, Апресов обрабатывал почту самым примитивным способом. По особому рецепту снимал слепок с печати, представлявший из себя в застывшем виде точную копию печати на пакете. Затем печать ломал и посредством специально сделанных костяных спиц невинно вскрывал конверт. По окончании операции конверт опять заклеивал и запечатывал копией печати. Апресов документов не фотографировал, так как не имел необходимых для этого приспособлений, а переписывал; чтобы успеть переписать документы за ночь, он пользовался почти всем наличным персоналом консульства. Это было опасно и грозило провалом работы.

Браун несколько улучшил дело, начав фотографировать документы. Так как в здании консульства не было электричества, то он пользовался магнием. Я продолжал работать в духе Брауна. Связь между почтовым чиновником и нами поддерживал Мирзоев. К сожалению, старик долго не выдержал. Надо сказать, что в бытность Апресова консулом персидское правительство заподозрило его однажды в шпионаже в пользу Советов, арестовало и заключило в подвал, наполовину наполненный водой. Мирзоев просидел в воде несколько часов,

пока Апресов выхлопотал у губернатора приказ об его освобождении. Холодная ванна не прошла старику даром. Через некоторое время от тяжело заболел и скончался.

Мирзоева заменил его старший сын Гуссейн. Для того чтобы отвести от него подозрения, ОГПУ распорядилось отпустить Мирзоеву на 3 тысячи долларов советских товаров и помогло открыть мануфактурную лавку. С полученными на почте пакетами Мирзоев приходил вечером в советский клуб. Ночью, после перлюстрации, мы доставляли пакеты на квартиру Мирзоева, а он, в свою очередь, через сестру, рано утром, возвращал их чиновнику почты. Платили мы за работу сдельно, за каждый пакет по доллару. За мое трехмесячное пребывание в Мешедде мы уплатили Мирзоеву около 600 долларов, то есть вскрыли за это время около 600 английских пакетов.

В поступавших из Тегерана пакетах на имя английского военного атташе большей частью находились месячные сводки о положении в Персии, рассылавшиеся военным атташе майором Фрезером всем британским консульствам для сведения.

Из Индии поступали сводки о положении в Западном Афганистане и в Южной Персии, по донесениям Белуджистанского осведомительного бюро и английского военного атташе в Кабуле. Наконец, поступали отпечатанные в виде брошюры шестимесячные сводки о положении на всем Дальнем и Среднем Востоке.

На имя английского генерального консула серьезных бумаг не поступало. Нужно добавить, что в то время я еще совершенно не был знаком с английским языком и получаемые документы отправлял для перевода в Москву. Оттуда мне присылали обратно в переводе все, что меня могло интересовать. Помню, что в одном из документов из Индии военного атташе, майора Уайлера, предупреждали, что большевики послали для работы в Ирак и Индию двух индусов (фамилии не помню), и просили в случае их появления в Персии дать знать в индийский штаб. В другом оказалась дислокация советских технических войск в Петроградском районе.

Как-то я сидел у себя и работал, когда вошел слуга и доложил, что меня хочет видеть Аббас Али. Это был источник № 6, тот, кого Браун держал на случай ликвидации кого-нибудь. Вошел высокого роста кавказский тюрк, в барашковой шапке, заломленной набок. На лице его играла улыбка.

— В чем дело, Аббас Али? — спросил я, здороваясь с ним.

Он мне нравился своей удастью, этот разбойник, готовый за десять долларов отправить любого на тот свет.

— Вы помните, товарищ Агабеков, я сообщал, что курд Курбан, контрабандист, возит нелегальную почту англичан в Туркестан. Так вот, я его завербовал, и он готов передавать вам английскую почту. Он только хочет договориться с вами насчет цены, и, если вы разрешите, я его приведу сюда. Он дожидается за воротами, — сказал Аббас Али.

— А он не провокатор, твой Курбан? — спросил я Аббаса.

— Что вы! Он согласился передавать пакеты, потому что я ему сказал, что все равно его когда-нибудь убью на границе, если он этого не сделает. Если он изменит, я его сейчас же зарежу, — уверял меня Аббас

— Ну, ладно, зови Курбана, — согласился я.

Через несколько минут Аббас вернулся с курдом. Среднего роста, широкоплечий, с загорелым, почти черным лицом. На голове туземная, из войлока шапка, из-под которой свисали длинные волосы.

— Я буду говорить откровенно, — начал Курбан, — я — контрабандист. Каждый месяц я перехожу границу с опиумом, который продаю в Ашхабаде туркменам, и возвращаюсь назад. Каждый раз перед выездом агент англичан Джаббар, туркмен, дает мне пакет для передачи в Ашхабаде одному купцу на Кирпичной улице. От него же я везу пакет Джаббару. Я согласен эти пакеты передавать вам для просмотра, если вы разрешите мне каждый раз провозить два пуда опиума и не будете меня задерживать, — предложил он.

— Видите ли, по закону я не имею права совершать такие сделки. Но так как начальник ОГПУ в Ашхабаде — мой большой друг, то я надеюсь с ним договориться, и он вас не будет трогать. Только с условием, чтобы вы возили не два, а один пуд контрабанды, — торговался я.

— Я верю вашему слову, что меня не арестуют, — сказал Курбан.

— Будьте покойны, я сдержу свое слово, но и вы должны сдержать свое. Когда вы пересечете границу, там вас встретят и дадут нужные инструкции, — закончил я.

Курбан ушел. За ним вышел, пряча в карман двадцатипятимановый билет от меня, и Аббас Али. В тот же вечер я послал Каруцкому в Ашхабад шифровку: «Едет завербованный нами английский курьер Курбан. Передаст вам почту. Аккуратно просмотрите и верните ему. Во время пребывания курьера в

вашем районе установите наблюдение для проверки его сведений. Результаты сообщите. Николай».

Мешед является религиозным центром мусульман-шиитов. Там находится гробница одного из чтимых мусульманских святых Али-Ризы. При гробнице святого состоят около трех тысяч священнослужителей; среди них имеются лица, оказывающие крупное влияние на политическую жизнь Персии. Естественно, что мы направили нашу работу в эту сторону, вербуя агентов среди духовных лиц для тех же политических целей. В этом отношении нам много помог тот же купец Садри-Тоджар. Задача его облегчалась тем, что он был зятем Ага-заде, главы мешедского духовенства. Через Ага-заде Садри-Тоджар проводил нужные нам действия. Например, во время экономического бойкота нам важно было, чтобы купечество Мешеда само обратилось к персидскому правительству с требованием скорее заключить торговый договор с СССР. Телеграмма правительству должна была выражать независимое мнение купечества. Ага-заде дал свое благословение на посылку трех таких телеграмм, и стоило это нам... лицензии на ввоз в СССР из Персии 500 кубов чая.

Нас интересовали религиозные дела также потому, что религиозные группы Персии находились в оппозиции к правительству. Мы рассчитывали в нужный момент использовать этот антагонизм.

Стараясь влиять на общественное мнение, нельзя было, конечно, обойти вниманием местную печать. На деньги ОГПУ издавались газеты, помещавшие нужную нам информацию, и на советском иждивении состояли редакторы газет Азад, Сеид Мехти и Гульшан.

Интересный тип был Сеид Мехти. Еще в 1920 году, когда в Туркестане имелась Восточная секция Коминтерна, Сеид Мехти приехал из Мешеда в Ашхабад и сообщил местным руководителям, что у него имеется организованная партия коммунистов в две тысячи человек. Был послан в Мешед представитель Коминтерна, который при обследовании не нашел ни одного члена партии. Однако ему начали с тех пор отпускать деньги на газету, на заглавном листе которой Сеид Мехти и сейчас для рекламы печатает лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Кроме информации от собственных агентов, мы пользовались также услугами членов местной коммунистической пар-

тии. Иранские коммунисты сообщали сведения через переводчика советского консульства Гуссейнова. Иранская коммунистическая партия информировала нас главным образом о подозрительных лицах, поехавших в СССР, и давала вообще сведения о лицах, которыми мы интересовались.

ОГПУ В БЕЛУДЖИСТАНЕ

Кроме Мешедского района, мне было поручено вести работу в персидском Белуджистане и в пограничном с Индией городе — Дуздабе. От Ташкентского ОГПУ я имел также поручение организовать разведку в пограничной с советским Туркестаном полосе.

Первым агентом, посланным мною в Бирджан, на территорию Белуджистана, был полковник царской армии Гофман. Он выехал в Бирджан в качестве представителя торгового общества «Шерсть» якобы для закупки шерсти для советской России. Полковник работал в Белуджистане под кличкой Пан. Он давал нам описания всех дорог и стратегических пунктов, лежащих в приграничной с Индией полосе. Специальное военное образование весьма помогало ему в работе. Имея личные знакомства среди белуджских племен, он одновременно выяснял силу и состав этих племен, взаимоотношения вождей, давал их личные характеристики и выяснял их отношение к англичанам. Все это нам нужно было, чтобы в случае надобности знать, на кого можно рассчитывать. Помимо этого, Пан давал экономические обзоры и присылал материалы о деятельности эмигрантов из СССР, поселившихся в этом районе.

Другой агент, бывший царский генерал Самойлов, расположился в Дуздабе, на самой границе Индии. Он давал нам материалы по пропускной способности железной дороги Дуздаб — Карачи, освещал английскую колонию в Дуздабе, давал сведения о местной персидской администрации и ее взаимоотношениях с английскими представителями. Мы Самойлову особенно не доверяли и, чтобы обеспечить себя от измены, отправили в СССР «учиться» его сына, жившего в Мешедде и работавшего для нас по добыче персидских секретных военных приказов.

Во время пребывания бывшего афганского эмира Амануллы в СССР сын Самойлова, прекрасно знающий персидский язык, был приставлен лакеем к Аманулле. Не выдавая своего знания персидского языка, он должен был подслуши-

вать разговоры между Амануллою и членами свиты и сообщать о них в ОГПУ.

Сведения, собранные Самойловым-отцом и Гофманом, отправляли резиденту в Мешед через бывшего эмигранта, некоего Бельшина, собственника автомобилей, курсирующих между Дуздабом и Мешедом.

Одновременно велась работа по организации агентурной сети в пограничной с СССР полосе. В персидском пограничном городе Баджиране был устроен на службу в бюро персидских перевозок наш агент Алексей Пашаев. Он должен был «освещать» баджиранскую таможду, следить за контрабандистами, переходившими из Персии в СССР, и давать сведения о местной администрации и настроении населения. В городе Кучане представителем ОГПУ являлся агент Нефтьесиндиката Михаил Ганиев, старый тамошний житель, дававший детальные сведения о своем районе, где нас главным образом интересовали настроения курдских племен. Одновременно он должен был наблюдать за секретным агентом английского консульства Арамаисом, проживавшим в Кучане и ведшим от туда разведку СССР.

Наконец в район Буджиурда в качестве представителя ОГПУ был командирован из Мешеда эмигрант Круглов, на которого была возложена задача «освещать» настроения туркменских племен. За эту работу ему была обещана от имени советского правительства амнистия и восстановление в правах советского гражданина.

Не буду перечислять мелких агентов, так как их было около пятидесяти человек. Скажу просто: сеть была организована так хорошо, что не было распоряжения или действия персидского правительства, не было документа в дипломатической переписке, которые не были бы нам известны. Благодаря хорошо организованной сети агентов, мы имели почти неограниченную возможность влиять в нужном для нас духе на персидскую администрацию в Мешеде. Нашли мы управу даже на губернатора.

Однажды ночью в советское консульство прибежал редактор коммунистической газеты «Азад» (фамилия его также Азад) и сообщил, что он только что убежал из дома, куда явилась полиция, чтобы его арестовать. Увидев полицейских и узнав, чего они хотят, он выпрыгнул в окно и побежал искать спасения в консульстве. Посоветовавшись с консулом Кржеминским, мы решили его не выдавать и оставили его у себя, хотя не были уверены, удобно ли скрывать члена

иранской коммунистической партии в здании советского консульства. Переговоры тянулись три дня, но увенчались успехом. Губернатор разрешил Азаду выехать из Хоросанской провинции, дав слово не арестовывать его в пути следования. Не вполне доверяя слову губернатора, мы все-таки решили лично проводить Азада до границы провинции. Ночью мы выехали на консульском автомобиле якобы на охоту, доездили Азада до города Нишабура, а там пересадили его в другой автомобиль, который благополучно доставил его в Тегеран.

С приходом к власти консервативной партии отношения Англии с СССР все более ухудшались, и Москва, ожидая прямого или косвенного нажима со стороны Англии, в каждой почте напоминала мне о необходимости скорее приступить к организации агентурной сети внутри Индии. Мне ставились задачи подготовить, на случай конфликта с Англией, возможность восстания на индийской границе из Индии. Подготовка должна была заключаться в подкупе вождей племен, расположенных у индийской границы, и устройстве тайных складов оружия, которым можно было бы в нужный момент вооружить племена и двинуть на Индию.

Прощупывая почву в этом направлении, я, через одного купца, познакомился с Саулед Салтанэ, персидским губернатором пограничного с Афганистаном участка Бехраз. Губернатор являлся одновременно вождем племени хазара, расположенного по обе стороны границы, на территории Персии и Афганистана. Это был сравнительно молодой человек, большой кутила, промотавший почти все свое состояние и по горло завязший в долгах. Осторожно начав переговоры, мы наконец условились, что он будет помогать нам своими людьми и перебрасывать из СССР в Афганистан оружие и людей в любом количестве. В Афганистане он обещал свести нас с друзьями, которые сумеют переправить оружие в Кандагар и дальше в афганский Белуджистан. О ходе переговоров я подробно и систематически осведомлял Трилиссера.

Организовывая тайную агентуру, я не забывал, что ношу официальное звание старшего инспектора торгпредства, и попутно ревизовал советские хозяйственные учреждения в Хоросане. Это были громоздкие аппараты с раздутыми штатами сотрудников, проедавшие не только всю прибыль от торговых операций, но часто и основной капитал учреждений. Так, на-

пример, местное отделение Хлопкового комитета (Хлопком), обороты которого доходили до полутора миллионов долларов в год, не имело ни сметы, ни денежных отчетов за прошлых два года и фактически тратило деньги, как взбрело в голову руководителю учреждения. Обнаружились колоссальные хищения. В то время как по книгам значился расход в 40 тысяч долларов на покупку хлопкового завода в Сабзеваре, по ревизии оказалось, что никакого завода в Сабзеваре нет, а стоят какие-то развалившиеся глиняные стены, среди которых даже козе переночевать негде...

Ревизия, произведенная в бюро персидских перевозок, показала, что бюро перевозило грузы персидских купцов в кредит, и затем этот кредит использовался заведующим бюро Алахведовым в собственных целях. Представитель торгового общества «Шарк» просто сидел с тремя служащими в течение двух лет без всякого товара и расходовал ежемесячно на себя и на содержание «аппарата» около 1000 долларов и т. д.

По моему предложению была составлена комиссия из представителей консульства, торгпредства и ячейки компартии для чистки всех хозяйственных учреждений. В течение двух месяцев общее число сокращенных достигло 250 человек.

Так я работал с Мешед в продолжение трех месяцев. С каждой почтой в Москву я просил присылки заместителя, и наконец в феврале 1927 года я получил телеграмму: «Передайте дела выехавшему резидентом Мешед Лагорскому. Выезжайте Москву проведения выдвинутого вами плана Индии. Начино Трилиссер». Прочитав телеграмму, я понял, что заведующий международной связью Коминтерна Пятницкий принял наконец мой план и мне надо спешить в Москву для отправки в Индию Роя.

Вскоре приехал мой преемник, Михаил Бродский, с официальным назначением на должность секретаря консула, под фамилией Лагорский. Я быстро сдал ему дела и, ознакомив его в общих чертах с работой, выехал в Москву.

Через несколько дней после моего приезда в Москву наркоминделу была вручена ультимативная нота министра иностранных дел Англии Чемберлена с требованием прекратить коммунистическую пропаганду в британских владениях и с угрозой разрыва дипломатических отношений. Советское правительство очень встревожилось. Трилиссер предложил отложить организацию работы в Индии до более благоприятного момента, а мне поручил «изучать индийские возможности» из

Персии. Ехать я должен был немедленно. Совершив, таким образом, бесполезную поездку, я через несколько дней уехал обратно в Тегеран.

Читатель видит, что в 1926 году советское консульство в Мешехе являлось одновременно представителем III Интернационала, точно так же, как в 1924—1925 годах полномочный представитель СССР Старк в Афганистане одновременно являлся тайным представителем Коминтерна и руководил его работой в Афганистане и северных провинциях Индии. Советская и заграничная печать того времени, однако, упрямо утверждала, со слов народного комиссара иностранных дел Чичерина и его заместителя Литвинова, что советская власть совершенно обособлена от Коминтерна, «пользуясь гостеприимством советской республики, он никакого отношения не имеет к советской власти, поэтому правительство СССР не может брать на себя ответственность за его действия».

Удивительно, до чего бывает упорна слепота некоторых государственных людей Европы. До сих пор многие из них не хотят понять того, что разделения между советской властью и Коминтерном не было и нет, не могло быть и не может быть. Неужели их не убеждает даже то, что Председатель Коминтерна, ныне Генеральный секретарь, всегда совмещает свою должность со званием члена Политбюро Центрального Комитета партии, то есть состоит одновременно членом органа, фактически руководящего советской политикой и управляющего советским государством.

Все государственные мероприятия, все планы внутреннего российского и международного характера обсуждаются предварительно в Политбюро; каждый член Политбюро, в том числе и Председатель Коминтерна, должны неуклонно руководствоваться принятыми решениями. Глава Коминтерна принимает непосредственное участие в решении вопросов внутренней и внешней политики советского правительства. Остальные члены Политбюро принимают точно такое же участие в разрешении вопросов и задач, стоящих перед Коммунистическим Интернационалом. Факт неоспорим. Первый председатель Коминтерна Зиновьев был одновременно одним из активных руководителей Политбюро. Его преемник — Бухарин — не только входил в состав Политбюро, но одновременно являлся официальным идеологом российской коммунистической партии. И, наконец, ныне Молотов — новый руково-

дитель Коминтерна — не только член Политбюро, но правая рука Сталина, диктатора России.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что дипломатические и торговые представители советского правительства за границей выполняют поручения Коминтерна и зачастую руководят его пропагандой в странах, куда их пустили правительства, поверившие лицемерным заявлениям и обманным обещаниям Литвинова. Примеров этому я приводил достаточно.

КУСОЧЕК КОМИНТЕРНА

В ожидании выезда за границу я ежедневно приходил в восточный сектор иностранного отдела ОГПУ, помещавшийся в комнате № 161 на четвертом этаже Лубянки № 2. Это была небольшая комната с одним окном, выходящим во внутренний двор. Из окна напротив виднелись тоже окна, которые, однако, были завешены высокими, смотрящими вверх, железными, окрашенными в серый цвет щитами. Щиты не позволяли видеть, кто и что скрывается за этими окнами, но мы знали, что это камеры внутренней тюрьмы ОГПУ, где содержались арестованные. Летом при открытом окне мы говорили очень громко, и, вероятно, арестованные слышали наши беседы, но это никого не беспокоило, ибо из внутренней тюрьмы ведь редко кто выходил на свободу.

В комнате стояли три стола и американское бюро. Народу же было больше, чем столов, ибо в этой комнате толпились, кроме постоянных сотрудников, и все резиденты, приехавшие с Востока в Москву. Стены были украшены подробными картами всего Востока. У окна на стене был прикреплен, как и в каждой комнате, внутренний телефон. Однажды, когда я, сидя на подоконнике, болтал с товарищами о разных пустяках, или, как выражались в этой комнате, мешал работать, раздался телефонный звонок. Я, находясь рядом с телефоном, взял трубку.

— Позовите к телефону товарища Агабекова, — услышал я ровный, немного усталый голос. Это был голос Трилиссера, или Старика, как все его звали за глаза. Этот голос был знаком всем работникам отдела.

— Я слушаю, Михаил Абрамович, — ответил я.

— А, это вы сами. Зайдите сейчас ко мне, — предложил он, и я услышал звук положенной трубки.

Я сейчас же, выйдя из комнаты, стал спускаться на третий этаж, где помещался Трилиссер, заместитель председателя ОГПУ.

Войдя в приемную, я поздоровался с секретарем зампреда Лебединским, здоровым латышом с тупым лицом, и, узнав у него, что у Трилиссера никого нет, открыл следующую дверь, отодвинул висевшую за ней тяжелую портьеру и очутился в кабинете Трилиссера. В громадной комнате, за большим письменным столом, спиной к окну сидел Трилиссер. Его небольшая, почти белая от седин голова, с коротко остриженными волосами, была наклонена над кучей бумаг, лежавших на столе. Просматривая их, он делал пометки карандашом. Направо от него стоял небольшой столик с несколькими телефонными аппаратами.

— А, здравствуйте, как поживаете? — поздоровался Трилиссер, подняв голову и протянув мне руку.

— Спасибо, — ответил я, бережно пожимая его маленькую, почти детскую руку.

— Садитесь, — предложил он и опять погрузился в чтение бумаг.

Я сел в одно из кресел и смотрел на своего шефа. Вот этот маленький, тщедушный человек облечен властью председателя ОГПУ. Он может приказывать арестовать и расстрелять любого из нас, сотрудников. Он организовал разведку большевиков во всем мире и крепко держит в руках все нити этой организации. Вот он подписал сейчас какую-то телеграмму. Может быть, это приказ какому-нибудь из резидентов ликвидировать кого-нибудь или это распоряжение раскинуть сеть шпионажа в новой стране. По его телеграмме где-то далеко за границей резидент начинает бегать, подкупать людей, красть документы... Да я же сам по одному его приказу изъездил весь Афганистан верхом, вдоль и поперек; рискуя головой, пробирался к басмачам, к полудиким племенам. А вот сейчас! Кто знает, зачем он меня вызвал сюда? Да, велика власть и вместе с тем ответственность этого человека, — думал я, разглядывая его. Но видя, как он медленно, спокойно просматривал бумаги, я также проникался спокойствием. По его манере аккуратно перелистывать бумаги или осторожно доносить пепел папиросы до пепельницы было видно, что Трилиссер по натуре очень осторожен и не сделает ни одного необдуманного шага. И невольно я проникался уважением и даже любовью к этому человеку, имевшему власть над сотнями, тысячами жизней и обращавшемуся бережно с данной ему властью и жизнями. Трилиссер был редкий тип среди вождей ОГПУ, состоящих в большинстве из садистов, пьяниц и прожженных авантюристов и убийц, как Ягода, Дерибас, Артузов

и многие другие. Вот почему весь иностранный отдел любил его и называл Стариком и Батькой.

Закончив просмотр бумаг, Трилиссер нажал кнопку звонка и передал их вошедшему секретарю.

— Вот что я хотел у вас спросить, — начал Трилиссер после того, как дверь за секретарем закрылась, — могли бы мы с помощью имеющихся у нас связей в Афганистане перебросить нелегально через эту страну в Индию одного или двух людей?

— При помощи нашей агентуры, я думаю, это задача нетрудная, — ответил я, немного подумав.

— Да, но смогли бы мы гарантировать доставку этих лиц без каких-либо осложнений? — переспросил Трилиссер.

— Абсолютной гарантии, конечно, дать нельзя. Возможны непредвиденные случайности. Успех дела, главным образом, будет зависеть от того, насколько эти лица по своей наружности и знанию языка подходят к обстановке Востока. А чтобы было как можно меньше случайностей, я согласен, если дело потребует, сопровождать этих лиц лично, — ответил я.

— В отношении наружности и языка беспокоиться не придется. С этой стороны все благополучно. Так вот, вы лучше детально обдумайте эту задачу, наметьте подробный маршрут и прочее. Завтра будьте с утра в отделе, и я вас вызову. Только наш разговор должен остаться в секрете. Даже аппарат наш ничего не должен знать, — добавил Трилиссер, прощаясь со мной.

Когда я вернулся в комнату № 161, то все сотрудники впились в меня взглядами, горя желанием узнать о теме беседы с Трилиссером. Я с беззаботным видом опять сел на подоконник и как ни в чем не бывало продолжал болтать о пустяках, тщательно следя за собой, чтобы ничем не выдать темы моего разговора с Трилиссером. Я отлично помню, как однажды я, получив секретное задание от Трилиссера поехать в Персию и во что бы то ни стало привезти убежавшего из СССР лидера рабочей оппозиции Мясникова, войдя в комнату, невольно посмотрел на висевшую на стене карту Персии. Этого взгляда было достаточно, чтобы мои товарищи догадались, что Трилиссер говорил со мной о Персии, и, зная, что туда недавно бежал Мясников, им нетрудно было сделать правильный вывод. Поэтому я и был так осторожен и болтал о пустяках.

— Что ты нам голову морочишь. Ты лучше расскажи, зачем

тебя вызвал Старик, — прервал меня референт по Турции Ке-воркян, с болезненным желтым лицом, армянин.

— Брось к нему приставать. Видишь, он конспирируется от нас, — ехидно сказал референт по арабским странам Эйнгорн, недавно перешедший из Коминтерна на работу в ОГПУ и носивший кличку Тарас.

— Ты прав, Тарас, давайте не будем говорить на эту тему, — предложил я и подсел к заведующему восточным сектором Триандофилову, моему старому товарищу по работе, который слушал нас, слегка улыбаясь своими умными карими глазами.

На следующее утро, когда я вновь по вызову спустился вниз, я застал Трилиссера в его приемной комнате одевающимся.

— Вы пойдете сейчас вместе со мной, — приказал Трилиссер.

Я шел по коридору за этим маленьким человеком, едва дошедшим мне до плеча. Стоявшие на лестницах дежурные коменданты здоровались с ним и, вопреки обычаю, пропускали, не требуя предъявления пропуска. Мы вышли на Лубянскую площадь и уселись в ожидавшую машину. Рядом с шофером сидел сотрудник оперативного отдела, несший охрану Трилиссера. Машина плавно тронулась и, спустившись по Софийке, свернула к Театральной площади, где на минуту задержалась вследствие движения на площади. Впереди нас стояло несколько машин, тоже ожидавших проезда. В одной из них сидел полный мужчина с монгольским лицом. Рука его обнимала сидевшую рядом пышную блондинку.

— Ха-ха, наш Фын после китайской революции отдыхает, — усмехнулся Трилиссер, смотря на «монгола». — А я-то думал, что он на даче.

Я наклонился, чтобы лучше разглядеть Фэн Юйсяна, тогдашнего коммунистического генерала, приехавшего в Москву изучать ленинизм на практике, но машина уже тронулась, и я лишь успел заметить жирный затылок китайского генерала.

— А почему он не возвращается к своей армии в Китай? — спросил я Трилиссера.

— Коминтерн представил большую смету для его армии в Политбюро, и Фын ждет денег, — ответил Трилиссер.

Через несколько минут мы подъехали к громадному зданию Коминтерна, и Трилиссер велел шоферу остановиться. Наружную охрану несли войска ОГПУ. Внутри распоряжались наши чекисты. Распорядок такой же, как и на Лубянке. Мы

поднялись в лифте на четвертый этаж. Прошли ряд коридоров и вошли в комнату, на двери которой была надпись «Международная связь, тов. Пятницкий». Нас встретила молоденькая блондинка, говорившая с немецким акцентом, и пропустила в кабинет Пятницкого.

В небольшой, продолговатой, бедно обставленной комнате, у окна стоял большой грузный мужчина, лет пятидесяти пяти. Он нервно говорил по одному телефону и одновременно кого-то слушал по другой трубке. Это и был организатор международных заговоров и революций Пятницкий. Кивнув нам головой, он продолжал с кем-то говорить по-немецки.

Наконец, улучив момент, он обратился к Трилиссеру:

— Начинайте, Михаил Абрамович, я вас слушаю.

Трилиссер представил меня и предложил изложить мой план поездки через Афганистан в Индию. Я начал рассказывать о состоянии границы СССР с Афганистаном, описал положение охраны дорог в Афганистане и наконец перешел к независимым племенам Северо-Западной Индии. Но Пятницкий уже с первых слов моего доклада повернулся к нам спиной и опять занялся телефонами. Я продолжал рассказывать и вместе с тем думал: к чему это? Ведь он все равно меня не слушает. Но я был сильно удивлен, когда в конце доклада он повернулся ко мне и стал задавать вопросы по существу моего рассказа.

— Я внимательно вас слушал и пришел к выводу, что практикуемый нами морской путь проезда в Индию значительно проще и безопаснее, чем путь через Афганистан. В самом деле, не лучше ли поехать в Америку и, взяв там пароход, прямо же ехать в один из индийских портов? А впрочем, мы пригласим его самого, и пусть решает, как лучше, — сказал Пятницкий и позвонил.

— Попросите сюда товарища Роя, — обратился он к вошедшей секретарше.

Так вот кто собирался в Индию. Сам вождь индийской компартии, член Исполкома Коминтерна Рой. Вот почему этим делом занялся сам Трилиссер и требовал гарантии безопасности. Через несколько минут вошел высокий, еще молодой человек со смуглым лицом и сильно развитой фигурой спортсмена. Рой молча сделал общий поклон, уселся. Мне предложили вновь повторить свой проект. Пятницкий, как и в первый раз, возражал мне и считал водный путь наиболее удобным.

— Решайте, товарищ Рой, как вы предпочтете ехать? — обратился к молчавшему все время Рою Пятницкий.

— Я бы предпочел поехать с советским паспортом до Кабула, а уж оттуда друзья помогли бы нелегально пробраться в Индию, — ответил Рой.

Опять началась дискуссия, продолжавшаяся около получаса. Большинство склонялось к моему предложению.

— Хорошо, я хочу еще раз обдумать. Зайдите, товарищ Агабеков, ко мне в гостиницу «Люкс» послезавтра, и я вам дам окончательный ответ, — решил Рой.

При выходе из здания Коминтерна Трилиссер задержался на лестнице и внезапно обратился ко мне:

— Скажите, что вы думаете о поездке Роя в Индию?

— По правде сказать, товарищ Трилиссер, у меня сложилось впечатление, что Рой просто соскучился по родине и хочет поехать хотя бы поближе к ней. Вот почему он и стремится в Кабул. А в Индию он, по-видимому, боится ехать, — ответил я.

— Да, у меня тоже сомнения насчет Роя. Мне кажется, что он шкурник, — сказал, вздохнув, Трилиссер и быстро направился к ожидавшей машине.

В шесть часов вечера следующего дня я вошел в гостиницу «Люкс» на Тверской улице, которая была превращена в общежитие Коминтерна. Вместо швейцара за столом сидел дежурный по общежитию, который, посмотрев документы, выдал мне пропуск. У входа в гостиницу стояли группами молодые люди — жильцы общежития и оживленно беседовали. Тут можно было услышать языки всего мира. Большинство же говорило по-немецки. Я прошел в коридор и, найдя нужную дверь, постучавшись, вошел. В комнате находились Рой и светловолосая худощавая женщина.

— Это моя жена, — познакомил меня с ней Рой. Она, сказав ему несколько слов по-английски, быстро оделась и ушла, оставив нас вдвоем.

— Мы обдумали с товарищем Пятницким ваше предложение, но дело в том, что самый вопрос моей поездки, в связи с событиями в Китае, несколько осложнился, — сказал Рой.

— Насколько мне известно, вы заведуете индийской секцией Коминтерна, какое же отношение могут иметь китайские дела к вашей поездке? — спросил я.

— Видите ли, в связи с ростом революционного движения в Китае мы получили сведения о переброске большого количества войск империалистами в Китай. В том числе англичане отправляют в Китай войска из Индии. Нам нужно во что бы то ни стало воспрепятствовать подавлению революции в Китае, ибо это вызовет реакцию и в других восточных странах, в особенности в Индии. Для этого нужно разложить, революционизировать присылаемые в Китай индийские части, и, конечно, эта работа лежит на индийской секции Коминтерна, — объяснил Рой.

— Поскольку это так, то, вероятно, ваш отъезд затянется, а я хочу ехать в отпуск, ибо я только что вернулся из заграничной командировки, — сказал я.

— Да, передайте Трилиссеру, что мы просим не задерживать вас, ибо вопрос, возможно, затянется.

БУДНИЧНЫЙ ДЕНЬ ЧЕКИСТА

В конце апреля 1927 года я занял в Тегеране официальную должность атташе полпредства и, поселившись в здании полпредства, принял дела у прежнего резидента ОГПУ, Казаса.

Казас уже год работал в Персии, причем заботился исключительно о личном благополучии.

Ежемесячное жалованье в 300 долларов на всем готовом его не удовлетворяло. Пользуясь своим влиянием, он устроил на службу в советских учреждениях Персии свою жену и сестру на такое же жалованье. С теплым местом ему, конечно, не хотелось расставаться, и мой приезд его мало обрадовал. Этот «идеальный коммунист», ответственный представитель авторитетнейшего учреждения советской республики, ОГПУ, жестоко карающего за всякое нарушение законов и партийной этики, вывез с собой из Тегерана 28 пудов багажа: чемоданы его были набиты всевозможными дорогими тканями, которых, если он не перепродал их из-под полы в Москве, должно хватить ему на десятки лет. Вез он этот громоздкий и дорогой багаж в то время, когда рядовым сотрудникам полпредства разрешалось ввозить с собою в СССР только два костюма и полдюжины белья. Вооруженный дипломатическим паспортом и полномочиями ОГПУ, Казас, однако, без всякого осмотра провез свои 28 пудов через советскую таможенную и благополучно доехал до Москвы.

Уже семь месяцев, как я вновь в Тегеране. Разведывательный аппарат более или менее налажен и работает без пере-

боев. По должности атташе посольства я занимал маленький домик с огороженным двором, расположенным в глубине громадного посольского парка. Двор разделен на две части. На первой половине живу я, а на второй помещалась моя секретная канцелярия и лаборатория.

Каждое утро, проснувшись, я наскоро одевался и шел в канцелярию. У входа в коридоре стояли бидоны с быстро воспламеняющимся веществом, на случай, если нужно будет поджечь архивы. Эту предосторожность Москва предписала принять после обысков лондонского «Аркоса» и пекинского посольства. Из коридора направо шла запертая на замок дверь лаборатории, а налево стеклянная дверь вела в две небольшие комнаты, устланные коврами. Три простых стола, накрытых пропускной бумагой, несколько стульев, две пишущих машинки «Ундервуд» и маленький железный сундук в углу составляли всю обстановку канцелярии.

Состояние тегеранской резидентуры при моем приезде было таково: под номером первым числился некий Абдулла, по профессии доктор, по национальности курд, работавший секретным агентом еще при царском посольстве. Он имел колоссальные связи в столице и, ежедневно обходя знакомых и пациентов, каждое утро являлся в посольство и составлял сводку собранных накануне сведений. Было ему лет пятьдесят. Полный, с крашенными хной черными волосами и большим крючковатым носом, он напоминал хищную птицу.

Когда я, войдя в канцелярию, подошел к нему, он еще писал.

— Здравствуйте, доктор, что у вас сегодня нового? — спросил я.

— Сейчас кончу писать рапорт, — ответил он, вставая мне навстречу. — Дела персидского правительства в Луристане неважны. На днях опять племена напали на правительственные войска. Около трехсот человек убитых. Вчера вечером из Тегерана вновь отправлены на фронт два полка пехоты и артиллерия.

— А как относятся к восстанию соседние с лурами племена? — задал я вопрос.

— Пока достоверно неизвестно, но есть слухи, что Вали Пуштекуха тайно поддерживает восставших. К бахтиарам же повстанцы послали делегатов для переговоров о совместном выступлении. Шах тоже посылает военного министра Сардар-Асада к бахтиарам, чтобы удержать их от присоединения к восставшим, — ответил доктор.

Нас очень интересовало восстание в Луристане, где строилась шоссейная дорога, которая должна была соединить непосредственно Тегеран с южными провинциями Персии.

— Доктор, я сегодня должен выдать вам жалованье. Напишите расписку на сто двадцать туманов, — попросил я.

— Большое спасибо. Я как раз очень нуждаюсь в деньгах и уже приготовил расписку, — сказал он и, вынув из кармана клочок бумаги, подал мне.

— Доктор, — спросил я, читая расписку, где он подписался номером первым, — а какую кличку вы носили при царе?

— О, я тогда работал у одного полковника, и он мне дал кличку «Филин». Это, кажется, русская фамилия? — спросил он.

— Да, да! — подтвердил я и только в тот момент ясно увидел, что он очень похож на филина.

— Ну, я не буду вам мешать работать, — сказал я, передав доктору деньги, и вышел из канцелярии.

Не успел я позавтракать, как раздался звонок внутреннего в посольстве телефона. Это Орбельян, заведовавший одной из групп секретной агентуры, просил разрешения прийти с докладом. Официально он работал корреспондентом ТАСС при посольстве, фактически же в течение пяти лет был одним из предприимчивых агентов и числился под номером три.

Я перешел в приемную комнату, и спустя короткое время пришел Орбельян: тридцатилетний молодой брюнет, с крупными чертами лица и толстыми губами, он производил впечатление медлительного, спокойного человека. В руках у него портфель с бумагами, который он, усевшись, положил на стол.

Орбельян состоял членом иранской коммунистической партии и членом армянской рабочей партии, а в тайной сети ОГПУ был «групповиком», то есть в своем распоряжении имел целую группу секретных агентов. На нем лежала задача поддерживать связь с членами группы и вербовать новых агентов.

Номером четвертым был чиновник министерства общественных работ в Персии, бывший родственник министра двора Теймурташа. Его братья, работавшие в министерстве финансов, носили номера восемь и девять. Три брата каждый вечер доставляли Орбельяну всю переписку, поступавшую в министерства финансов и общественных работ. Орбельян выбирал из нее все, что может интересовать ОГПУ, фотографировал

документы, и затем переписка доставлялась обратно в министерства. Учет документов в персидских министерствах поставлен настолько плохо, что иногда некоторые интересовавшие нас «дела» мы задерживали на несколько дней. Никто в министерствах этого не замечал. — Ну, давайте начнем, — предложил я.

Орбельян, раскрыв портфель, медленно вынул аккуратно сложенные пачки бумаг.

— Источники номер четыре и девять вчера доставили досье о дорожном строительстве в Персии, которое вы просили достать. Тут маршрут будущей Трансперсидской железнодорожной линии и смета, представленная министром финансов Носратэ Довле и утвержденная советом министров, — докладывал Орбельян, передавая одну из пачек. — Кстати, номер четыре хочет выехать через неделю в Германию на лечение и просит перед отъездом свидания с вами, — добавил он.

— Ладно, об этом поговорим позже, давайте дальше, — ответил я, чувствуя, что № 4 будет просить денег.

— Вот тут несколько рапортов представителя персидского правительства при правлении англо-персидской нефтяной компании от источника номер шестнадцать. Две шифрованные телеграммы поверенного в делах Персии в Багдаде на имя председателя совета министров от источника номер тридцать три, — продолжал Орбельян, передавая новые бумаги.

— А, это очень важно. А как поживает тридцать третий номер? — спросил я.

— Он уже не боится давать нам шифровки и очень благодарен за триста туманов, которые я ему передал. Он тоже очень хочет увидеться с вами, — ответил Орбельян.

— Да, с ним нужно встретиться. Это нужный источник. Когда будет удобнее с ним встретиться? — спросил я.

— Если хотите, сегодня в десять часов вечера, — предложил он. Я согласился и сделал пометку в своей записной книжке.

— Вчера ночью источник номер десять доставил двенадцать дипломатических пакетов. Отметьте это также, — сказал Орбельян, — кроме того, он просил передать, что выданный ему сахар уже продан, а новую партию сахаротрест без вашего разрешения не отпускает. Затем он просит, чтобы ему отпустили еще какой-нибудь товар, ибо одним сахаром никто не торгует, и купцы на базаре начинают по-

дозреть, что тут дело нечистое. Он просит мануфактуры и спичек, — добавил Орбельян.

— Хорошо, я сегодня устрою, чтобы ему выдали нужный товар. А что у вас еще?

— Больше ничего. Напоминаю, что у вас на сегодняшний вечер свидания в восемь, девять, десять и одиннадцать часов. Да, а что мне ответить номеру четвертому? — опять спросил он.

— Дайте ему сто туманов на лечение. Я сообщу в Москву о его приезде, и его там встретят и свяжут с берлинской резидентурой. Дайте ему пароль для встречи в Москве. А мне с ним видаться нет смысла.

Мы вышли вместе и направились в канцелярию.

Там уже кипела работа. На одном из столов лежала куча пакетов с сургучными печатями. Тут были пакеты почти всех дипломатических миссий в Тегеране. Некоторые из них лежали распечатанными. Над одним из них, наклонившись над столом, работал мой помощник Маркарьян. Он почти еще мальчик. Ему не больше двадцати трех лет, но выдающийся подбородок говорит о решительности, а выражение глаз — о настойчивости его характера. Он медленно вводил костяную ручку в полувскрытый конверт и осторожно вскрывал его шире. В углу за маленьким столиком сидела молодая шатенка — наша машинистка и стучала на машинке.

— Здорово, Сурен, что так долго возишься с почтой? — спросил я.

— Да вот из-за бельгийских пакетов, — ответил он, продолжая работать, — представь себе, на двух бельгийских пакетах я потерял больше времени, чем на остальных десяти. Этот бельгиец всегда смазывает внутренний пакет гуммиарабиком и вкладывает в другой. И пока отдерешь, проходит два часа времени. Зато смотри, какая работа. Нельзя найти следов вскрытия, — хвалился Маркарьян.

И действительно, нужно отдать ему должное. В течение месяца Маркарьян так набил руку по вскрыванию пакетов, что превзошел даже своих учителей.

— Да, ты молодец. А какие еще пакеты поступили сегодня? — спросил я.

— Три английских, четыре из персидского министерства иностранных дел, один германский и один французский. Они уже все обработаны. Остался вот последний бельгийский, —

показал он на лежавший перед ним толстый полувскрытый пакет.

— Ну, ну, кончай скорее. Через час нужно идти с докладом к послу, а он как раз интересуется бельгийскими пакетами, — сказал я и направился в лабораторию.

Это две маленькие клетушки, набитые всяческими фотографическими принадлежностями. В передней комнате на станке укреплен аппарат «Лейтц». На веревках сушатся заснятые пленки. У ванночки фотограф Артемий промывал свежие пленки.

— Сколько снимков сделано сегодня? — спросил я его.

— Пока тридцать, — ответил он, вынув руки из кюветки и вытирая их.

— А вчерашние уже готовы, — и он направился в следующую комнату за ними. Взяв снимки, я вернулся в канцелярию и, передав несколько инструкций Маркарьяну, возвратился к себе. В моей спальне стоял большой несгораемый шкаф, куда я положил готовые снимки.

— Алло! Можно к тебе? — спросил генеральный консул Вайцман, приоткрывая дверь.

— Входи, входи! Очень рад, — пригласил я.

В комнату вкатился маленький, полноватый брюнет в пенсне, с официальной улыбкой на лице и с огромным кожаным портфелем в левой руке.

— А я был у полпреда и думаю, дай загляну к Агабекову. Кстати, у меня дело к тебе, — продолжал он, роясь в раскрытом портфеле. — Вот список желающих получить визу в СССР, а это список подавших заявление о приеме в советское гражданство. Пожалуйста, проверь и долго не задерживай. В особенности список уезжающих, ибо многие хотят выехать с первым пароходом, — просил он, передавая бумаги.

— Я, кажется, никогда больше трех дней не держу твоих бумаг, — возразил я.

— Знаю, знаю, — торопливо перебил он меня, — я это так, для порядка. Вот тебе еще пакет от представителя Коминтерна. Он вчера был у меня и жаловался на трудные условия работы. В местной компартии много ненадежной публики. Масса провокаторов. Он посылает тебе список членов организации и просит, чтобы ты проверил их через свою агентуру.

Я вскрыл поданный пакет и просмотрел длинный список фамилий.

— Ладно, ладно, только надеюсь, это не срочно. У меня и так много своей работы, — ответил я.

— У меня тоже нагрузка от Коминтерна. Получил из Москвы циркуляр о подготовке съезда делегатов компартий Востока в Урмии. Нужно подобрать делегатов, проверить их, дать им под благовидным соусом визы, а многих, кроме того, снабдить деньгами. Вообще работы хватает, — вздохнул Вайцман.

Раздался телефонный звонок.

— Товарищ Агабеков! Я сейчас свободен, если вы не заняты, то приходите ко мне, — услышал я голос полпреда Давтяна.

— Ну ладно, я еще забегу к тебе, и мы потолкуем. А сейчас извини, меня вызывает полпред, — сказал я Вайцману и вывел его за дверь.

Оставшись один, я стал подбирать бумаги для информации посла.

Большой роскошный кабинет. Повсюду ковры и красного дерева мебель, обитая дорогой кожей. Посреди комнаты за громадным письменным столом лицом к дверям сидел посол Давтян. До своего назначения в Персию он был советником посла в Париже. Студенческие годы Давтян провел в Бельгии. Его длительное пребывание в Европе оставило на нем резкий отпечаток, выделивший его среди остальных крупных советских работников. Высокий, красивый брюнет, с правильными чертами лица, с вечно корректным обращением к окружающим, Давтян производил очень выгодное впечатление. В отличие от прежних послов, Давтян имел еще то преимущество, что владел европейскими языками. При всех этих качествах и той выгодной политической обстановке, каковая была налицо в период его назначения в Персию, Давтян мог бы проделать большую работу для советского правительства, но обратная сторона его характера сводила на нет все его преимущества. Он был трусливым, нерешительным человеком, без всякой инициативы. Трудолюбие его ограничивалось исполнением без размышления всех директив Москвы. А какие директивы можно было ожидать от заместителя наркоминдела Карахана, глупость которого вошла в такую же поговорку, как и кличка «каменный зад», прочно приставшая к Молотову, недавно назначенному Предсовнаркома СССР. Давтян, будучи ставленником Карахана и обладая нерешительным характером, по каждому вопросу обращался в Москву, техническим исполнителем которой он являлся. Таков был Давтян, про-

сживавший дни за письменным столом и усваивавший все московские циркуляры. Относился он ко мне неплохо, дорожа той информацией, что я ему давал.

— А, товарищ Агабеков, здравствуйте, садитесь, — встретил меня Давтян, когда я вошел к нему в кабинет, — что у вас хорошего?

Я приступил к докладу.

— Опять получили агентурные сведения, что ведутся переговоры по заключению нового англо-персидского договора. В частности, имеются сведения, что персы пошли на уступки по вопросу разрешения англичанам постройки аэродромов на побережье Персидского залива. Сведения подтверждаются из разных источников, — докладывал я.

— Да, я уже пытался говорить по этому вопросу с министром иностранных дел, но пока неудачно. Сообщил в Москву, но с последней почтой никаких директив. Гробовое молчание. Придется еще раз написать Карахану, — сказал Давтян.

— Нами перехвачены две телеграммы представителя персидского правительства в Багдаде. Судя по этим телеграммам, переговоры между Ираком и Персией продвигаются успешно. Осталось разрешить спор о правах персидских подданных в Ираке, — продолжал я свой доклад.

— Это очень важный вопрос. Пожалуйста, следите и дальше за их переговорами и держите меня в курсе дела. Москва просит всеми мерами воспрепятствовать заключению договора между Персией и Ираком. Пришлось опять дать субсидию некоторым редакторам газет, чтобы они вели газетную кампанию против договора. Кроме того, я говорил с некоторыми депутатами меджлиса и старался настроить их против договора, но мне кажется, что мы окажемся бессильными что-либо сделать, ибо все дело в руках самого шаха и Теймур-паши, — объяснил он.

— Вот это доклады французского и бельгийского послов. К сожалению, я не знаю, о чем они пишут, — продолжал я, вынув из портфеля фотоснимки с докладов.

— А, опять бельгийский посол. Вы знаете, что, по-моему, он самый аккуратный из посланников в Тегеране. Он всегда детально информирует свое правительство о мало-мальски выделяющихся событиях. Мне очень нравятся его доклады. А это что? — спросил Давтян, показывая на остальную часть фотоснимков.

— Несколько политических и экономических сводок анг-

лийских консулов, экономический доклад американского консула и письмо германского посла графа Шуленбурга своему консулу в Тавризе, — перечислял я.

— А что пишет Шуленбург? — задал вопрос Давтян.

— Ничего интересного. Маленькое письмо и газетная информация, — ответил я.

— Ах, как я хохотал вчера вечером. Представьте, вчера Шуленбург заговорил со мной о своей коробке с дипломатической почтой, что мы разбили на днях. Он жаловался, что почтовые пересылки стоят очень дорого и ему приходится за пару килограммов платить двадцать туманов. Причем старался наглядно показать размер посылки. Я в душе хохотал над его секретной почтой, а наружно, конечно, выражал сочувствие. Что поделаешь, такова наша служба, — закончил он.

— Яков Христофорович, обедать! — крикнула в это время из соседней комнаты его жена.

— Вот что, Агабеков. Не оставите ли вы мне документы на французском языке. Я хочу их почитать после обеда, — попросил Давтян, вставая.

— Пожалуйста, товарищ Давтян. Только чтобы не пропали.

— Что вы! Я их положу сюда в нескораемый шкаф. Здесь, надеюсь, они будут в безопасности после установки вами сигнализации, — сказал он, смеясь.

Я вышел из кабинета, думая о Давтяне. Во что превратился этот ветеран большевистской революции? Член партии с 1907 года, старая гвардия большевиков. Не прошло и десяти лет, как он стал членом правящей партии и уже выдохлась вся его революционность (если она когда-либо была). Остался солидный, исполнительный чиновник советского правительства, живущий по циркулярам наркоминдельского Карахана. А ведь он — один из лучших. Другие — худшие — под согревающими лучами власти «распустились» и показали подлинные физиономии садистов, шкурников, убийц...

— Товарищ Агабеков, зайдите к нам на минутку, — позвали меня из-за решетчатого окна секретно-шифровальной части, расположенной напротив посольского кабинета.

Постоянно запертая дверь раскрылась, и я вошел. В комнате два шифровальщика. Это испытанные во всех отношениях коммунисты, в большинстве состоявшие в шифровальных отделах Красной Армии еще во времена гражданской войны. Работая при посольствах, они фактически являлись

сотрудниками специального отдела ОГПУ и были подчинены резидентам.

— На ваше имя поступили пакеты из Тавриза, Пехлеви и Керманшаха. Распишитесь, пожалуйста, — сказал старший шифровальщик Шохин, передавая мне пакеты. — Затем у нас накопилось много старых секретных телеграмм, подлежащих сожжению. Опись уже составлена, может быть, у вас есть время просмотреть их и подписать акт, чтобы мы могли сжечь, — продолжал Шохин.

По инструкции ни одна бумага в полпредстве и торгпредстве не может быть уничтожена без ведома резидента ОГПУ.

Я наспех просмотрел груды бумаг и, подписав акт об уничтожении их, вышел в коридор. Навстречу мне шел советник посольства Логановский.

— Здорово, Агабеков, пойдём ко мне, у меня есть дело к тебе, — попросил Логановский, и мы направились в его кабинет.

С Логановским у меня были совершенно иные отношения, чем с остальными членами миссии. Этот высокий болезненно-полный блондин, несмотря на свои тридцать два года, был такой же старый чекист, как и я. Он был резидентом в Варшаве и в Вене, и за активную деятельность в этих столицах его наградили орденом Красного Знамени. По приезде Трилиссер назначил его своим помощником, но Логановский со своим самостоятельным, активным характером не смог ужиться со спокойным и осторожным Трилиссером. Ему пришлось уйти из иностранного отдела, и он перешел на службу в Наркоминдел, где у него имелись старые связи по работе за границей. Но привычка — вторая натура. Логановский, несмотря на то что уже два года как ушел из ОГПУ, никак не мог привыкнуть к чисто дипломатической деятельности и рвался к работе, которая больше соответствовала его характеру. Как чекисты, мы с ним были в приятельских отношениях, и он часто мне помогал своими советами, приводя примеры из прошлой деятельности.

— Вот посмотри, — сказал Логановский, достав чертеж из несгораемого шкафа и развернув на столе. — Это план нефтяных вышек в «Майданэ Нафтум», разрабатываемых англо-персидской нефтяной компанией. Вот эти кружки обозначают вышки. Их сотни в этом наиболее богатом нефтью районе. Вот здесь тянется нефтепровод. Англичане без всякого напряжения добывают здесь колоссальные запасы нефти. Шестьде-

сят процентов английского флота питается запасами нефти этой компании.

— Это все старо, говори прямо, к чему ты клонишь, — прервал я его.

— А вот к чему. У тебя прекрасно поставленная информационная работа. Спору нет. Но скажи, пожалуйста, к чему она? Для сведения полпреда или же для сведения Москвы, где несколько чиновников посланные тобой материалы читают, размножают, рассылают и, сдав в архив, забывают? Разве это дело? Нет настоящего дела. А вот если уничтожить эти нефтяные промыслы, как ты думаешь, какой был бы ущерб для Англии? — вдруг поставил вопрос Логановский.

— Да, но это тебе не Софийский собор, — ответил я, улыбаясь и намекая на его работу на Балканах. — Я тоже думал об уничтожении этих промыслов в случае войны с Англией и даже советовался со специалистами. Мне сказали, что даже удачный налет эскадрильи аэропланов может разрушить лишь часть промыслов, но не может приостановить добычу нефти.

— Но чудак ты этакий! Нам разрушить все и не нужно. Важно, чтобы полученная нефть не шла к англичанам, а этого можно добиться массовым разрушением нефтекачек и нефтепровода. И вот я вчера получил доклад из Шираза от нашего консула Батманова, в котором можно найти разрешение этой задачи. Батманов пишет, что в районе нефтяных промыслов обитают два крупных племени: хафтлянги и чаарлянги, которые вечно враждуют между собой из-за денежных пособий, получаемых от нефтяной компании. Всегда, если одно племя в дружбе с англичанами, другое находится во враждебных отношениях с ними. Так вот, почему бы нам не использовать эти племена к началу войны для полного разрушения промысловых машин, — говорил Логановский.

— Идея неплохая, только вопрос нужно детально разработать и просить согласия Москвы, — ответил я.

— Если хочешь, я тоже со своей стороны напишу Трилиссеру, — предложил Логановский.

— Буду очень благодарен за это, — ответил я, вставая.

Я шел, обдумывая план Логановского. Конечно, он прав. Нужно готовиться к войне заранее. О том, что война будет, что она должна быть, ни у Логановского, ни у меня не было и тени сомнения. Ведь к этому мы и шли всей нашей работой внутри и вне СССР. Нас занимал лишь вопрос начать войну в наиболее выгодный для нас момент, когда все политические и экономические условия налицо. Чтобы бить наверняка.

За моим столом я застал помощника Сурена. Он перебирал поступившие рапорты агентов, делая выписки. Я передал ему поступившие из провинций пакеты и сел помогать ему. Проработав с час, мы перешли в соседнюю комнату.

— Сегодня я имел интересную беседу с Логановским, — начал я после обеда, — он предлагает организовать агентуру в племенах Южной Персии, для разрушения нефтяных промыслов в случае войны.

— Да, идея подготовки к войне дискутировалась в Москве еще до моего выезда сюда. У нас этим вопросом занялись в особенности после V конгресса Коминтерна, на котором определенно констатировали неизбежность войны с империалистами. В связи с этим уже приступили к некоторой организационной подготовке аппарата ОГПУ к войне, — сказал Сурен.

— В чем проявилась эта подготовка? — спросил я.

— До сих пор наши резиденты, как ты знаешь, работали при посольствах. Теперь же мы начали организовывать нелегальные резидентуры помимо посольств, ибо в случае войны предполагается, что наши посольства будут арестованы или их попросят убраться вон из той страны, при которой они аккредитованы, и с выездом резидента прервется связь с секретной агентурой. Если же будут нелегальные резиденты, то работа от высылки миссий несколько не пострадает. По этому вопросу сам Трилиссер делал специальный доклад на собрании иностранного отдела, — рассказывал Сурен.

— А как в отношении поддержки связи с Москвой? Ведь сейчас связь осуществляется через дипкурьеров, а тогда же их не будет. — задал я вопрос.

— Это вопрос, как указывал Трилиссер в своем докладе, наиболее трудноразрешимый. Пока что остановились на том, что нелегальный резидент будет посылать свои донесения через легального. Но это, конечно, временная мера, пока не найдут подходящих путей. В Европе наши ребята уже работают нелегально. Даже в Турцию послали нелегально Блюмкина, который должен руководить всей работой на арабские страны, — ответил Сурен.

— Я вот думаю, а почему бы и в Персии не перейти на организацию нелегальной резидентуры? Мы никогда не можем быть уверены в поведении персидского правительства в случае войны. Тогда бы и вопрос о работе среди племен Южной Персии и Курдистана принял другой характер. Мы могли бы, нелегально проникнув в эти районы, делать все,

что угодно. А там вали на кого хочешь. Да и ваши наркоминдельцы не мешали бы, не зная, чьих рук дело, — обдумывал я вопрос вслух.

— А что, если ты поставишь этот вопрос на разрешение перед Москвой? — спросил Сурен. — Я бы первый с удовольствием поехал нелегально работать среди курдов.

— По-моему, вопрос нужно подработать. Собери весь материал о племенах Персии, и мы составим доклад под углом зрения опасности войны и возможности использования племен на этот случай, — предложил я.

Я приехал в торгпредство, находившееся в старой части города, и направился в кабинет заведующего регулирующей частью торгпредства Мая, который одновременно являлся моим помощником по экономической разведке. Состоя при торгпредстве, Май успешно, не вызывая подозрений, руководил сетью секретных агентов, работавших во всех советских хозяйственных организациях и освещавших деятельность этих организаций, он носил седьмой номер.

Май был старым чекистом и даже одно время работал на крупном посту в Экономическом управлении ОГПУ, но, проворовавшись, попался. Был исключен из ВКП(б) и уволен из ЧК, но, будучи по натуре чекистом, сумел опять втереться в секретные работники ЧК. Дело свое, нужно отдать справедливость, он знал прекрасно. Высокий брюнет, с библейским лицом. Май носил длинную бороду, которую вечно поглаживал. Один из его приятелей по поводу этой бороды острил, что Май побреется в день падения советской власти, чтобы изменить свою физиономию и не быть узанным новым правительством.

— Садись, Агабеков, гостем будешь, — встретил меня Май кавказской формулой. — Был вчера купец с твоей запиской, и я ему выдал лицензию на пятьсот пудов чаю и тысячу пудов рису. Кроме того, я припрятал из запасов торгпредства лицензии на сафьян, хлопок и хну. Может быть, тебе пригодятся для работы, — докладывал он.

— Спасибо, Май, но сейчас вот что. Позвони в сахаротрест и общество «Шарк» — пусть они отпустят источнику номер десять сахару и других товаров в кредит на три тысячи туманов. Скажи им, что ты знаешь этого купца и гарантируешь его кредитоспособность, — попросил я.

— Сейчас позвоним. Кстати, о сахаротресте. Мы сейчас

разработали проект переброски нашего сахара в порты Персидского залива. Сахар будет грузиться в Одессе. Для продажи товара мы открываем новые отделения в Ширазе, Бендер-Бушире и Ахвазе. Не находишь ли, что это удобный случай — под видом служащих сахаротреста командировать туда наших агентов. Наконец, в Одессе на пароходы можно устроить тоже наших чекистов. Они проехали бы через Красное море и разнюхали бы положение в тех краях, — предложил Май.

— Прекрасно. Мы воспользуемся этим случаем, так как сейчас как раз стоит вопрос об усилении работы на юге Персии. Предупреди меня, когда будут обсуждаться кандидатуры сотрудников на юг. Что касается использования пароходов, то, к сожалению, это не мой район. Я напишу в Москву, и пусть они делают, что хотят, — ответил я.

— Вчера была очередная драка между торгпредом Мдивани и его заместителем Суховием, — начал Май, любивший всевозможные интриги.

— Очень интересно, — перебил я его. — Приходи сегодня вечером ко мне. Поработаешь, и заодно потолкуем обо всем. А сейчас, извини, я спешу, — сказал я, вставая.

В девять часов вечера я уже сидел в одной из комнат конспиративной квартиры. Это был маленький домик со двором. Нанят он был на имя одного из секретных агентов. Преимущество квартиры заключалось в том, что она имела три двери, выходящие на три разные улицы. Так что создавалась некоторая гарантия от возможной ловушки.

Через несколько минут раздался условленный стук в комнату. Обслуживавшая квартиру старуха персиянка пошла открывать дверь. Вошел Орбельян вместе с источником № 10. Это — молодой человек с умным, энергичным лицом. Он любит рискованные дела и уже очень много сделал для ОГПУ. Служанка подает на подносе чай и местные сладости, и мы за чаем ведем посторонний разговор.

— Товарищ Агабеков, я выполнил данное мне поручение организовать получение дипломатической почты иностранных миссий, — начал агент, когда чай был убран, — теперь я хочу взяться за вербовку шифровальщика из военного министерства.

— Вы молодец! Я написал в Москву о проделанной вами работе и получил распоряжение увеличить вам жалованье до

ста пятидесяти туманов в месяц. Что касается военного министерства, то я думаю, что с этим лучше подождать. Вы только что закончили крупное дело, вам нужно отдохнуть и переждать, чтобы не навлечь на себя подозрений, — говорил я, а сам тем временем думал, что ведь в военном министерстве для нас уже работают три шифровальщика, а ты ничего не знаешь и можешь только испортить дело. Вслух же я продолжал:

— Да, вам нужно отдохнуть, а потом вы лучше присмотритесь к личной канцелярии шаха. Там, по-моему, должно быть много интересного для нас. Да, я вам забыл сказать, — переменил я тему разговора, — завтра можете пойти в сахаротрест и «Шарк» и получить все, что вам нужно для торговли.

Я посмотрел на часы. Сидевший молча Орбельян понял и через пару минут выпроводил агента. Нужно было спешить к ожидавшему нас источнику № 33.

Большая, полутемная от скудного освещения комната, убранная коврами. В углу стоят столик, накрытый разными сладостями, и три стула. Другой мебели нет.

Встретивший нас агент № 16 приглашает к столу. Это — высокий, худощавый мужчина с длинной черной бородой. Он — принц по линии Каджаров, свергнутых нынешним Риза-шахом, и служит шифровальщиком при совете министров. Для нас он очень ценный источник, передающий все секретные распоряжения, циркуляры и шифры премьера.

— Наше правительство очень довольно вашей информацией и просило меня поблагодарить вас за те услуги, что вы нам оказали, — сказал я, когда мы уселись за стол.

— Большое спасибо за то, что вы оценили мою работу. Но, работая для вас, я этим работаю для своих целей; я принадлежу к дому Каджаров, чей престол насильно, с помощью англичан, занял Риза-шах. Поскольку он пользуется поддержкой англичан, я наперекор ему помогаю большевикам, являющимся ярыми врагами англичан. Вместе с тем, помогая вам, я надеюсь, что если в один прекрасный день и не вернется на престол наш законный шах, то, во всяком случае, вы подготовите тут революцию, которая лишит престола и Риза-шаха, — ответил он.

— Вы правы в том, что англичане помогают Риза-шаху, но, видите ли, у нас в Москве этому не верят. Они требуют документальных доказательств. И если бы мы нашли такие доказательства, то я уверен, что наше правительство приняло бы

все меры к свержению нынешнего шаха и восстановлению Каджарской династии, — сказал я.

— К сожалению, я не располагаю такими документами, а то бы уже давно передал вам, — ответил принц.

— Скажите, а вы не просматривали архива, находящегося в ведении председателя совета министров? — спросил я. — Дело в том, что в период тысяча девятьсот двадцать четвертого — тысяча девятьсот двадцать пятого годов, когда Риза-шах был премьером и воевал с восставшим на юге шейхом Хейзалом, англичане согласились выступить посредниками для примирения их. Тогда же было заключено соглашение между Риза-шахом и англичанами в том, что последние помогут ему занять персидский престол, и в компенсацию за это Риза-шах обещал предоставить англичанам большие льготы в Персии. Все эти сведения я имею из агентурных источников, но их нужно закрепить документальными данными, которые вы могли бы найти в архивах за эти годы. Не приходилось ли вам просматривать архивы совета министров? — спросил я.

— Нет, я работаю всего два года и архивами не интересовался. Но теперь я начну разборку архива и соберу все, что будет касаться того периода. В течение месяца я надеюсь разыскать нужные вам документы, — ответил он.

— Благодарю вас. Я надеюсь, что так или иначе строй в Персии изменится, и вы займете более подобающее вам положение, — прощался я.

Уходя, я оставил на столе конверт с месячным жалованьем принцу, составлявшим 300 туманов.

Только к полуночи я попал домой и направился прямо в канцелярию. Там еще работали. Мой помощник Сурен уже заканчивал обработку вновь поступивших дипломатических пакетов иностранных миссий. Ловко водя маленьким горящим примусом вокруг сломанных печатей на пакетах, он ставил нашего изделия печати на размякший сургуч.

В следующей комнате сидел над грудой материалов Май. Нервно раскачивая ногой и поглаживая бороду, он составлял экономический доклад.

Я устал. Хочется лечь, отдохнуть. Но нужно еще просмотреть поступившие за день десятки рапортов агентуры и доклады провинциальных резидентов. Откладывать на завтра нельзя, ибо и завтра будет то же самое. Только другие лица, другие вопросы, другие подходы. Нужно спешить. Идти на

всех парах к одной цели: подготовке к войне и через войну к мировой социалистической революции.

Выше я уже говорил, что агентура у нас была небольшая.

Десятый номер, например, бывший редактор газеты, родственник одного из руководителей Хоросанского восстания, имел хорошие личные связи в Тегеране и передавал нам полезные сведения. Это был энергичный молодой человек, и впоследствии, как читатель увидит, он оказал ОГПУ очень важную услугу.

Вот приблизительно все, что имелось в Тегеране к моему приезду. Положение в провинциях было не лучше. Хоросан и Белуджистан находились в непосредственном подчинении Москве. Гилянская провинция подчинялась Бакинскому ОГПУ, представитель которого Михаил Ефимов сидел в Пехлеви на должности делопроизводителя советского консульства.

Азербайджанская провинция с центром в Тавризе находилась в ведении тифлиского ОГПУ. Его представитель Минасян занимал официальную должность делопроизводителя советского генерального консульства в Тавризе, но подчинялся только Тифлису. Одновременно в Тавризе имелся также представитель центрального ОГПУ, генеральный консул Дубсон. И Минасян и Дубсон работали самостоятельно и независимо: один — на Тифлис, другой — на Москву.

На юге Персии мы не имели собственной агентуры и пользовались консульскими донесениями.

В Москве знали о плохой работе в Персии, о неразберихе в отношениях и неопределенности обязанностей сотрудников. Мне были даны поэтому следующие директивы:

1. Централизовать работу в Персии и подчинить себе работников ОГПУ во всех провинциях;

2. Организовать агентуры на юге Персии и продвинуть ее в юго-восточном направлении — на Индию и в юго-западном направлении — на Ирак;

3. Обратит особое внимание на «освещение» племен Южной Персии, населяющих район Хузистана, где расположена концессия англо-персидской нефтяной компании, и, наконец,

4. «Освещать» самое концессию.

Ознакомившись с делами резидентуры и с обстановкой, я взялся сначала за централизацию агентурной сети. Задача была нелегкая. Всюду царил склока, без которой не обходится ни одно советское учреждение за границей. Тифлисское и бакинское ОГПУ не желали выпускать руководства из своих рук.

Пришлось ждать случая, чтобы начать действовать в захваченных ими районах. Случай скоро представился. В конце мая 1927 года начали поступать донесения генерального консула в Тавризе Дубсона и резидента Минасьяна, обвинявших друг друга во всех смертных грехах и требовавших взаимного отозвания. Склока возникла в процессе работы ОГПУ. Имея каждый свою агентурную сеть, Дубсон и Минасьян использовали ее друг против друга. Распря приняла резкий характер. Полпред СССР Юренев предложил мне поехать в Тавриз для расследования дела.

Прежде чем приступить к расследованию, я ознакомился с работой обоих. У консула Дубсона я не нашел ничего ценного, за исключением нескольких информаторов, снабжавших его базарными сплетнями. При их помощи он старался вылавливать агентов своего соперника Минасьяна, мешая ему работать.

Минасьян же был хорошим работником. Основной своей задачей он поставил добычу документов. Тавриз является пунктом, откуда армянская партия «Дашнакцутюн» ведет революционную работу в советской Армении и в турецком Курдистане. Из Тавриза же руководит работой в советском Азербайджане партия мусаватистов. Представителем партии «Дашнакцутюн» в Тавризе был некто Ишханьян. О своей деятельности он систематически информировал центральный комитет партии в Париже и от центрального комитета получал указания для дальнейших действий и сведения о положении партийных дел в других центрах. Переписка шла по почте, причем письма посылались обеими сторонами в зашифрованном виде и писались химическими чернилами. Шифр дашнаков и состав химических чернил был нам известен. Оставалось организовать перехватывание писем.

Минасьян завербовал одного из крупных чиновников тавризского почтового отделения, через которого все письма дашнаков и мусаватистов передавались нам для снятия копий. По этим письмам мы узнавали, кого и с какими целями партия дашнаков тайно отправляла в советскую Армению. Ишханьян подробно информировал обо всех планах партии центральный комитет. Письма давали подробные сведения о роли и участии членов дашнакской партии в курдском движении против турок.

Ишханьян посылал в Париж доклады Арташеса Мурадяна, работавшего среди курдов. Эти доклады подробно осведомляли нас о курдском движении, о силах курдов и их револю-

ционных планах. Мы знали не только курьеров связи заграничных дашнаков с советской Арменией, но и узнавали имена и адреса их сообщников в Армении. Армянское ОГПУ получало, таким образом, возможность ликвидировать ячейки дашнаков по мере их возникновения и созревания.

Точно то же было с партией мусаватистов. Представитель мусаватистов в Тавризе Мирза-Бала переписывался с константинопольской группой. Перехватывая его письма, мы получали сведения не только о работе мусаватистов в Азербайджане, но и о работе их в Константинополе. Мы знали о переговорах, происходивших в Константинополе между мусаватистами и остальными кавказскими группами: горцами, дашнаками, меньшевиками и т. д., старавшимися объединиться в одну группу под общим названием «Комитета единения», ибо, как заявлял один из представителей этих партий, «иностранцы не хотят давать материальной помощи, пока мы не объединимся». Из писем мы всегда узнавали о приезде в Константинополь представителя польского правительства, Т. Голувко, с которым поддерживали связь эти группы и у которого они финансировались до 1928 года. Поляки, субсидировавшие их по 1000 долларов ежемесячно, перестали платить, убедившись в бездеятельности групп.

Для снятия копий с писем Минасьян имел прекрасно оборудованную лабораторию при консульстве, где он жил и откуда управлял агентурой. У него была богатая сеть информаторов среди местной армянской и тюркской колоний, точно осведомлявшая его о том, кто и откуда приезжает и кто куда уезжает.

Находя, что две независимые агентурные сети в одном и том же городе всегда будут сталкиваться и мешать друг другу, особенно когда их руководители находятся во враждебных отношениях, я решил объединить работу в руках одного лица. Естественно, мой выбор остановился на Минасьяне. С Тифлисским ОГПУ мы пришли к соглашению: я объединяю в руках Минасьяна всю работу в азербайджанской провинции, помогая ему людьми и материальными средствами, а Минасьян переходит в мое подчинение, одновременно продолжая информировать Тифлисское ОГПУ по интересующим Тифлис вопросам.

Минасьян устроил мне свидание с агентом, работавшим на почте. В разговоре с ним выяснилось, что он может снабжать нас не только письмами дашнаков и мусаватистов, но также перепиской английского, турецкого и германского консулов. К жалованию в 100 долларов в месяц я добавил 50, и почтовый чиновник согласился доставлять и корреспонденцию ино-

странных консулов. Первые пакеты начали поступать к Минасьяну до моего отъезда из Тавриза.

Нас очень интересовал курдский вопрос. В Москве, в иностранном отделе ОГПУ, мы пришли к следующим выводам: курдские племена в настоящее время разбиты между четырьмя государствами — Турцией, Ираком, Персией и советской Россией.

Все они расположены на путях, ведущих из Ирака на Кавказ, и в будущем столкновении между Англией и Россией поведение их будет иметь колоссальное значение для воюющих сторон. Надо добавить, что курдский народ сам по себе представляет великолепный военный материал. Перед нами, таким образом, стояла задача заблаговременно подготовить курдские племена к выступлению против Ирака, где, по сведениям ОГПУ, концентрировались воздушные силы англичан. Для разрешения задачи советское правительство предполагало в 1927 году объявить «самостоятельной республикой» маленький кусочек Курдистана, находящийся на советской территории, чтобы этим путем привлечь на сторону Советов симпатии остальных курдских племен. Однако проект встретил сопротивление со стороны Наркоминдела, опасавшегося обострить отношения с турецким и персидским правительствами. Пришлось принять другой план: обрабатывать курдские племена нелегальным путем. Для этой цели необходимо было тщательно изучить состояние племен, познакомиться с вождями, насадить в Курдистане агентуру и постепенно готовить племена к заключению тайного союза с нами на случай выступления против враждующей с СССР стороны. Центром работы был назначен Соудж-Булак. Одновременно Минасьяну было поручено освещать экономическую и политическую жизнь азербайджанской провинции, изучать пути сообщения и экономического проникновения англичан в этот район Персии. У нас были сведения о готовившейся прокладке дороги из Тавриза в Трапезунд, а с другой стороны, англичане уже строили дорогу из Ирака к Урмийскому озеру и создавали флотилию на озере. Советские торговые учреждения были сильно обеспокоены этими приготовлениями. Азербайджанская провинция могла стать экономически независимой от советской России, найдя другие пути для вывоза товаров в Европу. С потерей же экономического влияния мы, естественно, рисковали потерять и политическое влияние.

РАБОТА ОГПУ В ТЕГЕРАНЕ

Вернувшись в Тегеран, я узнал, что за время моего отсутствия агент номер десять завербовал шифровальщика при совете министров Персии. Шифровальщик был обозначен номером тридцать три. Это было очень кстати, потому что как раз в это время начались торговые переговоры в Москве между Караханом и персидским послом Али-Гули-ханом. Благодаря услугам шифровальщика совета министров, мы имели, возможность получать все инструкции, посылавшиеся персидским правительством своему представителю в Москве. Мы знали, по каким пунктам Персия готова уступить в крайнем случае, а из ответных телеграмм Али-Гули-хана узнавали его подлинное мнение о различных пунктах проекта.

Эти сведения сослужили колоссальную службу нашему послу в Тегеране, который в беседах с министром двора Теймурташем знал все его карты так хорошо, словно держал их в собственных руках.

Насколько хорошо было поставлено перехватывание шифровальных телеграмм персидского правительства, можно судить по следующему случаю: однажды полпред Давтьян, вернувшись от министра Теймурташа, вызвал меня и сообщил, что ему удалось убедить Теймурташа на некоторые уступки. Теймурташ обещал в тот же день послать соответственные инструкции Али-Гули-хану в Москву. Не будучи уверен, сдержит ли Теймурташ обещание, Давтьян просил достать телеграмму, которую отправит Теймурташ. Полчаса спустя после беседы копия телеграммы была в наших руках. Давтьян убедился, что Теймурташ выполнил обещание.

Вернусь назад, ко времени, когда полпредом в Персии был Юренев. Приехав из Тавриза, я не застал торгпреда Гольдберга. Юренев, находившийся с ним не в ладах, настоял на его отозвании в Москву. Вслед за Гольдбергом начались увольнения его сторонников из хозяйственных учреждений. На место Гольдберга приехал Буду Мдивани, бывший до этого торгпредом в Париже.

Мдивани играл крупную политическую роль на Кавказе, был личным другом Ленина и Сталина, но в 1923 году оказался на стороне Троцкого. Чтобы лишить его возможности вести пропаганду среди кавказских коммунистов, у которых он пользовался большой популярностью, его выслали в Париж на должность торгпреда. В торговых операциях он, ко-

нечно, ничего не смыслил, да и не интересовался ими. К своему назначению сначала в Париж, потом в Персию он относился, как к ссылке.

Вместе с ним приехал на должность советника посольства Гамбаров, бывший председатель совнаркома в Абхазии, хороший партийный работник, но не дипломат. В Тегеране он занимался больше спорами о китайской революции, чем дипломатической работой.

После отъезда Гольдберга склока в Тегеране временно притихла. Однако полпред Юренев был не такой человек, чтобы жить без склоки. Маленького роста, большим умом не блещущий, но хитрый, он ловко лавировал среди подводных камней внутрипартийных споров, знал в совершенстве искусство интриги, широко его применял и в мире разного рода закулисных комбинаций чувствовал себя как рыба в воде. В Персии он поочередно выживал своих подчиненных, предпочитая убрать их прежде, чем они сами затеют против него борьбу.

В Наркоминделе, несмотря на его ловкость и дружбу с Литвиновым, к Юреневу относились все-таки недоброжелательно. Недоброжелательство было вызвано двумя крупными ошибками, допущенными им в дипломатической работе. Во-первых, во время переворота в Тегеране в 1925 году, в результате которого Риза-хан провозгласил себя шахом, Юренев, не зная, какой позиции держаться, выехал на три дня в провинцию и возвратился в Тегеран, когда все было кончено. Вторая ошибка была серьезнее. После ликвидации восстания арабского шейха Хейзала на юге Персии Юренев сообщил в Москву, что шейх сдался персидскому правительству не потому, что был разбит в боях, а потому, что его к этому вынудили англичане. Англичане же, оказав услугу Риза-хану, получили от него обещание бороться по вступлении на персидский престол против советской власти и содействовать распространению английского влияния в Персии. В частности. Риза-хан будто бы обещал пригласить в персидскую армию английских инструкторов, призвать английских советников для управления страной, закупать военное снаряжение в Англии и пр., и пр. Юренев настолько был уверен в существовании такого договора (так называемого Ахвазского соглашения), что поручил резиденту ОГПУ Казасу и военному атташе Бобрищеву достать во что бы то ни стало текст договора.

Бобрищев действительно достал договор, и Юренев послал

его в Москву. Но там вышел конфуз. Договор оказался поддельным. Вместо благодарности Юренев получил нагоняй.

Кстати, о военном атташе Бобрищеве. Человек лет пятидесяти пяти, старый холостяк, полковник царской армии, он был одним из первых офицеров, перешедших на сторону революции. Несмотря на то что он в коммунистическую партию не вступил, Ленин в начале революции предлагал ему принять на себя организацию Красной Армии. До назначения в Персию Бобрищев работал в Финляндии, но там организованная им агентура с треском провалилась. Его перебросили в Персию, но трудно предположить, что он вел здесь серьезную работу.

Он настолько конспирировался, что даже ОГПУ не знало, чем он занимается. Все его секреты, однако, скоро стали нам известны, благодаря тому, что он принял к себе машинисткой жену моего секретного сотрудника Мая. Перепечатывая его бумаги, машинистка снимала лишнюю копию и через мужа передавала нам. По этим материалам мы установили, что Бобрищев завербовал к себе на службу всех шифровальщиков главного штаба Персии, благодаря чему знал не только дислокацию персидской армии, но был в курсе всех изменений в составе армии и ее передвижений. Не успел, однако, Бобрищев наладить работу, как с ним случилось несчастье. Мои сотрудники донесли, что один из агентов Бобрищева болтает в городе о своей работе и отношениях с военным атташе и что о болтовне уже известно персидской полиции. Я предупредил Бобрищева и просил его быть осторожнее. Бобрищев отрицал свою связь с болтуном. Спустя несколько дней персидская полиция арестовала болтливую агента и вместе с ним трех шифровальщиков военного штаба. После суда шифровальщики были расстреляны. Как потом выяснилось, агент связи имел сожительницу, которая из ревности донесла на него и на всех агентов Бобрищева, свидания с которыми он устраивал на ее квартире. После такого провала Юренев предложил военному атташе выехать в Москву. Бобрищев отказывался до тех пор, пока на одном из приемов в военном министерстве персы демонстративно отказались подать ему руку. После такого позора Бобрищеву ничего не оставалось, как уехать. На его место приехал начальник разведывательного отдела кавказской армии Маликов. Бобрищев же был сначала назначен в Грецию, потом назначение отменили и оставили его работать при Разведывательном управлении в Москве.

Работой Коминтерна в Персии ведал генеральный консул в Тегеране Владислав Платт. К этой работе я не имел касательства и только получал от Платта информацию, которую доставляли ему местные члены иранской коммунистической партии. Особенно ему помогал местный коммунист Казнев, служивший в советском торговом учреждении «Шарк». Он имел родственников и друзей среди членов партии «Мусават» и, выпытывая у них сведения, передавал нам. Другим коммунистом, оказывавшим помощь нашей работе, был перс-учитель в советской школе в Тегеране.

Летом 1927 года из Пехлеви, Гилянской провинции, начали поступать сведения о склоке, возникшей там среди советских работников. Виновником недоразумений был Образцов, заведующий рыбными промыслами на персидском побережье.

Старый коммунист Образцов вел такую хищническую эксплуатацию промыслов, что ему позавидовал бы любой капиталист. Не довольствуясь работой на советских промыслах, он начал подкупать чиновников, управлявших персидскими промыслами. Получая взятки, те саботировали ловлю, и промыслы начинали терпеть колоссальные убытки. Тогда вмешивалось тегеранское полпредство и предлагало персидскому правительству передать промыслы в руки Образцова, который-де легко обеспечит их прибыльность. Благодаря такой политике, Образцов захватил в свои руки все персидское побережье Каспийского моря.

Но кроме этой внешней политики, Образцов вел и внутреннюю. Руководителями на промыслах он назначил своих людей, вызванных специально из России. Персидских рабочих, которые должны были по кодексу труда работать 8 часов, он заставлял работать 14 часов и платил мизерное жалование. Большую часть прибыли, получаемой от такой жестокой «экономии», старый коммунист клал в свой личный карман. Все безобразия благополучно сходили ему с рук, так как со всем начальством в Москве, начиная с председателя Высшего совета народного хозяйства Куйбышева и кончая мелкими чиновниками, он поддерживал наилучшие отношения и засыпал их подарками из Персии. По подсчетам резидента ОГПУ в Пехлеви, Образцов отправил высшим должностным лицам в Москву подарков на сумму не меньше 10 тысяч долларов. Не забывал он также и свое тегеранское начальство, систематически подкармливая полпреда и торгпреда икрой и рыбой. Полпред и торгпред, естественно, поддерживали его гнусную политику.

Образцов вдруг почувствовал, что резидентом Ефимовым и консулом Сычевым ведется работа против него. Решив напасть первым, он обратился к Юреневу с просьбой убрать работников ОГПУ и консула, так как они-де мешают ему работать. С той же почтой я получил донесение Ефимова о проделках Образцова, причем к письму были приложены фотографии документов, доказывавшие присвоение Образцовым казенных денег.

Юренев вызвал меня и сообщил о склоке, происходящей в Пехлеви. Он предложил мне откомандировать резидента и заявил, что снимает с должности консула Сычева, так как, по его мнению, необходимо всячески облегчить работу Образцова, так много сделавшего для советской России. Разговор происходил за завтраком, и Юренев, уплетая присланную Образцовым икру, естественно, не мог иначе рассуждать.

Я предложил ему вызвать Образцова и Ефимова в Тегеран для расследования дела. Юренев со мною согласился.

Объяснение происходило с глазу на глаз между Юреневым, мною и Образцовым. Выслушав Образцова, рисовавшего себя чистым, как снег, я молча вынул фотографии его расписок в получении взяток и при нем передал Юреневу. Юренев очень смутился, не знал, как быть, и наконец, повысив голос, предложил Образцову, чтобы «этого больше не было». Инцидент этим был исчерпан. Несмотря на мои неоднократные представления в Москву, ОГПУ не могло настоять на снятии Образцова. Тем временем он, увидев во мне тоже начальство, начал засыпать меня икрой и рыбой.

Воспользовавшись приездом Ефимова, который до того времени подчинялся бакинскому ОГПУ, я написал с его согласия в Баку и добился его перевода в мое непосредственное подчинение.

Ефимов был узкий специалист своего дела. Не вдаваясь в политику и нисколько не разбираясь в политических вопросах, он с увлечением занимался разведкой и контрразведкой. Особенно хорошо он организовал агентуру внутри мусульманской партии «Мусават», представители которой в Гилянской провинции вели революционную работу в советском Азербайджане. Письма представителя мусаватистов Ахунд-заде и доктора Ахундова к своим сторонникам в Баку и в бакинской провинции и их переписка с главарями партии за границей неизменно попадали в руки Ефимова и давали нам подробные сведения о состоянии этой организации.

Не забывал Ефимов также и русскую эмиграцию. Он, завербовал для работы полковника царской армии Джавахова и заставил его связаться с руководителями антибольшевистской организации «Братство Русской Правды». Братство не только приняло Джавахова в члены, но назначило его руководителем антибольшевистской работы в этом районе. Систематически бакинское ОГПУ составляло письма для Джавахова, тот подписывал их и отправлял на имя «Братства», а полученные ответы, за подписью братьев № 1 и № 9, передавал в наше распоряжение.

Бакинское ОГПУ старалось заставить «Братство Русской Правды» связать Джавахова с какой-нибудь иностранной державой, чтобы та оказала ему помощь в поднятии восстания в Азербайджане. «Братство» отвечало, что оно ведет кое с кем переговоры, но пока безуспешно. Ефимов, кроме того, заставлял Джавахова писать членам «Братства», проживавшим в разных городах Персии (например, полковнику Грязнову в Мешехе). Из получавшихся ответов ОГПУ осведомлялось о деятельности «братьев».

Всю агитационную литературу «Братство Русской Правды» направляло на имя Джавахова, а тот передавал ее нам.

Для того чтобы Джавахов мог лучше вести работу, ОГПУ отпустило ему средства на открытие гостиницы в Реште. В этой гостинице он предоставлял помещение для собраний русских эмигрантов и мусаватистов. Дела и планы этих организаций были видны нам как на ладони.

Секретный агент Ефимова в Реште состоял шифровальщиком при штабе Северной бригады Персии и адъютантом командующего бригадой. От него мы получали тексты всех телеграмм, циркулировавших между командующим бригадой и главным штабом в Тегеране.

Выслушав доклад Ефимова, я пришел к заключению, что Джавахова можно использовать более рационально, и предложил Ефимову командировать его в Тегеран. Я хотел связать его с английским посольством и таким образом получить некоторые данные о работе англичан на Кавказе.

Через неделю Джавахов приехал в Тегеран, связался с местной русской эмиграцией, принявшей его с большим почетом, как закаленного борца против большевиков. Он сделал доклад о положении в Гилянской провинции, а местные руководители «Братства» в свою очередь сделали ему доклад о состоянии организации. В ту же ночь Джавахов передал эти сведения мне.

Насколько хорошо был принят Джавахов русской эмиграцией в Тегеране, настолько же плохо кончилась его попытка связаться с англичанами.

Английский военный атташе Фрезер отказался принять его до наведения о нем справок. Впоследствии из перехваченного донесения английского консула в Реште на имя посла в Тегеране мы узнали, что англичане считают Джавахова большевистским агентом. Попытки подослать Джавахова к англичанам пришлось прекратить. Но Джавахов, насколько знаю, до сих пор служит ОГПУ в Персии, пользуясь полным доверием мусаватистов и русской эмиграции. За свою работу он вначале получал 80 долларов в месяц. За проявленное усердие и успехи жалование затем было повышено до 150 долларов в месяц.

Мною было приказано Ефимову найти возможность получать переписку английского и турецкого консулов в Реште и были указаны пути, какими он может этого достичь. Наконец, он должен был также освещать политическую и экономическую жизнь Гилянской провинции и настроения местных жителей. По нашим сведениям, население было недовольно властями и готовилось к революционным выступлениям.

СЕКРЕТНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИНОСТРАННЫХ МИССИЙ

В Тегеране разыгралась новая склока. Участниками ее с одной стороны были тот же полпред Юрнев, а с другой — советник посольства Гамбаров, первый секретарь Славуцкий и генеральный консул Платт. Спор разгорелся из-за китайской революции. На собрании ячейки Юрнев выступил с речью о политике Центрального Комитета партии и Коминтерна в китайском вопросе. Отход Фэн Юйсяна от советской России и Чан Кайши от Гоминьдана знаменовал, по его мнению, полный провал нашей политики в Китае и стоил СССР громадных денег, так как вся фэнюйсяновская экспедиция была снаряжена на советские деньги. Гамбаров резко обвинил Юрнева в пораженчестве, в троцкизме и в других смертных грехах. Его поддержали Славуцкий и Платт. Аудитория молчала. На следующий день после собрания началась открытая война. Оба лагеря лихорадочно вербовали сторонников. Юрнев, воспользовавшись тем, что персидское правительство разрешило открыть советское консульство в Сеистане, предложил

Платту поехать туда. Цель была двойная: избавиться от противника и насолить ему понижением по службе. В Москву полетели доносы. Наркоминдел отозвал Гамбарова, а через некоторое время уехал и Юренев.

Торгпред Мдивани, по убеждению троцкист, открытого участия в борьбе не принимал, подзуживая стороны из-за кулис и ухмыляясь в кулак, глядя, как дерутся между собой «ортодоксальные марксисты».

На место Платта генеральным консулом в Тегеран приехал Байман, бывший заместитель управления Наркоминдела. У нас с ним сразу установился тесный контакт. Насколько Платт старался держаться в стороне от нас, настолько Байман старался согласовать с ОГПУ каждое дело. Генеральное консульство в Тегеране превратилось фактически в отдел ОГПУ. Вся работа консульства проходила под нашим контролем и по нашим заданиям. Лица, желавшие выехать в СССР, заполняли анкеты в консульстве, но виза им выдавалась только тогда, когда мы, проверив анкету, не встречали возражений. Восстановление в советском гражданстве также предварительно разрешалось ОГПУ. Ничего исключительного в этом не было. Такой порядок существует во всех советских консульствах за границей.

Среди многочисленных посетителей консул и секретарь высматривали полезных и ценных для ОГПУ людей, знакомили нас под тем или другим предлогом или просто сами вербовали их для службы на нас.

Как я уже упоминал, связь с местной коммунистической организацией поддерживало консульство. Однажды консул Байман пришел ко мне и сообщил, что в Тегеран приехал специальный представитель Коминтерна для связи с персидскими коммунистами и руководства революционной работой Персии. Этот представитель привез письма из Москвы с просьбой к полпреду и консулу оказывать ему содействие и помощь в работе и просил познакомить его со мной, чтобы я помог ему на первых порах ориентироваться.

Наша встреча произошла на другой день в помещении консульства. Это было в августе 1927 года. Представителем Коминтерна оказался молодой человек, лет тридцати, татарин по национальности. В Тегеран он приехал под видом члена научного общества и остановился на частной квартире в городе. Он уже успел познакомиться с руководителями коммунистической партии и нашел всю организацию в хаотическом состоянии. Нужно было полностью реорганизовать ее: пусть

она малочисленна, зато вполне надежна. По его сведениям, партия была наполнена агентами персидской полиции. Моя помощь должна была заключаться в том, чтобы устанавливать провокаторов, обличать их и очищать от них партию. Кроме того, я должен был указать надежных людей в других провинциях Персии, которым можно было бы поручить организацию коммунистических ячеек. Коминтерн особенно интересовался районом Абдана, где находятся промыслы и заводы англо-персидской нефтяной компании и где сконцентрировано около десяти тысяч рабочих. Взамен этого мне был обещан информационный материал, который представитель Коминтерна будет получать от персидских коммунистов, и разрешалось использовать любого из членов иранской коммунистической партии для работы в ОГПУ, если в этом возникнет надобность.

Наконец, представитель Коминтерна желал ознакомиться с положением местной армянской рабочей партии и вообще с жизнью армянской колонии.

Дело в том, что, как я упоминал выше, мой агент Орбельян был одновременно одним из лидеров армянской рабочей партии. Через него ОГПУ фактически руководило этой группой. Благодаря его влиянию, группа послала заявление в Коминтерн с просьбой переименовать ее в коммунистическую партию и слить с персидской коммунистической партией, являющейся секцией Коминтерна. Тот принял просьбу, но прежде чем решить, просил своего представителя на месте выяснить социальный состав и политическое лицо группы. Я обещал сделать все, что в моих силах. Связью между нами должен был служить генеральный консул Байман.

Армянская рабочая партия, однако, вызывала в Москве второстепенный интерес. Гораздо больше внимания привлекала к себе армянская партия «Дашнакцутюн». Я в свое время говорил, что вся переписка руководителей партии нами перехватывалась. Москва считала это недостаточным. По мнению Москвы, члены партии были слишком решительными людьми и могли не только начать индивидуальный террор против советских вождей, но в случае военного столкновения СССР с иностранными державами могли, благодаря своей численности, организованности и хорошей связи, послужить серьезным орудием в руках противника на Кавказском фронте. Чтобы предотвратить такую возможность, ОГПУ получило задание разложить партию «Дашнакцутюн», отколоть низы от верхов

и перетянуть их на советскую сторону. Для выполнения этого плана мы завербовали в Тегеране одного из старых членов партии, доктора Газарьяна, бывшего долгое время членом ЦК, уговорили его издавать газету на армянском языке. Доктор развивал в газете идею поддержки советской Армении, разлагал своими статьями партию дашнаков и отрывал от нее рядовых членов. Его бывшее положение в партии и личный авторитет способствовали тому, что многие рядовые члены партии дашнаков последовали его примеру и начали переходить на сторону советской власти.

Газарьян издавал свою газету «Гахапар» в течение двух лет. За эту работу он был принят врачом в советскую больницу, а дочь его была пристроена в одно из советских хозяйственных учреждений. Кроме того, за редактирование газеты ему платили 100 долларов в месяц.

Газета рассылалась в агитационных целях даром и приносила ежемесячно дефицит в 300 долларов, поэтому было решено в конце 1927 года ее закрыть, тем более что к этому времени авторитет Газарьяна в партии упал до нуля.

Для обработки общественного мнения армян служил также Комитет помощи Армении (Хок). Эта организация возникла после землетрясения в советской Армении. Целью ее была организация материальной помощи пострадавшим, но постепенно деятельность ее перешла на политическую почву: развитие идеи поддержки советской Армении среди армянского населения за границей. Председателем комитета в Персии был избран Каро Минасян, личный врач шейха Хейзала, или шейха из Мухаммеры, как называют его англичане в официальной переписке. Каро Минасян, руководя комитетом по нашим указаниям, давал им также сведения о шейхе Хейзале.

После поражения и сдачи на милость персидского правительства шейх Хейзал с одним из сыновей был водворен на жительство в Тегеране и находился под постоянным наблюдением персидской полиции. Его имущество на персидской территории было конфисковано и владения разграблены. Из перехваченных докладов английского посланника в Тегеране Клайна и его предшественника, поверенного в делах Николсона, мы знали, что шейх Хейзал обращался с протестами к персидскому правительству и копии протестов направлял в английскую миссию с просьбой помочь ему вернуть имущество. Английский посланник, пересылая эти просьбы в Лондон, просил поддержать их перед персидским правительством, но хлопоты его остались безрезультатными. Каро Минасян

сообщал, что Хейзал страдает глазной болезнью и просится в Германию для лечения, однако персидское правительство не разрешает ему выехать, боясь, что он вновь появится в районе Хузистана и поднимет восстание.

Пока шла работа по разложению армянской эмиграции, я поручил агенту № 10 изучить пути следования секретной корреспонденции иностранных миссий в Тегеране и наиболее важных персидских министерств, главным образом министерства иностранных дел и военного министерства. Изучение путей и подготовка к добыче документов продолжалась четыре месяца. Наконец, в сентябре 1927 года вопрос был разрешен. Первой почтой, которую он перехватил, была турецкая почта. Для советского правительства это было очень кстати. В то время курдский вопрос настолько осложнился, что мы ожидали разрыва дипломатических отношений между Турцией и Персией. Почта заключала в себе донесения турецкого военного атташе с подробными сведениями о событиях в Курдистане. На основании этого доклада и сведений, почерпнутых из переписки дашнаков, перехваченной нами в Тавризе, Наркоминдел ознакомился с действительным положением на турецко-персидской границе и выступил мирным посредником между двумя странами, ссора которых была в то время не в интересах советского правительства.

Постепенно мы начали перехватывать и документы остальных иностранных миссий. Наиболее интересными, конечно, были доклады английских консулов в Персии посланнику в Тегеране. Консулы аккуратно и систематически доносили раз в две недели, а то и каждую неделю о политическом и экономическом положении своего района. Их доклады ценились нами гораздо больше, чем доклады наших собственных консулов, так как были достовернее и добросовестнее составлены. Английские консулы в Исфагани, Ширазе и Кермане подробно писали о настроениях населения, возбужденного декретом о «шапках Пехлеви». Из донесений консулов в Кермане и в Мешедде мы узнавали о подробностях борьбы между персидским правительством и вождем белуджей Дост-Магометханом. Ширазский консул Чик подробно освещал экономическое положение своего района, в частности нефтяной рынок. Об английской нефти мы получали также сведения из донесений английского консула в Авхазе. О движении курдов подробно сообщали донесения английских консулов в Тавризе

и Керманшахе. Таким образом, помимо донесений от собственных агентов, которых мы имели приблизительно в тех же районах, мы получали все сведения, которыми располагало английское посольство в Тегеране, и ими контролировали работу наших агентов.

Вторыми по интересу шли доклады бельгийского посланника в Тегеране. Это был, видимо, очень усидчивый и трудолюбивый работник, подробно передававший в Брюссель обо всем, что он видел и слышал. Судя по его письмам, он был в прекрасных отношениях с французским посланником, осведомлялся у него по разным вопросам и полученные сведения аккуратно сообщал в Брюссель. Его работа носила исключительно дипломатический характер. Советский посол Давтян, читая его доклады, пополнял свои знания и всегда с нетерпением ожидал их, проходя при их помощи «курс дипломатического самообразования». Доклады других миссий — французской, голландской, чехословацкой, японской, американской, польской и немецкой — были менее интересны. Немцы в отправке почты были осторожнее всех. Они вкладывали запечатанные пакеты в металлическую трубку со специальным замком, затем упаковывали трубку в бумагу и запечатывали. Однако это их мало спасало...

Также аккуратно поступала в наши руки почта персидского правительства. В первую очередь нас интересовала, конечно, почта министерства иностранных дел. Нужно сказать, впрочем, в ней мы редко находили что-нибудь ценное. Персидское правительство ограничивалось отправкой своим посланникам очередных циркуляров и всевозможных финансовых отчетов. Лишь последнее время начали посылаться информационные бюллетени, но и они особого интереса не представляли, так как все, что в них сообщалось, мы узнавали раньше. Интересной для нас была только переписка персидского министерства иностранных дел с персидским представителем в Ираке. Дело в том, что до 1927 года дипломатических сношений между Персией и Ираком не существовало и только после упорных настояний со стороны Ирака персидское правительство послало в Багдад уполномоченного для ведения переговоров. О ходе переговоров ОГПУ узнавало из шифрованных телеграмм, доставлявшихся нам агентом № 33, шифровальщиком при совете министров. Доклады персидского представителя полны были ценными сведениями о шиитах и сунитах в Ираке, о курдах, об айсоргах и т. д.

Почта военного министерства представляла чисто военный

характер. ОГПУ аккуратно фотографировало ежемесячные сводки о состоянии армии, о снаряжении, о комплектовании и пр., и пр.

Более полной информации о персидских делах нельзя было желать. Стоило это сравнительно дешево (мы платили по одному и два доллара за каждый перехваченный и доставленный резиденту пакет), а устроено все было в высшей степени просто.

Дипломатическими курьерами иностранные миссии в Персии почти не пользуются. Отправкой и доставкой дипломатической корреспонденции ведает персидская государственная почта. Каждый вечер видный почтовый чиновник министерства доставлял нам сданные ему для отправки или прибывшие в Персию пакеты. Мы вскрывали их, фотографировали документы, запечатывали и утром возвращали на почту. Пакеты следовали дальше по назначению, ни в ком не вызывая подозрения. Помню, как-то германский посланник Шуленбург, встретив полпреда Давтьяна на рауте, жаловался ему на дороговизну персидской почты. Давтьян отнесся к его жалобам с вполне понятным сочувствием: всего несколько часов назад он читал доставленную мною копию доклада Шуленбурга на Вильгельмштрассе.

Чиновник министерства, любезно доставлявший нам чужую почту, иногда за одну ночь зарабатывал до пятидесяти долларов.

Агент номер десять за организацию этой работы, помимо жалованья, получил единовременно две тысячи долларов.

Вследствие увеличения работы, мне прислали из Москвы в помощь Маркарьяна, сотрудника ОГПУ. В Тегеране он занял официальную должность делопроизводителя полпредства. Вместе с собой он привез специальную машинистку из ОГПУ.

ПЕРЕМЕНЫ В ПОЛПРЕДСТВЕ

Когда Юренев и Гамбаров уехали, поверенным в делах остался первый секретарь посольства Славуцкий, очень талантливый молодой человек. Он прослужил в Персии около пяти лет, знал язык и обычаи страны и к тому же хорошо говорил по-французски. В Персии у него было много друзей, особенно среди депутатов парламента и журналистов, которых он широко оплачивал из сумм посольства за помещение в газетах благоприятных для СССР статей.

Особенно старался редактор тегеранской газеты «Шефагэ Сурх» Фарухи, всецело находившийся на иждивении советского посольства. Во время советско-персидских переговоров он ежедневно по заказу писал статьи о взаимной выгодности торгового соглашения. Затем он совершил поездку в Москву и, вернувшись, начал ежедневно помещать статьи о виденном им в СССР под заголовком «Из Тегерана в Москву». Статьи длились до тех пор, пока Риза-шах на одном из приемов журналистов не обратился к Фарухи с фразой: «Довольно, Фарухи, писать о Москве, ведь я знаю, ты давно доехал до нее». Со следующего дня статьи о путешествии Фарухи прекратились.

Работа по подкупу печати велась исключительно полпредством. Представители ОГПУ в эту отрасль не вмешивались. Славущий пробыл поверенным в делах два месяца. Затем из Москвы приехал новый посол Давтян и новый советник Логановский. Давтян в 1922 году был начальником иностранного отдела ОГПУ и оттуда перешел на работу в Наркоминдел. Поддерживает его и толкает по службе Карахан. До приезда в Персию он был советником посольства в Париже и в Персии впервые попал на самостоятельную роль. Это аккуратный, трудолюбивый чиновник, боящийся проявить в чем-либо инициативу, запрашивающий по самым незначительным вопросам разрешения Москвы.

Логановский был до 1925 года помощником Трилиссера в иностранном отделе ОГПУ, а затем также перешел в Наркоминдел. В противовес Давтяну это был решительный и властолюбивый человек, добившийся к тридцати двум годам двух орденов Красного Знамени и поста советника посольства. По национальности поляк, очень хитрый, скрытный и выдержанный, он представлял настоящий тип чекиста.

Вслед за приездом нового посла я начал готовиться к отъезду в район Керманшаха. Поездкой в Керманшах нужно было разрешить следующие три задачи:

1) Организовать работу ОГПУ в Керманшахском районе. Район населен курдскими племенами, которые систематически восстают против персидского правительства. Нас интересовали причины волнений и возможность использовать их в наших интересах.

2) Организовать агентуру в Ираке. По поступившим к нам сведениям, англичане устроили на территории Ирака авиационную и техническую базу, которая могла угрожать Кавказу в случае столкновения с СССР. В особенности ОГПУ беспокоилось за бакинские нефтяные промыслы, которые могли

быть разорены воздушным налетом. Военным атташе в Тегеране было вычислено, что для полета из Багдада в Баку и обратно нужно семь часов, что является сущим пустяком при нынешней технике. Надо было выяснить силы англичан в этом районе и их намерения. Кроме того, желательно было связаться с арабскими племенами в Ираке и подготовить почву для возможного их использования в случае столкновения с Англией.

3) Наконец, нас интересовала разработка англичанами ханикенских нефтяных промыслов. Расположенные у самой границы они представляли угрозу конкуренции с бакинской нефтью на персидском рынке.

Со мной поехал заместитель представителя Нефтесиндиката Вагнер, чтобы придать поездке торговый характер. Мой единоличный приезд в этот район мог вызвать подозрения у персидской администрации.

Советским консулом в Керманшахе был Лозоватский, тот самый начальник особого отдела, который принимал у меня дела ОГПУ в Бухаре в 1922 году, а его секретарем некто Алхазов, также туркестанский работник (настоящая фамилия его Аллахвадов). В 1922 году он работал в особом отделе на Памире, затем переехал в Ташкент, служил в информационном отделе ОГПУ и был командирован оттуда в Академию восточных языков в Москву. По окончании академии ОГПУ командировало его на службу в Наркоминдел. Должность секретаря консульства в Керманшахе была его первым шагом на дипломатическом поприще. Таким образом, оба дипломата в Керманшахе оказались бывшими сотрудниками ОГПУ. Мне не трудно было с ними сговориться. Ведение технической работы я поручил Алхазову, а общее руководство Лозоватскому. Оба должны были организовать агентуру в Керманшахском районе и попытаться протянуть сеть до Багдада.

Не прошло месяца, как сказались результаты работы Лозоватского и Алхазова. Они завербовали керманшахского купца, связанного торговлей с Багдадом. Разъезжая между этими двумя пунктами, купец доставлял собранные сведения и намечал для вербовки агентов в Багдаде. В курдском районе Алхазову удалось связаться в городе Сенне с влиятельным курдским шейхом Низаметдином, который подробно осведомлял нас о деятельности курдских племен этого района, связи их с курдами в Ираке и с курдским комитетом. Наконец, они же организовали агентуру в районе Луристана, где в то время происходило восстание против персидского правительства в

связи с проведением шоссейной дороги от Авхаза на Тегеран. Восставшие луры пользовались помощью правителя Пуштекуха, территория которого граничила с Ираком. Имелись предположения, что восстание поддерживается иракским правительством, то есть англичанами, с целью оказать давление на персидское правительство, так как в то время шли переговоры об англо-персидском договоре.

Вернувшись в Тегеран, я получил еще одну возможность организовать агентуру в Ираке. С советского Кавказа приехали персидские консулы в Эривани и Нахичевани. Одновременно с их приездом я получил телеграмму от Тифлисского ОГПУ с извещением, что эти лица, будучи персидскими консулами в СССР, находились с ними в связи и снова предлагали свои услуги по возвращении на родину. Для связи с ними Тифлис сообщал пароль и явки.

Установив связь с персидскими консулами, я предложил им добиваться в министерстве иностранных дел назначения в Ирак или в Индию. Оба выполнили данное поручение. Эриванский консул получил назначение персидским консулом в Мосул, а нахичеванский — в Ханекен. Обоим перед выездом к месту назначения мною были даны инструкции. Свои донесения они должны были пересылать через персидского дипломатического курьера. Таким образом, участие ОГПУ в разведывательной работе в зоне английского влияния было скрыто. В случае провала англичане должны были думать, что работа велась для персов.

Консулам было выдано жалованье за три месяца вперед, по 150 долларов в месяц, и на расходы по 50 долларов в месяц.

Ханекенский консул работал лучше мосскульского; он систематически сообщал о движении работ на промыслах «Ханикен Ойл Компани».

В середине 1927 года, после обысков, произведенных китайской полицией в советских консульствах в Шанхае и Кантоне, пришла циркулярная телеграмма для полпредства, торгпредства, Разведупра и ОГПУ с предписанием просмотреть все архивы этих учреждений и уничтожить документы, которые могли бы компрометировать работу советской власти за границей. Полпредство и торгпредство немедленно приступили к разбору архивов. Отобрали колоссальные кипы бумаг, подлежащих сожжению. Целую неделю эти бумаги жгли во дворе полпредства. Пламя поднималось так высоко, что го-

родское управление, думая, уж не пожар ли в советском полпредстве, хотело прислать пожарных.

Мы получили более строгое распоряжение. Москва предписывала уничтожить вообще весь архив и впредь сохранять переписку только за последний месяц, но и ее предлагалось хранить в таком виде и в таких условиях, чтобы, в случае налета на посольство, можно было немедленно уничтожить весь компрометирующий материал. По этой спешке можно было заключить, насколько велика была паника в Москве. Ждали нападения и обыска в посольстве даже в такой стране, как Персия, которая, в общем, дружелюбно относилась к советской России. Нападения ожидали каждый день. На мое предложение отправить архивы в Москву Москва ответила категорическим приказом немедленно сжечь все, что имеется...

Жгли бумаги торгпредство и другие советские хозяйственные учреждения. Интересный способ разбора и уничтожения секретных бумаг изобрел бывший председатель Нефтесиндиката в Тегеране Ланцов. Это был отменный пьяница, напивавшийся до безобразия. Старый член партии и рабочий, кроме всего прочего, был нечист на руку и, как потом оказалось, ухитрялся получать два жалованья в месяц, не говоря о других художествах. В это время в Тегеране же находился член правления Нефтесиндиката из Баку, он же член ВЦИКа. Оба молодца решили совместно разбирать бумаги Нефтесиндиката и уничтожить все, могущее компрометировать советское правительство. Прежде чем приступить к делу, они решили подкрепиться коньяком. Часа через два после начала разборки архивов сотрудники Нефтесиндиката, привлеченные возней и собачьим лаем в кабинете директора, вбежали туда и остановились на пороге как вкопанные, пораженные невероятным зрелищем: на полу лежали разбросанные дела и пустые бутылки. Ланцов с Ларионовым ползали по полу на четвереньках, вырывали зубами бумаги из дел и лаяли друг на друга. Сперва все были удивлены, а потом недоразумение разъяснилось просто. Начальство, напившись, играло в собачки...

Через некоторое время Ланцов был отозван в Баку и назначен членом Центральной контрольной комиссии Закавказской парторганизации. Он охраняет теперь партию от разложения.

Вслед за первым циркуляром из Москвы пришел второй. Сотрудникам полпредства и консульств категорически запре-

шалось вступать в какие-либо сношения с членами местных коммунистических партий. Мне пришлось прекратить встречи с представителем Коминтерна, начавшим налаживать кое-какие связи в Тегеране и пытавшимся перебросить работу в другие провинции. Прекратив личную связь, я все же поддерживал с ним отношения через агента № 3 и находился в курсе его деятельности.

Вскоре состоялся нелегальный съезд коммунистических партий Персии и Турции. Съезд собрался в городе Урмии на персидской территории. По окончании его представитель Коминтерна уехал в Москву, а его место занял секретарь иранской коммунистической партии Гасанов, ездивший затем представителем иранских коммунистов на IX пленум Коминтерна. Из Москвы он вернулся окончательно утвержденный в должности эмиссара III Интернационала. Мы относились к Гасанову недоверчиво, так как имели серьезные основания подозревать его в связи с персидской полицией. После его назначения я прервал отношения с членами иранской коммунистической партии.

Полпред Давтян, получив циркуляр о прекращении связи с местными коммунистами, до смерти перепугался и велел не впускать на порог полпредства ни одного персидского коммуниста.

В своем паническом рвении он до того перестарался, что, когда в день годовщины революции 7 ноября 1927 года в посольство явилась делегация от персидских рабочих-печатников с поздравлением, испуганный Давтян вызвал меня и предложил немедленно выпроводить делегацию за ворота, чтобы она не могла «компрометировать его перед другими гостями», представителями буржуазного и капиталистического мира, собравшимися в тот день в полпредстве.

Бывали, впрочем, случаи, когда Давтян превозмогал страх и шел на риск. Помню, в январе 1928 года Гасанов, секретарь иранской коммунистической партии, только что утвержденный председателем III Интернационала в Персии, вернулся в Тегеран. Давтян два раза принял его в полпредстве у себя в кабинете. Правда, встречи проходили поздно ночью, когда весь город спал. Гасанов входил в полпредство не через главные ворота, а через боковую калитку, находившуюся при моей квартире и ключ от которой был только у меня...

Вместе с Давтяном из Москвы были присланы, или, вернее, высланы, несколько коммунистов-оппозиционеров, сочувствовавших Троцкому. Их разместили на должности в раз-

ных советских хозяйственных учреждениях. Оппозиционная группа, возглавлявшаяся торгпредом Мдивани, усилилась и начала оживленно вербовать сторонников среди советских служащих. Я получил распоряжение из Москвы установить наблюдение за коммунистами-оппозиционерами и принять меры к пресечению их деятельности. Для этого мне предписывалось войти в связь с секретарем коммунистической ячейки Цейтлиным, присланным на эту должность специально из Центрального Комитета партии. Цейтлин был мелким чиновником, малокультурным и необразованным, хваставшимся при каждом удобном и неудобном случае тем, что он когда-то месяца два был маляром, а потому принадлежит к подлинному пролетариату, на самом же деле был шкурником, карьеристом и выдвинулся в секретари ячейки исключительно благодаря хорошо подвешенному языку и умению во всем соглашаться с линией Центрального Комитета. Цейтлин каждые три-четыре месяца ездил в Москву, то по болезни, то для доклада, причем из Тегерана всегда выезжал с несколькими наполненными доверху чемоданами, прекрасно одетый, а возвращался обратно в старой пролетарской форме. Советским гражданам не разрешалось провозить в СССР много зарубежных вещей. Цейтлин, присланный в Тегеран для наблюдения за чистотой нравов, находил, однако, способы ладить с таможей.

У советского читателя тип Цейтлина едва ли вызовет особое отвращение. Таких людей, как он, в российском аппарате коммунистической партии не менее 90 процентов. Это результаты партийной политики за последние годы. Аппаратом управляет сейчас Сталин и через него давит и сокрушает всякую свободную мысль, в чьей бы голове она ни появилась. Это не новость. Верную характеристику партийного аппарата, превратившегося окончательно в скопище партийных чиновников, дал Троцкий уже в 1923 году. Цейтлин был типичным представителем этого обнаглевшего, безыдейного партийного чиновничества.

Пришлось связаться с ним для наблюдения и охранения чистоты партийной доктрины от ереси.

Из этой связи ничего не вышло. Цейтлин понял наше сотрудничество иначе. Он пожелал использовать нашу агентуру не в целях выявления идеологических уклонов, но вообще для слежки за частной жизнью членов партии. Я следовать за ним отказался. После первой его попытки в этом направлении я ему напомнил о его собственном поведении, и между нами мгновенно произошел разрыв. Сотрудничество прекратилось.

Первое время после приезда полпреда и советника все было мирно в посольстве. Но первый секретарь Славуцкий, оставшийся поверенным в делах и надеявшийся получить должность советника, не мог стерпеть обиды и начал войну против советника Логановского. Снова возникла склока. К Логановскому присоединился Цейтлин. Славуцкий для укрепления позиций сошелся с торгпредом Мдивани. Через месяц вся партийная ячейка разделилась на два лагеря. Из личных отношений выросли политические. Бедный Славуцкий, хороший чиновник, не имевший не только оппозиционной, но и вообще никакой идеологии, оказался зачисленным в «троцкисты».

Как раз в это время началась дискуссия перед XV партийным съездом. На спорах выступали обе группы, сталинцы и оппозиционеры, и в результате ячейка постановила... исключить из партии Мдивани, торгпреда СССР в Персии, вместе со всеми его единомышленниками. Я отправил доклад в ОГПУ с предложением немедленно отозвать Мдивани. Две недели спустя Мдивани был вызван в Москву и отстранен от должности.

Для того чтобы разобраться в деятельности Мдивани, необходимо осветить фигуру и деятельность некоего Хоштария.

Хоштария, довольно крепкий старик, во время царизма приехал в Персию, добился расположения местных властей и приобрел несколько фирманов (право собственности) на семнанскую нефть в Персии, на леса в Мазандаране (Северная Персия) и на Пиробазарскую железную дорогу. В 1921 году Хоштария сумел войти в дружбу с Пятаковым. Через него он связался с другими советскими деятелями и с 1924 года стал незаменимым человеком для советского посольства в Тегеране и непременно советником по финансовым и торговым вопросам. Сделавшись акционером советского банка в Персии, он через некоторое время стал фактическим его хозяином. Заработал он на этом громадную сумму денег. Прикарманив банк, он предложил продать советскому правительству свои права на семнанскую нефть. Советское правительство купило их, но когда приступило к разведывательным работам, то оказалось, что права Хоштария на нефтяные участки весьма спорны. Для укрепления их через Хоштария советское правительство посылало взятки всем персидским министрам, в том числе и министру двора

Теймурташу. Сомневаюсь, чтобы министры видели эти деньги: как и все прочее, эти деньги прочно прилипали к карманам Хоштария. Тем временем Хоштария пытался продать советскому правительству свои лесные участки с лесопильным заводом и в доказательство представлял фотографический снимок завода на полном ходу. Комиссия, выехавшая на осмотр леса, несмотря на тщательные розыски, завода не могла обнаружить. Как потом выяснилось, Хоштария велел поставить в лесу трубу, под нею развести костер и, когда дым валил клубом, состряпал фотографию «лесопильного завода».

Советское правительство очень интересовалось семнанской нефтью. Мы стремились закрепить за собой этот участок и не дать возможности проникнуть туда англо-персидской нефтяной компании. Но, вложивши в это дело несколько миллионов рублей для расплаты с Хоштария и через его чиновника с персидским правительством, Москва не могла производить дальнейшие работы по изысканию и эксплуатации нефти, за неимением капиталов.

Для продолжения этого дела решено было привлечь иностранный капитал. Начались переговоры в Париже с французскими финансовыми кругами и с персидским правительством в Тегеране о распределении акций. Советское правительство желало иметь в руках контрольный пакет. Это никак не выходило, ибо не оставалось акций для переуступки французским финансистам. Единственным выходом было отобрать акции, находившиеся в распоряжении Хоштария. Он их дешево не уступал, жестоко торговался и делал намеки, что в случае отказа советского правительства у него все готово для продажи акций англичанам и французам.

Неприятное положение осложнилось тем, что до 1928 года Хоштария являлся акционером советского банка в Тегеране. По распоряжению из Москвы мы должны были выжить его из банка. Но отношения между Хоштария и советскими учредителями были настолько сложны, что в них никто не мог разобраться. Да и как разобраться. Фактически компанию против него должен был проводить торгпред Мдивани. Но Мдивани не мог этого сделать, так как в прошлом был на службе у Хоштария и пользовался его помощью, ныне же, став торгпредом, считал долгом отплачивать ему за прежнее добро добром советским. Вместо того чтобы бороться с аппетитами акулы, он всячески защищал друга и добивался для него новых денежных субсидий. К концу 1927 года, по под-

счетах советского банка, Хоштария получил от советского правительства около двух с половиной миллионов рублей, взамен которых ничего Советам не дал. Помню, Мдивани расхваливал передо мной Хоштария, рисуя «колоссальные возможности», которые нам сулит дружба с Хоштария. Я предложил Мдивани завербовать Хоштария и, в случае полезных услуг, обещал помочь Хоштария в некоторых его финансовых операциях.

Встретились мы с Хоштария на квартире Мдивани и беседовали около двух часов. К чести его, он отказался работать для ОГПУ, ссылаясь на то, что он «слишком крупная фигура» в персидском обществе и деловом мире.

Советское посольство в Тегеране, учитывая убытки, причиненные Хоштария, и возможность нового вреда, решило каким-нибудь путем заманить его в СССР. Пользуясь тем, что Хоштария советский гражданин, Москва, конечно, не выпустила бы его обратно и расправилась с ним. Подготовка началась исподволь. Старика уговаривали ехать в Москву для окончательного разрешения поднятых им же самим вопросов, но он, подозревая неладное, а может быть предупрежденный торгпредом Мдивани, не торопился. После же того как Мдивани был отозван, Хоштария вообще отказался ехать в СССР и, ссылаясь на болезнь, уехал в Париж, тщательно минуя советскую территорию.

После отъезда Мдивани линия Центрального Комитета партии, или, вернее, линия Цейтлина, восторжествовала в Тегеране. Начался дикий разгул. Все, кто по тем или иным причинам имел личные нелады с Цейтлиным, обвинялись в сочувствии троцкизму и выслались в СССР. Такое положение продолжалось до конца 1928 года, когда наконец сам Цейтлин зарвался окончательно и, устроив несколько попоек, выявил в пьяном виде свое подлинное лицо. Центральный Комитет партии вынужден был отозвать Цейтлина, боясь, что дальнейшее его пребывание в Тегеране скомпрометирует партию.

БЕГСТВО СЕКРЕТАРЯ СТАЛИНА

В начале января 1928 года я собирался объехать районы Южной Персии и лично проверить работу агентов, когда внезапно пришла телеграмма о том, что из советского Туркестана бежали в Персию два крупных коммуниста — Бажанов и Максимов.

3 января об этом уже сообщили персидские газеты. Бажа-

нов работал в Москве в секретариате Сталина, но был откомандирован в Ашхабад в Туркестане за сочувствие оппозиции, там он занимал должность управляющего делами Центрального Комитета партии Туркменистана и мог при бегстве захватить важные документы. Предлагалось обнаружить его местопребывание и немедленно сообщить в Москву.

Через несколько дней я получил телеграмму от резидента Лагорского с извещением, что Бажанов и Максимов появились в Мешед. Я немедленно телеграфировал в Москву. В ответ пришел приказ: ликвидировать Бажанова, служившего в секретариате Сталина и знавшего секретные сведения о деятельности Политбюро. Так как резидент в Мешеде бездействует, то мне предлагалось немедленно выехать и лично в кратчайший срок организовать убийство Бажанова, пока он не успел никому разгласить служебных тайн. С такой же просьбой обратился ко мне полномочный представитель ОГПУ в Туркестане Вольский, которого особенно волновало то, что побег Бажанова был совершен с подведомственной ему территории.

Получив обе телеграммы, я решил посоветоваться с полпредом Давтяном. На следующее утро я сидел в кабинете посла. На совещание, как старый чекист, был приглашен также советник Логановский. По линии Наркоминдела также поступила телеграмма добиться во что бы то ни стало уничтожения Бажанова. Это был чуть ли не первый случай, когда Наркоминдел выступал согласованно с ОГПУ. Тогда это меня сильно удивило. Потом же я узнал, что приказ убить Бажанова был дан по всем линиям самим Сталиным.

— Так как же вы думаете провести эту операцию? — спросил меня Давтян.

— Я сейчас затрудняюсь сказать что-либо конкретное. Вот поеду посмотрю, какова там обстановка, а там уже видно будет, что делать. Во всяком случае, при наших связях в Мешед я не думаю, чтобы было трудно ликвидировать одного человека, — ответил я.

— А я бы предложил не ездить вам в Мешед, а ждать, когда их будут везти в Тегеран, и прикончить их в пути, или же, в крайнем случае, здесь, — предложил Логановский.

— Что же можно с ними сделать в пути, раз они будут ехать под конвоем? — спросил я.

— Как что? Можно, установив точно время их проезда через какой-нибудь удобный пункт, привязать к дереву тонкий стальной канат. Я вам ручаюсь, что при скорости авто-

мобиля в сорок—пятьдесят километров такой канат, как бривта, срежет головы всем пассажирам в автомобиле, — ответил Логановский.

— А по-моему, этот путь очень проблематичный. Нужно точно установить время и место проезда, да вдруг еще на удобном месте не окажется нужного дерева, к которому можно было бы привязать канат. Кроме того, за это время беглецы успеют рассказать все, что знают, местной полиции, и будет уже поздно. Поэтому я думаю, что нужно действовать в Мешедде, и как можно скорей, — возразил я.

— Я тоже согласен с вами, — поддержал меня Давтьян. — Когда вы сможете выехать? — спросил он.

— Да завтра же. Завтра утром вылетает аэроплан, и к обеду я буду в Мешедде, — ответил я.

— Прекрасно, поезжайте завтра, а я пошлю телеграмму нашему генконсулу Дубсону, чтобы он оказал вам нужное содействие, — сказал Давтьян.

К вечеру следующего дня аэроплан «Юнкерс», вылетевший рано утром из Тегерана, сделав над Мешеддом несколько плавных кругов, опустился на покрытый снегом аэродром. Накануне полета я получил из Москвы новую телеграмму, в которой Трилиссер поручал мне проинспектировать резидентуру ОГПУ в Мешедде, так как тамошний представитель Лагорский уже шесть месяцев не только не исполнял заданий, но вообще перестал писать в Москву. Не желая предупредить Лагорского о своем приезде, я ему не послал телеграммы, и сейчас на аэродроме меня никто не встречал. Взяв частного извозчика, я поехал в консульство. На душе было неприятно, то ли от шестичасового покачивания на аэроплане, то ли от предстоящей операции с Бажановым. Хотя, признаться, я больше думал о ревизии Лагорского, которая была мне особенно неприятна. С Лагорским меня связывала старая дружба, и по моей рекомендации он был назначен резидентом в Мешедде, а теперь мне нужно было взять с ним официальный тон, что и было неприятно.

Экипаж въехал в ворота консульства и, подъехав к квартире Лагорского, остановился. В этой самой квартире я год тому назад жил, работал, организовывал, при неудачах волновался, суетился, бегал. Я думал, что делаю колоссальной важности дела, а в сущности какими маленькими казались эти дела сейчас, после тегеранской работы. Это было всего год тому назад, а кажется, что это было так давно... И я почувствовал себя постаревшим, усталым, делающим какие-то ни-

кому не нужные дела. Может быть, я просто устал с дороги? Но нет, это ощущение в дальнейшей моей жизни находило на меня все чаще, все сильнее. Это было начало сомнениям, рождавшимся в душе. Сомнениям в правоте моего дела и плодотворности работы.

Не успел я сойти с экипажа, как навстречу выбежал Лагорский, увидевший меня в окно.

— Заходи сюда, здесь теплее, — пригласил он меня в спальню, и уже через некоторое время мы, сидя за чаем, оживленно беседовали.

— Ну, рассказывай, Миша, что ты тут подельываешь? — спросил я, когда мы уже перебрали личные темы разговора.

— Да ничего особенного, просто время убиваю, — ответил Лагорский нехотя, и оживление покинуло его лицо.

Я смотрел на его молодое, но уже носившее отпечаток усталости лицо. В длинных, зачесанных назад волосах можно было видеть седые пряди.

— В том-то и дело, что время убиваешь. Вот и Москва пишет, что ты тут дурака валяешь и не только не работаешь, но даже не пишешь им, — продолжал я.

— А что писать? К чему? — как-то вяло ответил он.

— Как что? Ты же что-нибудь делаешь? Агентура у тебя работает? — спросил я.

— Ах, Гриша! Не понимаешь ты меня. Надоело все это мне, понимаешь, надоело. Вот чувствую, что устал. Шесть месяцев ничего не делаю, а устал. Скажешь — лентяй, бездельник! Ничего подобного! Сидел же я несколько лет подряд секретарем у Дзержинского и Уншлихта. Работал день и ночь как проклятый и не чувствовал усталости. А вот теперь никакой охоты, — выпалил он и замолчал, точно оборвал. Я тоже молчал и искал причину настроения Лагорского. Откуда оно могло взяться? Я не мог объяснить, но чувствовал, что это настроение передается и мне, действует на меня. — Вот получил телеграмму «ухлопать Бажанова», веришь ли, обрадовался. Все-таки живое, настоящее дело. Дня три чувствовал себя бодрым. А потом опять выдохся, — продолжал Лагорский.

— А как поживает твоя жена? Когда она думает приехать к тебе? — спросил я, стараясь узнать, не тут ли зарыта собака.

— Что ей сюда ехать, когда я сам думаю, как бы выбраться отсюда, — ответил он.

— Ну, ладно, брось хандрить. Давай примемся за дело, веселей будет. Расскажи подробно, как обстоит дело с Бажановым и Максимовым, — предложил я.

— Бажанов работал в Ашхабаде, управделами ЦК Туркменистана, а Максимов в каком-то кооперативе. Первого января они ушли из города, якобы на охоту, и перебрались через персидскую границу, оказались в пограничном городе Лютфабаде. Председатель ОГПУ Каруцкий сообщил мне об их побеге уже тогда, когда их везли в Мешед. До этого поручение перехватить их в дороге имел наш резидент в Баджгиране Пашаев. Но ему не удалось выполнить поручение, хотя он приехал в Мешед на одной машине с беглецами. Персы, привезя их в Мешед, поместили в гостинице Оганова, и мы решили в первую же ночь покончить с ними. Я поручил эту операцию нашему сексоту Колтухчеву, ты, кажется, знаешь его.

— Да, он при мне был заведующим нашим клубом, хромой, — сказал я.

— Этот самый. Так вот, я снабдил его наганом, и он должен был, пробравшись в гостиницу, пристрелить их, — продолжал Лагорский. — Но ему не повезло. Когда он забрался на балкон гостиницы, куда выходили окна комнаты беглецов, он был арестован дежурившим у окон полицейским и посажен в полицию. Власти же, боясь новых покушений, на следующее утро перевели Бажанова и Максимова в полицейское управление, где они и содержатся под охраной, — рассказывал Лагорский.

— Ну, а дальше? — спросил я.

— Что я мог сделать больше, раз они сидят запертые в полиции. Я поручил одному агенту выяснить, что можно с ними сделать в самой полиции. Он придет сегодня ночью с докладом вместе с Пашаевым, который после ареста Колтухчева боится днем заходить в консульство. Вот и все, — закончил он.

— Так, так! А как они охраняются в полиции? — спросил я.

— Им предоставили комнату, у дверей которой стоит охрана. Ну, конечно, и снаружи стоит охрана. Кроме того, там еще наша охрана, — смеясь, добавил Лагорский. — Я забыл тебе сказать, что Каруцкий из Ашхабада прислал для убийства Бажанова целую шайку головорезов-контрабандистов. Они тоже караулят у здания полиции с ножами и ждут okazji выпустить кишки беглецам, как только они выйдут из полицейского здания.

— А что думает по этому поводу консул Дубсон? — спросил я после короткого молчания.

— Дубсон ничего не думает. Он недавно женился на молоденькой девушке и всецело занят ею, — ответил Лагорский.

— Что же, нужно все-таки пойти повидать его. Каковы у тебя с ним отношения? — спросил я.

— Ничего себе. Пока что корректные, — ответил он.

— Ну, тогда пойдем к нему вместе, — предложил я.

— Входите, входите, — пригласил нас Дубсон, открыв дверь своего кабинета. — С приездом, товарищ Агабеков, какими ветрами вас сюда занесло?

Дубсон был молод, небольшого роста, краснощекий. Он окончил после революции Академию Генерального штаба и считал себя больше военным, чем дипломатом. Повсюду он старался щегольнуть военной выправкой, которая придавала большую комичность его маленькой фигуре.

— Куда вы, туда и я, — ответил я, улыбаясь. Мы с ним встретились последний раз шесть месяцев тому назад в Тавризе. Тогда он был там генеральным консулом и одновременно состоял резидентом. Как помнит читатель, Дубсон в Тавризе устроил склоку с председателем Тифлисского ОГПУ Минаяном и мне пришлось употребить власть, чтобы убрать его оттуда. Теперь нам опять довелось встретиться с Дубсоном.

— Вы получили телеграмму от Давтяна? — спросил я.

— Да, рад помочь вам, чем могу, хотя, откровенно говоря, не имею никакого желания влезать в грязную историю, — ответил Дубсон.

— Почему грязную? — спросил я.

— Да что же! Так повели дело с самого начала, что уже весь город знает, что большевики охотятся за Бажановым. Полиция усилила их охрану, а теперь приехали вы, так поднимется настоящая паника, — сказал он.

— Ну, насчет меня не беспокойтесь. Я не дам повода разговаривать обо мне. Официально будем говорить, что я приехал как атташе посольства для проверки выполнения торгового договора, — сказал я.

— Хорошо, завтра я представлю вас местному губернатору, и вы его успокойте о цели вашего приезда. Говорите побольше о торговых делах. А с делом Бажанова, по-моему, нужно переждать и дать время всем несколько успокоиться, — сказал он.

— Я с вами вполне согласен, товарищ Дубсон, — ответил я. — Скажите, а не пробовали ли вы добиться их выдачи нам официальным путем? — спросил я.

— Как же, на второй же день прибытия сюда беглецов я обратился к губернатору с требованием выдачи их нам как

уголовных преступников. Но губернатор потребовал документальных данных об их преступлении. Я телеграфировал в ОГПУ Каруцкому, и он обещал приготовить такие документы и прислать. Как только я их получу, я опять буду у губернатора, но, признаться, надежды на успех мало, ибо губернатор не наш человек, — ответил Дубсон.

— Итак, давайте завтра после обеда поедem к губернатору, — предложил Дубсон, и мы стали прощаться.

Вечером пришел Пашаев, молодой, решительный парень. Он был моим другом детства, и по моей просьбе ОГПУ назначило его начальником своего пункта в Баджгистане. Вместе с ним пришел и секретный агент. Это — тот самый Аббас Али, контрабандист-бандит, которого держал при себе Браун для всяких непредвиденных случаев.

— Подожди, Алеша, я переговорю с Аббасом Али и отпущу его. А там мы поговорим по душам, — сказал я Пашаеву, искренне обрадованный встрече с ним.

— Здравствуй, Аббас Али. Что же ты хвастался, что я да я, а на самом деле не можешь даже укокошить одного человека...

— Да что я сделаю, если он заперт в тюрьме. Пусть выпустят этого Бажанова хотя бы на пять минут на улицу, и его не будет в живых, — ответил покрасневший от моих слов Аббас, злобно сжимая спрятанный за поясом нож, точно Бажанов являлся его смертельным врагом.

— Так что же все-таки будем делать? — спросил я.

— Вот уже два дня, как я бегаю и стараюсь подкупить человека, который носит пищу арестованным. Завтра у меня с ним свидание. Если мне удастся его подкупить, то я завтра же всыплю в их пищу цианистый калий, что дал мне товарищ Лагорский, и они подохнут как собаки, — ответил он.

— Ну, ну, действуй. Приходи завтра вечером и расскажи, что тебе удалось сделать. А самое главное — нужно следить, чтобы персы не увезли их куда-нибудь, пока мы строим планы, — инструктировал я наспех, чтобы скорей отделаться от него. Меня больше интересовала беседа с Пашаевым, которого я давно не видел и который всего несколько дней тому назад был в доме моих родных.

— Так, рассказывай, Алеша, что у тебя произошло с Бажановым. Ты, говорят, ехал с ним вместе в одном автомобиле и ничего не сделал. Может быть, ты даже охранял его от несчастий? — обратился я к Пашаеву со смехом.

— Видишь ли, я сидел в Баджгиране, когда получил от Каруцкого телеграмму, что два ответственных работника бежали в Персию через Лютфабад, откуда они должны были направиться в Кучан. Мне предлагалось перехватить их в дороге и не допустить их приезда в Кучан. Для выполнения задания я взял с собой трех агентов-курдов и выехал в Кучанские горы. Я надеялся захватить их в горах и тут же покончить с ними. Но оказалось, что я опоздал. Беглецы уже были в Кучане. Виноват во всем был Каруцкий, который слишком поздно меня известил. Дальше я спешно поехал в Кучан и приехал как раз в момент, когда Бажанов и Максимов садились в машину ехать в Мешед. При помощи наших ребят я тоже устроился в одном с ними автомобиле, надеясь предпринять что-либо в пути. Но, к сожалению, ничего нельзя было сделать. Охранявшие их солдаты не отходили от них ни на шаг. Так мы приехали в Мешед. Остальное известно Лагорскому, — рассказал Пашаев.

— Да, он мне уже рассказал. Что же ты думаешь делать дальше? — спросил я.

— Вот Аббас пытается подкупить человека, доставляющего пищу Бажанову, а я тем временем успел связаться с Колтухчевым, который сообщает, что его после ареста поместили в соседнюю с беглецами камеру. Он их часто видит и даже иногда заходит к ним. Я хочу переслать Колтухчеву цианистый калий в тюрьму, чтобы он незаметно всыпал яд в пищу Бажанову. Этот путь наиболее безопасный, ибо никто не может подумать на арестованного Колтухчева, — развивал свой план Пашаев.

— А как ты перешлешь в тюрьму яд? — спросил я.

— Очень просто. Я уже переслал. Набил ядом папиросы и передал Колтухчеву как коробку папирос, — ответил он.

— План у тебя хороший. Нужно избегать, главным образом, шума. И поменьше посвящать в дело лишних людей. Кстати, нужно немедленно отправить обратно людей, присланных Каруцким. От них только шум, а пользы никакой, — приказал я. На этом мы покончили с деловыми разговорами.

На следующее утро агентурный аппарат уже работал. Каждые два часа мы получали сведения о состоянии беглецов в полиции. Имели мы также сообщение, что Бажанов в своей камере пишет какую-то докладную записку. Наконец из района сообщили, что взятые беглецами с собой документы из СССР отобраны у них на границе персидской таможней и направлены в Мешед. Немедленно Лагорский

дал задание секретному агенту на таможне по прибытии этого пакета украсть и доставить нам. Лагорский опять стал энергичным. От его вчерашней хандры не осталось и следа. Он уже отдавал толковые и энергичные распоряжения и повсюду успевал сам.

После обеда мы с Дубсоном поехали с визитом к губернатору. С ним я был знаком еще в Керманшахе. Целых двадцать нудных минут мне пришлось провести с губернатором. Свой приезд я объяснил недоразумениями в деле вывоза персидских товаров в СССР и необходимостью расследовать этот вопрос. Однако губернатор, как, впрочем, и вся персидская администрация, прекрасно знали о занимаемом мною положении и немедленно приняли соответствующие меры. Когда я, выехав из губернаторского дома, намеренно проехал мимо полицейского управления, то нашел его густо окруженным полицейскими. Видя настороженность персидских властей, я решил дать им немного успокоиться. Консулу и местному резиденту я предложил пока ничего не предпринимать, а присланных из Ашхабада людей отослал обратно в СССР.

Прошло несколько дней. За это время мы старались выяснить, что собираются персы делать с беглецами, и связались с нашим агентом, арестованным персами и помещенным в полицейском участке, где сидели Бажанов и Максимов, не оставляя надежду на скорую ликвидацию сталинского секретаря. Однако в тот же день из Москвы пришла телеграмма, отменявшая приказ о ликвидации. Выяснилось, что Бажанов по своей работе в Москве никаких особенных тайн не знал и, стало быть, его разоблачения не могли представлять опасности...

Об этом я узнал, когда вернулся в резидентуру. Увидев взволнованного Лагорского, я спросил его:

— Что с тобой? Что-нибудь случилось?

Лагорский, бросив в мою сторону взгляд, продолжал молча шагать. Затем он круто остановился.

— Ты вот упрекал меня, почему я не работал, почему я не пишу в Москву! Да что им писать! Ты думаешь, нужна им твоя работа. Ничего подобного, знаю я их. Недаром я просидел семь лет в аппарате ОГПУ. Там уже нет работников, нет чекистов! Все превратились в чиновников-бюрократов, — почти выкрикивал Лагорский.

— Да в чем дело? Говори толком! — переспросил я.

— Там в кабинете для тебя телеграмма лежит. Прочти, узнаешь, — ответил он.

В соседней комнате на столе лежала расшифрованная телеграмма: «Николаю. Во изменение нашего номера... никаких активных мер против Бажанова и Максимова не, повторяю, не принимать. Нарушение приказа подлежит революционному суду. Трилиссер».

Я стоял в недоумении с телеграммой в руках. В чем дело? Что это, первоапрельская шутка, что ли? Почему отменили приказ? Испугались возможных последствий или же это заранее обдуманый ход? А впрочем, не все ли равно? Черт с ними! По крайней мере, последний приказ легче исполнить, чем первый. Я вернулся обратно к Лагорскому. Он все продолжал ходить из угла в угол.

— Да брось, что ты, не рад, что с тебя сняли это грязное поручение? — обратился я к нему, желая успокоить его.

— Не в этом дело, а в том, что наши чиновники из ОГПУ всегда так делают. Пошлют на смерть человека, а потом окажется, что этого вовсе не нужно было, что они шутят, что ли, с организацией убийства за границей? Не могли подумать прежде, чем приказывать? Хорошо еще, что телеграмма пришла сегодня, а то у них привычка отменить приказ, когда он уже выполнен. Сколько таких случаев было за мою работу секретарем коллегии ВЧК и ОГПУ? Амнистируют арестованного, а он, оказывается, давно расстрелян. А впрочем, ты прав, ну их к черту! Давай лучше поужинаем, — предложил он.

В эту ночь мы пьянствовали до утра, поднимая тосты за «воскресших» Бажанова и Максимова, которых Москва внезапно амнистировала.

Пользуясь пребыванием в Мешед, я решил съездить в Ашхабад. Туда, главным образом, тянуло желание повидаться с моими родными, которых я давно не видел. Заодно нужно было разрешить несколько вопросов пограничной разведки. Выехав рано утром на автомобиле из Мешед, я к вечеру подъехал к советско-персидской границе. Меня встретил заранее предупрежденный о моем приезде начальник Гауданского пограничного поста, один из моих старых сослуживцев по ЧК. Когда я, сойдя с машины, хотел направиться в здание поста, то на меня набросились с десятков огромных овчарок. Начпоста быстро накинул на меня красноармейскую шинель, и собаки внезапно успокоились и завили хвостами.

— Видишь, какие у нас собаки? Это они фактически несут сторожевую охрану границы. Как только начинает тем-

нет, собаки уходят с поста и располагаются на холмах до утра. И можете быть уверены, что никто не пройдет незамеченным границу. Раз покажется кто-нибудь не в армейской форме, собаки не выпустят живым, — рассказывал начпоста.

— Да что же, дрессировали их так, что ли? — спросил я.

— Да нет, сами научились. Ходили с армейцами по постам и научились, — ответил он.

Через полчаса я поехал дальше и уже ночь провел под родительским кровом в Ашхабаде.

На следующее утро я сидел в большом кабинете председателя ОГПУ Туркменистана. За письменным столом напротив меня сидел сам Каруцкий, растолстевший, несмотря на свои тридцать лет, как боров.

— Как же мог Трилиссер отменить расправу с Бажановым, когда я вчера получил еще одну телеграмму от первого заместителя председателя ОГПУ Ягоды — во что бы то ни стало прикончить его! — кричал задыхающимся голосом Каруцкий после того, как я ему рассказал о полученной мною последней телеграмме в Мешед.

— Ну, что же? Это значит, что правая рука не знает, что делает левая. Тебе Ягода пишет, ты и исполняй, а мне приказано не трогать, я тоже исполняю данный мне приказ, — ответил я.

— Ты лучше расскажи, как они убежали отсюда, — попросил я после некоторой паузы.

— Да очень просто. Выехали на праздник, будто на охоту, и скрылись. Мы только через два дня хватились и узнали, что они за границей. Я пустил на территорию Персии целый десяток переодетых туркменами красноармейцев перехватить их, но было поздно. Их уже повезли дальше. Ах, если бы они мне попались живыми! Я бы им показал где раки зимуют. Сам бы их «допрашивал»! — говорил Каруцкий, стуча кулаком по столу.

— Однако и фортели же ты выкидываешь! Как это ты рискнул послать переодетых красноармейцев за границу? Ну, а если бы их там, переодетых, обнаружили, то ведь пахнет это крупным дипломатическим скандалом, — сказал я.

— Ну, милый мой, что нам, впервые, что ли. Я вот на днях опять послал своих ребят в Лютфабад, и они привезли мне оттуда английского агента, — ответил Каруцкий.

— Каким образом? — задал я вопрос.

— Понимаешь, нахальство какое! Приехал этот агент к

самой границе и оттуда начал вести разведку против нас. Ну, мои ребята ночью пробрались через границу и, застав его спящим, завернули в простыню и привезли сюда.

— Что же он не сопротивлялся? — спросил я.

— Пробовал кричать, но его так избили, что он только на следующее утро очнулся здесь в подвале, — ответил Каруцкий, — кстати, приходи сегодня вечером и помоги мне допросить его, а то он говорит только по-персидски.

Я согласился.

— Ну, а как ты ладишь тут с туркменским правительством? Не склоничаете между собой? — переменял я тему разговора.

— Нет, я их держу в руках и к себе никого не пускаю. Недавно меня избрали членом ЦК и ЦИК Туркменистана, да вдобавок орден преподнесли, — ответил он, самодовольно улыбаясь.

В тот же вечер после допроса «агента англичан» я пошел ужинать к Каруцкому на квартиру. На столе стояли закуски и несколько бутылок водки.

— Да, Агабеков, тоска здесь в Туркестане ужасная. Только водкой и спасаюсь от тоски и малярии, — острил Каруцкий, наполняя снова чайный стакан водкой. К концу ужина он уже наполовину был пьян. Я стал прощаться, видя, что стаканы вновь наполняются.

— Так ты не забудь прислать шесть метров мне на костюм, да жена просила духи и пудру «Герлен». Пришли с первым же курьером, — попросил Каруцкий.

— Хорошо, пришло, — обещал я.

— А Бажанова и Максимова поймаю. Не я буду, если не поймаю. Как? Бежать из моего района? — уже заплетающимся языком говорил Каруцкий.

Это было в 1928 году. Я свое обещание сдержал. Я послал Каруцкому материал на костюм и жене его духи и пудру. Он же свое обещание выполнить не смог. Бажанов и Максимов благополучно добрались до Парижа.

Бедный толстяк Каруцкий! Ты, наверное, и сейчас за бутылкой водки клянешься расправиться со мной... а пока что издеваешься над моими стариками родными. Они же в твоём районе!

Вернувшись в Мешед, мне все-таки пришлось провести ревизию резидентуры. Оказалось, что Лагорский за какие-то восемь месяцев растерял всю агентурную сеть и дошел до того,

что перестал отчитываться перед Москвой в получаемых денежных средствах.

Кстати, когда я был у Каруцкого, тот рассказал мне один из своих секретов.

Видя полную бездеятельность Лагорского и пользуясь ею, Каруцкий организовал в Хоросане собственную агентуру, которая, по его словам, осведомляет его о деятельности англичан в Хоросане лучше, чем это делал Лагорский из Мешеды. Для посылки агентов он использовал следующий способ. Снабжая агента ложными сведениями, он пропускал его в Персию, куда тот являлся в качестве перебежчика. В Мешедде «перебежчик» связывался с эмиграцией и по ее рекомендации устанавливал сношения с тогдашним атташе в Мешедде майором Уйлером.

Уйлер, вербуя агентов ОГПУ, посылал их обратно в Туркестан за сбором интересовавших его сведений.

Таким образом, как рассказывал Каруцкий, вся агентурная сеть английского атташе фактически состояла из агентов ОГПУ. Но этого было мало. Каруцкий завербовал сына одного из известнейших агентов в Мешедде, туркмена Джабара, и получал от него все сведения, какие отец доставал для англичан. В способах своей работы Каруцкий не стеснялся.

Что касается Бажанова и Максимова, после я узнал, что персидскими властями они были отправлены поближе к индийской границе. И дело их этим не кончилось. Ташкентское ОГПУ телеграфно просило полпреда Давтяна оказать содействие в убийстве Бажанова. Советский консул в Сейстане Платт тем временем сообщил, что Бажанов и Максимов поселились в Дуздабе и что если нужно принять меры к их ликвидации, то он имеет в своем распоряжении все нужные средства.

Вольский, полпред ОГПУ в Ташкенте, послал Платту пять тысяч долларов на расходы, необходимые для убийства Бажанова. Советский консул в Сейстане немедленно выехал в Дуздаб для личного руководства убийством. Однако ничего ему не удалось, так как его приезд в Дуздаб и появление в консульском автомобиле близ дома, где проживали беглецы, заставило персидское правительство скорее отправить беглецов в Индию... Они оба теперь благополучно проживают в Париже...

ОГПУ В ЮЖНОЙ ПЕРСИИ

В Тегеране я нашел почту из Москвы с приказом приступить к чистке всех советских учреждений в Персии. Тут же прилагался список лиц, подлежащих увольнению. Список состоял приблизительно из 100 человек и был составлен на основании агентурных донесений моего предшественника. Сведения были совершенно непроверены, и среди лиц, которых предстояло выбросить на улицу, находились люди абсолютно преданные советской власти или же относившиеся к ней вполне лояльно и честно выполнявшие свою работу. Я сообщил в Москву о своих соображениях, но получил ответ, что список уже утвержден Центральным Комитетом партии и поэтому никаким изменениям не подлежит.

Насколько небрежно был составлен список, можно судить по тому, что в него попали некоторые из моих секретных агентов и, наконец, люди, которые никогда у нас не работали, но служили у частных персидских лиц. Для производства «чистки» была образована комиссия в составе советника посольства Логановского, генерального консула Ваймана, секретаря партийной ячейки Цейтлина и моего помощника Маркарьяна. Чистка началась в феврале 1928 года и продолжалась три месяца. Многие из уволенных вернулись в СССР, но часть не пожелала ехать и начала обосновываться в Персии. Это были первые ласточки «невозвращения» — движения, которое затем быстро начало разрастаться и которое, благодаря диктаторским и бюрократическим мерам управления в СССР, несомненно в ближайшем будущем примет широкий размах.

Перехватывание иностранной дипломатической почты в Тегеране тем временем все более развивалось. Мы получали уже не только почту, которую отправляли иностранные миссии из Тегерана, но и почту, которая приходила в Тегеран. Количество доставляемых пакетов доходило в месяц до 500—600 штук. Для экономии времени мы стали фотографировать почту аппаратом системы «Лейтц», присланным из Москвы. Лента аппарата вмещала 36 снимков. Ленты отправлялись в Москву в непроявленном виде, чтобы в случае, если они будут обнаружены по дороге и вскрыты, снимки могли сами собой уничтожиться.

Организационную работу на севере и западе Персии я считал законченной. Мне оставалось организовать работу на

юге Персии и в Индии. Для этой цели в марте 1928 года я выехал из Тегерана на юг Персии по маршруту: Тегеран — Исфагань — Шираз — Бендер-Бушир — Авхаз — Султан — Абад — Тегеран. На всем юге у нас совершенно отсутствовала агентура и нужно было строить ее заново. Кроме того, после конгресса Коминтерна и недавних решений ЦК ВКП(б) на эти районы было обращено особенное внимание. Нужно было в случае нападения империалистических держав на СССР использовать здесь агентуру в целях организации восстаний и разведки. Задача заключалась в изучении племен южных провинций и в вербовке влиятельных вождей, которых в случае войны можно было бы подкупить и направить против англичан на дезорганизацию военного тыла и разрушения нефтяных промыслов «Англо-Першен Ойл К°» и подъездных путей к ним. Это было основной задачей. Разрушив нефтяную базу англичан на юге Персии, мы существенно затрудняли снабжение нефтью британского флота.

Кроме того, нас беспокоили переговоры о заключении англо-персидского договора. Правда, переговоры находились в затяжном состоянии, но нужно было торопиться, чтобы помешать их успешному завершению. Отношения между Персией и Англией несколько обострились в связи с претензиями персов на остров Бахрейн в Персидском заливе, объявивший себя под покровительством Англии. Между англичанами и персами стояли в то время и другие неразрешенные вопросы: 1. Вопрос о признании Ирака Персией; 2. О разрешении английскому воздушному флоту перелета через персидскую территорию в Индию с установкой аэродромов и складов на персидской территории; и, наконец, 3. Вопрос о продлении концессий англо-персидской нефтяной компании и Империяль Банка в Персии, выпускавшего персидские кредитные билеты. Эти вопросы выдвигала персидская сторона. Англичане, в свою очередь, ставили вопрос о персидском долге Великобритании и о возмещении расходов, произведенных англичанами во время оккупации Персии в 1918 году.

Персы желали получить обратно остров Бахрейн. За признание Ирака они требовали привилегий для своих подданных в этой стране, где они насчитываются сотнями тысяч, и присоединения куска территории в районе Ханикена, где англичанами недавно были обнаружены нефтяные месторождения. По вопросу о продлении нефтяной концессии персы хотели увеличить получаемый казной процент с прибыли (до того

времени персидское правительство получало 16 процентов с прибылей компании). Концессию же банка персы желали совершенно ликвидировать и, организовав свой собственный государственный банк, передать ему функции и доходы английского банка.

Между прочим, министр двора Теймурташ подробно излагал тогда план аннулирования эмиссионных операций Англо-банка. Для этого персидское правительство хотело приступить к выпуску казначейских билетов, которые вытеснили бы английские банкноты.

Переговоры вел английский посол в Тегеране Клайн и персидский министр двора Теймурташ. Некоторые вопросы разрешались в Лондоне, между тамошним персидским послом и Форин Оффисом. О переговорах в Тегеране мы были в курсе, благодаря откровенным беседам Теймурташа с советским послом и получаемой из Москвы документальной информации, почерпнутой из докладов Клайна. О лондонских переговорах мы знали из перехватываемых телеграмм персидского посла в Лондоне и его донесений в министерство иностранных дел Персии.

Советское посольство в Тегеране, естественно, оказывало всяческое давление на персов, чтобы помешать соглашению с англичанами. Давтян указывал, что остров Бахрейн явится морской базой англичан в случае столкновения их с СССР, а наличие там авиаплощадок и складов для нефтепродуктов фактически создаст угрозу перехода всей Южной Персии под влияние Англии, что, наконец, бессмысленно отдавать концессии англичанам в Южной Персии за гроши, когда советская Россия, взявшая концессию на семнанскую нефть, платит персам треть своих доходов. В это время началось восстание племени луров на юго-западе Персии и белуджей под предводительством белуджского вождя Дост-Магомет-хана. Советский посол доказывал Теймурташу, что восстание организовано англичанами с целью оказать давление на персидское правительство и вынудить на подписание договора.

Во время поездки на юг Персии я должен был изучить все эти вопросы на месте.

Выехал я на юг с двумя агрономами, специалистами по хлопку; один ехал с научной целью, а другой для инструктирования провинциальных отделений Хлопкома. Первой нашей остановкой был Кум.

Это священный персидский город, центр персидского духовенства, находившегося в оппозиции к правительству за

проводимые советские реформы. По сведениям ОГПУ, кумское духовенство поддерживало связь с духовенством священных городов Неджафа и Кербалы в Ираке. Работа в Куме представляла поэтому для нас существенный интерес. Ее вел местный агент Хлопкома, и, надо сказать, весьма умело. Благодаря прекрасному знанию персидского языка и большим деловым связям, он глубоко проник в жизнь местного духовенства. Поручив ему продолжать работу по наблюдению за духовенством и за разрастающимся восстанием луров, мы выехали дальше в Исфагань.

Поехали мы не прямо, а по старой окольной дороге через Кашан. Этот город, когда-то торговый центр Средней Персии, постепенно вымирает, вследствие отсутствия воды и множества знаменитых кашанских скорпионов. Жизнь поддерживается исключительно ковровым производством. Не найдя ничего интересного в этом городе, мы переночевали и на следующее утро продолжали путь.

Советским консулом в Исфагани был мой старый знакомый Кржеминский, переведенный сюда из Мешада. Работу ОГПУ вел один из агентов Бюроперса Струдзюмов. Он, собственно, ничего еще не сделал, так как только что приехал в Исфагань, был слишком молод и неопытен. Единственным нашим информатором в Исфагани был сотрудник советского банка Челидзе. Грузин по национальности, он сумел близко сойтись с грузинской колонией, расположенной в местечке Феридан и насчитывающей около трех тысяч человек. Главари колонии были связаны с вождями соседних племен, в частности с бахтиарскими племенами. Челидзе использовал эти связи и накопил довольно богатый информационный материал.

Исфагань интересовала нас как центр, к которому тяготели бахтиарские племена, наиболее сильные и смелые в Персии, всегда игравшие большую роль в ее истории.

Работу в Исфагани я распределил следующим образом: консулу Кржеминскому поручил изучение племен и установление связи с их вождями, а Струдзюмову — организацию агентуры для всестороннего освещения жизни в городе Исфагани.

Из Исфагани мы проехали в Шираз, где советским консулом был Батманов. Батманов до того был консулом в Ахвазе, присылал нам оттуда информационный материал и, получив назначение в Шираз, претендовал на звание представителя ОГПУ в этом районе.

Такое желание было вызвано отнюдь не страстью к нашей работе. Представительство ОГПУ давало ему возможность получать деньги, дополнительные ассигновки и освобождало от присутствия специального нашего представителя, который, осведомляя район, одновременно сообщал бы нам и о деятельности самого консула. Секретарем консульства был некто Эйнгорн, бывший сотрудник Туркменистанского ОГПУ, работавший в 1923 году вместе со мной в Ташкенте. Наконец, в Ширазе же находился один из моих тегеранских агентов Ергемлидзе, командированный сюда в качестве сотрудника вновь организованного отделения торгового общества «Шарк». Информационная работа консульства никуда не годилась. Единственное, что заслуживало внимания, — это перехват переписки местного отдела англо-персидской нефтяной компании с центром. Настолько слабо была поставлена информационная работа, что о волнениях в Ширазе в конце 1927-го и начале 1928 года мы сначала подробно узнавали из перехваченных донесений английского консула в Ширазе и лишь после этого получали общие сведения от нашего консула. Работу я поручил секретарю консульства Эйнгорну, научив его одновременно способу вскрытия пакетов, и выехал дальше в Бендер-Бушир.

С нами поехал также Эйнгорн. По дороге в Бушир мы остановились в городе Казеруне, где посетили местного помещика Сардар Низама, информатора советского консульства. Переночевав у него, мы на следующий день приехали в Бендер-Бушир.

В Бушире я получил телеграмму от полпреда Давтяна с сообщением, что в Луристане неизвестными убит командующий войсками. Давтян просит меня не ехать в этот район, дабы не дать персам возможности говорить о возможном нашем участии в этом убийстве. Опасаясь, что такие разговоры могут вызвать политические осложнения, он настаивает на моем возвращении в Тегеран.

В Бендер-Бушире мы пробыли несколько дней. За это время я изучил вопрос нелегального проезда и контрабандного провоза товаров из Бушира в соседние страны. Это было нужно для подготовки возможности тайной переброски людей из Персии в Индию и Ирак. Работу в Бендер-Буширском районе я также поручил Эйнгорну.

Вернувшись в Шираз, мы проехали в Иезд. Иездские жители занимаются производством шелковых тканей. Оказалось, что нитки для выработки тканей привозятся, главным образом, из Бомбея, где иездское купечество имеет отделения

своих контор. Мы тотчас выработали план вербовки иездских купцов, через которых можно было бы посылать наших агентов в Бомбей под видом торговых служащих. Осуществление плана я поручил представителю общества «Шарк» в Иезде Тванову.

Из Иезда, через Исфагань, мы вернулись в Тегеран. Послав в Москву обстоятельный доклад о поездке на юг Персии и о возможностях, которые там открываются, я просил, ввиду более чем годичного пребывания в Персии, разрешения выехать в Москву с личным докладом, а затем в отпуск.

В это время, то есть в апреле 1928 года, в Тегеране загорелось здание советского банка. Пожар был быстро ликвидирован. Удалось вынести все ценное из банка, но, однако, при разборе бумаг оказалось, что из несгораемых шкафов банка исчезли акции банка, взятые у Хоштария, ценностью в полтора миллиона рублей. В пропаже акций заподозрили нескольких служащих банка. Председатель банка обвинял в краже секретаря Аралова, с которым у него были личные счета. Для меня мотив обвинения был ясен: Аралов был агентом ОГПУ и знал много о личной жизни председателя банка Мерца. Тем не менее, по требованию Мерца, секретарь банка был выслан в Москву, якобы с поручением, а вслед ему полетели телеграммы Давтьяна и председателя банка с просьбой арестовать его и допросить о пропаже хоштариевских акций. Однако расследование раскрыло игру Мерца, и Давтьяну был объявлен выговор от Центральной контрольной комиссии.

В конце апреля я получил телеграмму от Трилиссера, разрешавшую мне выехать с докладом в Москву. 6 мая я уехал из Тегерана, оставив своим техническим заместителем Маркарьяна и поручив наблюдение за ним советнику полпредства Логановскому.

Проездом в Москву я остановился в Баку, где имел беседу с тогдашним заместителем председателя Азербайджанской ЧК Морозом. Год спустя этот Мороз вместе с другими ответственными работниками ОГПУ был приговорен к семи годам тюремного заключения за то, что незаконно расстрелял бакинского рабочего в подвале ОГПУ. Убийство обнаружилось вследствие склоки, вспыхнувшей среди ответственных партийных работников бакинской организации.

Мороз очень интересовался Джаваховым, работой «Братства Русской Правды» в Персии и просил доложить об этом деле в Москве. Он сообщил, что по его инициативе на границе с Персией им посажены агенты с поручением играть

роль повстанцев и дезинформировать центр «Братства Русской Правды». Эти же агенты вливаются в настоящие повстанческие отряды, оперирующие в районе Ардебиля, и дают нам возможность настигать повстанцев и уничтожать их. Я обещал Морозу сделать доклад в Москве в контрразведывательном отделе ОГПУ и о результатах сообщить ему.

ВОСТОЧНЫЙ СЕКТОР ОГПУ В МОСКВЕ

В середине 1928 года, приехав в Москву, я явился в тот же день к Трилиссеру и был принят очень приветливо. Вообще нужно сказать, он ко мне относился чрезвычайно хорошо и, будучи о моих способностях высокого мнения, всегда поручал мне наиболее рискованные дела по иностранному отделу. Назначили день для доклада о положении дел в Персии и о дальнейших планах. Доклад состоялся через несколько дней.

Перед поездкой в Центр я по заданию ОГПУ объехал всю Южную Персию и выяснил тамошнее положение на случай войны. Из своего объезда я окончательно сделал вывод, что в Персии продолжать легальную работу нет смысла. То, что в мирной обстановке можно было сделать, мы сделали, но поскольку все высшие инстанции правительства и Коминтерна считали будущую войну с капиталистическими странами неизбежной, мы должны соответственно реорганизовать наш аппарат и сделать его годным для войны. А чтобы разведка могла успешно работать во время войны, она должна быть абсолютно обособленной и нелегальной. Нельзя ставить разведку в ту или иную зависимость от Наркоминдела и Наркомторга, представителей которых могут выслать в случае войны.

И вот, сидя в кабинете зампреда ОГПУ Трилиссера, куда я пришел вместе с начальником восточного сектора ИНО Триандофиловым, я излагал свою точку зрения. Триандофилов, с которым мы раньше обсудили этот вопрос и пришли к соглашению, молча сидел в течение моего доклада и одобрительно качал своей большой лысеющей головой.

— Да, идея в принципе правильная, я уже сам обдумывал этот вопрос. Но кого назначить нелегальным резидентом в Персию? — спросил Трилиссер. — Что вы думаете на этот счет? — обратился он к Триандофилову.

— Резидента найдем, товарищ Трилиссер, дайте только ваше благословение начать дело, — ответил Триандофилов.

— А знаете что? У меня возникла следующая мысль. Не

поехать ли вам самим резидентом в Персию? Вы ведь давно сидите в Москве. А на ваше место мы назначим товарища Агабекова. Пусть он немного отдохнет от своих поездок, — предложил Трилиссер Триандофилову.

— Что же, если прикажете, то, конечно, поеду, — ответил тот, радостно улыбаясь.

— Ну и прекрасно! Так вы составьте смету организации, прикрытие, кого с собой взять и прочие детали и приходите еще раз ко мне потолковать по этому вопросу, — сказал Трилиссер и приподнялся со стула, давая нам понять, что разговор кончен.

Мы также встали, но не собирались уходить. Мы знали этот маневр Трилиссера откладывать решение вопроса в долгий ящик и были подготовлены к нему. Мы хотели разрешения вопроса сейчас же, тем более что план организации нелегальных резидентур был у нас в кармане.

— Товарищ Трилиссер, все, что вы требуете, мы уже подготовили. Вот вам план организации в письменной форме. Может быть, вы ознакомитесь с ним сейчас, так как потом к вам трудно будет попасть, — сказал Триандофиллов, подавая ему несколько печатных страниц.

— Ну, ладно, — ответил Трилиссер и снова опустил ся с недовольным лицом на стул. — Расскажите на словах, что вы намерены делать.

— Во-первых, вместе с резидентом мы хотим пока что послать в Персию одного помощника. На эту должность я выдвигаю товарища Эйнгорна. Он, будучи на коминтерновской службе, уже имеет практику нелегальной работы и, кроме того, знает иностранные языки. Затем желательно иметь со временем второго помощника по армянской линии. Дело в том, что в Персии много армян, через которых можно делать большие дела. Но для этого помощник должен быть по национальности армянином. Я наметил на эту работу товарища Кеворкяна. И, наконец, нужен еще один работник для связи между резидентом и периферией, — докладывал Триандофиллов.

— Позвольте, а как вы замаскируете такую уйму народа? — спросил Трилиссер.

— Я думаю организовать в Тегеране гараж, а Эйнгорн будет со мной в качестве компаньона, а работник для связи может быть одним из шоферов при гараже. Это ему даст возможность разъезжать по Персии, не навлекая никаких подозрений, — объяснил Триандофиллов.

— Ну, а как с Кеворкяном?

— С ним дело обстоит несколько сложнее. Я думаю взять его в Персию временно с тем, чтобы он там, подготовив почву, имел возможность пробраться в Индию. Для этого мы придумали следующее: во Франции у нас есть секретный агент Г/57. Он — армянский архимандрит. Сейчас он там для нас почти бесполезен. Мы решили вызвать его сюда, через наши церковные связи посвятить его в епископы и затем отправить в Персию заведующим Индо-Персидской епархией. Кеворкяна же мы пристроим к нему в качестве секретаря. Таким образом, он будет под надежным прикрытием и одновременно будет руководить работой епископа. Эта же должность совершенно облегчит его поездку в Индию, — ответил Триандофилов.

— Сколько же все это будет стоить? — спросил Трилиссер.

— Понадобится всего только двадцать тысяч долларов на организацию гаража и пять тысяч долларов в месяц на содержание агентуры и на работу. Причем двадцать тысяч долларов не пропадут. Наоборот, я надеюсь, что если мы хорошо наладим гараж, то будем иметь прибыль, которая покроет наши расходы. Сейчас почти весь Восток пересаживается с верблюда на стального коня, и гараж — самое выгодное дело, — ответил Триандофилов.

— А как у вас с паспортами? — после некоторого раздумья задал вопрос Трилиссер.

— Эту сторону вопроса мы также подготовили. Для себя я добуду греческий паспорт. У меня есть знакомые греки, которые уступят паспорт, а заменить чужую карточку моей — минутное дело. Эйнгорн запасся латвийским паспортом в Коминтерне. Туда приехал из Латвии некто Эдельштейн и, не собираясь возвращаться обратно, передал свой паспорт Эйнгорну. Ну, а Кеворкяну КРО приготовит персидский паспорт. Он легко сойдет за персидского армянина, — закончил Триандофилов.

Трилиссер молча обдумывал. Он медленно протянул руку за коробкой с папиросами и еще медленнее, достав папиросу, закурил. Мы тоже молча сидели и ждали. Мы знали, что Трилиссер обдумывает предложенный план, и с нетерпением ждали результатов. Но он не ответил. Затянувшись несколько раз папиросой, он, опустив голову, стал просматривать какие-то бумаги. Затем, внезапно подняв голову, он обратился ко мне.

— А как вы думаете, выйдет из этого дела толк?

— Я думаю, что при таком опытным руководителе, как то-

варищ Триандофилов, будет большой толк, — ответил я. — И, главное, этот путь избавит нас от всяких столкновений и неприятностей с Наркоминделом.

— Ладно, в принципе я согласен. Начинайте готовиться и одновременно знакомьте товарища Агабекова с делами сектора. Когда все будет готово, доложите мне, — наконец сказал Трилиссер.

Мы вышли из кабинета довольные, что наш проект принят. Триандофилов радовался предстоящей поездке. Читателю покажется странным, почему люди, которых посылают на нелегальную шпионскую работу, где каждую минуту они должны рисковать тюрьмой и жизнью, эти люди радовались предстоящей опасности. Но подождите удивляться. Немного терпения, и из дальнейшего описания все станет ясно.

Прошло два месяца с тех пор, как Трилиссер разрешил организовать нелегальную резидентуру в Персии. Эйнгорн уже выехал в Персию и пишет, что нанял автомобильный гараж. У Триандофилова тоже все готово, и через несколько дней он также выезжает. Сейчас я сижу на своем любимом месте — на подоконнике комнаты № 161 на Лубянке. Триандофилов сидит за своим бюро и, раскрыв все ящики, просматривает содержимое их.

— Ну, Агабеков, садись поближе и начинай принимать дела, — предложил он мне.

Я взял стул и подсел к нему.

— Итак, в нашем секторе сконцентрирована разведка во всех странах Среднего и Ближнего Востока. Кроме того, мы разрабатываем все контрреволюционные партии Кавказа и Туркестана за границей. В связи с этим нам приходится иметь дело с Парижем, Варшавой, Прагой и Берлином, где находятся центры этих организаций. Вот, так сказать, объем нашей работы. Теперь давай разберем по странам, — продолжал он, взяв блокнот для заметок. — Во-первых, Афганистан. Много о работе в этой стране говорить не буду, ибо ты там сам работал и знаешь обстановку. Сейчас там работает резидентом Скижали-Вейс, который поехал в Кабул под фамилией Шмидт. Новой агентуры нет, он продолжает работать с агентами, завербованными тобой. Что касается политической ситуации, то она здорово изменилась. После приезда Амануллы из Европы вспыхнули восстания на юге и на севере от Кабула. Если восстание на юге можно было приписать англичанам, то на севере совсем иное дело. Восстания возглавляет сын водовоза, никому не известный Бачаи-Сакао. Он опери-

рует революционными лозунгами и ведет борьбу с афганскими помещиками. Многие сведения еще не проверены, но, по-видимому, мы стоим перед революционным крестьянским движением в Афганистане, которое мы, конечно, должны поддержать, направляя это движение вообще против капиталистов, как своих, так и чужих. Во всяком случае, тебе придется поработать над этим вопросом.

— Одну минуту, — прервал я его. — А какова позиция Наркоминдела в этом вопросе?

— Как и всегда, никакой позиции. Они отказываются высказаться, отговариваясь отсутствием информации, но, видимо, они сторонники Амануллы и всей его клики, — ответил Триандофилов.

— Ну, давай пойдем дальше, — продолжал он. — О Персии я тоже тебе рассказывать не буду, ибо тамошние дела ты знаешь лучше меня, а перейду прямо к Турции. Это наша крупнейшая резидентура. Центром резидентуры является Константинополь, где сейчас находится Минский на должности атташе генконсульства. Из Константинополя мы ведем работу на Сирию, Палестину и Египет, так что фактически Константинополь — это база для ведения разведки на арабском Востоке. Один из помощников резидента находится в Ангоре, но теперь он отозван и скоро приедет сюда. Дело в том, что ввиду дружественных отношений с Турцией Трилиссер приказал прекратить работу против турок. Он полагает, что если мы не будем трогать самих турок, то они будут смотреть сквозь пальцы на нашу работу против других держав.

— А кто сейчас работает в Ангоре? — спросил я.

— Это некто Герт. Он еще до тебя работал в Персии представителем военной разведки, но был снят с работы за какую-то склоку и затем перешел на работу к нам. Вот здесь у меня список секретных агентов в Турции, — продолжал Триандофилов. — Источник № К/10 работает в японской миссии в Константинополе. Через него мы получаем все зашифрованные телеграммы, поступающие в миссию. № К/16 является одним из деятелей украинцев-самостийников и передает нам всю переписку своей организации. № К/20 приносит нам копии докладов австрийского посла в Турции. Доклады очень ценны, ибо посол великолепно разбирается в обстановке и прекрасно знает Восток. Через № К/23 мы имеем всю переписку армянского патриарха в Турции Нарояна. По этим материалам мы знаем о положении армянских общин, о политической организации того или другого епископа и, наконец, о положении

партии дашнаков. № К/32 освещает кавказскую эмиграцию, которая наиболее опасна по своей организованности и по своей близости к нашей границе. № К/49 передает нам доклады французского военного атташе, из которых мы знакомимся с положением в Сирии и на Балканах.

Кроме этой агентуры, которая управляется Минским, мы приступили к организации нелегальной резидентуры, которая должна организовать свою агентуру на всем Ближнем Востоке. Мы уже успели отправить в Константинополь Рида, который, благодаря американскому паспорту, сумел втереться в американские круги и даже в их посольство. Недавно туда же поехал нелегальным резидентом Яков Блюмкин под кличкой Живой. Он проживает с персидским паспортом под видом купца. Трилиссер возлагает на него большие надежды, но я, признаться, иного мнения. Он большой барин и едва ли будет работать по-нашему, — рассказывал Триандофилов.

— Теперь несколько слов о наших слабых местах. Таковыми являются Индия и Ирак. До сих пор мы не смогли послать в эти страны наших резидентов. В Индию из Берлина доктор Гольдштейн послал двух агентов индусов, завербованных в Берлине источником № А/18. А в Ирак мы послали в прошлом году нашего агента Султанова, но до сих пор ни о ком из них не имеем сведений. Даже не знаем, живы ли они или нет. Вот что значит отсутствие связи. Кустарничество, а не работа. Теперь, как приеду в Тегеран, может быть, налажу работу на эти две страны. Только не забудь поскорей прислать Кеворкяна и епископа. Вот и все, — вздохнув, сказал Триандофилов.

— Как все, а остальные страны? — спросил я.

— Видишь ли, сейчас уже поздно, а у меня еще масса дел перед отъездом. Арабскими странами руководит Аксельрод, а антибольшевистскими партиями Кеворкян. Будет лучше, если они сами доложат тебе о состоянии работы. А я сейчас пойду, — ответил он и начал собираться.

— Ну, прощай, может быть, мне не удастся больше прийти сюда. Занимай мой стол и не забывай друзей, — и Триандофилов ушел. Я сел за стол. Теперь я начальник восточного сектора ИНО ОГПУ. До сих пор я руководил разведкой какой-нибудь одной страны. Теперь же нужно руководить работой ОГПУ от Гималаев до долины Нила.

После отпуска, проведенного в Туркестане, я вернулся в Москву. К этому времени начали поступать на меня доносы

от моего заместителя в Персии. В начале августа пришла телеграмма из Тегерана, с сообщением, что агент № 3 (Орбельян), которому велено выехать в Москву, не может выехать, так как растратил около двух тысяч долларов.

Начали выяснять подробности его биографии по анкетам и другим материалам, которые имелись в достаточном количестве, так как этот агент работал для нас в течение пяти лет. Оказалось, что до этого он работал в английском банке в Персии, где также совершил растрату, подделал чек для покрытия растраты и был выгнан англичанами со службы.

Трилиссер предложил мне немедленно отправиться в Тегеран для расследования и улажения дела, так как существовала опасность, что Орбельян, оставшись в Персии, может выдать всю известную ему агентуру.

Получив персидскую визу и купив железнодорожный билет, я собирался ехать, когда пришла новая телеграмма от полпреда Давтяна с просьбой задержать меня в Москве. Давтян приехал через неделю и сообщил, что в Тегеране поднялась против меня склока, руководимая секретарем ячейки Цейтлиным и поддерживаемая моим помощником.

Опасения относительно Орбельяна не оправдались. После настойчивых требований он приехал наконец в Москву и, уволенный за растрату из иностранного отдела, поступил на работу к нам в восточный отдел.

После четырехлетнего пребывания за границей я вновь на работе в центральном аппарате иностранного отдела ОГПУ. Восточный сектор представляет соединение двух отделов: восточного — руководящего работой на всем Ближнем и Среднем Востоке, и англо-американского, руководящего работой в Англии и Америке. Соединение было произведено потому, что в работе на Востоке всегда приходилось сталкиваться с англичанами, а потому необходимо было находиться в курсе дел английской метрополии. Америка же была дана английскому сектору, как страна, родственная Англии, в которой еще не была развернута настоящая работа.

До меня восточным сектором, как уже знает читатель, руководил Триандофилов, с которым я работал в 1921 году, а англо-американским ведал некто Мельцер. Триандофилов, по национальности грек, член партии с 1917 года, идейный коммунист, пользовался колоссальным авторитетом в партийной среде, но больше вел партийную, чем чекистскую работу. Человек умный и сообразительный, он хотя не имел практического опыта в разведывательной работе, однако справлялся с

ней довольно успешно, придумывая всевозможные хитроумные комбинации. Так, например, им была выдвинута идея использования для работы армянского духовенства. Идея организации работы в арабских странах для поднятия восстаний в тылу у англичан также принадлежала ему и т. д.

Мельцер, бывший до 1925 года резидентом ОГПУ в Персии и работавший там под фамилией Борисовского, затем был под той же фамилией переведен в Берлин. Несмотря на то что он кончил Академию Генерального штаба, он был глуп и несообразителен до невероятности, но глупость свою оправдывал якобы нервной болезнью, развившейся на почве работы в ОГПУ. По натуре же был шкурник и карьерист, каких трудно сыскать. Человек абсолютно безыдейный, он всегда стоял на стороне сильных, как на службе, так и в партии. Прочтя утром передовицу газеты «Правда» и зарядившись на целый день высказанными там очередными мыслями, он разносил их по коридорам, выдавая за свои. На службе, выслушивая соображения подчиненных по тому или иному вопросу, он немедленно докладывал их по начальству, также выдавая за свои. Материально он был вполне устроен, так как за время пребывания в Персии и Германии сумел на долгие годы обеспечить себя всем необходимым.

Охарактеризую вкратце других сотрудников сектора.

Риольф, старый член партии, простой рабочий, выдвиженец, присланный для обучения в ОГПУ. Как свежий человек, он с отвращением относился в методам провокации, которыми пользовались в иностранном отделе. Руководил он работой по Афганистану.

Кеворкян, армянин по национальности, был исключен из партии в 1921 году за несогласие с новой экономической политикой. В 1923 году его командировали в Восточный институт в Москву, по окончании которого приняли на работу в ГПУ. Молодой работник, он прекрасно разбирался во взаимоотношениях кавказских национальных партий, меньшевиков, дашнаков, мусаватистов, горцев и пр., и руководил работой по борьбе с ними в течение двух лет. Будучи политически вполне грамотным, он, однако, не имел собственной твердой платформы и колебался то влево к Троцкому, то вправо к Бухарину. Не сдержанный по натуре, он часто вслух высказывал сомнения по поводу партийной линии, за что был причислен начальством к числу «неустойчивых». На заграничную работу его поэтому пускать не решались.

Эйнгорн, еврей, лет двадцати восьми, член партии с

1918 года, старый партийный работник, имел большие личные связи в партии. До ОГПУ, где служил недавно, он участвовал долгое время в подпольной работе Коминтерна в Германии, Австрии и Польше. Он больше интересовался партийными делами, чем прямой службой. Руководя работой в Персии и Индии, он порученного ему дела не знал. Зато от него мы узнавали интимную сторону жизни руководителей партии и все новости, которые не публиковались.

Аксельрод, еврей, тридцати лет от роду, работал до 1927 года в Наркоминделе, откуда был командирован в Йемен, Геджас и провел там пять лет. Окончив Восточный институт и имея пятилетнюю практику в Аравии, он считался в СССР одним из лучших знатоков арабского языка. Кроме арабского, он владел и английским. Одновременно с работой в ОГПУ занимался журналистикой и состоял членом общества востоковедения. Не имея практического стажа, если не считать Аравии, где он вел разведку добровольно, он не пользовался большим авторитетом в секторе. Руководил он работой в арабских странах, где, собственно, еще не было ничего организовано. Вся деятельность его пока заключалась в переводе на русский язык арабских материалов и их обработке.

Работой по Турции, до отъезда, руководил Триандофилов, считавший себя специалистом по Турции, так как в свое время проработал там около года.

Делопроизводительница Бортновская, жена заместителя начальника Разведупра Бортновского, вела техническую работу сектора. От нее мы узнавали новости из Разведупра, где она имела массу друзей.

Однажды меня вызвал Трилиссер и спросил — знаю ли я, кто такой Мясников. Я сказал, что лично его не знаю, но слышал, что он является одним из активных членов так называемой «рабочей оппозиции».

Трилиссер рассказал мне следующее: Мясников за свою оппозиционную деятельность был выслан на Кавказ, затем переведен в советскую Армению и работал там в Эривани в финансовом ведомстве. После октябрьских торжеств администрация финансового управления заметила, что Мясников перестал являться на службу, и сообщила об этом в армянское ОГПУ. Начались розыски. Выяснилось, что Мясников бежал через пограничный пункт Джульфу в Персию. Ныне, по сведениям Тифлисского отдела ОГПУ, Мясников находится в Тавризе, где по распоряжению персидских властей его арестовали и содержат в местном полицейском управлении. Цент-

ральный Комитет партии отдал распоряжение во что бы то ни стало вывезти Мясникова из Персии и доставить живым в Москву. Приказ велено выполнить тифлисскому ОГПУ, однако он, Трилиссер, сомневается, что тифлиские чекисты сумеют это сделать, и просит меня помочь им. В Москве находится председатель Грузинской ЧК Берия, с которым он уже сговорился о моем участии. Я же, связавшись с Берия и условившись о деталях, должен немедленно выехать в Тифлис и дальше в Персию для выполнения поручения. Трилиссер несколько раз подчеркнул, что Мясникова нужно доставить во что бы то ни стало живым. Получив приказ, я в тот же день встретился с Берия в гостинице «Селект», и на следующий день мы вместе выехали в Тифлис.

Берия я знал раньше, но мало. За трехдневное совместное путешествие мне пришлось познакомиться с ним ближе. В Тифлисе, будучи председателем Грузчека, он одновременно занимал должности заместителя полномочного представителя ОГПУ в Закавказье и народного комиссара внутренних дел Грузии. В аппарате ОГПУ о нем ходили целые легенды. Он с 1922 года выживал всех полномочных представителей, которые по тем или иным причинам восставали против него. Как раз перед своим приездом в Москву он подрался с полномочным представителем ОГПУ в Закавказье Павлуновским, имевшим колоссальное влияние в Москве, и, несмотря на его могущественные связи, добился его отозвания из Тифлиса и назначения на его место некоего Кауля, совершенно бесцветной фигуры. Конечно, Берия мог держаться так долго на своем посту не благодаря личным способностям, а вследствие личной близости к Орджоникидзе, нынешнему председателю ЦКК и РКИ.

В дороге мы беседовали исключительно на партийные темы, так как в то время только что обнаружилось первые попытки правых уклонистов выступить против Центрального Комитета. Полагая, что такой крупный работник, как Берия, получавший по положению все стенографические отчеты Политбюро для ознакомления, должен хорошо разбираться в вопросах партийной и внутренней политики, я заговорил с ним на эти темы, но оказалось, что это политически абсолютно безграмотный человек: он интересовался тифлисскими уличными происшествиями больше, чем событиями всесоюзного масштаба.

Приехали мы в Тифлис вечером и в ту же ночь, в 11 часов, созвали совещание по делу об увозе Мясникова из Персии.

На заседании присутствовали: сам Берия, начальник секретно-оперативной части ОГПУ Лордкипанидзе и я. Остановлюсь на характеристике Лордкипанидзе.

В 1925 году он работал в иностранном отделе ОГПУ в Москве и был командирован в Париж для ведения работы среди грузинских меньшевиков. Тогда, после восстания в Грузии в 1924 году, эта работа носила ударный характер. Он пробыл в Париже около девяти месяцев, организовал кое-какую агентуру, но не мог наладить правильной работы вследствие отсутствия политического опыта и кругозора. Кроме того, были сведения, что в Париже его расшифровали, и тем самым миссия его потеряла смысл. Его отозвали в Москву и командировали в Тифлис. Очень горячий по натуре, быстро увлекающийся, он вечно предлагал фантастические планы, от которых сам же через некоторое время отрешивался.

Наше ночное заседание открыл Кауль, сообщивший, что Мясников находится в Тавризе и сидит в полицейском участке под строгой охраной персидской полиции. В помощь Минасьяну, резиденту в Тавризе, послан из Тифлиса начальник иностранного отделения ОГПУ — Гульбис, с поручением сделать все для увоза Мясникова. Однако принятые им меры пока ни к чему не привели. Необходимо выработать новый план.

Лордкипанидзе предложил организовать вооруженное нападение на тавризскую полицию и, силой захватив Мясникова, увезти его на автомобиле в СССР. На поставленный мною вопрос, пропустят ли автомобиль через границу персидские войска, он ответил, что для отвлечения внимания войск можно к этому времени завязать перестрелку между советскими и персидскими пограничниками. Берия сначала поддерживал героический проект Лордкипанидзе, но время было позднее, его начало клонить ко сну, и боеспособность его быстро падала. Мы обсудили все возможности, вплоть до подкупа начальника полиции Тавриза, который в то время приехал на лечение в Тифлис. Кауль и я молчали, слушая других. Наконец, когда спросили мое мнение, я ответил, что затрудняюсь что-либо сказать и предпочитаю выехать на место в Тавриз, где будет виднее, что можно предпринять и чего нельзя. Для этого мне нужен какой-нибудь паспорт, с которым я мог бы незаметно пробраться в Персию. Заседание продолжалось до 4 часов утра и тянулось бы дальше, если бы Кауля не вызвали к прямому проводу из Москвы. Кауль отлучился и, вернувшись с провода, сообщил, что Москва приказывает оставить Мясникова в покое. Все предыдущие распоряжения отменялись.

Мне ничего не оставалось, как выспаться и на следующий день выехать обратно в Москву. Впоследствии Мясников, выпущенный персидской полицией, несколько раз сам обращался в советское консульство в Тавризе с просьбой разрешить ему вернуться в СССР. Однако Москва учла, что он своим бегством существенно подорвал тот авторитет, какой имел среди небольшой группы приверженцев, и отказала ему в разрешении. Пусть продолжает сидеть за границей. Мясников из Персии перебрался в Париж, где, кажется, сейчас и находится.

В дальнейшем я буду вести рассказ по странам, где мы работали непосредственно, но коснусь также и стран, с работой в которых нам приходилось сталкиваться по ходу нашей собственной деятельности.

Прежде чем приступить к этой части рассказа, я должен отметить, что, находясь в Афганистане и Персии, я часто получал из Москвы подробные сведения о той стране, где работал. Так, будучи в Кабуле, я получал из Московского ОГПУ подробную информацию о состоянии нашего воздушного флота в Афганистане (с такими, например, подробностями, как число и время полетов наших аэропланов над Кабулом), о передвижении иностранцев в Афганистане, о настроении племен Южного Афганистана и т. д., и т. д.

В Персию мне Москва присылала сведения о ходе переговоров англичан с персами и т. д.

Получая эти материалы, я в то время не знал, насколько они достоверны и откуда исходят. По приезде же в Москву и принятии руководства восточным сектором, я узнал, что эти сведения черпались из докладов английских послов и военных атташе в Персии и Афганистане, причем доклады получались в фотографированном виде из европейского источника. В дальнейшем я буду приводить приблизительные тексты этих докладов, приблизительные потому, что, к сожалению, копий у меня нет сейчас под рукой.

ЧЕКИСТЫ НАИЗНАНКУ

Триандофилов с фальшивым греческим паспортом уехал в Персию. Я окончательно начал выполнять обязанности начальника восточного сектора. На этой должности я пробыл полтора года, то есть до октября 1929 года. Прежде чем писать

о работе сектора, я хочу обрисовать внутреннюю жизнь работников, которую мне пришлось наблюдать за это время.

Со времени приезда из Персии я жил в гостинице «Селект» на Сретенке, которая содержалась на средства ОГПУ и обслуживалась чекистами. Когда же вопрос о моей службе в Москве был окончательно решен, мне отвели две комнаты в доме коммуны ОГПУ, в Варсонофьевском переулке. Как начальник отделения я получал 210 рублей жалованья, из них — 50 рублей я платил за квартиру. Как и все остальные сотрудники, я должен был записаться в кооператив ОГПУ, в АВИА-ХИМ, МОПР, Добролет, общество «Друг детей», Автодор, шефство над деревней и другие, не говоря о профсоюзе и партии, где я состоял раньше. Во все эти организации нужно было вносить членские взносы. Кроме того, каждый из нас должен был подписаться на внутренние займы и вносить ежемесячно 25—30 рублей без права продать или заложить облигации, ибо мы, чекисты-коммунисты, должны были подавать пример остальным. Наконец, периодически приходилось «жертвовать» в пользу тех или иных бастующих иностранных рабочих. Так что в итоге за вычетом всех этих податей на руки я получал не больше 70—80 рублей. Отсюда можно судить о положении других мелких работников, получающих от 100 до 150 рублей. Естественно, что приходилось вечно залезать в долги у того же кооператива, не имея возможности покупать себе не только новой одежды, но даже белья. Так живут мелкие служащие ОГПУ, но совсем другое представляет собой жизнь наших высших чинов, начиная с начальников отделов. О них я буду говорить ниже. Сейчас я хотел остановиться на работниках иностранного отдела, где также имеются две категории служащих. Даже посторонний зритель, если он попадет в иностранный отдел, заметит две категории различно одетых людей. Одни ходят в защитного цвета казенных гимнастерках и кепках, а другие — в прекрасно сшитых из английского или немецкого сукна костюмах, дорогих шляпах и франтоватых галстуках. Первые — это сотрудники, еще не побывавшие за границей, а вторые — это вернувшиеся из-за границы, где они по приезде в первую очередь понашили себе достаточный запас костюмов. Вот почему первые, еще не побывавшие за границей, мечтают, «рискуя жизнью», поехать в капиталистические страны. И, в самом деле, почему не рискнуть поехать на шпионскую работу за границу с советским дипломатическим паспортом в кармане? Даже если он и будет уличен в шпионаже, то его за границей не расстре-

ляют (это же не СССР), а арестуют или вышлют обратно. Чекист знает, что в случае ареста ОГПУ его выручит какой бы то ни было ценой. Сколько тому примеров. Вот, например, Фортунатов, ныне начальник дальневосточного сектора. Будучи резидентом в Китае, он хотел приобрести секретнейшие документы за 10 тысяч долларов. Китайская полиция схватила его буквально за руку в момент получения им документов. И что же? Несмотря на потерю 10 тысяч долларов, ОГПУ ассигновало еще десять тысяч на его освобождение, и он сейчас за такую «удачную» работу, стоившую 20 тысяч долларов, назначен начальником сектора.

А вот другой пример. Сын царского консула в Персии Похитонов работал секретным информатором, и персидская полиция, уличив его, заключила в тюрьму. ОГПУ немедленно приняло меры. Спешно, задним числом, Похитонов-эмигрант был восстановлен в советском гражданстве, и Наркоминдел под нажимом ОГПУ стал хлопотать у персидского правительства об его освобождении как советского гражданина.

К несчастью Похитонова, у него была молодая, довольно красивая жена, с которой после ареста мужа стал сожительствовать тогдашний резидент в Тегеране Борисовский-Мельцер. Будучи вследствие этого заинтересован, чтобы Похитонов как можно дольше содержался в тюрьме, Борисовский оттягивал хлопоты, благодаря чему Похитонов провел полтора года в тюрьме и был освобожден и выслан в СССР лишь после замены Борисовского новым резидентом Казасом.

Таким образом, работа чекистов за границей фактически никакого риска не представляла, за исключением редких случайностей, как, например, было в Кантоне, где китайские солдаты, разрушив местное советское консульство, убили нескольких сотрудников консульства, в числе которых оказался резидент Уколов.

Зато какие преимущества чекистам на заграничной работе! Резидент получает 250 долларов в месяц на всем готовом, которые почти целиком остаются в его кармане. За рубежом чекист не обязан состоять в бесчисленных «добровольных» обществах, о которых я упоминал выше, и не вносит никаких членских взносов. Кроме того, пользуясь своей неограниченной властью в хозяйственных советских учреждениях, резидент обыкновенно устраивает на службу своих жен и родственников. Так, например, у резидента в Персии Казаса служили одновременно жена и сестра, так что в общей сложности вся семья зарабатывала 600 долларов в месяц, абсолютно

на всем готовом. А сколько прилипало к рукам резидента разных «непредвиденных, чрезвычайных, разъездных» и т. д. трудно сказать, ибо контроль над чекистом отсутствует. Такова материальная основа «рвения чекистов за границей».

С другой стороны, резидент ОГПУ получает полную самостоятельность действий, так как подчинен только Москве. А Москва — далеко. Подсматривать и доносить на него некому, ибо он сам монопольно уполномочен за всеми следить и на всех доносить. Вот тут-то у резидента и выявляется его подлинная натура. Одних он милует, других предаёт. Как ему вздумается! До тех пор, пока не разыграется какой-нибудь крупный скандал. Тогда его тихонько отзывают и направляют в другую страну. Ни ЦК, ни ЦКК не вмешиваются во внутренние дела ОГПУ, а если что и всплывает на свет, то закрывают глаза.

Наконец, за границей чекист освобождается от обязанности посещать те чуть ли не ежедневные собрания и заседания, которые устраиваются в Москве по всякому поводу и без всякого смысла. Эти скучные и казенные собрания являются настоящим бичом для работающего в Москве. Они, отнимая все свободное время у служащего, не дают ничего ни уму ни сердцу. Официальные доклады, безразличность в голосовании и казенные резолюции. Уже от одних этих собраний можно ехать куда угодно, только бы избавиться от них. Вот почему работники ОГПУ рвались за границу, чтобы пожить вдоволь, подкопиться на случай возвращения в голодный СССР и отдохнуть, насколько возможно, от серой казенной жизни в СССР, ведущей к «социализму». Никто отнюдь не руководствовался идейными соображениями, ибо каждый мало-мальски грамотный понимал, что на шпионаже против, главным образом, сотрудников советских учреждений мирового социализма не построишь, и поэтому старался на всякий случай устроить собственное благополучие. И, нужно сказать, строили не плохо. Лучше, во всяком случае, чем порученную им работу. Чтобы не говорить огульно, приведу несколько примеров.

Вальтер, бывший до 1924 года поверенным в делах в Кабуле и одновременно исполнявший обязанности представителя ОГПУ и Разведупра, успел за восемь месяцев «работы» присвоить себе кулон с 12 каратами бриллиантов, данный ему Разведупром на работу, и 1500 фунтов стерлингов, выданных ему из ОГПУ. Хотя об этом знали все, это не помешало ему занимать должность генконсула в Константинополе до конца 1930 года. Борисовский-Мельцер, пробывший резидентом в

Тегеране и Берлине, в течение двух лет, возвращаясь в Москву, привез с собой 12 огромных сундуков одних только шелковых и шерстяных отрезков, которые он, проживая в Москве, потихоньку продавал и жил припеваючи. В «наказание» за это его назначили начальником иностранного отдела ОГПУ в Ташкенте. Бывший до меня резидентом в Персии Казас, уезжая из Тегерана, сдал в багаж 28 пудов вещей, которых, вероятно, хватит ему на десять лет.

Это все примеры, которые ОГПУ известны. А сколько таких примеров неизвестных! Немудрено поэтому, что когда я приехал в Москву после двухлетнего пребывания в Афганистане, где я истратил около 50 тысяч фунтов стерлингов и не мог сразу внести 150 рублей, накопившихся за мое отсутствие членских взносов, то никто не верил, что у меня нет денег. Да и как им было верить, когда они на более мелкой работе в такой промежуток времени делали состояние.

Повторяю, только материальные блага плюс относительная безопасность работы стимулировали поездки работников ОГПУ за границу. Это стало многим ясно после того, как в 1928 году стали практиковать посылку работников за границу нелегально, то есть без советского дипломатического паспорта и со всеми вышесказанными отсюда последствиями. И что же? Оказалось, что число желающих ехать на нелегальную работу очень мало. Такие старые работники иностранного отдела, как Борисовский, Казас, Скижали-Вейс и многие другие, которые всегда раньше бывали готовы «рисковать жизнью» где-нибудь на должности атташе посольства, теперь прямо отказывались ехать, отговариваясь семейным положением, здоровьем и прочее.

Таковы работники иностранного отдела ОГПУ.

Жизнь сотрудников других отделов мне мало известна, но, судя по некоторым известным мне случаям, там если не хуже, то, во всяком случае, не лучше. Приведу следующий пример: в бытность мою в Персии у меня работал секретно некий Мартинели. Возвратившись в Москву, он, оставшись безработным, поступил на службу в Якутскую область на золотые прииски, куда и выехал вместе с женой. По дороге в Якутск в Екатеринбурге его арестовывают за контрреволюционную деятельность в 1918 году и доставляют в Москву. Отобранный у него багаж сотрудники также везут в Москву, где возвращают его жене. Когда жена Мартинели открыла чемоданы, то там вместо вещей оказался разный хлам. Вещи мужа, как и ее, были украдены. Жаловаться она боялась, так как вдобавок

арестовали бы и ее. Читатель отсюда может заключить, сколько прилипает к рукам комиссаров ЧК, делающих ежедневно сотни обысков и арестов.

Теперь несколько фактов о верхушке ОГПУ — о ее коллегии и начальниках отделов. Председатель ОГПУ Менжинский, состоящий одновременно членом ЦК ВКП(б), не в счет. Он — член правительства, больной человек. Живет все время на даче и выполняет предписания врачей. Зато его первый заместитель Ягода — совсем другого поля ягода. Я его знал в 1921 году, когда он еще был мелкой шишкой по Управлению делами ОГПУ и больше интересовался хозяйственной частью. Хозяйство, в особенности чужое хозяйство, является, видимо, его специальностью, ибо и сейчас Ягода, будучи фактически руководителем всего ОГПУ, опять-таки оставил за собой руководство кооперативом ОГПУ, являющимся одним из лучших и богатейших кооперативов в Москве. Из средств кооператива он подкармливает многочисленных своих прихлебателей, которые взамен этого являются его верными соратниками, начиная с ведения какой-нибудь служебной интриги и кончая устройством попок с девицами-комсомолками на конспиративных квартирах. Все работники знают садистские наклонности Ягоды, но все боятся говорить об этом вслух, ибо иметь его врагом — это минимум верная тюрьма.

Второй заместитель Менжинского — Трилиссер, начальник секретного отдела Дерibas, начальник КРО — Ольский и заместитель начальника ИНО — Артузов живут вместе. Для них специально в Фуркасовском переулке построили домик, где они и организовали свою коммуны под охраной агентов ОГПУ. Нужно сказать, что эта публика живет сравнительно скромно, за исключением Дерibasа, беспробудно пьянствующего.

Начальник восточного отдела ОГПУ и одновременно член ЦКК — Петерс кроме своей квартиры имеет несколько других, где содержит своих возлюбленных. Я помню, как-то об этом факте, ставшем мне известным, поделился с нач [альником] Пограничного управления Вележевым (бывшим на заграничной работе под фамилией Ведерников), возмущаясь поведением Петерса.

— Ты не хочешь понять закона целесообразности, ведь так, по крайней мере, Петерс теряет меньше времени на женщин, чем если бы он каждый раз искал их на улице. А время для крупных наших работников — это все, — ответил мне с усмешкой Ведерников.

Стоит ли приводить факты деяний всех начальников отделов? Не ясна ли картина морально разложившегося бюрократического аппарата, в котором «вожди» стараются еще сохранить звание «меча в руках пролетариата», а по существу уже ставшего орудием подавления трудящихся? Многие до того привыкли к своему положению привилегированных, что даже не замечают его. В распоряжении каждого из них автомобиль и секретарь, и этот секретарь обо всем заботится. Иногда целыми днями в сопровождении жены своего начальника мечется по магазинам и возвращается к вечеру с нагруженной продуктами, винами, материями машиной.

И все это без всякой оплаты, без денег. Да и какой председатель кооператива или магазина посмеет просить денег или отказать в чем-нибудь начальнику отдела всесильного ОГПУ, куда он может быть приведен каждую минуту как арестованный?

А ведь не только верхушка ОГПУ, но и верхушка всех советских министерств живут вот так, без денег, на всем готовом. Не отсюда ли то, что среди верхушки держится идея, что «мы уже вступили в царство социализма, где труд оплачивается по потребностям и где отпадает надобность денежного знака».

Ибо на самом деле среди этой верхушки «социализм» в полном расцвете. Жри, сколько хочешь, и делай, что тебе вздумается, только ратуй за ЦК партии — «вот программа такого социализма».

Но ведь число этой верхушки всего несколько тысяч, а как же в остальной России? Остальные 160 миллионов живут впроголодь или голодают.

Таковы мои наблюдения за двухлетнее пребывание в Москве, и я не преминул сделать выводы при первой возможности. Я навсегда порвал с новым верхним десятком тысяч в СССР.

ШЕСТИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Как обычно, в 9 часов утра я, поднявшись на лифте на четвертый этаж, вошел в комнату № 161, где я работал. В комнате из сотрудников находился только один Кеворкян; он, сидя за своим столом, внимательно читал «Правду». На каждом столе лежало по свежему номеру этой газеты, ибо каждый сотрудник обязан состоять подписчиком партийной газеты «Правда». Поздоровавшись с Кеворкяном, я занял свое место

и, раскрыв газету, также углубился в чтение передовицы, которая является своего рода партийной директивой на текущий день.

— Пойдем завтракать, что ли? — спустя немного обратился ко мне Кеворкян. Он жил в маленькой комнатухе, где едва помещалась кровать, и не имел никаких приспособлений и посуды, чтобы позавтракать у себя, поэтому он приходил по утрам рано на службу с целью позавтракать в буфете.

— Принеси наши мешки, а потом пойдем, — ответил я, не отрываясь от чтения газеты.

Кеворкян ушел в канцелярию отдела и вскоре возвратился с двумя небольшими брезентовыми мешками. Каждый сотрудник ИНО имеет свой мешок, куда он укладывает по окончании занятий все свои бумаги. Незащитая сторона мешка имеет несколько петель, через которые продета стальная цепочка. Уложив бумаги, сотрудник запирает мешок секретным замком и сдает в канцелярию закордонной части. Утром он получает свой мешок обратно. Секрет замка известен только владельцу мешка и начальнику закордонной части, так что посторонний не сможет открыть мешок.

Следом за Кеворкяном вошла сотрудница моего сектора Вера Бортновская. Маленького роста, энергичная, живая брюнетка, она была всеобщей любимицей, ибо всегда старалась всем услужить и не болтала о том, что говорили между собой сотрудники. Несмотря на ее беспартийность, Вера пользовалась общим доверием, ибо очень давно служила в ОГПУ и вместе с тем была женой заместителя начальника Разведупра Ревсовета.

— Здравствуйте! — крикнула она нам, бросая сумочку и перчатки на свой стол. — Ты что же, Коля, не мог принести моего мешка, я всегда приношу твой, — обратилась она к Кеворкяну, увидев наши мешки.

— Не приставай ко мне с утра, Вера. Сама принесешь, не развалишься, — огрызнулся Кеворкян. — Ну, пойдем, что ли, я жрать хочу, — обратился он затем ко мне.

— Верочка, посиди в комнате, пока мы позавтракаем, — попросил я, бросая газету, и мы вышли с Кеворкяном.

Мы стали спускаться по узкой внутренней лестнице, ведущей на двор, где в одном из подвалов оборудован буфет для сотрудников.

Мы с Кеворкяном большие друзья. Он молод, но успел вступить в партию большевиков. В 1921 году был избран секретарем транспортного союза в Армении и в тот же год ока-

заялся в числе оппозиционеров и был исключен из партии. Оказавшись беспартийным, он продолжал интересоваться партийной работой и в 1924 году был вновь принят кандидатом в партию. Только в 1928 году после неоднократных экзаменов его восстановили в правах члена партии, и то благодаря его службе в ЧК. Как я упоминал, Кеворкян очень интересовался партийными вопросами и принимал близко к сердцу тот идейный разброд, который наблюдался среди вождей пролетариата в то время. По одним вопросам он был на стороне Троцкого, по другим Бухарина, и неоднократно его подмывало выступить на партийном собрании со своим мнением, но не решался, твердо зная, что вслед за выступлением последует опять исключение из партии и высылка. Со мной же он был откровенен и делился своими мыслями и сомнениями.

Мы проходили по внутреннему двору, разгороженному деревянным забором, у которого стоял часовой. За этим забором помещалась часть внутренней тюрьмы. Недалеко от часового стоял большой грузовик-ящик, окрашенный в черный цвет. Эту машину, когда она мчится по улицам Москвы, жители называют «черный ворон». Сейчас шофер возился с машиной. Видимо, чистил после ночной работы.

— Когда я вижу эту машину, меня дрожь берет, — сказал Кеворкян, обращаясь ко мне на армянском языке.

— Что, у тебя совесть нечиста? — спросил я. — Нечего дрожать, лучше привыкай. Тебе ведь не миновать внутреннего двора, — добавил я, смеясь.

Мы спустились в буфет, где была уже масса народу. Тут можно увидеть зеленую форму особого отдела или пограничной охраны, кое-где мелькают красные околыши сотрудников комендатуры. Много женщин и несколько человек в штатском. Это сотрудники иностранного отдела. Буфет — это маленький клуб сотрудников, который посещался охотнее, чем клуб ОГПУ на Большой Лубянке, ибо в буфете сотрудникам выдавались масло, яйца, хлеб, что в городе можно было достать с большим трудом.

Кругом шла оживленная беседа между завтракавшими сотрудниками, но никто не говорил о делах. Во-первых, нельзя, а, наконец, дела настолько опротивели, что о них стараются как можно меньше вспоминать.

Наскоро позавтракав, мы возвратились к себе наверх. В комнате уже сидел другой сотрудник сектора, Маркарян, бывший моим помощником в Персии, и начальник англо-

американского сектора Борисовский-Мельцер, помещавшийся в одной комнате со мной.

— Ну, Коля, давай рассказывай мне о положении нашей работы среди восточных контрреволюционных партий, — пригласил я Кеворкяна.

— Видишь ли, я специально занимаюсь разработкой кавказских группировок, ибо остальные группы ничего серьезного собой не представляют. Основное — это грузинские меньшевики, мусаватисты, дашнаки и горцы. Вот сейчас как раз между ними ведутся переговоры к образованию единого фронта, так называемой Кавказской конфедерации. Почти все группы, за исключением дашнаков, согласны вступить в этот Комитет единения. Все эти группы находятся на иждивении той или иной иностранной державы, заинтересованной в сепаративном движении среди народов СССР. Пока что мы имеем документальные данные, что эту группу поддерживают поляки, которые субсидируют их деньгами, готовят военных спецов на случай восстания из этих национальностей и, естественно, используют их в разведывательных целях. Но, по агентурным данным, за спиной поляков стоит Франция, под руководством которой работает польский генеральный штаб. Это же подтверждается тем фактом, что центры всех этих групп находятся в Париже. Таково общее положение.

— Ну, а как дашнаки? — спросил я.

— Дашнаки имеют старую, сильную организацию. Их поддерживают деньгами из Америки, и, кроме того, они используют армянскую церковь, которая почти целиком находится под их влиянием. Наконец, по агентурным сведениям, их субсидируют англичане. Нужно вообще сказать, что помощь всем контрреволюционным партиям оказывается странами, заинтересованными в кавказской нефти. Вот почему мы полагаем, что тут работают не без участия Детердинга, — рассказывал Кеворкян.

— Теперь расскажи, какие меры приняты нами? — спросил я.

— О дашнаках ты знаешь по персидской работе. Мы перехватываем их почту, идущую в адрес представителя дашнаков в Тавризе Ишханяна. По этой переписке мы бываем в курсе их деятельности в Армении и Турции и в свою очередь принимаем контрмеры. Другой источник по армянам находится в Константинополе, который передает нам переписку тамошнего патриарха армян Нарояна. Наконец, армянский епископ в Греции Мазлумян по нашим заданиям ведет работу по раз-

ложению дашнаков и освещает положение и настроение тамошних армян. Что касается грузинских меньшевиков, то они работают через Турцию и частично через Польшу. В Константинополь частенько приезжают Сосико Мдивани и Ной Рамишвили для связи со своими единоплеменниками на Кавказе. Об их выезде из Парижа наша агентура немедленно сообщает нам, и мы всегда бываем наготове. Кроме того, поскольку мы получаем копии протоколов заседаний их группы, мы всегда в курсе дела. Мусаватисты работают также через Турцию и Персию. В Константинополе сидит Мамет Али Расулзаде, который и возглавляет эту партию. В Тегеране проживает его брат, а в Тавризе и Пехлеви их эмиссарами являются Мирза Балла и доктор Ахундов. Все они находятся под прекрасным наблюдением нашей агентуры. В общем же можно сделать вывод, что все эти партии, благодаря внутренним раздорам и отсутствию материальных средств, никакой серьезной опасности не представляют, несмотря на сильные национальные тенденции среди кавказских народностей, — закончил Кеворкян.

— Судя по твоему рассказу, я вижу, что все наши меры направлены к тому, чтобы парировать работу этих контрреволюционных групп. А почему бы нам не попытаться самим ударить по ним и развалить их центры в Париже? — спросил я.

— Вот то же самое я твержу уже целый год, но наше начальство никак не раскачаешь, — ответил Кеворкян. — Там в Париже до 1927 года вел работу сотрудник Тифлисского ОГПУ Лордкипанидзе, которому мы поручили эти задания, но он скоро расшифровался и вынужден был вернуться. С тех пор мы никого не можем послать в Париж. Правда, недавно мы завербовали одного грузина в Праге и перебросили его в Париж поближе к грузинскому центру, но это не то. По моему, туда нужно послать своего человека из центра на правах резидента ОГПУ.

— А что, если отправить туда Сурена? — сказал я. — Согласен ли ты поехать в Париж, Сурен? — предложил я Маркарьяну.

— Вот я бы поехал в Париж. Эх и пожил бы я там, — мечтательно сказал Кеворкян, — а меня отправляют в такую глушь, как Персия.

— Что же, я не откажусь, — ответил задумчиво Маркарьян.

— Ладно, я доложу об этом Трилиссеру, — сказал я, делая заметку в блокноте.

В 12 часов дня пришел Аксельрод, ведавший работой в арабских странах. Маленького роста, тщательно одетый и прилизанный, он резко отличался своей внешностью от остальных чекистов, в большинстве небрежно одетых. Аксельрод был молодой, случайный чекист. Он работал по линии Наркоминдела секретарем консула в Геджасе и Йемене. Хорошо образованный, прекрасно владевший большинством европейских языков и в совершенстве арабским, он привлек внимание ОГПУ и был завербован еще будучи в Геджасе. По секрету от консула и Наркоминдела, он присылал нам обстоятельные доклады о положении арабских стран. По его возвращении в Москву мы переманили его на службу в ОГПУ, дав ему некоторые льготы. В том числе ему разрешалось приходить на службу к 12 часам, ибо по утрам он работал в Ассоциации востоковедения, где состоял председателем.

— Здравствуйте, друзья, — поздоровался он, войдя в комнату. — Ты что, Коля, еще не уехал? — обратился он к Кеворкяну с улыбкой, зная, что последний ждет не дожидается скорее выехать за границу.

— Я-то поеду, не испугаюсь, а вот посмотрим, как ты рискнешь поехать нелегально. Это тебе не наркоминдельская командировка с диппаспортом, — ядовито ответил Кеворкян.

Аксельрод в ответ только улыбнулся и подсел ко мне.

— Ну, что сегодня нового? — спросил он у меня.

— Ничего особенного, Моисей Маркович, вот я хотел просить тебя рассказать о положении нашей работы в странах, которыми ты руководишь, — сказал я.

— О, стран у меня уйма, а толку никакого. Я тебе сейчас с удовольствием расскажу. Кстати, я даже приготовил доклад об Аравии. Хочешь прочитать черновик? — ответил он, раскрыв одну из папок с бумагами.

— Это потом, сейчас давай лучше Расскажи, — предложил я.

— Так вот, в моем ведении находятся Египет, Сирия, Палестина, Ирак, Индия и все остальные страны Востока, где мы вообще работаем, — смеясь, начал он, — ибо, как ты видишь, мне поручили те страны, где мы, к сожалению, ни черта не делаем. Начну с Индии. Об этой стране мы имеем сведения из Афганистана, откуда кабульский резидент пытается освещать Северную Индию. Кое-что мы знаем из перехватываемых документов индийского генерального штаба и, наконец, по агентурным донесениям источника № А/18

в Берлине. А/18, будучи индусом по национальности, имеет связи среди индийской колонии в Берлине, где и черпает свои сведения. Так что ты сам можешь судить, какую ценность они могут представлять. В последнее время доктор Гольдштейн завербовал в Берлине через того же А/18 двух индусов и послал их в Лагор, но от них мы не имеем сведений. Вот все, что мы имеем в Индии, то есть почти ничего. Я полагаю, что и в дальнейшем мы не будем знать хорошо эту страну, пока наш резидент не будет находиться в самой Индии. В Египте работой агентуры руководят также из Берлина. Доктор связан с несколькими осведомителями, посылающими ему информацию из Египта. Но беда в том, что берлинская резидентура, не будучи знакома с египетскими вопросами, не может эффективно руководить находящимися там работниками, являющимися сплошь членами местной коммунистической партии, и в один прекрасный день вся эта сеть может провалиться вместе с их организацией. И все же в Египте у нас дела обстоят лучше, чем в Индии, ибо мы, получая копии докладов английского верховного комиссара в Каире, всегда находимся в курсе тамошних событий. В Сирии и Палестине только недавно взяли за организацию нашей агентуры. Живой (Яков Блюмкин) вот уже шесть месяцев как объезжает эти страны. Он уже кое-кого завербовал, но сведений от них пока не поступало. Тут мы тоже можем ждать, так как о Палестине мы имеем сведения из тех же английских материалов, а о Сирии мы черпаем данные из докладов французского военного атташе в Константинополе.

— Ну, относительно Ирака посмотрим, что сумеет сделать из Персии Триандофилов. Пока что мы имеем в Багдаде недавно назначенного армянского епископа, которого завербовали перед его выездом туда.

— Теперь я хочу остановиться на Геджасе и Йемене. Там у нас в данное время, благодаря благосклонному отношению Ибн-Сауда и имама Яхьи, очень благоприятная позиция. Кроме того, у нас имеется ряд ценных агентов, завербованных еще в мою там бытность. Но вот Белкин, которому я, уезжая, передал дела, недостаточно опытен и не может как следует использовать положение. Я написал Живому, чтобы он, если найдет возможность, вызвал к себе Белкина и проинструктировал его. Но если бы мы имели там, в особенности в Йемене, опытного резидента, то можно было бы развить большую работу. Оттуда мы могли бы проник-

нуть в Египет, Абиссинию и даже в итальянскую Эретрию, — докладывал Аксельрод.

— Я думаю, нам нужно детально разработать все интересующие нас вопросы в этих странах и послать их в виде инструкции Живому для руководства при организации им работы, — предложил я.

— Я вполне с тобой согласен. Вот прочтешь мою докладную записку и увидишь там все, что нужно, — ответил Аксельрод, передавая мне доклад.

Уже половина четвертого. Каждый сотрудник торопливо собирал бумаги со стола и набивал ими свой мешок. Через пять минут мешки были сданы в канцелярию, и мы спустились вниз по лестницам, направляясь в столовую. Времени было очень мало, ибо с пяти часов каждый чекист должен был или где-нибудь делать доклад, или руководить кружком, или присутствовать на заседании.

Каждый чекист должен быть активным коммунистом.

Однажды утром Вера Бортновская, радостно запыхавшись, вбежала в комнату с криком: «Товарищи, жалование выдают, идите получать!» — и сейчас же исчезла, чтобы скорее занять место в очереди. Она у нас всегда каким-то образом узнавала о всех выдачах. То ли сукно выдают в кооперативе по талонам, то ли разыгрываются контрабандные шелковые чулки или парфюмерия, а то раздают бесплатные билеты в театр, Верочка (как ее все называли) узнавала первой и спешила нас предупредить.

Один за другим сотрудники уходили за жалованием и, вернувшись через некоторое время, бросали несколько полученных червонцев на стол. Затем каждый брал клочок бумаги и погружался в сложные математические вычисления. Каждый решал, какие из бесчисленных дыр в его бюджете нужно заткнуть в первую очередь полученными деньгами.

— Да, хороши дела, нечего сказать! Если расплатишься со всеми долгами, то на жизнь до следующей получки останется десять рублей, — задумчиво сказал Маркарьян.

— Тебе что, ты, по крайней мере, был за границей, оделся, и, наверное, у тебя есть что загнать, а я вот шестой месяц собираюсь купить ботинки и не могу. Не остается ни гроша, — сказал Кеворкян. — Вот читай, — продолжал он, хлопая ладонью по «Правде», — Куйбышев на собрании кричит, что заработная плата сейчас повысилась в два раза про-

тив довоенного, а Микоян поет о снижении себестоимости товаров. Легко им трепаться, а вот пусть придут посмотрят на мое жалованье, удвоилось оно или нет?

— Не бузи, Коля, опять в ячейку вызовут, — останавливала Бортновская разошедшегося Кеворкяна.

— Что же, это ты донесешь на меня, что ли? — спросил Кеворкян, подозрительно смотря на нее.

— Оставь! — прервал я его по-армянски, и он, замолчав, принялся за работу.

Вошла одна из девиц, работавших в канцелярии, и подошла ко мне.

— Распишись, Агабеков, почта из Константинополя и Геджаса. А вот список желающих ехать в СССР иностранцев, который нужно сегодня же проверить.

— Ладно! — ответил я, расписываясь. Исследовав наружную сторону пакетов и проверив печати, я осторожно обрезал края конверта ножницами и вынул содержимое. Конверты я возвратил девице, которая отправит их в лабораторию специального отдела, где их исследуют и установят, не были ли они вскрыты в пути.

Константинопольская почта представляла собой непроявленные пленки фотографий в герметически закупоренной коробке, которую я также отправил в лабораторию ИНО для проявления и отпечатки. Геджасский резидент присылал почту в несфотографированном виде. Просмотрев содержание письма резидента, я передал полученный материал Аксельроду, который занимался этой страной.

Еще немного спустя зашел к нам секретарь закордонной части Янишевский.

— На, читай и распишись, — обратился он ко мне, передавая две шифротелеграммы.

Телеграммы из Кабула, сообщающие об ухудшении положения эмира Амануллы и о новых успехах Бачаи-Сакао. Расписавшись на телеграммах, я вернул их Янишевскому.

В это время зашел сотрудник дальневосточного сектора, помещавшегося в соседней комнате, Герт. Отозванный из Ангоры, он был переведен из нашего сектора в дальневосточный, но, не забывая старых друзей, частенько навещал нас.

— Что ты, тоже телеграммы получил? — спросил он.

— Да, из Афганистана сообщают, что дела Амануллы плохи, — ответил я.

— Теперь уже Афганистан отойдет на задний план. В Китае такие дела разгорятся, что и не говори. Наш Фортунатов и

Мельников из Наркоминдела вчера всю ночь просидели у Старика (Трилиссера), — сказал Герт.

— А что слышно в Китае нового? Еще не думаем занять Харбин? — спросил я.

— Зачем его занимать? И без того наши ребята держат в терроре всю железнодорожную линию до Харбина. Вчера опять наши агенты спустили под откос два китайских военных эшелона, отправленных к нашей границе, и взорвали пороховой погреб, — ответил он. — Кстати, я пришел к тебе посоветоваться по личному секретному делу. Мне поручено нелегально пробраться с персидским паспортом в Китай. Так как ты советуешь, какую взять фамилию, чтобы подошла под персидскую? — спросил меня Герт.

— Я думаю, тебе подойдет фамилия Якуб-заде, она наполовину персидская, наполовину еврейская, — ответил я после некоторого раздумья. — А как ты думаешь пробраться в Китай? — спросил я.

— Наши долго думали и решили, что я должен поехать в Америку, а оттуда через Японию в Китай. А каково твое мнение на этот счет? — в свою очередь спросил меня Герт.

— Что же, путь верный, только очень далекий, — ответил я. Зазвонил телефон. Секретарь Трилиссера сообщил, что меня требует к себе Трилиссер.

— Так мы еще поговорим на эту тему подробнее, — сказал я Герту, собирая бумаги для доклада Трилиссеру.

— Не забудь поговорить со Стариком о нашем вопросе! — крикнул мне вдогонку Кеворкян, когда я выходил из комнаты.

— Здравствуйте, товарищ Агабеков, садитесь, — ответил на мое приветствие Трилиссер, закуривая свежую папиросу, — ну, что у вас хорошего? Как там наши работают в Персии?

— Триандофилов и Эйнгорн заняты пока организационной работой, и ничего нового от них не поступало, а вот в Афганистане положение серьезное. Сегодня поступили телеграммы, из коих можно судить, что Аманулла не справится с повстанцами, и, по всей вероятности, ему придется бежать в Индию, ибо дороги к нам и в Персию перекрыты сторонниками Бачаи-Сакао, — докладывал я.

— Так что же вы предполагаете делать? — спросил Трилиссер.

— По всем поступающим материалам видно, что Бачаи-Сакао настроен революционно против старой афганской аристократии, поэтому я думаю, что если бы мы смогли послать

во время к нему наших советников, то можно было бы, при-
брав его к рукам, толкать его на дальнейшие шаги в сторону
Индии. Для этого было бы лучшим ходом признать его как
правителя Афганистана раньше других государств. Этим путем
мы бы стали его первыми друзьями и одновременно имели
бы возможность беспрепятственно работать. Вместе с тем
можно было бы послать нашего резидента к Аманулле, кото-
рый в случае эвакуации его в Индию поедет вместе с ним и
осядет в Индии или где будет проживать Аманулла. Из ос-
тальных претендентов наиболее важным является Надир-хан,
который уже выехал из Франции в Афганистан. В отношении
его я пока ограничился заданием в Париж — выяснить, какие
связи он имел, проживая там, — ответил я.

— Идея с Амануллой мне нравится. Что касается Бачаи-
Сакао, то я тоже думаю, что к нам он ближе, чем Аманулла,
но нужно бы по этому вопросу выяснить точку зрения Нар-
коминдела. Поговорите с Цукерманом, а потом еще раз до-
ложите мне, и мы решим, что делать, — сказал Трилиссер.

— Затем у меня вопрос о кавказской эмиграции, — продол-
жал я. — Положение таково, что при наличии центров кавказ-
ских антибольшевистских партий в Париже мы не имеем там
работника, который разбирался бы в этих вопросах и поставил
бы работу по их освещению. Между тем как этим путем мы за-
ранее были бы осведомлены об их планах на Кавказе. Вместе с
тем мы попытались бы взрывать эти центры изнутри.

— А кого можно бы туда послать? — спросил Трилиссер.

— Я бы предложил Маркарьяна. Он несколько лет сидел
на разработке материалов антисоветских партий и хорошо
знаком с вопросом.

— Гм, вот что! Напишите-ка лучше в Тифлис, пусть они
дадут работника для Парижа, так как они больше заинтере-
сованы в этих партиях. Если же у них не окажется подхо-
дющей кандидатуры, то тогда мы пошлем своего. Этим путем
мы избежим всяких дрызг и склок с Кавказом, — сказал он.

В эту минуту раздался легкий стук в дверь, и из-за пор-
тьеры высунулась голова начальника дальневосточного сектора
Фортунатова.

— Извините, Михаил Абрамович, я только на минутку. У
меня срочное дело, а курьер уходит сегодня в Хабаровск.

— Ну, ладно, заходите, — разрешил Трилиссер, делая на
лице гримасу. Он очень не любил принимать сразу двоих по
разным делам.

Фортунатов — уже довольно пожилой мужчина с брюш-

ком, особенно выделявшимся при его маленьком росте. Маленькая русая борода украшала его вечно красное от злоупотребления алкоголем лицо. Старый член социал-демократической партии, Фортунатов эмигрировал от преследований царского правительства в Китай, где и прожил до начала революции в России. Там он и его сын, ныне также работающий в ОГПУ, изучили английский и китайский языки и, считаясь знатоками китайских дел, теперь руководили дальневосточным сектором.

— Михаил Абрамович, харбинская резидентура сообщает, что у них вышел весь запас взрывчатых веществ. Нужно послать туда денег на приобретение новых запасов. Кроме того, резидент просит денег на приобретение радиостанции. В общей сложности требуется пять тысяч долларов. Разрешите послать деньги с уходящим сегодня курьером, — доложил Фортунатов.

— Странно, а зачем ему там покупать все это? Разве у нас не найдется динамита и радиостанции? — удивленно спросил Трилиссер.

— Есть, конечно, но с переброской получится возня, — возразил Фортунатов.

— А сколько места займет весь этот багаж? — задал вопрос Трилиссер.

— Приблизительно чемодана четыре, — ответил тот.

— Так ведь это же пустяки — перебросить четыре чемодана. Зато мы сэкономим пять тысяч долларов валюты. Не правда ли? Пожалуйста, сделайте распоряжение приготовить нужные вам чемоданы, — закончил Трилиссер и повернулся ко мне.

Фортунатов с недовольным видом вышел.

— Ну, давайте дальше, — обратился ко мне Трилиссер.

— В сегодняшней почте из Константинополя Минский прислал заявление Рида, в котором последний просит разрешения поехать на пару месяцев в Америку. Дело в том, что он проживает по американскому паспорту, по которому он якобы четыре года как выехал из Америки. А по американским законам каждый гражданин Америки должен минимум раз в пять лет быть у себя на родине, иначе он теряет гражданство. Поэтому Рид и хочет поехать туда. Кроме того, он установил приличные деловые связи в Константинополе и надеется получить в Америке представительства фирм и тем еще более укрепить свое положение купца, — сказал я.

— А сколько это будет стоить? — спросил Трилиссер.

— Он просит на всю поездку две тысячи долларов, — ответил я.

— Ну, ладно, — со вздохом согласился Трилиссер, — пусть едет, только напишите ему, чтобы он не смел заезжать в Гамбург, а то у него там жена и он застрянет надолго.

— Давайте закончим пока, у меня сейчас заседание коллегии, — сказал Трилиссер, видя, что я собираюсь докладывать дальше.

Я, поспешно собрав бумаги, оставил кабинет.

СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ

После моего отъезда из Афганистана в 1926 году моим преемником был назначен Скижали Вейс, работавший до того в Ташкенте. Он поехал в Афганистан на должность атташе полпредства, под фамилией Шмидта. Помощником к нему был придан некто Очаковский, работавший до того в восточном отделе ОГПУ в Москве. Шмидт был моим преемником во всех отношениях: он не только принял всю агентуру, организованную мною, но так же, как я, продолжал борьбу с полпредом Старком. Борьба приняла при нем еще более резкий характер. Полпред Старк, не довольствуясь двумя женами, завел третью — жену шифровальщика полпредства Матвеева. На этой почве произошел скандал, закончившийся самоубийством первой жены Старка и выездом в Москву второй жены, Булановой, которая должна была к тому времени иметь ребенка от Старка. Старк остался в Кабуле благополучно проживать с третьей женой, Матвеевой. Склока дошла до того, что Москва послала в Кабул члена ЦКК Филлера для расследования дела. Филлер, разобрав склоку, постановил снять с работы Старка и Шмидта. Но Шмидт выехал в Москву, оставив своим заместителем Очаковского, а Старк продолжал сидеть в Кабуле.

Отъезд Шмидта произошел как раз в то время, когда в Кабуле ожидалась грозные события. На юге Афганистана восставшие племена упорно стремились к Кабулу. Афганский эмир вынужден был бросить все войска в бой, чтобы задержать наступление. На севере Афганистана свирепствовал повстанческий вождь Бачаи-Сакао, отряды которого численно разрастались. Положение Амануллы-хана становилось крайне затруднительным.

Москва тем временем обсуждала принципиальные вопросы

и не знала, что дслать. Необходимо было выяснить, какова позиция Амануллы по отношению к СССР после его поездки по Европе, что из себя представляет восстание южных племен, кем оно поддерживается, наконец, каковы планы Бачаи-Сакао, какова его политическая программа и настроения каких слоев афганского населения она отражает. Всех этих вопросов кабульская резидентура не могла осветить, так как сама сошла на нет после отъезда Шмидта и разрыва связи. Приходилось разрешать эти важные вопросы по имеющимся иностранным материалам, в частности по докладам английского посольства в Кабуле Форин Оффису... ОГПУ искало во всех афганских событиях прежде всего руку англичан. Было приказано изучить все служебные доклады английского посольства в Кабуле и выяснить по ним, предвидели ли англичане эти события и что заставляет их поддерживать повстанческое движение.

Я поднимаюсь на лифте на пятый этаж Наркоминдела в отдел Среднего Востока и захожу в кабинет заведующего отделом Цукермана. Уже без четверти одиннадцать, а в одиннадцать часов назначено заседание у замнаркома Карахана по афганскому вопросу. С Цукерманом мы старые знакомые еще по Туркестану, где он был представителем Наркоминдела. ОГПУ к нему относится доброжелательно, ибо он охотно выполняет все наши просьбы. Сам же по себе Цукерман политически никакой ценности не имеет и лишь является техническим исполнителем распоряжений свыше.

У Цукермана же я застал его помощника Славуцкого, с которым мы тоже были старые друзья. В мою бытность в Персии Славуцкий был в Тегеране первым секретарем, а затем остался поверенным в делах. Персию ему пришлось покинуть из-за разыгравшейся склоки между ним и Юрневым (нынешним послом в Вене), и в Москву он вернулся с таким клеймом, что никто не хотел с ним работать. Пришлось его временно назначить в помощники всегда послушного Цукермана.

Спустя немного времени после моего прихода Цукерман позвонил и, узнав от секретарей Карахана, что он свободен, предложил идти к нему, и через несколько минут мы входим в кабинет Карахана.

Кто в Москве не знает Карахана? Кто не знает его автомобиля, еженощно ожидающего у Большого театра? Кто может себе представить его не в обществе балетных девиц, которые так вошли в моду в последнее время у кремлевских вождей, что даже «всероссийский батрак» Калинин обзавелся

своей танцовщицей? Карахана, которого девицы считают «душкой», а «вожди» хорошим, но недалеким парнем? ОГПУ, имея в Наркоминделе ярого врага в лице Литвинова, поддерживало дружеские отношения с Караханом. «Враги моих врагов наши друзья» — таково было основание дружбы с Караханом, который, чувствуя себя бессильным перед третировавшим его Литвиновым, органически его ненавидит и ищет всяческих путей и союзников насолить ему. Однако, несмотря на несомненный талант Карахана к мелким интригам и подсиживаниям, его основное несчастье заключается в том, что он не то что глуп, а недостаточно умен и выдержан, и я уверен, что в скором будущем Литвинов использует один из его промахов, чтобы окончательно свести Карахана на нет. ОГПУ же на его промахи смотрит сквозь пальцы, не желая терять в его лице козыря в борьбе с Наркоминделом, в частности с возглавлявшим это учреждение Литвиновым.

Помню, в 1927 году во время советско-персидских переговоров в Москве по заключению торгового договора Карахан совершил следующую оплошность: я, будучи в Тегеране, получал все зашифрованные телеграммы персидского посла Али Гули-хана о переговорах через свою агентуру и в свою очередь телеграфно сообщал их содержание в Москву, а та уже передавала их Карахану, чтобы он при ведении переговоров был в курсе политики персидского правительства.

Однажды источник № 33 срочно вызвал меня на свидание и передал телеграмму Али Гули-хана из Москвы, где последний сообщал, что на одном из заседаний Карахан упрекнул его в неуступчивости и привел текст инструкций тегеранского правительства, рекомендующего идти и на уступки. Али Гули-хан просил срочно расследовать и выяснить, откуда большевикам известно о содержании зашифрованной переписки персов. Я немедленно телеграфировал Трилиссеру об этом, указав, что легкомысленное отношение Карахана к нашей информации может грозить провалом нашей работы. В ответ мне прислали телеграмму, что данный случай был единичной оплошностью со стороны Карахана, которая не повторится. Они просили меня спокойно продолжать работу. К счастью для источника, премьер-министр поручил вести расследование ему же, и он безболезненно замял следы карахановской «оплошности».

Выгораживая Карахана, я помню между тем, как ОГПУ требовало привлечения к суду торгпреда в Персии Суховия (который ныне работает замторгпреда в Берлине) за то, что

он как-то забыл некоторые секретные бумаги в ящике своего письменного стола, в то время как, по правилам, он должен был сдать их на хранение в секретную канцелярию торгпредства.

— Мне товарищ Трилиссер говорил, что вы имеете новые предложения по Афганистану. Так вот, мы бы хотели, чтобы вы их высказали, — сразу обратился ко мне Карахан, как только мы уселись.

— Насколько мне помнится, я специальных предложений политического характера не делал. Я лишь докладывал товарищу Трилиссеру сегодняшнюю обстановку в Афганистане, и на основании имеющихся у нас данных мы пришли к выводу, что нам нужно предпринять шаги к установлению отношений с Бачаи-Сакао, который нам может быть более полезен, чем окончательно скомпрометированный в глазах населения Аманулла.

— Что вы скажете на это, Владимир Моисеевич? — обратился Карахан к Цукерману.

— У нас совершенно отсутствует информация о положении в Афганистане, но и по тем косвенным сведениям, что мы имеем, можно сказать, что Бачаи-Сакао еще не утвердился окончательно на всей территории. Против него Аманулла сосредоточил под Кандагаром двадцатитысячную армию, имея в тылу родное ему племя дурани. Южные племена также продолжают воевать против Бачаи-Сакао. Наконец, имеются предположения, что Бачаи-Сакао является ставленником англичан, поэтому, я полагаю, было бы благоразумнее подождать конца событий, — высказался Цукерман.

— Разрешите мне, — попросил я Карахана и после его утвердительного кивка сказал: — Во-первых, должен вам сообщить, что вчерашние сведения из Кабула говорят, что двадцатитысячная армия Амануллы разбита и разбежалась. Кое-какие остатки, бросив амуницию, прибежали в Кандагар и посеяли еще большую панику. Не сегодня-завтра этот город, как и все другие, будет во власти Бачаи-Сакао. Что касается того, что он английский агент, то, конечно, это абсурд, ибо в таком случае зачем англичане не хотят признавать своего агента на престоле, а наоборот, допустили, чтобы такой опасный конкурент, как Надир-хан, проехал через Индию и начал войну с ним. Наконец, из перехваченных нами английских документов видно, что англичане также отрицательно относятся к Бачаи-Сакао, как и вы, Владимир Моисеевич. Дальше вы предлагаете подождать с признанием Бачаи-Сакао. Но пока

вы будете ждать, другие могут занять ваше место. Из шифрованных персидских и турецких телеграмм мы знаем, что эти два государства уже начали вести переговоры о признании. Кроме того, наше признание укрепило бы положение Бачаи-Сакао и дало бы ему возможность спокойно вести борьбу с Надир-ханом, который как раз и может быть английским агентом, поскольку они пропустили его через Индию, — закончил я.

— А вы знаете, что я предпочел бы иметь дело с Надир-ханом, чем с Бачаи-Сакао, — вдруг заявил Карахан, — и вот почему. Бачаи-Сакао по национальности таджик и, естественно, имея родственные племена в Туркестане, будет стремиться к агрессии в сторону нашей границы. В то время как Надир-хан — чистокровный афганец и будет направлять свои усилия в сторону индийской границы.

— Я против такой теоретической постановки вопроса ничего не имею возразить. Разве только, что таджики, к каковому племени принадлежит Бачаи-Сакао, живут разбросанно, начиная с вашего Туркестана и вплоть до берегов Инда, — возразил я.

— Давайте не будем спорить. Передайте Михаилу Абрамовичу, что я бы хотел иметь от вас записку с изложением всех ваших доводов. В понедельник я буду в Политбюро ЦК и постараюсь поставить этот вопрос на обсуждение авторитетной инстанции (членов Политбюро), — сказал мне Карахан.

Выйдя из кабинета и попрощавшись с Цукерманом и Славуцким, я направился к заведующему административным отделом Наркоминдела Федорову. Это был еще недавний сотрудник Наркоминдела, «выдвиженец», еще не успевший заразиться бюрократическим духом этого учреждения. Не будучи в курсе порученного ему дела, Федоров боялся всяческих подвохов и для безопасности старался работать в полном контакте с нами, выполняя все поручения.

— Вот что, товарищ Федоров, — обратился я к нему. — Нам нужно послать одного из наших работников в Константинополь и одного в Тавриз. Какие должности в тамошних консульствах могли бы вы предложить нам?

Федоров стал рыться в списке штатов этих консульств.

— В Константинополе можно предоставить вам еще должность коменданта консульства, ибо одним из ваших работников занята уже должность атташе консульства. А в Тавризе можно устроить делопроизводителем, — ответил он.

— А нельзя ли в Тавризе занять должность секретаря консульства, — спросил я.

— Нет, эта должность там уже занята работником Разведупра, — ответил он.

— Ну, ладно. Так к вам придут товарищи с запиской от меня, и вы, пожалуйста, проведите их по вашим штатам как можно скорее, — попросил я.

— Хорошо, будет сделано, — ответил Федоров.

Возвратившись к себе, я застал поджидающего меня некоего Баратова-Аршака. Он — наш старый секретный сотрудник, работавший под видом уполномоченного Наркомторга в Афганистане и выехавший оттуда ввиду военных событий. Хотя он и коммунист, но «носились слухи», что он на своих заграничных поездках накопил около 25 тысяч долларов, на которые через подставных лиц занимается торговлей.

— Я к вам по делу, — обратился Баратов ко мне в коридоре.

— Заходи ко мне, поговорим, — пригласил я его, и мы вместе зашли в мой кабинет.

— Вчера меня вызвал к себе военный атташе в Афганистане Примаков и предложил записаться в его отряд. Я попросил дать мне три дня сроку, чтобы обдумать его предложение. И вот я хотел бы спросить у вас совета, — сказал Баратов.

— Какой отряд Примакова? — спросил я удивленно.

— Как? Вы разве не знаете, что собирается отряд для отправки в Афганистан?

Получив отрицательный ответ, Баратов рассказал следующее: — Третьего дня состоялось личное свидание между Сталиным и афганским министром иностранных дел. На этом совещании присутствовал также военный атташе Примаков. Обсуждалось положение в Афганистане и было решено, что советское правительство снарядит отряд в тысячу человек, которых переоденут в афганскую форму и перебросят в Афганистан. Официально предводителем отряда будет афганский посол в Москве Гулам Наби-хан, командовать же отрядом будет Примаков под видом турецкого офицера. И вот в связи с этим решением сейчас идет набор верных и преданных коммунистов, знающих восточные языки. Примаков предложил и мне вступить в этот отряд, — рассказал Баратов.

— Тут, по-моему, и раздумывать нечего. Раз ты коммунист, то и должен выполнить свой долг, — сказал я.

— Да, но что мне там делать? Это же будет настоящая

война, а у меня жена и ребенок. Зачем мне самому лезть в войну? — ответил Баратов.

— Что значит жена и прочее! Повторяю, ты коммунист и должен жертвовать собой для революции, — сказал я, усмехнувшись. Я знал, что Баратов, как и 90 процентов всех остальных членов коммунистической партии, просто шкурник, прилипший к революции как к выгодному предприятию. Скольких я видел коммунистов «баратовского» пошиба за время своей работы!

— Я готов жертвовать собой, но я не имею права жертвовать судьбой жены и ребенка. Я поставлю условия, чтобы их обеспечили материально на случай моей смерти, и тогда, может быть, соглашусь, — рассуждал Баратов.

— Правильно! Только смотри, чтобы потом тебя из партии не исключили, — сказал я.

Думаю, что читателю небезынтересно будет узнать, как на самом деле развивались события в Афганистане и чем все это закончилось.

Весной 1928 года Аманулла выехал из Кабула в путешествие по Европе. Одновременно с ним выехал в Индию и дальше в Англию английский посланник в Кабуле Хемфрис. Летом 1928 года поверенный в делах Англии в Кабуле писал Форин Оффису, что экономическое положение Афганистана сильно ухудшается. С увеличением таможенных пошлин и с введением новой денежной системы началось обнищание населения. Цены на предметы потребления поднимаются, в населении растет недовольство правительством. Если Амануллахан продлит еще на несколько месяцев свое путешествие, указывал британский поверенный в делах, то в стране может появиться претендент на престол, который постарается взять в свои руки правление до приезда Амануллы. Британский поверенный в делах перечислял всех возможных претендентов на престол и их шансы. Говоря о родовитых фамилиях, Надирхан, Мамад-Умархан и других, он не исключал предположения, что может появиться и какой-нибудь никому не известный претендент, ибо Афганистан всегда был страной неожиданностей (с его точки зрения). Естественно, заключал он, советская власть поддержит такого неизвестного пролетария для укрепления своего влияния в Афганистане.

Из этого доклада мы сделали вывод, что англичане предвидели восстание в Афганистане. В нашем распоряжении, кроме

того, имелся отчет о приезде Амануллы-хана в Лондон, о беседах, которые он имел с тогдашним министром иностранных дел Чемберленом, и о переговорах афганского посланника в Лондоне с Министерством иностранных дел. Этот отчет был послан Форин Оффисом в Кабул для того, чтобы ввести в курс дела тамошнее посольство на случай дальнейших переговоров по этим вопросам. В отчете текстуально приводились беседы Амануллы-хана с Чемберленом. Касаясь вопроса о племенах на независимой территории Северо-Западной Индии, Аманулла говорил, что, по его сведениям, англичане усиленно укрепляют этот район и постепенно подчиняют проживающие там племена. Он, по-видимому, намекал, что эта территория до сих пор является спорной и Афганистан в ней также заинтересован, как и Англия. Чемберлен резко отвел вопрос, заявив, что говорить на эту тему надо не с ним, но с индийским правительством, и дав понять Аманулле, что с точки зрения Лондона вопрос о независимых племенах является не внешним, а внутренним делом Индии. Аманулла вынужден был согласиться и, таким образом, в первой же беседе сдал свои позиции, забыв о том, что независимые племена всегда являлись надежной охраной независимости Афганистана. Дальше переговоры затрагивали технические темы, вроде посылки афганской молодежи в английские военные школы и прочее. Наконец, афганцы подняли вопрос о снабжении Афганистана оружием, причем указывали, что Англии выгодно вооружение и усиление Афганистана, так как Афганистан является естественным буфером между советской Россией и Индией. Вопрос об оружии передан на рассмотрение Министерства иностранных дел.

Аманулла-хан, осмотрев Европу, поехал в СССР. Советское правительство из кожи лезло, чтобы его обработать. Оказывавшиеся ему почести создавали невыгодное впечатление среди коммунистов-рабочих, считавших неуместным чествование самодержавного монарха в советской социалистической стране. ОГПУ пристроило к свите Амануллы-хана своих агентов, следивших за каждым шагом эмира и его свиты. В числе агентов был сын генерала Самойлова, устроенный лакеем при Аманулле-хане и доносивший о всем слышанном. Афганцы не стеснялись вести при нем разговоры, так как считали, что он не знает персидского языка. По их разговорам было видно, что пребывание в СССР их не очаровало.

Все эти сведения вызывали опасение, что Аманулла во время пребывания в Европе изменил отношение к Советам и склоняется в сторону западной ориентации.

Из СССР Аманулла поехал в Турцию, сопровождаемый представителем Разведупра, бывшим военным атташе в Кабуле Ринком, а из Турции, прямо через Кавказ, выехал в Афганистан. Проезд свиты Амануллы через Туркестан обошелся не без казусов. Два чемодана личного багажа Амануллы, в которых, по предположениям ОГПУ, должна была находиться его канцелярия, исчезли. Однако при вскрытии чемоданов там оказались личные вещи Амануллы...

Вернувшись в Кабул, Аманулла немедленно созвал большую джиргу (национальное собрание), которое должно было провести в жизнь все те «европейские» реформы, о которых в свое время писали газеты. При въезде в Кабул Аманулла был встречен делегацией от независимых племен, которая после приветствия немедленно спросила, как он разрешил вопрос об их территории в Лондоне. Аманулла не дал никакого ответа и отпустил делегацию ни с чем. Это был первый поворот в настроениях против Амануллы. Созвав джиргу, Аманулла насильно заставил делегатов одеться в европейское платье и предложил им санкционировать привезенные из Европы реформы. Результаты джирги окончательно восстановили против Амануллы афганские племена, понявшие, что эмир не только не защищал в Европе их территориальных прав, но намерен переменить коренным образом весь их быт и веру. Эти настроения вызвали восстание племен шинвари и хугияни на юге Афганистана, и этими же настроениями объяснялось вялое сопротивление, которое оказывали повстанцам войска Амануллы.

В разгаре борьбы афганского правительства с повстанцами на юге к северу от Кабула, в Кухистане, появился Бачаи-Сакао, сын кабульского водовоза, дезертир афганской армии. Отряды его быстро начали обрастать приверженцами. Пользуясь отсутствием войск в Кабуле, он произвел удачный налет на столицу и после трехдневного боя овладел городом. Аманулла успел бежать в Кандагар, ища поддержки у племени дурани, из которого сам происходит. Бачаи-Сакао, заняв Кабул и кабульскую крепость-дворец, где находился брат эмира Инаятула-хан, провозгласил себя королем Афганистана.

В Москву доходили сведения, что Бачаи-Сакао в борьбе с Амануллой пользовался поддержкой англичан, снабжавших его оружием. Сообщали, что когда он занял Кабул, то по его приказу была учреждена специальная охрана английской миссии, что английская миссия относилась к нему с расположением и, наконец, что капитуляция Инаятулы-хана произошла

при посредничестве и помощи английского посланника в Кабуле Хемфриса. Эти сведения заставляли думать, что Бачаи-Сакао был ставленником англичан.

После долгих споров между ОГПУ и Наркоминделом возторжествовала точка зрения Наркоминдела. Наши представители, опираясь на факты, доказывали, что Бачаи-Сакао, будучи сам выходцем из низов, опирается на крестьянство, интересы которого он защищает, и убеждали, что, поддерживая его, можно постепенно «советизировать» Афганистан. Например, что могло быть красноречивее того факта, что почти весь кабинет министров Бачаи-Сакао состоял из крестьян, в большинстве неграмотных и малограмотных, но зато знавших нужды населения. Бачаи-Сакао немедленно после захвата власти снял все недоимки с крестьян за прошлые годы, начал отбирать земли у крупных помещиков и передавать их земледельцам, наконец, заменил весь аппарат старых чиновников новыми выходцами из народа. Этим и объяснялось, что Бачаи-Сакао до последнего дня своей власти пользовался популярностью и поддержкой афганского крестьянства.

Наркоминдел не возражал. Он утверждал, что Бачаи-Сакао опирается исключительно на население Северного Афганистана и потому неизбежно будет вести агрессивную политику против Советов, стараясь распространить влияние на советский Туркестан. Аманулла же, опирающийся на южные племена Афганистана, естественно, должен вести агрессивную политику против Индии. А самое главное, в Наркоминделе никто не верил, что Бачаи-Сакао долго удержится у власти.

Политбюро признало доводы Наркоминдела правильными и решило поддерживать эмира Аманулла, представителя помещиков и ханов, против «сына водовоза», пролетария Бачаи-Сакао.

Для того чтобы выяснить положение и силы Амануллы, уполномоченный Наркоминдела в Ташкенте Соловьев вылетел на аэроплане в Кандагар.

ОГПУ, ознакомившись с постановлением Политбюро о поддержке Амануллы, решило также послать к нему в Кандагар своего представителя с поручением выяснить положение, настроения племен, отношения с англичанами и, наконец, одновременно начать из Кандагара разведывательную работу в Индии. Для поездки в Кандагар был намечен я. Однако вскоре пришло известие, что Гератская провинция также занята войсками Бачаи-Сакао. Кандагар оказался отрезанным от нас.

Афганским посланником в Москве был в то время Гулам-Наби-хан, брат министра иностранных дел Гулам-Джелани-хана. Он усиленно убеждал советское правительство активно поддерживать Аманулла. Однако осязательных результатов добился только сам Гулам-Джелани-хан, приехавший из Кандагара в Москву. После предварительных переговоров с Наркоминделом вопрос о вооруженной поддержке Амануллы был передан в Политбюро, и однажды ночью состоялось личное свидание между Сталиным, Гулам-Джелани-ханом и бывшим советским военным атташе в Кабуле Примаковым, находившимся в то время в Москве. На этом совещании было решено организовать ударную группу из Красной Армии, переодеть красноармейцев афганцами и перебросить их под руководством советского военного атташе (ныне военный атташе в Японии) в Афганистан, для похода на Кабул. Экспедицию политически должен был возглавлять московский посол Гулам-Наби-хан, пользовавшийся некоторым влиянием в Северном Афганистане.

Спустя несколько недель план был приведен в исполнение. Как передавали очевидцы, из пограничного города Термеза рано утром поднялись советские самолеты и, перелетев через Амударью, начали кружиться над афганским пограничным пунктом Патта-Гиссар. Афганский пограничный пост выбежал, чтобы поглазеть на самолеты, но пулеметным огнем с самолетов все солдаты поста была перестреляны. Немедленно вслед за этим пехота, набранная из лучших команд Ташкента, начала спокойно переправляться через Амударью. Перейдя границу, эта группа войск, в числе восьмисот человек, вооруженная многочисленными пулеметами и несколькими орудиями, направилась на Мазари-Шериф. Высланные против нее правительственные войска были мгновенно рассеяны пулеметным и артиллерийским огнем. Последнее сопротивление было оказано в самом Мазари-Шерифе, но переодетые красноармейцы его также сломили, и город оказался в руках Гулам-Наби-хана, вернее, в руках Примакова, выступавшего в этом походе под видом турецкого офицера.

По приблизительным подсчетам, на пути от границы до Мазари-Шерифа было перебито около двух тысяч афганцев. Появление Гулам-Наби-хана в Афганистане и взятие Мазари-Шерифа было настолько неожиданно и внезапно, что афганское правительство в Кабуле узнало о событиях только неделю спустя. Сторонники Бачаи-Сакао, в большинстве бухарские и туркменские эмигранты, начали стягиваться с юга к Мазари-

Шерифу, чтобы не дать Гулам-Наби-хану идти дальше на Кабул. Гулам-Наби-хан объявил мобилизацию местного населения и двинул мобилизованных афганцев под руководством красноармейцев на Таш-Курган. Под Таш-Курганом враждебные силы встретились и вступили в бой. После шестичасового сражения армия Бачаи-Сакао разбежалась, потеряв около трех тысяч убитых. Советская экспедиция заняла Таш-Курган, собираясь двинуться одновременно на Ханабад и Гейбак.

Тем временем в Москве получили известие, что Аманулла-хан, ради которого была предпринята советская экспедиция и чьим именем Гулам-Наби-хан занимал афганские города, бежал из Кандагара в Индию, отказавшись, таким образом, от борьбы с Бачаи-Сакао. Гулам-Наби-хан, потеряв возможность действовать именем Амануллы, должен был вернуться назад. По распоряжению из Москвы советские войска спешно отступили и через три дня вступили обратно на советскую территорию.

Отозвание советских войск вызвано было также тем, что об их проникновении в Афганистан уже начали говорить не только в иностранных миссиях Кабула, но и в европейской печати. Благодаря спецотделу ОГПУ, расшифровывавшему перехваченные телеграммы иностранных дипломатов, о советском вооруженном походе на Кабул знали и не одобряли его не только европейские державы, но даже такие добрые союзники СССР, как Турция и Персия. Вооруженная авантюра, предпринятая социалистическим правительством для восстановления афганской монархии, бесславно закончилась. После бегства Амануллы и ухода Гулам-Наби-хана из Афганистана вся страна фактически перешла в руки Бачаи-Сакао. Из перехваченных телеграмм мы видели, что турецкое и персидское правительство склоняются к признанию Бачаи-Сакао королем Афганистана. Однако советское правительство решило выждать и ничего больше не предпринимать, не выяснив предварительно мнения остальных держав.

В это время из берлинской резидентуры пришло сообщение, что Надир-хан, бывший афганский посол в Париже, собирается ехать в Афганистан для руководства борьбой против Бачаи-Сакао. Надир-хан пользовался большим влиянием в Афганистане и поэтому мог быть сильным противником Бачаи-Сакао.

В Париже Надир-хан обратился в советское посольство за разрешением проехать через СССР. Ему ответили, что визы дать не могут, не запросив предварительно Москву. Надир-хан

больше в посольство не обращался, но через месяц оказался на границе Афганистана с Индией.

Разгорелась борьба между Надир-ханом и Бачаи-Сакао. Афганские представители в Москве просили поддержать Надир-хана. Наркоминдел обещал морально поддержать, исходя из прежней теории, что Надир-хан, имеющий своей базой Южный Афганистан, неизбежно вступит в дальнейшем в конфликт с англичанами.

Надир-хан занял Кабул. Бачаи-Сакао со своими сторонниками был расстрелян. Дальнейшая история Афганистана всем известна, но хочу резюмировать роль советского правительства в афганских делах за этот последний год.

Наркоминдел в вопросах афганской политики не имел никакой твердой линии и следовал в хвосте событий. Сталин со своей обычной «прямотой» решил разрубить узел внутренних афганских отношений ударом красноармейского кулака. Этим он окончательно скомпрометировал русское имя в Афганистане и социалистическую идею в СССР, красноречиво подтвердив выдвинутые против СССР обвинения в красном империализме.

Работа ОГПУ в Афганистане за этот период ни в чем не выявилась. Зато обнаружилось, что организация разведки через наши легальные резидентуры при посольствах и торгпредствах в случае военных столкновений является нереальной, так как курьерская связь с Москвой прекратилась, а с занятием Кабула Бачаи-Сакао прервалась и телеграфная связь. Вследствие отсутствия информации, Политбюро перестало считаться в афганском вопросе с мнением ОГПУ и всецело приняло точку зрения Наркоминдела, который, как я говорил выше, в конце концов никакой точки зрения не имел.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ОТДЕЛ ОГПУ

Положение на восточной границе СССР принимало все более угрожающий характер. В то время как на границе с Китаем красные части, захватив пограничные станции Восточно-Китайской железной дороги, успешно уничтожали китайцев, в Туркестане, наоборот, несколько бухарских отрядов, пробравшись в Туркестан, на советскую территорию, успешно оперировали против многочисленных гарнизонов.

Решено было организовать при полномочном представительстве ГПУ в Ташкенте специальное иностранное отделение, которое, будучи расположено ближе к границам, могло

бы быстрее использовать получаемые от заграничной разведки сведения. Начальником этого отделения был назначен Борисовский-Мельцер, заведовавший англо-американским сектором ИНО ОГПУ. Мельцер, побывавший резидентом в Берлине, Константинополе и Тегеране, показал себя неспособным к работе и вместе с тем чрезвычайно способным к увеличению собственного благосостояния.. О привезенных им в Москву десятках чемоданов, набитых всем необходимым, знали все наши сотрудники, и все-таки начальство не только не увольняло его, но, наоборот, ценило. Это объяснялось тем, что Мельцер был законченным типом подхалима-чиновника. Вечно лебезивший перед начальством, никогда не затруднявший свой мозг обдумыванием того или другого вопроса, а руководствовавшийся мнением начальства, всегда послушный и исполнительный, он был тем завершенным типом, в каковых превратились многие коммунисты. Мельцер был ярким экземпляром результата сталинской политики диктатуры и удушения мыслей, не зарегистрированных в канцеляриях центрального аппарата партии. Вот почему его и назначили в Ташкент.

Высокий, крупный мужчина с красным жирным лицом и редящей жиденькой прической, Мельцер ходил в военной форме с двумя ромбами на воротнике.

Трилиссер предложил мне принять от него дела до приезда из Америки Чацкого, который был там резидентом ОГПУ при Амторге. Сдавая мне дела, Мельцер буквально через каждые пять минут звонил по телефону к себе на квартиру по какому-либо кухонному вопросу.

— Вот тут у меня, товарищ Агабеков, две папки: по Англии и Америке, — начал Мельцер, приступив к сдаче дел. — В Англии, как ты знаешь, после разрыва дипломатических сношений, мы не имеем резидента. Вся наша агентура в Лондоне, законсервированная после разрыва, за эти два года окончательно распалась. Но основное в Англии — это источник Б/З, которого мы сохранили. От него мы получаем копии докладов английских послов за границей. По этим докладам мы можем судить о внешней политике Англии и о внутреннем положении тех стран, в которых находятся английские представители. Б/З — чрезвычайно важный и ценный источник, и поэтому мы очень осторожны с его материалами. Получаемые от него документы ты должен посылать только для сведения Сталину, Чичерину, Ворошилову и Молотову. В другие же адреса их рассылать не следует, ибо это может привести к провалу ис-

точника. О внутреннем положении самой Англии мы имеем сведения из Парижа от источника, передающего нам доклады бывшего царского посла в Лондоне Саблина, посылающего свои донесения Гирсу в Париж. Саблин, проживая в Лондоне, прекрасно ориентируется во внутреннем положении Англии. Между прочим, сейчас он пишет о предвыборной кампании в Англии. Этот вопрос чрезвычайно интересует Сталина и Молотова, и имеется распоряжение поступающие доклады Саблина немедленно пересылать им. На новых выборах ожидается победа рабочей партии, после чего, конечно, сейчас же последует признание СССР. Тогда мы опять сможем восстановить нашу резидентуру в Лондоне.

— А вот агентурное дело «Щепочка», — продолжал Мельцер, передавая мне бумаги. — Один из белоэмигрантов, работая осведомителем нашей резидентуры в Берлине, связался с представителем английской разведки в Риге и пытается влезть к нему в аппарат. Чтобы заслужить доверие англичан, он передал ему ряд фальшивых документов и докладов о положении в СССР, которые сфабриковало наше КРО. Мы в этом деле — лишь передаточная инстанция, а все дело ведет КРО, поэтому тебе нужно держать связь с начальником пятого отделения КРО Петнюнасом, — рассказывал мне Мельцер.

— Ладно, а что это такое? — спросил я, показывая на лист бумаги, написанный по-английски.

— Ах да, это заявление одного бывшего английского офицера разведки, предлагающего нам свои услуги. Он живет в Копенгагене и подал это заявление нашему послу. Мы пока дали задание выяснить его личность и прочее. Когда придет ответ, ты увидишь, что нужно делать, — ответил Мельцер.

— Теперь перейдем к Америке, — сказал Мельцер, раскрывая новую папку. — Резидентом в Америке является товарищ Чацкий, который официально состоит сотрудником Амторга. Основная наша задача в Америке — это подготовка общественного мнения к признанию СССР. Это задача огромной важности, так как в случае удачного исхода мы бы наплевали на всех. Если бы Америка была с нами, то во внешней политике мы меньше считались бы с Англией и, главное, с Японией на Дальнем Востоке. А в экономическом отношении это было бы спасением, ибо в конце концов все капиталы сконцентрированы в Америке, — рассказывал Мельцер.

— Все это можно найти в передовой «Правды», скажи лучше, каковы результаты нашей работы, — спросил я.

— О, результаты прекрасные. Амторг укрепил свое положение

ние и развил большую торговую деятельность. Пользуясь торговыми связями, Чацкий ведет большую кампанию в пользу нашего признания. Доклады Чацкого сейчас находятся у Трилессера. Он их взял для доклада в ЦК. Из них ты ознакомишься с подробностями.

— Второй задачей Чацкого является добыча американских паспортов. Ты знаешь, что значит американский паспорт за границей, в особенности на Востоке. Это все. С таким паспортом можно ехать куда угодно. Почти все работники Коминтерна разъезжают по паспортам, присланным Чацким. Наш Рид тоже поехал с американским паспортом.

— Это все по Америке? — спросил я.

— По нашей линии все. Но Чацкий, кроме того, является представителем Коминтерна в Америке. Ему приходится поддерживать связь не только с коммунистами Соединенных Штатов, но он уполномочен и на Мексику. Все деньги и инструкции Коминтерн передает нам, и уже мы пересылаем их Чацкому в Амторг. Эта работа отнимает у него много времени и вместе с тем стесняет вести чисто разведывательную работу. Но зато в компенсацию за это мы получаем богатый материал об Америке из Коминтерна, агентура которого прекрасно работает, — закончил Мельцер.

Я складывал переданные мне папки и думал о том, что ОГПУ правильно поступило, переводя свои резидентуры на нелегальное положение. Иначе в случае малейшего конфликта работа распадется. Примером является Англия, где вся трехлетняя наша работа через короткое время после разрыва дипломатических сношений развалилась. В Америке Чацкий из Амторга не может вести работы, а зато агенты Коминтерна, будучи на нелегальном положении, ведут усиленную работу и не только в своем районе, а повсюду, куда их направит Коминтерн.

Нужно и в ОГПУ окончательно перейти на нелегальный метод работы.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТРОЛЬНОЙ КОМИССИИ

Я был делегирован представителем ОГПУ при Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Каждый раз, как там должны были разбираться дела провинившихся за границей коммунистов, меня заранее уведомляла следователь ЦКК по заграничным делам Штальберг.

Это та самая Штальберг, которая девять лет тому назад работала членом коллегии губчека в Екатеринбургe и самолично

расправлялась с приговоренными к расстрелу. Тогда она была молодой, худощавой блондинкой. Сейчас она значительно пополнила и выглядела старше. Только выражение лица осталось прежнее: тупое, жесткое, упрямое. Вчера она мне позвонила, что сегодня в десять утра состоится очередное разбирательство дел, и, хотя еще не было десяти, я поднимался по лестнице здания ЦКК на Ильинке.

— А, здравствуй, Агабеков, вот просмотри список дел, которые сегодня будут разбираться, — встретила меня Штальберг, передавая список. — В старое время я бы их всех просто приговорила к расстрелу, а сейчас приходится с ними цацкаться да разбираться, — добавила она со злобой.

Я знакомился с бумагами, а Штальберг что-то писала, подготавливая дела к заседанию. Но вот раздался телефонный звонок, и нас пригласили в комнату заседаний.

На этот раз председательствовал член ЦКК Коротких. Он в самом деле короткого роста пожилой мужчина с давно не бритым, болезненно-желтым лицом. Сегодня он был особенно не в духе и бросал вокруг себя недовольные взгляды. По правую сторону от него сидел один из секретарей ЦКК, горбатый, с лицом явного преступника, а по левую один, если так можно выразиться, из присяжных заседателей. Мы со Штальберг заняли места на противоположном конце стола. Сейчас же вслед за нами вошла служанка с подносом, уставленным стаканами с чаем и булочками. Это для заседающих.

— Ну, зови по очереди, — предложил Коротких секретарю.

Первыми вошли председатель Русперсбанка в Тегеране Мерц и его секретарь Аралов. Обвиняющим являлся Аралов, привлекий своего председателя к партийному суду за его беспричинное откомандирование из Тегерана. Сущность дела заключалась в следующем: Мерц, будучи председателем советского банка, жил на широкую ногу. Имея в своем распоряжении деньги и власть, он пользовался ими для своего личного удовольствия. Служащих банка, в особенности женщин, он принимал по собственному выбору и заставлял последних сожительствовать с ним. Покорным девицам он увеличивал жалованье и выплачивал сверхурочные, а непокорные увольнялись. В распоряжение своих сожительниц он передал автомобиль банка и из банковских же сумм оплачивал им квартиры.

Заподозрив своего секретаря Аралова в том, что тот состоит секретным агентом (хотя Мерц и сам состоял секретным информатором ОГПУ) и что, наблюдая за ним, Аралов доносит о его проделках, Мерц решил от него избавиться. Случай

для этого скоро представился. В банке возник пожар, и при перевозке ценностей исчезли на миллион долларов уже аннулированные акции. Воспользовавшись этим случаем, Мерц обвинил в продаже акций Аралова и, заручившись поддержкой полпреда Давтяна, откомандировал под благовидным предлогом Аралова в Москву. Так докладывала сущность дела следователь Штальберг.

Мерц, в обычное время высокомерный и гордый, слушая Штальберг, сидел весь съежившись, с покрасневшим лицом.

— Скажите, товарищ Мерц, каково ваше социальное происхождение? — спросил Коротких, хотя он об этом мог прочитать в лежавшей перед ним анкете.

— Я из дворян, — ответил Мерц, еще больше потупившись.

— А в других партиях не состояли? — продолжал допрашивать Коротких. Мерц ответил отрицательно.

— Он в родственных отношениях с Бухариным и часто хвастался, что ему никто не страшен, ибо в Кремле его поддерживают, — вставил Аралов.

— Товарищ, не вмешивайтесь, когда вас не спрашивают, — оборвал его Коротких. (Это было еще в то время, когда партия не имела приказа Сталина травить Бухарина.)

— Ну, что же, вы можете идти, — отпустил обоих председатель.

— Товарищи, — начал Коротких, после того как дверь за Мерцом и Араловым закрылась. — Конечно, Мерц дворянин и что-то такое там напутал, но, по-моему, тут нужно дело отложить и запросить Николая Ивановича Бухарина. Посмотрим, каково его мнение о Мерце. Возражений нет? — спросил он.

Все наклонили головы в знак согласия. Иначе не могло и быть. Мерц являлся родственником одного из вождей и идеолога партии — Бухарина, значит, его пребывание в партии должно зависеть от Бухарина. Мне вспомнился случай, когда я сам, подравшись в Кабуле с послем Старком, попал в качестве обвиняемого в ЦКК. Тогда председательствовал на заседании сам Сольц. Рассматривая мое дело, он вынес мне оправдание. Но не потому, что я был прав, а потому, что в ЦКК был дан хороший отзыв обо мне заместителя председателя ОГПУ Трилиссера.

Секретарь позвал следующего обвиняемого. Это был представитель Текстильсиндиката в Ревеле. Среднего роста и средних лет, он спокойно, как могут быть спокойны люди с чистой совестью, вошел в комнату и занял предложенное место.

Его обвиняли в том, что он закупил на полмиллиона рублей мануфактуры, которая при экспертизе в Москве оказалась гнилой и разваливалась при первом прикосновении.

— Так это вы, товарищ, купили гнилье и прислали в Москву? Это вы так бережете за границей советские трудовые рубли? Всадили полмиллиона рублей на дрянь, да еще перевозили ее. Где же были ваши глаза? — ругал его Коротких.

— Мои глаза были на месте, и я, покупая, знал, что товар гнилой, товарищ Коротких, — спокойным голосом ответил синдикатчик.

— Знали, а зачем же тогда покупали? — уже удивленно спросил Коротких.

— Потому что мне приказали купить наши полпредство и торгпредство. Они мотивировали свой приказ какими-то политическими соображениями. Вот, пожалуйста, их письменное распоряжение, — сказал он, кладя на стол бумаги.

— Ну, вы эти бумажки приберегите для оправдания в вашем синдикате, а здесь они ни к чему. Рабочий, который покупал в кооперативе присланное вами гнилье, ругает советскую власть на чем свет стоит. Там перед ними вы со своими бумажками не оправдаетесь. Они определенно будут считать ваш поступок контрреволюционным. Идите, — сердито закончил Коротких.

Синдикатчик, ошарашенный и недоумевающий, встал и покинул комнату.

— Строгий выговор с предупреждением, — приказал Коротких секретарю.

— Позвольте, товарищ Коротких, ведь парень-то ни при чем. Ему приказало высшее начальство купить из-за каких-то соображений, он и купил. А если бы он не исполнил приказа, то опять виноватым был бы он. По-моему, уж если привлекать к партийному суду, то, во всяком случае, не его, а тех, кто приказывал покупать, — вмешался я.

— А ты помалкивай, товарищ Агабеков! Ты еще молод! От выговора он не умрет, а, наоборот, подтянется и будет работать осторожнее. Что касается приказа свыше, то на то он и коммунист, чтобы не исполнять вслепую приказы, а подумать над ними, и если они ему кажутся преступными, то донести куда следует, — оборвал меня Коротких. — Давай, зови следующего, — обратился он уже к секретарю.

Вошли опять работники в Персии, уполторгпред Туманов и заведующий банком в Тавризе Ганелин. Эти ответственные работники, которые по своему положению должны были за-

щищать экономические интересы СССР, как видно было из доклада следователя, сами же закупали продававшиеся за бесценок червонцы за границей и всяческими путями отправляли их для реализации в СССР.

— С какого года вы член партии и какую партийную работу несли за последнее время? — спросил Коротких заведующего банком.

— Я член партии с тысяча девятьсот семнадцатого года. В Тавризе последние месяцы был секретарем партийной ячейки, — ответил Ганелин.

— Так, так. Значит, вы как секретарь ячейки агитировали на партийных собраниях за поднятие курса червонца. Призывали к жертвам для стабилизации стоимости рубля, уговаривали подписаться на внутренние займы, а сами в это время втихомолку скупали на базаре по дешевке червонцы и контрабандным путем отсылали их в СССР. Так, что ли? — обратился председатель к Ганелину, который сидел опустив голову. — Ну, ладно, вы свободны, можете уходить.

Ганелин вышел.

— А вы, товарищ, с какого года в партии? — спросил председатель у уполторгпреда.

— С тысяча девятьсот седьмого года, — ответил равнодушным голосом Туманов.

— Что же вы, товарищ, двадцать два года в партии работаете! Наконец, вы сами уполторгпред, который должен наблюдать за интересами нашего хозяйства, нашей валюты, а вот сами же нарушаете постановление советской власти.

— Я не нарушал никаких постановлений, ибо когда я посылал червонцы, еще не было постановления Совнаркома о запрещении ввоза их в СССР, — ответил уполторгпред.

— Значит, вам, старому большевику, нужны были постановления, циркуляры... Вы уже не можете жить без циркуляров. Так ведь у нас еще нет циркуляра, запрещающего красть, и, может быть, вы в ожидании такового и крадете? — уже кричал Коротких. — Можете идти, нам больше не о чем говорить.

Заведующего банком исключили из партии, уполторгпред, как старый большевик, отделался строгим выговором.

Следующим вошел молодой латыш (фамилию забыл), приехавший из Берлина, где он работал в каком-то хозяйственном учреждении. О нем резидент в Берлине прислал сведения как о человеке, который, будучи за границей, беспробудно пьянствовал и проводил время с женщинами.

— Что же вы думаете, товарищ, партия послала вас рабо-

тать или же развратничать? Каким примером стойкого борца и коммуниста могли вы быть в глазах западного пролетариата? — набросился на него Коротких.

— А кто вам сказал, что я пьянствовал и развратничал? — спокойно в свою очередь спросил латыш. — Я, правда, немного пью, но не больше, чем другие наши партийцы, и не могу считать себя пьяницей. А насчет женщин, извините, я женат и ни с какими другими женщинами не знался. Откуда у вас такие сведения обо мне?

Коротких молчал. Сведения были получены в секретном порядке, и он не мог, не имел права выдать источник информации.

— Так, так. Значит, вы не пьянствовали. А что же вы там, в Берлине, делали? — растерянно спросил Коротких.

— Работал, как и все другие сотрудники. Если вас интересует моя работа, можете навести справки у моего начальства.

— Ну, мы без вас знаем, где наводить справки. Можете уходить! — уже рассердившись, сказал Коротких.

— Зубастый парень, черт его подери, — сказал Коротких, когда латыш вышел.

— А вы там, в ОГПУ, уж если даете материал, так давайте и факты. А то что это такое? Вызвали человека из Берлина, а его и спросить не о чем. Зря деньги бросаем на разезды, — обратился он в мою сторону.

Заседание ЦКК продолжалось в том же духе до пяти часов дня. Суд и расправа тут короткая, как убедился читатель. Несколько вопросов выжившего из ума стегрика председателя — и человек мог потерять партийный билет. А потеря партийного билета в СССР значит потерять все: работу, квартиру, продовольственную карточку и благонадежность. Кодексом законов в ЦКК служат последние директивы партийного аппарата. ЦК постановил на съезде сократить членов партии непролетарского происхождения или выходцев из других политических партий, и ЦКК, придираясь к каждому пустяку, выбрасывает из партии таковых. Только личные связи могут спасти от исключения. Имея за собой сильную руку, как, например, Мерц имел Бухарина, можно безнаказанно делать все что угодно.

ЦКК — это прекрасно выдрессированный аппарат Сталина, посредством которого он морально уничтожает своих врагов и нивелирует партийный состав в нужном ему направлении.

Физически же человека добивает сталинское ОГПУ.

ВОЖДИ ЧИСТЯТ ОГПУ

Уже больше месяца, как московская «Правда» начала вести подготовительную кампанию к предстоящей проверке и чистке Всесоюзной Коммунистической партии. Ежедневно усердные хранители чистоты партии помещали в газетах статьи с рецептами, как чистить партию, чтобы вычистить всех, кто ей не угоден. На всех собраниях и заседаниях также дискутировался вопрос о методах чистки. Почти все ОГПУ было занято подбором и подготовкой материалов, компрометирующих того или иного члена партии. Сотрудники, встречаясь, говорили только о предстоящей чистке. Каждый только и думал о ней.

Иностраннный отдел также не являлся исключением и был взбудоражен предстоящим событием. Сотрудники нервничали, не зная, как, с какого конца начнется чистка. Нормальная работа отдела нарушилась. Однажды утром, придя на службу, я застал Кеворкяна сидящим над кучей книг по политике, экономике и истории партии, из которой он старательно делал выписки.

— Чем это ты занят, Коля? У тебя доклад, что ли? — спросил я.

— Какой там доклад! Он готовится к чистке, как к экзамену в институте. Боятся, что его срежут, — насмешливо ответил за него Маркарьян.

— Да, конечно, боюсь! Читал ты вчерашний номер «Правды»? Пишут, что нужно во время чистки обратить особенное внимание на непролетарский элемент и на выходцев из других партий, — обратился Кеворкян к Маркарьяну. — А ты не боишься, что ли? Небось каждый вечер зубришь дома политграмоту.

— Я думаю, что главное внимание во время чистки будет обращать не на знания, а на то, насколько активен и полезен как коммунист. Ну, конечно, и социальное происхождение будет играть роль, — сказал я.

— Какой там! Вчера мне ребята рассказывали, как идет чистка в Комакадемии. Задают самые заковыристые вопросы по всем отраслям марксистской литературы, — ответил Кеворкян.

— Ну, то в академии, на то они и учатся, чтобы знать. А по-моему, там их просто прощупывают, чтобы выяснить, нет ли у члена партии какого-либо уклона, — заметил Маркарьян.

— Как все-таки странно, — сказал после некоторого раздумья Кеворкян, — сегодня ты член коммунистической пар-

тии, авангард мировой революции, борец, ответственный работник ОГПУ, а завтра тебя за какую-нибудь ерунду исключат из партии, выгонят со службы, и ты попадешь в ряды обывателей, а то и в ряды контрреволюционеров.

— Будь спокоен, без серьезного повода не исключат, — сказал я.

— Что значит не исключат! Все в руках ЦКК. Недаром говорят, что самый знаменитый химик в СССР — это Сталин. Он может из человека сделать г..., как он сделал с Троцким, и из г... человека, как он сделал из Микояна, — ответил Кеворкян.

День чистки приближался. Откуда-то сотрудники уже знали, что членами комиссии по чистке будут члены ЦКК Сольц, Трилиссер и Филлер. Узнали, что эта комиссия уже два раза заседала в кабинете Трилиссера и просматривала личные дела сотрудников. Что они уже выписали список лиц, подозрительных в партийном отношении. Настроение работников становилось все напряженнее. Каждый про себя перебирал свои прошлые грехи и думал о своей судьбе. В конце концов вопрос партийности помимо всего был вопросом хлеба, вопросом работы, ибо, будучи исключенным из партии, сотрудник должен был потерять и службу. Кто был опасен и вреден для партии, тот, естественно, был опаснее и вреднее в ОГПУ, этом органе диктатуры ЦК партии, где сконцентрированы все секреты государственной жизни. Характерно, что уволенных из ОГПУ работников ни в какие другие учреждения не принимают. И вот почему. Во-первых, руководители разных учреждений думают, что раз человек служил в ОГПУ, то у него остались там связи, через которые он будет информировать о недочетах учреждения. В результате аресты, неприятности. Затем, может быть, ОГПУ нарочно демонстрировало увольнение, чтобы сильнее законспирировать работника, что часто практиковалось. Наконец, если ОГПУ уволило своего работника, то оно же само препятствует поступлению его на другую службу. Чекиста в результате все избегают иметь на службе.

Наконец был объявлен день проверки и чистки. Комиссии должны были заседать сразу в нескольких отделах. В иностранном отделе комиссия состояла из члена ЦКК Филлера, начальника транспортного отдела Благоднарова и какого-то красного профессора (фамилии не помню). Заседание устроили после занятий в одной из больших комнат иностранного отдела. За столом расположился Филлер, седой, высохший и

разлагающийся старик. Одетый подчеркнуто в грязные рубища, он с самого начала заседания недоброжелательно поглядывал на сотрудников ИНО, в большинстве побывавших за границей и сносно одетых. Благодетель и профессор сидели по сторонам Филлера. Напротив комиссии сели мы, сотрудники, на скамьях и стульях, собранных со всех комнат отдела.

Заседание открыл Филлер, прошамкав маленький спич о значении и задачах чистки партии. В первую очередь должны были проверяться сотрудники, намеченные к срочной отправке за границу. Началась чистка просто и без перебоев. Вызванный рассказывал свою автобиографию, в то же время комиссия следила по его личному делу за правильностью рассказа. Затем председатель обращался к остальной аудитории, спрашивая, нет ли у них вопросов к проверяемому. Причем характерно, что первое время все хором отказывались ставить вопросы. Каждый думал о своем, о себе. Он боялся, что если он будет расспрашивать, то, когда придет его очередь, остальные также могут засыпать вопросами. Получалась какая-то, с молчаливого согласия, круговая порука. Но картина начала меняться, как только первые два десятка прошли проверку. Им уже нечего было стесняться задавать вопросы, и чем дальше, тем вопросы ставились чаще.

Чистился помощник начальника ИНО — Горб. Из его рассказа видно, что он был до 1919 года левым эсером на Украине и, сражаясь в рядах Красной Армии, тогда был захвачен в плен гетманом Скоропадским.

— Странно, как ты остался жив, когда в то время гетманцы расстреливали всех большевиков, а евреев в особенности? — задал вопрос кто-то из публики.

Горб стал путано рассказывать о женщине, которая якобы его спасла в то время от расстрела. После еще нескольких дополнительных вопросов его объяснения с натяжкой признают удовлетворительными, и он проходит чистым.

Вызвали личного секретаря Трилиссера Лебединского. Крепкий, здоровый латыш, больше занимающийся спортом, чем партийными вопросами. Биография его безупречна. Рабочий, с 1917 года член партии и красногвардеец. Затем ЧК. Но, к его несчастью, он был членом тройки шефства над деревней, и профессор в связи с этим задал ему вопрос, как часто он посещал колхозы.

— Я раза три был в совхозе под Москвой, — ответил Лебединский.

— Товарищ Лебединский, я спросил вас о колхозе, а не о совхозе, — повторил профессор.

— Так ведь это одно и то же, — ответил Лебединский.

— Как одно и то же? Вы не знаете разницы между колхозом и совхозом?

И начался форменный экзамен политзнаний Лебединского. Результат оказался плачевным. Полная безграмотность.

— Товарищи, что я могу сделать, если я занят у Трилиссера с утра до двенадцати часов ночи? Когда же мне готовиться? — чуть не плача, оправдывался Лебединский, боясь, что его исключат из партии. Но его не исключили... Трилиссер поддержал.

Стал рассказывать свою автобиографию заместитель Трилиссера Логинов. Член партии большевиков с 1905 года. В 1907 году был избран от военных организаций на съезд партии, но при переходе границы царское правительство его арестовало. С тех пор и до революции, то есть девять с лишним лет просидел в каторжной тюрьме. Освобожденный после революции Логинов поселился в Архангельске и был избран председателем Совета. Но вот белая армия во главе с генералом Миллером заняла Архангельск. Большевики, оставив Архангельск, отступили, а Логинов остался. Белые знали, кто он такой, но не тронули его. Он даже умудрился издавать газету.

— Не находите ли вы странным, что белые даже не арестовали вас? — задал вопрос Филлер.

— Ничего странного не нахожу, — пробурчал в свою рыжую бороду Логинов, пришедший на чистку, видимо для храбрости, несколько выпивший.

— Странно, странно, — перешептывалась между собой комиссия. У всех возникло сомнение. Неужели провокатор? Пробыл девять лет на каторге за большевистскую идею — и, когда она осуществилась, перейти на сторону лютых врагов своей идеи — белых генералов. И, наконец, теперь снова занимать пост заместителя начальника ИНО и руководить разведкой против тех же вчерашних хозяев, белых генералов. Какой хаос должен быть в душе этого человека. Может ли быть такое смешение идей. Кто ответит на этот вопрос? Все смущены и стараются не смотреть в сторону Логинова.

— Ладно, мы поговорим с вами особо, — наконец сказал Филлер, откладывая дело Логинова.

Вызвали следующего. Капитан разведывательной службы австрийской армии в войну 1914—1917 годов. Затем после революции, присоединившись к украинцам, воевал против боль-

шевиков и попал к нам в плен. Теперь же неизведанными путями оказался членом ВКП(б) и на работе в иностранном отделе ОГПУ. Его как раз собирались через несколько дней послать на нелегальную работу в Австрию... Не поехал, его исключили из партии и уволили из органов.

Следующий тоже должен был ехать на нелегальную работу в Париж. Прекрасный парень, хороший товарищ. Все его любили. С юношеского возраста был в рядах Красной Армии, откуда перешел в ОГПУ. При проверке оказалось, что его отец был чиновником департамента царской полиции. Напрасно он старался доказать, что его отец был всего лишь мелким чиновником, что в конце концов дети не отвечают за грехи отцов. Он умолял комиссию, просил поддержать товарищей. Напрасно. Комиссия дело его отложила в сторону. Товарищи старались не встретиться с его умоляющим взглядом. Через несколько дней он был исключен из партии и в ту же ночь вместе с женой застрелился...

Вызвали некоего Штейнберга. Молодой парень, еврей из Бессарабии. Он только недавно появился в иностранном отделе и заведовал разведкой в Румынии.

— Где вы были в тысяча девятьсот двадцать шестом году? — задал вопрос председатель, заглядывая в его личное дело.

— В Румынии, — коротко ответил Штейнберг.

— Затем?

— Затем поехал в Бельгию и работал там шесть месяцев на заводе и оттуда поехал во Францию.

— Для чего вы раскатывались по этим странам? Ведь вы в ОГПУ работаете всего с прошлого года? — недоумевающе спросил Филлер.

Штейнберг, опустив голову, молчал.

— Что же, вы не желаете отвечать комиссии? — упорствовал Филлер.

— Да, не желаю, — ответил Штейнберг.

— Можешь говорить, теперь уже дело прошлое, — подбодрил его с места Горб. — Он был в этих странах по нашему поручению секретным агентом, — ответил Горб комиссии.

И так по очереди длинной вереницей прошли перед комиссией около двухсот сотрудников. Большинство из них — недоучившиеся интеллигенты, много выходцев из других партий: левых эсеров, бундовцев. У многих темные подозрительные провалы в биографии. Но что особенно поражало, так это то, что большинство оказалось политически безграмотными или в лучшем случае полуграмотными. И невольно, слу-

шая их автобиографии, я задавался мыслью, неужели это работники ВЧК-ОГПУ, которая нагоняет ужас своими делами, методами, своей хитростью на весь СССР? То ОГПУ, которого так остерегаются иностранные правительства? Ведь тут собрана не железная когорта партии, как когда-то назвал ОГПУ в погоне за трескучей фразой Троцкий, а гниль, отбросы, невыясненные личности партии. Тут если в прошлом не провокатор или авантюрист, то минимум простой чиновник-обыватель, ничего общего с коммунизмом не имеющий. А ведь в иностранный отдел набирали работников с особым подбором, с особой подготовкой. Это отряд, призванный бороться на передовых позициях, среди вражеского стана, в капиталистических странах, в тылу. В этом отделе должны были быть наиболее подготовленные и стойкие, и если вместо этого оказались на самом деле помимо всего даже неграмотные, то что же могли представлять сотрудники других отделов? Наконец, каков уровень коммунистов в других советских учреждениях, на которых чекисты смотрят свысока?

Отсюда возникал логически другой вопрос. Если такой неудовлетворительный состав человеческого материала, то на чем и на ком держится советская власть? И почему такие прекрасные результаты в работе нашего учреждения? Вот вопросы, которые стали занимать меня, да, наверное, и не одного меня, после результатов чистки партии.

И я думал, думал долго и молча, ибо делиться мыслями, сомнениями в СССР при моем положении значило спуститься несколькими этажами ниже, то есть в подвал, во внутреннюю тюрьму. Даже и эту роскошь едва ли бы мне позволили. Я слишком много знал, чтобы мне дали жить хотя бы в тюрьме. Едва ли мне позволили бы сидеть в тюрьме и, как выражается сталинский ЦК, разводить оппозиционную демагогию. Со мной поступили бы по чекистской формуле: «Чекист должен умереть или от руки врага, или от руки ОГПУ. Естественная смерть для чекиста исключена».

Но позволю себе вернуться к рассказу о нашем отделе.

КИТАЙ. ИРАК

Работой на Дальнем Востоке руководил соседний с нами дальневосточный сектор. Начальником его был доктор Фортунатов. В ведении сектора находились: Китай, Япония, Корея, Монголия и Западный Китай.

Фортунатов, старый революционер, бежал из России при

царизме, проживал на берегах Тихого океана и потому считался знатоком Дальнего Востока. По профессии он был врачом, однако практики, видимо, не имел. Под его начальством в ОГПУ работал его сын, прекрасно владевший китайским и английским языками.

Одним из главных помощников доктора Фортунатова был Илья Герт. Герт работал до 1925 года в Мешед, в качестве представителя военной разведки и был отозван за склоку с секретарем ячейки партии (Герт хотел его убить, подговорив на убийство одного из своих секретных агентов). После этой истории он некоторое время слонялся без дела, затем в 1927 году был принят в ОГПУ и потом назначен резидентом в Ангору. В Ангоре он пробыл девять месяцев и в середине 1929 года был отозван, вследствие сокращения финансовой сметы иностранного отдела ОГПУ. Между прочим, благодаря тому же сокращению расходов, пришлось отозвать резидентов ОГПУ в Греции, Западном Китае и отказаться от услуг многих второстепенных секретных агентов. Очень важно помнить, что работа иностранного отдела зависит главным образом от количества валюты, которая ему отпускается советской казной.

Приехавшего из Ангоры Герта перевели в дальневосточный сектор ОГПУ и поручили вести разведку в Монголии. Помня о старой связи с нашим сектором, Герт часто заходил к нам и рассказывал о дальневосточных делах.

Весной 1929 года пришла телеграмма из Харбина от резидента ОГПУ Этингона с извещением, что китайская полиция совершила внезапный налет на советское генеральное консульство в Харбине, захватила важные документы у военного атташе и арестовала представителей подпольной коммунистической партии в Харбине, собравшихся в советском консульстве для обсуждения вопросов о китайской революции. Телеграмма страшно взволновала ОГПУ. О захваченных у военного атташе документах особенно не беспокоились, так как после знаменитого письма Зиновьева вообще всякий документ можно было объявить фальшивым, но негодовали на военного представителя, не успевшего своевременно уничтожить бумаги. Главную же тревогу вызывала судьба арестованных крупных деятелей подпольной коммунистической организации в Китае.

Вслед за тем мукденские власти захватили Восточно-Китайскую железную дорогу. Образовалось нечто вроде военного фронта без объявления войны.

Прежде чем начались военные действия, начала действо-

вать наша агентура в Китае. Почти ежедневно эшелоны, направляемые с китайскими войсками на границу, сходили с рельсов и рушились под откосы, взрывались склады с оружием и снарядами. По рассказам Герта, особенно много секретных сотрудников ОГПУ было среди харбинских эмигрантов. Ловкие агенты заводили порученные им воинские части в засаду, где их уничтожала Красная Армия. Насколько велики и многообразны были возможности ОГПУ в Китае, можно судить по разговору, который начальник иностранного отдела Трилиссер имел с заведующим дальневосточным сектором. Разговор происходил при мне в конце августа 1929 года. Доктор Фортунатов просил разрешения послать резиденту в Китае пять тысяч долларов на приобретение радиостанции и взрывчатых веществ. Трилиссер спросил, сколько места могут занять нужные материалы. Оказалось, не больше трех-четырех чемоданов. Тогда Трилиссер заявил, что ввиду необходимости экономить валюту нужные материалы (радиостанция и взрывчатые вещества) будут переброшены в Китай из СССР в готовом виде. Благодаря наличной связи тайная доставка четырех чемоданов через границу в зону военных действий была сущим пустяком.

Когда вспыхнул восточнокитайский конфликт, дальневосточный сектор нелегально отправил в Китай сына Фортунатова. Затем и Герт начал готовиться к отъезду в Харбин. Его снабдили персидским паспортом на фамилию Исхакова. Паспорт же достало контрразведывательное отделение ОГПУ очень просто. Один из секретарей персидского консульства в Москве состоял секретным агентом. На основании подложной справки одного из городских управлений о том, что такой-то гражданин является персидским подданным (справка составлялась специальным отделом ОГПУ), секретарь персидского посольства выдал паспорт. В лаборатории иностранного отдела заменили карточку на паспорте фотографией лица, для которого предназначался паспорт. Персидский секретарь, в конце концов, сам не знал, кому выдал паспорт. С паспортом, состряпанным таким образом, Герт должен был ехать в Америку и оттуда через Японию в Китай. Ему поручено было принять руководство над имевшейся в Харбине нелегальной агентурой и приступить к систематическому разрушению в тылу у китайцев железных дорог, мостов и арсеналов. В июне Герт выехал из Москвы в Берлин и, обменяв свой паспорт в Берлинском персидском консульстве на новый, замел следы пребывания в Москве. Получив на этом паспорте визу на

проезд через СССР в Японию, он оттуда пробрался в Китай. Вслед за Гертом предполагалась отправка в Китай других лиц, но не знаю, чем она кончилась, так как к тому времени я выехал из Москвы и только за границей узнал о восстановлении прав советского правительства на Восточно-Китайской железной дороге.

В 1917 году, объявив советскую власть в России, большевики провозгласили лозунг освобождения угнетенных народностей Востока, ликвидации неравноправных договоров, заключенных царским правительством, и возвращения восточным государствам всего, что награбила у них царская Россия. Капитуляционные права России на Востоке были аннулированы, долги Персии и Китая царской России были списаны со счетов. Революционная политика проводилась на деле.

Но с 1925 года начался поворот в этой политике бескорыстия. В 1925 году советская власть силой захватила часть афганской территории (остров Урта-Тугай). В 1927 году советское правительство отказалось уступить персам Пехлевийский порт, несмотря на их бесспорные права. Спор окончился тем, что, признав юридические права персов на порт, советское правительство фактически сохранило его за собой. В начале 1928 года советское правительство пыталось, посредством переодетых красноармейцев, оккупировать Северный Афганистан. Наконец, в 1929 году для сохранения своих привилегий в Китае, от которых оно само торжественно отказалось, советское правительство бросило против Китая Красную Армию и дотла разорило оккупированные области.

По вопросу о событиях в Китае среди сотрудников ОГПУ шла горячая дискуссия. Часть сотрудников стояла за немедленное объявление войны Китаю и занятие Харбина красными войсками, но другая часть, не забывшая социалистической программы партии, резко осуждала политику правительства, доказывая, что китайцы поступили правильно, так как по справедливости советское правительство должно было еще в 1924 году уступить китайцам права на дорогу. Спор зашел в теоретические дебри и дошел до начальства. Партийные верхи немедленно осудили обе точки зрения. Империалистические вождедения первых были подведены под категорию «правого уклона», а социалистическая критика вторых под категорию «левого уклона». Держаться же надо было линии, которую проводил Сталин и которая якобы была «настоящей ленинской». Всякое отступление осуждалось и строго каралось.

Еще осенью 1925 года из Москвы в Багдад был послан от ОГПУ некто Султанов. До этого он работал в Турции, где проживала его семья. При выезде его снабдили тремя тысячами долларов, явкой и паролями, по которым в дальнейшем должны были встречаться с ним агенты. Через Персию он выехал в Ирак. Но с того момента, как он перешел иракскую границу у Ханикена, след его вдруг пропал. Попытки найти его и установить с ним связь ни к чему не приводили. Султанов канул в воду. Весной 1929 года он внезапно очутился в Константинополе и явился к Минскому, легальному резиденту ОГПУ. Оказалось, что после перехода границы он был арестован англичанами и просидел в тюрьме около полутора лет, затем был освобожден, но уже никак не мог установить связи. Только в начале 1929 года ему удалось нелегально перейти иракскую границу вблизи Моссула и попасть в Турцию. За время своего пребывания в Ираке он ничего не сделал и никаких связей не имел. Три тысячи долларов он давно израсходовал и, прося у Минского денег, предлагал переехать вместе с семьей в Сирию и «продолжать» там работу. На запрос Минского, как с ним быть, иностранный отдел ОГПУ велел прекратить всякие разговоры с Султановым, так как подозревал, что Султанова подослали англичане. Минский приказ выполнил, и дальнейшей судьбой Султанова ОГПУ не интересовалось.

Приблизительно в августе 1928 года иностранный отдел получил из Тегерана доклад Логановского, в котором советник посольства сообщал, что в Персию приехал секретарь министра общественных работ Ирака и через советское консульство в Керманшахе связался с полпредством в Тегеране. К докладу прилагалась стенографическая запись беседы первого секретаря полпреда Заславского с секретарем иракского министра. Секретарь сообщал, что в Ираке имеется арабская народно-революционная партия, пользующаяся большими симпатиями среди иракской интеллигенции. Организация существует несколько лет и успела пустить прочные корни среди городского населения и среди племен. В организацию входят несколько иракских министров, и, по словам секретаря, сам король Файсал знает о ее существовании и сочувствует ей. Партия ставит перед собой задачу добиться полной независимости Ирака и образования самостоятельного национального правительства. Для осуществления этой цели нужно прежде всего изгнать из Ирака английских представителей. К советскому правительству партия обращается за моральной под-

держкой, полагая, что Советы, естественно, должны сочувствовать всякому освободительному движению. Представитель партии просил разрешения послать десяток молодых людей, членов партии, в СССР для обучения военному делу и хотел заручиться обещанием, что в случае надобности партии разрешат закупить в СССР оружие для организации восстания в Ираке.

Логановский, пересылая эти сведения, сообщил, что представитель партии не просил никакой материальной поддержки и что у него лично создалось впечатление о партии как о серьезной организации. Указывая в своем докладе о революционных и разведывательных возможностях в Ираке, Логановский просил инструкций. Он хотел возможно скорее договориться с секретарем министра, ожидавшим ответа.

ОГПУ, тщательно обсудив доклад иракского представителя, обратило внимание на то, что он, говоря о влиятельных лицах Ирака, не назвал ни одной фамилии. Опасаясь провокации, мы решили предварительно выяснить в Ираке состав партии, ее влияние и программу. Задача эта была поручена нелегальной резидентуре в Персии и советскому консулу в Керманшахе. Эйнгорн-Эдельштейн выехал в Ирак именно с целью непосредственно ознакомиться с этой революционной партией, но задача его не удалась вследствие спешного отозвания в Тегеран. Керманшахское же консульство передало поручение своей агентуре, но до моего отъезда из Москвы, то есть до ноября 1929 года, подробных донесений из Ирака не поступало.

После занятия Турцией в 1918 году Урмийского района населяющие этот район айсоры вынуждены были с боем отступить на территорию Ирака и отдаться под покровительство англичан. Первые годы положение их было сносное, так как англичане организовали из айсоров полки и, опираясь на них, поддерживали порядок среди иракских племен. С восстановлением в Ираке спокойствия айсоров разоружили и перевели на положение крестьян, но бездомных и безземельных, так как дома и земли их остались на границах Турции и Персии. Естественно, айсоров потянуло на родину. Много раз айсорские делегации обращались к персидскому и турецкому правительствам с просьбой разрешить вернуться в родные села. Правительства отказывали. Часть айсоров перешла в СССР, и в Москве при Центральном Комитете партии организовалось даже особое бюро по ассирийским делам. Из Ирака в СССР приезжали ходоки, ведущие переговоры о переселении всего ассирийского

народа в советскую Россию. Многие из айсоров заражались в Москве революционными идеями, возвращаясь в Ирак, пропагандировали их. Главари партии поддерживали отношения с советским правительством через Лозоватского, советского консула в Керманшахе. Ежемесячно ЦК партии Азбархуни посылал Лозоватскому пакет для ЦК ВКП, а Лозоватский переотправлял его с дипломатической почтой в Москву. Работой среди айсоров руководила ассирийская секция при III Интернационале, и ОГПУ не вмешивалось в эту работу.

Цели партии Азбархуни заключались в организации военных ячеек из айсоров, состоящих на военной службе у англичан, и в использовании этих ячеек, когда наступит благоприятная обстановка для вооруженного выступления.

В середине 1929 года в Армению приехал из Харбина армянский епископ. В Харбине он скомпрометировал себя тем, что был обнаружен в одной из гостиниц в обществе женщин, в нетрезвом виде. Во избежание скандала его попросили выехать из Китая. Приехав в Эривань, он получил назначение на пост начальника армянской епархии в Ираке. Перед отъездом в Ирак с ним имел подробную беседу председатель армянского ОГПУ Маркарьян, окончательно завербовавший его и отобравший у него подписку о том, что он будет вести разведку в Ираке по заданиям ОГПУ. Прислав подписку епископа в Москву, Маркарьян просил иностранный отдел сформулировать наши задачи в Ираке. Инструкции немедленно были мною посланы. Епископ, снабженный из кассы ОГПУ несколькими тысячами долларов на организационные расходы, выехал в Ирак для управления своей паствой.

Из всего сказанного видно, что работа ОГПУ в Ираке до конца 1929 года не была организована систематически, но велась от случая к случаю. Основной недостаток ее заключался в том, что Москва никак не могла устроить поездку в Багдад специального резидента ОГПУ, который бы на месте начал систематическую деятельность.

ГЕРМАНИЯ. ФРАНЦИЯ. АМЕРИКА

Прежде чем перейти к деятельности ОГПУ в арабских странах, я хотел бы сказать немного о работе ОГПУ в Берлине, откуда по инициативе резидента Гольденштейна велась самостоятельная работа в восточных странах.

Гольденштейн, по кличке Александр или Доктор, по национальности еврей, является одним из самых старых и заслуженных сотрудников ИНО ОГПУ. До 1924 года он работал на Балканах и был очень близок с македонскими революционными деятелями, среди которых и сейчас пользуется большим авторитетом. Свою связь с Балканами он не порвал даже после взрыва Софийского собора, что, по слухам, ходившим у нас, было делом его рук. В Константинополе он поддерживал связь с Балканами через болгарина Николаева, работавшего до 1929 года в Константинополе. Гольденштейн, видимо, и из Берлина продолжал руководить работой на Балканах: в 1929 году по его просьбе Николаев был переведен из Константинополя в Берлин.

Гольденштейн в свои сорок пять лет женился на молодой женщине, и в последнее время было заметно, что работать он устал и хочет уйти на покой. Несколько раз он ставил вопрос о своем отозвании, но только осенью 1929 года получил разрешение выехать в Москву. Трилиссер собирался назначить его своим помощником. Однако приезд Гольденштейна в Москву совпал с уходом Трилиссера, и дальнейшая его судьба мне неизвестна.

В Берлине его заменил Самсонов, бывший секретарь партийной ячейки ИНО, — тупой, малограмотный человек, которого командировали на ответственную должность временно, чтобы убраться с партийной работы в ОГПУ.

Гольденштейн до перевода в Берлин был резидентом в Константинополе и руководил работой на всем Ближнем Востоке. Переехав в Берлин, Доктор не мог расстаться со своим прошлым и при всяком удобном случае пытался распространить работу из Берлина на Восток.

Берлинская резидентура является крупнейшей резидентурой в Европе. Оттуда осуществляется руководство работой агентов не только в Германии, но также во Франции и в Англии. Резидент во Франции подчиняется берлинскому резиденту, а в Англии во время перерыва дипломатических отношений не было нашего официального резидента, и оставшаяся агентурная сеть поддерживала связь непосредственно с Берлином.

Бюджет в Берлине составлял в 1928 году двадцать пять тысяч долларов в месяц, но в 1929 году был сокращен до семнадцати тысяч. Помню, когда я спросил приехавшего в Москву Гольденштейна — куда вы тратите так много денег? — он мне ответил, что, помимо содержания аген-

турной сети, ему приходится снабжать деньгами некоторые партийные организации. Из этого я заключил, что ОГПУ в Берлине имело тесную связь с германской коммунистической партией и поддерживало ее материально. Вследствие того что берлинская резидентура вела свою работу на Востоке, нам приходилось часто сноситься с ней по восточным вопросам.

О собственной деятельности берлинской резидентуры я сведений не имею (она от нас держалась в секрете), но о работе на Востоке она осведомляла меня по должности начальника восточного сектора.

В Берлине ОГПУ обрабатывало местную мусульманскую колонию, большинство которой состоит из индусов. Особенное значение придавалось ахмедийской секции, подпавшей, по нашим предположениям, под полное влияние английской Интеллидженс сервис.

Помощником Гольденштейна по восточной работе был индус Фаруки, носивший № А/18 и работавший раньше в Константинополе, откуда, по настоянию Доктора, был перебросен в Берлин. Через Фаруки вербовались агенты для посылки в страны Востока. Так, например, зимою 1929 года Фаруки отправил из Берлина двух агентов в Бенгалию (Индия) и одного в провинцию Пенджаб (Индия). Он же вел переговоры с одним из братьев Али (руководителями мусульманского движения в Индии), приехавшим в Берлин, и уговаривал его посетить Москву. Али в конце концов от этой поездки отказался.

Фаруки вел также деятельную работу среди афганских кругов в Берлине. Во время междоусобной войны в Афганистане Гольденштейн сообщил, что Фаруки может установить связь с Надир-ханом, проживавшим в Париже. Иностраннный отдел ОГПУ интересовался отношением Надир-хана к событиям в Афганистане и его связями с английским правительством. Москва поручила Доктору выяснить подробно действия и намерения Надир-хана.

Сведения о положении в Геджасе и Сирии получал тот же Фаруки, пользуясь для этой цели связями с арабскими деятелями.

Несмотря на крупную роль, которую играл Фаруки в берлинской резидентуре, Москва относилась к нему с подозрением. Подозрения вызывались противоречивыми сведениями, содержащимися в его обширных и частых докладах. Иностраннный отдел ОГПУ решил снять его из Берлина и пере-

бросить на работу в Афганистан. Этому воспротивился Гольденштейн, и ОГПУ, считаясь с его мнением, временно решение отменило. Перед моим отъездом из Москвы, осенью 1929 года, Фаруки продолжал работать в Берлине.

Фаруки в своих докладах всегда подробно характеризовал восточных деятелей, приезжавших в Берлин или поселявшихся в Берлине. Почти все, по его словам, были английскими агентами, но спустя два-три месяца он об этом забывал и сам... вербовал некоторых из этих лиц для агентурной работы.

Первые сведения о неблагонадежности вождя индийских коммунистов Роя были получены от Фаруки. Сперва он высказал предположение, что жена Роя, англичанка, может быть связана с английской разведкой. Подозрение постепенно перешло в уверенность. В Москве начали относиться к Рою с недоверием и наконец совершенно отстранили его от политической деятельности.

Конечно, «восточная работа» берлинской резидентуры является лишь маленькой частью той обширной деятельности, которой Доктор руководил вообще в Германии.

Агенты ОГПУ, работавшие внутри партии дашнаков, мусаватистов и грузинских меньшевиков, и перехватываемые ОГПУ документы все чаще указывали, что центром этих организаций является Париж. Необходимо было перенести часть работы по Востоку в Париж. Особенно настаивало на этом Кавказское ОГПУ, требовавшее от Москвы усиления работы в этом направлении.

В 1925 году Москва вызвала из Тифлиса чекиста Лордкипанидзе и направила его в Париж с поручением проникнуть в центр кавказских антисоветских организаций. Кипанидзе пробыл в Париже около девяти месяцев, успел за это время установить кое-какие связи, однако затем провалился при вербовке одного из агентов и вынужден был, законсервировав агентурную сеть, срочно уехать в Москву. Москва никем его не заменяла, так как не могла подыскать другого подходящего человека, да и вопрос о национальных кавказских партиях стоял уже не так остро, как это было после грузинского восстания в 1924 году.

В 1929 году, в связи с оживлением деятельности дашнаков в Турции, в связи с частыми наездами лидера грузинских меньшевиков Сосико Мдивани в Константинополь и возрас-

тающим интересом польской дипломатии к мусаватистам и грузинским меньшевикам, в ОГПУ вновь был поставлен вопрос о посылке специального эмиссара в Париж для освещения деятельности этих партий. Кандидатом был выдвинут сотрудник иностранного отдела Кеворкян, руководивший в Москве разведкой в кавказских партиях в течение нескольких лет. Однако его кандидатура скоро отпала, так как нашли более целесообразным сунуть его секретарем к епископу Клтчану и отправить в Персию.

Другого кандидата Москва не могла найти и предложила тифлисскому ОГПУ командировать своего собственного сотрудника для проникновения в руководящий центр кавказской эмиграции, образовавшийся в Париже. Такой сотрудник подыскивался Тифлисом и должен был выехать в Париж в конце 1929 года.

Весной 1929 года начальник англо-американского сектора иностранного отдела Мельцер был командирован из Москвы в Ташкент для организации иностранного отделения при полномочном представительстве ОГПУ в Средней Азии. Вследствие его отъезда мне пришлось на несколько месяцев принять дела этого сектора. В числе материалов, поступавших из-за границы, мое внимание обратила переписка председателя Совета русских послов Гирса с бывшими представителями царской России в других государствах. Агенты ОГПУ перехватывали и направляли в Москву доклады бывшего русского поверенного в делах в Лондоне Саблина и бывшего русского финансового агента в Северной Америке Угета. Как раз в это время Саблин в своих докладах подробно описывал предвыборную кампанию, которая велась в Англии, и анализировал шансы английских партий. Он уже предвидел победу рабочей партии, выступившей на выборах с лозунгами прекращения безработицы в Англии и восстановления дипломатических сношений с советской Россией. Доклады Саблина представляли чрезвычайный интерес для советского правительства. Мы имели распоряжение посылать копии их непосредственно Сталину, Рыкову, Чичерину, Ворошилову и Молотову. На победу рабочей партии советское правительство возлагало большие надежды. В Москве были уверены, что с приходом к власти Макдональда не только возобновятся прерванные дипломатические сношения, но будут получены и большие кредиты в Англии.

Резидент во Франции находится в подчинении берлинского резидента. Вся почта из Парижа отправляется через дип-

курьеров в Берлин. Там же концентрируются донесения агентов из Англии и из всех концов Германии, а затем направляются в Москву.

У полуофициального представителя ОГПУ при советском полпредстве в Париже имелся помощник по экономической части, присланный в Париж в конце 1928 года на официальную должность сотрудника парижского отделения Нефтьсиндиката.

После бегства Беседовского иностранный отдел ОГПУ, опасаясь разоблачений бывшего советника посольства, приказал всем ответственным сотрудникам в Париже выехать в Москву, а агентурную сеть законсервировать с таким расчетом, чтобы вновь назначенный резидент, неизвестный Беседовскому, мог с нею связаться.

В Москве работой резидентуры во Франции руководит центральноевропейский сектор, во главе которого стоит помощник начальника иностранного отдела Горб. До 1927 года он был резидентом в Берлине, под кличкой Михаил, и считался знатоком европейских дел. Тщедушный физически и морально, он никакой ценности собой не представляет и держится на своем посту лишь потому, что беспрекословно выполняет распоряжения начальства.

Непосредственно работой во Франции руководит некая Зархи, разведенная жена Сокольников, советского посла в Лондоне. По его рекомендации ее приняли в ОГПУ и назначили на работу во Франции, так как она знает французский язык и мечтает попасть в Париж. Нужно сказать, что, за редкими исключениями, для руководства работой в какой-нибудь стране всегда назначают сотрудника того сектора, который заведует в Москве этой страной. Зархи поэтому очередная кандидатура для назначения в Париж.

Политической разведке во Франции не придается большого значения, но ОГПУ внимательно следит за ее отношениями с Прибалтийскими странами. Зато очень интересуется Францией Разведывательное управление штаба Красной Армии, уверенное, что Франция систематически снабжает Прибалтийские и Балканские государства оружием и военным снаряжением. Советские шпионы заняты выяснением новейших технических изобретений, в частности авиационных, так как, по мнению военных кругов СССР, авиационная техника наиболее развита во Франции. Кроме официального представителя в лице военного атташе при посольстве, Разведупр имеет во Франции широкую тайную агентуру, руководимую людьми,

специально присланными из Москвы для добычи нужных советскому штабу сведений.

С точки зрения политической разведки Соединенные Штаты Америки до 1926 года большого интереса для советской России не представляли. Но в 1926 году, в связи с развитием торговых отношений с Америкой и надеждой, что Вашингтон наконец признает советское правительство, ОГПУ решило послать в Америку представителя для изучения американского общественного мнения и для наблюдения за торговыми сделками, заключаемыми Амторгом.

Первым резидентом в Америке был некто Чацкий, пробывший там до 1929 года. В 1929 году он вернулся в Москву и в настоящее время заведует англо-американским сектором в иностранном отделе ОГПУ.

Так как советского дипломатического представительства в Америке нет, то Чацкий поехал в качестве сотрудника Амторга. Его задачей в Америке было ознакомиться с отношением правительства Соединенных Штатов к СССР и попытаться воздействовать на американских общественных деятелей, а если возможно, и на членов правительства, в смысле склонения их к официальному признанию советского правительства.

Преуспел ли Чацкий в своих заданиях, мне трудно сказать, но по его приезде в Москву он заслужил похвалу начальства, и я слышал, что он проделал в Америке огромную работу.

Постоянным источником сведений о деятельности американского правительства были доклады английского посла в Вашингтоне. Нужно сказать, что в распоряжении иностранного отдела имелись доклады почти всех английских представителей за границей (послов, аккредитованных при иностранных правительствах и верховных комиссаров в странах британского протектората). В этом мне пришлось убеждаться неоднократно. Английские дипломаты, сами того не зная, оказывали не раз советскому правительству ценные услуги своими подробными докладами в Форин Оффис. В связи с событиями в Афганистане и Персии я часто получал задания составить сводку по тому или другому вопросу «по английским данным». Я заходил в архив иностранного отдела и брал донесения источника В/3, систематически передававшего нам донесения английских послов в Форин Оффис. Накопившиеся к 1929 году донесения британских дипломатов занимали в ГПУ целый большой шкаф. Среди них я находил донесения

послов почти во всех странах света и отбирал из них те, которые касались интересовавшей меня страны.

Полезным источником, служившим нам для ознакомления с внутренним положением в Соединенных Штатах, являлся также представитель старого русского министерства финансов Угет, систематически и подробно докладывавший об экономическом и политическом положении страны в письмах к бывшему царскому дипломату Гирсу, в Париж. Копии этих докладов регулярно поступали в ОГПУ.

Если ОГПУ сравнительно мало обращало внимания на Америку, то зато в работе Коминтерна Америка занимала исключительно важное место. Почти все представители Коминтерна путешествуют за границей с американскими паспортами, открывающими им доступ во все страны и позволяющими вести коммунистическую работу, не навлекая на себя подозрений. Я упоминал о том, что заведующий коминтерновской международной связью Пятницкий считал наиболее легким и удобным путем секретно отправить коммуниста Роя в Индию через Америку с американским паспортом. С таким же уважением к американским паспортам относился и сам Бухарин, бывший в то время председателем Коминтерна. В 1927 году в кабинете начальника ИНО Трилиссера собрались как-то резидент в Германии Гольденштейн, помощник Трилиссера Вележев и я. Обсуждался вопрос о посылке в Ирак новых работников. В это время к Трилиссеру приехал Бухарин и вошел в кабинет. На вопрос Бухарина, не помешал ли он нам, Трилиссер ответил, что, наоборот, мы обсуждаем вопрос о нелегальной посылке агентов в восточные страны и с удовольствием выслушали бы мнение Бухарина о способах отправки. Бухарин ответил, что с техникой секретных отправок он мало знаком — это дело Пятницкого, но в Коминтерне считают, что наилучшая гарантия при поездках коммунистов за границу — это американские паспорта.

В начале 1929 года я начал испытывать разочарование в работе и поделился своими настроениями с некоторыми из товарищей, в том числе с моим бывшим секретным агентом в Тегеране Майем, занимавшим в то время должность директора отдела Ближнего Востока в Наркомторге. Когда я высказал ему, что хотел бы перейти из ОГПУ на другую работу, он сообщил мне, что в скором времени Наркомторг отправляет торговых представителей в Северную и Южную Америку. В аппарате торговых представительств оставлено по одному месту в распоряжение Коминтерна. Сам Май собирается ехать

в Северную Америку. Если я хочу перейти на работу в Коминтерн, то он поможет мне сговориться с Коминтерном через представителя персидской коммунистической партии Султан-заде, а затем мне уже будет не трудно ехать представителем Коминтерна в Южную Америку. Я поблагодарил за предложение, но просил дать время подумать.

На место Чацкого отдел подыскивал кандидата для назначения тайным резидентом в Америку, но до моего отъезда из Москвы, то есть до октября 1929 года, такой кандидат не был намечен.

ПАЛЕСТИНА. ГЕДЖАС И ЙЕМЕН

Иностранный отдел ОГПУ давно интересовался Палестиной. Эта страна представлялась нам пунктом, откуда можно вести разведывательную и революционную работу во всех арабских странах, для чего, по всем данным, можно было с успехом использовать еврейскую коммунистическую партию. Однако поступившие в распоряжение ОГПУ документы свидетельствовали, что англичане чрезвычайно осторожно относятся к палестинским гражданам. Почти с каждой почтой в Москву приходили копии циркуляров английского паспортного бюро, рассылаемых консульским представителям за границей со списками палестинских граждан, которые хотя и имеют английские паспорта, но не могут быть допущены на территорию английских доминионов. По отношению некоторых лиц прямо требовалось, в случае их появления в английских консульствах, отбирать у них паспорта и сообщать в паспортное бюро.

Эти сведения заставили ОГПУ воздержаться от широкого использования палестинских коммунистов.

Но если Москва вела себя в этом вопросе осторожно, то на местах агенты действовали с большей смелостью. Первым резидентом ОГПУ, связанным с Палестиной, был Доктор — Гольденштейн. Собственно, на связях с Палестиной и с Балканскими странами, куда он тайно перебрасывал оружие, он и составил себе карьеру. Македонские революционные группы все время снабжались оружием через Гольденштейна, который закупал военные припасы в Германии и тайно переправлял в Македонию.

Будучи резидентом в Константинополе, он укрепил связь с Палестиной и продолжал затем поддерживать ее из Берлина.

Фамилии секретных агентов в Палестине мне неизвестны.

Все они проходили у нас под номерами и условными кличками. Но в своем последнем докладе Гольденштейн сообщал, что в Палестине (главным образом в Яффе) у него имеется четыре агента. Им ежемесячно посылаются тысяча долларов в виде жалованья и на расходы по собиранию информационного материала.

Палестинская агентура поддерживала связь с Берлином, но ОГПУ считало руководство Палестиной из Берлина нецелесообразным и заставило Гольденштейна передать все связи нелегальному резиденту в Константинополе Блюмкину. Одновременно велено было проверить агентуру с точки зрения ее преданности и целесообразности ее сохранения.

Была попытка организовать работу в Палестине и по другой линии. В 1926 году приехали из Палестины в Москву три члена партии сионистов и установили связь с ОГПУ.

В беседах с иностранным отделом сионисты указывали на разногласия палестинского еврейства с англичанами и просили помочь им добиться государственной независимости Палестины. Они просили снабдить их оружием и денежными средствами для ведения пропаганды. Советское правительство очень заинтересовалось предложением, однако, пока шли переговоры, были получены сведения о том, что привезшие предложение сионисты являются английскими агентами и подосланы с целью спровоцировать и скомпрометировать советское правительство. Так как фактических улик против этих лиц не имелось, то иностранный отдел просто прекратил с ними сношения и предложил им выехать из СССР.

Подобная провокация однажды уже имела место. В 1928 году в Москве состоялся VI конгресс Коминтерна. От индийской коммунистической партии на конгресс приехали три индуса, причем двое из них проехали нелегально через Персию. Проездом через Тегеран они обратились за помощью к полпредству и резиденту ОГПУ, которые помогли им пробраться дальше в Москву. Перед окончанием конгресса из контрразведывательного отдела сообщили, что все трое подозреваются в тайной связи с англичанами и подосланы со специальной миссией информирования англичан о решениях конгресса. Индусам дали возможность досидеть до конца конгресса, а затем их арестовали и поместили во внутреннюю тюрьму ОГПУ. На допросе двое из них признались в связях с англичанами.

В 1928 году Москва командировала в Константинополь Якова Блюмкина на должность нелегального резидента ОГПУ на всем Ближнем Востоке. Одной из основных его задач была организация агентуры в Палестине и выяснение создавшегося там положения. Особенно интересовал Москву вопрос об отношении палестинских евреев к англичанам и внутренние арабо-еврейские отношения. Блюмкин побывал в Палестине, завербовал там для работы бухарского еврея Исхакова и еще одного еврея, содержавшего в Яффе пекарню и ею прикрывавшего свою работу, но воздержался от установления связи с местными коммунистами до более близкого с ними ознакомления.

Агенты Блюмкина направляли свои донесения в Бейрут, к тамошнему агенту, а тот уже от себя пересылал их Блюмкину в Константинополь.

Вспыхнувшее в 1929 году кровавое столкновение между евреями и арабами застигло врасплох советское правительство. Коминтерн немедленно занялся обсуждением событий. Непосредственно вслед за тем Политбюро вынесло решение ни в коем случае не поддерживать борющиеся стороны и, пользуясь их столкновением, попытаться объединить арабскую и еврейскую коммунистические партии в Палестине, до того времени существовавшие отдельно. Объединенные партии должны были национальную проблему заменить классовой и совместно объявить войну еврейской и арабской буржуазии, главным же образом английскому империализму.

Агентура Блюмкина донесла о волнениях тогда, когда они приняли широкий характер, и не успела предупредить о них своевременно. Присланный агентом из Яффы доклад о столкновениях давал общие места. Это отчасти поколебало положение Блюмкина, находившегося в Москве и пользовавшегося в то время влиянием на решения ближневосточных вопросов. В октябре 1929 года, когда я занял место Блюмкина в Константинополе, мне было поручено тщательно изучить все классовые и национальные взаимоотношения в Палестине и выяснить, на кого — на евреев или на арабов — Советы могут сделать ставку в Палестине в случае возникновения войны с Англией. Это было крайне важно потому, что Палестине, расположенной на берегу Красного моря, Москва придавала большое военно-стратегическое значение.

В период волнений в Палестине Коминтерн энергично развил свою деятельность. Срочно были отправлены агенты-пропагандисты для руководства местными коммунистическими

партиями и для проведения в жизнь решений Коминтерна по палестинскому вопросу. Агенты Коминтерна отправлялись из СССР преимущественно под видом членов враждебных советскому режиму еврейских партий, высылаемых в административном порядке из СССР. Между прочим, один из таких агентов ехал со мной на пароходе «Чичерин» из Одессы в Константинополь, куда мы прибыли 27 октября 1929 года, и благополучно проследовал через Константинополь в Яффу. Вместе с ним ехала под видом его жены работница Коминтерна. Я знал этого агента еще по Туркестану, и поэтому нам незачем было скрываться друг от друга. Но все-таки он не хотел сказать мне, под какой фамилией он путешествует на этот раз. По его рассказам, из Москвы выехали вместе с ним в Палестину еще четыре человека, но те поехали через Берлин.

В Геджасе и Йемене ОГПУ не вело никакой работы до приезда туда советского посла Хакимова. В 1925 году, будучи связан с ОГПУ по работе в Мешед, Хакимов начал вести в Геджасе информационную работу. Одновременно с ним в Геджас прибыли секретарь Хакимова, Моисей Аксельрод, и представитель Наркомторга Белкин. Аксельрод и Белкин добровольно, на свой страх и риск, начали сперва в Геджасе, а затем в Йемене агентурную работу. Видя их рвение, ОГПУ назначило Аксельрода, переехавшего вскоре из Геджаса в Йемен, своим специальным представителем.

Аксельрод, говоривший на всех европейских языках и хорошо знавший арабский, сумел связаться с видными сотрудниками имама Яхьи, но, ввиду отсутствия разведывательного опыта, не мог в достаточной степени использовать эти связи. Из Йемена Аксельрод вел работу в Эритрее и даже посылал иногда своих агентов в Египет.

В 1927 году Аксельрод возвратился в Москву. Агентуру ОГПУ принял Белкин, не имевший такой научной подготовки, как Аксельрод, зато обладавший большим практическим опытом. Работа при нем начала принимать чисто разведывательный характер. Помимо освещения деятельности правительства имама Яхьи, он в последнее время окружил сетью своих агентов неофициального представителя англичан, проживающего в Санаа под видом купца.

Получаемые сведения Белкин отправляет непосредственно в Москву, пользуясь для связи с ней советскими пароходами,

заходящими в Йемен. Особенно часто служит этим целям пароход «Коммунист».

В конце 1928 года приехал в Йемен искать помощи один из шейхов южного побережья Персидского залива, владения которого занял его соперник, поддерживаемый англичанами. Белкин вошел с ним в связь и получил от него письмо к советскому правительству. Шейх просил оказать материальную поддержку для возвращения отнятых у него владений, взамен чего предлагал распространить советские товары на своей территории, закупить оружие в СССР и пригласить советских военных инструкторов для своей армии. Предложение было обсуждено в Наркоминделе, и Белкин получил приказ пригласить шейха для переговоров в СССР.

Работа в Геджасе и Йемене не носила систематического характера. Отправляясь резидентом на Ближний Восток, я получил поручение организовать ее по типу резидентур ОГПУ в других странах.

ТУРЦИЯ

До 1929 года в Турции была только легальная резидентура при советском генеральном консульстве в Константинополе. Резидентом был Минский, официально числившийся атташе консульства. До назначения в Константинополь он работал в Китае (вице-консулом и резидентом ОГПУ в Шанхае), но провалил свою агентурную сеть. Китайская полиция, уличив его в шпионаже, произвела обыск в советском консульстве, и Минский вынужден был уехать из Китая.

Помощником Минского в Константинополе для работы среди кавказских антисоветских партий, то есть среди грузинских меньшевиков, дашнаков, мусаватистов, горцев и пр., был некто Гришин. Кроме того, в аппарате ОГПУ работали жена Минского (шифровальщица) и две женщины, Эльза и Лидия, выполнявшие работу переводчиц и служившие связными между резидентом и секретными агентами-осведомителями.

В начале 1929 года Минского отозвали в Москву по болезни. Его заменил Этингон, приехавший в Константинополь на должность атташе консульства под фамилией Наумова. До назначения в Константинополь Этингон служил резидентом в Харбине, но, будучи скомпрометирован после налета китайской полиции на харбинское консульство, был вынужден выехать в Москву.

Вместе с Этингоном приехал в качестве помощника по

экономической линии некто Бржезовский, работавший до того в иностранном отделе ОГПУ. Бржезовский устроился в константинопольском торгпредстве на должность заведующего плановым отделом. К этому времени выяснилась необходимость заменить также и Гришина, так как из доклада Минского было видно, что он чересчур неосторожно вел себя в Константинополе. На его место Тифлиское ОГПУ назначило некоего Кикодзе, бывшего начальника уголовного розыска в Батуме, доказавшего свою преданность советской власти активной борьбой с повстанцами в Грузии в 1924 году. Гришин же был переведен резидентом в Тавриз на официальную должность делопроизводителя в совконсульстве на место Минасьяна.

Связь с Москвой константинопольская резидентура держала иначе, чем другие резидентуры. На пароходе «Ильич», курсирующем между Одессой и Константинополем, разъезжал специальный агент для связи. Все материалы фотографировались в Константинополе при помощи аппаратов Лейтца, и пленки в непроявленном виде отправлялись через агента связи в Москву. Такой способ гарантировал почту от провала, так как в случае нападения или обыска агенту связи достаточно было открыть коробку, чтобы на испорченных светом пленках исчезли все следы.

Агентурная сеть в Константинополе была опытна и хорошо поставлена. Ее организовал еще в 1925 году Гольденштейн, переведенный затем в Берлин. Благодаря широко поставленной агентуре к нам попадала вся переписка украинской организации, представитель которой находился в Константинополе, протоколы заседаний и вся переписка партий мусаватистов, горцев и других национальных антисоветских групп, организовавших заграничное бюро. Из этой переписки мы видели, что эти группы объединяются только для того, чтобы на следующий день вновь разделиться и вести свою собственную политику. Опасности для СССР они, конечно, не представляли, но любопытно было следить за их внутренними распрями. Особенно большие трения, судя по перехваченным документам, происходили среди азербайджанцев, объявлявших даже таких лидеров, как Топчибашев, изменниками делу пантюркизма. Из перехваченной переписки мы знали, что дашнакская партия была против объединения кавказских партий в одну конфедерацию, боясь быть съеденной тюркскими группировками. Агент, доставлявший нам эти документы, числился под № 87 и являлся

одним из активных деятелей заграничного бюро военных антибольшевистских партий.

Из японского посольства в Константинополе мы получали расшифрованные телеграммы благодаря агенту в охране посольства. Мы требовали, чтобы он достал для нас шифр посольства, но он боялся сам вскрыть несгораемый шкаф и предлагал нам прислать специалиста-взломщика, которого он ночью, в часы своего дежурства, пропустит в комнату, где стоит несгораемый шкаф, и даст ему возможность сделать все, что тот найдет нужным. Таких специалистов в ОГПУ при специальном отделе имелось два человека. Это были профессиональные воры-взломщики, состоявшие у нас на службе для выполнения «деликатных» поручений. На требование прислать одного из них в Константинополь специальный отдел ответил, что оба взломщика сейчас заняты в Прибалтийском крае; по возвращении одного из них командируют в Константинополь.

За французскими делами мы следили по копиям докладов французского военного атташе в Константинополе, аккуратно доставлявшимися нам раз в две недели. В своих докладах военный атташе подробно описывал состояние турецкой армии, положение на турецко-сирийской границе, а также касался стран, сопредельных с Турцией, ставя нас, таким образом, в курс всех событий военного характера в Аравии и отчасти на Балканах.

Особенно ценили в Москве перехватывавшиеся нами доклады австрийского посланника в Константинополе. Они содержали точные и подробные описания всех событий в Турции. По ним было видно, что их писал человек, хорошо знающий Восток и понимающий свои задачи. Так как Австрия дипломатического представителя в Персии и Афганистане не имела, то ее посланник в Турции одновременно наблюдал за событиями и в этих странах и сообщал о своих наблюдениях в Вену. Его доклады поэтому держали нас в курсе дел не только в Турции, но также в Персии и в Афганистане. В 1929 году мы узнали из его доклада, что австрийское правительство намерено назначить особого представителя в Персию. Посланник рекомендовал на эту должность проживающего в Тегеране австрийского подданного Графа, женатого на персидской армянке и имевшего в Персии большие связи. Мы немедленно навели справки о Графе и, узнав, что, по сведениям резидентуры в Персии, он является агентом англичан, приняли меры к недопущению его на пост представителя Австрии.

Резидентура ОГПУ в Константинополе имела всю переписку патриарха армянской церкви в Турции Нарояна. Это давало нам возможность узнавать настроения армянских епископов и армянского населения во всех странах. Замечая в письмах сочувственные к Советам настроения, мы затем приступали к вербовке намеченных лиц.

Вообще должен сказать, с начала 1929 года иностранный отдел принял прямые меры к использованию армянского духовенства в разведывательных целях за границей. Председателю ОГПУ Армении Маркарьяну было поручено выяснить пригодных к работе епископов в Эривани и, вербуя их на службу, стараться устраивать их назначение за границу. Именно таким образом, как я уже писал, было произведено назначение начальника армянской епархии в Багдаде. За границей применялись другие способы. Архиерей Басмачьян в Константинополе был, например, завербован следующим образом. Католикос армян в Эчмиадзине захотел посвятить Басмачьяна в 1929 году в епископы и вызвал его в Эривань. Резидент ОГПУ в Константинополе Этингон, учтя полезность Басмачьяна для нашей работы, предложил советскому консулу отказать ему в визе. Одновременно агентура начала зондировать почву, обещая Басмачьяну визу, если он согласится, вернувшись в Константинополь после посвящения в епископский сан, давать сведения для ОГПУ. Басмачьян, страстно мечтавший об епископской мантии, согласился. От него взяли подписку в том, что он обязуется добровольно быть агентом ОГПУ, а затем мгновенно выдали визу в СССР. По приезде в Эривань Басмачьяна детально обработал председатель армянского ОГПУ Маркарьян. Свежеиспеченный епископ вернулся в Константинополь и теперь работает в качестве нашего секретного сотрудника.

Этим в настоящее время исчерпываются главные силы легальной резидентуры ОГПУ в Константинополе. Конечно, имеется еще десяток мелких агентов, осведомляющих о всевозможных происшествиях в Турции, но их трудно учесть, да большого интереса они и не представляют.

До 1930 года резиденты в Турции имели распоряжение не вести работы против турецкого правительства. Распоряжение было вызвано двумя причинами. Во-первых, советское правительство считало Турцию дружественной державой, с которой, пожалуй, даже можно обмениваться информацией. Действительно, представители турецкой разведки и полиции неоднократно предлагали советским представителям вести совмест-

ную работу. В последний раз такое предложение было сделано в начале 1929 года. О нем было доложено самому Менжинскому, но он отклонил предложение, мотивировав отказ тем, что турки едва ли обладают ценными сведениями, а если и обладают, то ценные оставят для себя, а нам сообщат чепуху. Ради этого бессмысленно раскрывать перед ними методы работы ОГПУ. Но, передавая отказ, советское правительство выразило готовность, в случае получения сведений о чьей-либо деятельности во вред турецким государственным интересам, передавать сведения в распоряжение турецкого правительства.

Случаи такой «дружеской информации» имели место, впрочем, и в других восточных странах. Так, например, в Персии, во время курдского восстания в 1927 году, из копий писем партии дашнаков в Тавризе и их представителя Мурадяна в Курдистане мы узнали, что партия дашнаков поддерживает тесную связь с восставшими, помогая им оружием и людьми. В письмах, кроме того, имелись сведения, компрометировавшие армянского архиепископа в Тавризе Нерсеса, под которого ОГПУ давно вело подкоп. Полпред в Тегеране Давтян, желая ухудшить отношение персидского правительства к дашнакам и, в частности, с целью добиться высылки архиепископа Нерсеса, передал эти материалы министру двора Теймурташу и одновременно сообщил их турецкому посольству. Турки энергично поддержали Давтяна, прекрасно понимая, что без помощи дашнаков курды едва ли могут серьезно сопротивляться турецким регулярным войскам.

В результате этих представлений персидское правительство распорядилось произвести в Тавризе обыски и аресты среди дашнаков, установило за ними наблюдение и в конце концов свело их деятельность почти на нет. Об это мы узнали из писем Ишханьяна, представителя дашнаков в Азербайджане, адресованных центральному комитету партии в Париже.

Второй причиной, почему ОГПУ воздерживалось от работы против турок, было желание создать в Константинополе базу для работы на всем Ближнем Востоке. Трилиссер считал, что если не трогать турок, а вести работу на территории других держав, то турки будут смотреть на эту работу сквозь пальцы. Таковую жертву следовало принести, чтобы иметь возможность беспрепятственно вести работу в Сирии, Палестине, Египте и т. д.

Дружеское отношение к Турции, однако, не мешало специальному отделу ОГПУ в Москве перехватывать и расшифровывать турецкие телеграммы. Так, например, во время

войны между афганским эмиром Амануллой и Бачаи-Сакао ОГПУ имело все телеграммы, посылавшиеся турецким и персидским посольствами в Кабуле своим министрам, и ответы министров. Следует, кстати, отметить, что именно этим способом советское правительство узнало о намерении турок и персов начать переговоры с Бачаи-Сакао о его признании и затем само начало вести двусмысленную политику по отношению к Аманулле.

Вследствие указанных соображений ОГПУ до 1928 года не имело своего представителя в Ангоре. В 1928 году пришлось его назначить, потому что часть иностранных миссий переехала из Константинополя в Ангору. Первым легальным представителем в Турции был Илья Герт, проработавший в Ангоре до конца 1928 года, а затем нелегально отправленный в Китай.

С 1928 года в Турции, как и в других странах, ОГПУ решило перейти на методы нелегальной работы. Для начала послали человека в Константинополь с поручением организовать «прикрытие» и облегчить приезд дальнейших работников ОГПУ. В начале 1928 года в Константинополь выехал сотрудник иностранного отдела, родственник по жене Логинова, помощника Трилиссера. С Москвой он переписывался под кличкой Рид через легального резидента при советском консульстве.

Приехав в Турцию, Рид открыл сперва самостоятельное коммиссионное бюро в Константинополе, а затем присоединился в качестве компаньона к одной немецкой конторе. Так как Рид хорошо говорит по-английски, то его снабдили американским паспортом, взятым из «лаборатории» Коминтерна. В одном из своих донесений осенью 1929 года Рид писал, что прекрасно устроился и настолько американизировался, что считается своим человеком в американской колонии Стамбула и еженедельно участвует в устраиваемых американцами обедах. Тут же он сообщал, что по американским законам каждый американский гражданин должен в течение пяти лет хоть один раз возвратиться в Америку, а так как по его паспорту значится, что он уже четыре года пребывает за границей, то Рид для возобновления паспорта просит разрешения выехать в Америку. Этой поездкой он, кстати, надеется добиться представительства некоторых американских фирм и окончательно закрепить свое положение в Турции. Поездка Риду была разрешена. Он благополучно съездил в Америку и вернулся в Турцию в ноябре 1929 года, привезя с собой представитель-

ство некоторых военных и авиационных заводов Америки. С этими рекомендациями Рид до сих пор путешествует по Балканским странам якобы для получения заказов, на самом же деле вербуя агентов и собирая сведения.

В середине 1928 года в Турцию был командирован Яков Блюмкин. Бывший левый эсер, прославившийся в 1918 году убийством германского посла в Москве графа Мирбаха, Блюмкин был в своем роде знаменитостью. Среди членов коллегии ОГПУ он пользовался большим влиянием благодаря своей успешной деятельности в Монголии. В Константинополь его отправили с большими полномочиями и поручением организовать нелегальную агентуру в Сирии, Палестине, Геджесе и Египте. В виде аванса ему было выдано на руки 25 тысяч долларов. Поехал он в Турцию по фальшивому персидскому паспорту, под фамилией Султан-заде.

Блюмкин путешествовал по восточным странам до июня 1929 года и вернулся в Москву. Что он делал на Ближнем Востоке, никто из сотрудников иностранного отдела не знал, так как он переписывался непосредственно с Трилиссером (каждый резидент имеет право особо серьезные и важные донесения адресовать непосредственно начальнику иностранного отдела, и эти донесения не всегда попадают в аппарат отдела)... Блюмкина встретили с большим почетом. В его распоряжение предоставили автомобиль, и беседы он вел только с начальниками отделов ОГПУ. Сам Менжинский пожелал выслушать его и пригласил на обед. Блюмкин в то же время сделал доклад о положении на Ближнем Востоке некоторым членам Центрального Комитета, причем особенно интересовался его работой секретарь Коминтерна Молотов.

Наконец, после торжественных и лестных приемов, Блюмкину было предложено вернуться на Ближний Восток и провести в жизнь все намеченные им планы. Планы же эти заключались в следующем: в каждой из стран Ближнего Востока посадить резидента ОГПУ, а в Константинополе и Египте старших резидентов, которые в то же время были бы его заместителями. Сам же Блюмкин будет разъезжать по всем этим странам, контролировать и направлять работу резидентов и выискивать новые возможности.

Блюмкин так размечтался, что предлагал включить в сферу своей деятельности и Ирак, и Персию, и Индию. Трилиссер

соглашался. Блюмкину тогда вообще ни в чем не отказывали и возлагали на него громадные надежды.

Однако угар триумфа прошел. Блюмкин начал подбирать сотрудников для стран, в которых должен был работать. И тут, естественно, ему пришлось связаться с аппаратом иностранного отдела.

Среди рядовых сотрудников иностранного отдела Блюмкин пользовался неважной репутацией. Правда, все признавали его ум и энергию, но зато все знали его как большого хвастуна, краснобая и любителя приврать.

Явившись в восточный сектор, Блюмкин рассказал, что он побывал в Бейруте, Дамаске, Яффе, Александрии и Каире и показал фотографии, изображавшие его в Яффе с известными евреями и в Египте у пирамид. Однако на требования рассказать подробно о сделанной работе он от ответов уклонялся, ссылаясь на то, что уже сделал подробный доклад Трилиссеру.

Заметив, что я не особенно доверяю его рассказам, Блюмкин решил, что называется, подкупить меня. Он сказал, что Трилиссер поручил ему выбрать лучших сотрудников, если я согласен работать с ним, то он с удовольствием возьмет меня в Константинополь на должность своего заместителя. Я ответил, что никогда никуда не прошусь и что мое назначение зависит от Трилиссера. Через несколько дней Трилиссер сам повторил предложение в присутствии Блюмкина. Я заметил, что мне, как армянину, вряд ли удобно ехать в Турцию, и напомнил, что мне уже однажды было отказано в такой поездке. Трилиссер сказал, что подумает, но на следующий день опять вызвал меня и уже наедине сказал, что, детально ознакомившись с докладами Блюмкина и не особенно им доверяя, он просит меня поехать, чтобы прибрать к рукам всю работу, сделанную Блюмкиным на Востоке, а затем он Блюмкина отзовет и руководителем работы останусь я. Я дал согласие.

Совместно с Блюмкиным мы начали подбирать сотрудников. Прежде всего приняли некую Ирину Петровну, бывшую жену какого-то министра дальневосточного правительства, которая должна была ехать в Константинополь в качестве жены Блюмкина. По профессии она была художницей, и Блюмкин предполагал ее использовать для связи между Константинополем и арабскими странами. Затем с нами должен был ехать еврей-инженер, намеченный для работы в Палестине. Он собирался организовать автомобильный гараж и, пользуясь автомашинами, разъезжать по всей стране и организовывать аген-

туру. Наконец, из аппарата ОГПУ нам назначили для работы в Египте сотрудника Аксельрода.

В течение этого времени я часто бывал у Блюмкина, жившего в Денежном переулке на квартире у народного комиссара просвещения Луначарского. Заводя со мной беседы на политические темы, он старался выявить мое отношение к троцкизму. На этой почве мы однажды рассорились. Я в резкой форме осуждал троцкистов. На следующий день после ссоры Блюмкин пошел к Трилиссеру и заявил, что отказывается от моего сотрудничества, так как полагает, что я к нему приставлен в качестве политического комиссара. Разговор происходил при мне. Так как я со своей стороны тоже отказался сотрудничать с Блюмкиным, отставка моя была принята, и Трилиссер предложил мне ехать самостоятельно в Индию для организации резидентуры ОГПУ.

Это было в конце августа 1929 года. Блюмкин продолжал без меня вести приготовления к отъезду. Тем временем началась партийная чистка. В первую очередь подлежали проверке коммунисты ОГПУ и, в частности, уезжавшие в заграничную командировку. Многие из сотрудников иностранного отдела поговаривали о необходимости выступить против Блюмкина и требовать его исключения из партии как человека чуждой рабочей психологии. Блюмкин, конечно, слышал об этом и старался уклониться от чистки. Однако, два-три раза пропустив собрания, он все же был вынужден явиться. Очень хорошо помню этот день. В клуб ОГПУ явились на чистку почти все сотрудники иностранного отдела и многие сотрудники других отделов.

В президиуме сидят члены Центральной контрольной комиссии Сольц, Караваев и Филлер. К ним подсаживается Трилиссер. Вызывают Блюмкина. Блюмкин выходит на трибуну и рассказывает свою биографию. Несмотря на всегдашнюю самоуверенность, он явно смущен и часто запинается в речи. После него немедленно выступает Трилиссер и характеризует Блюмкина как одного из преданнейших партии и революции работников. Слушатели, растерянные выступлением Трилиссера, молчат. Комиссия выносит постановление: считать Блюмкина «проверенным».

Спустя несколько дней после чистки я ждал очереди в приемной Трилиссера, когда вдруг вошла сотрудница иностранного отдела Лиза Горская и обратилась с просьбой пропустить ее вне очереди. У нее небольшое, но важное и срочное дело. У Трилиссера она задержалась около часу. На сле-

дующий день сотрудник восточного отдела Минский, отозвав меня в сторону, сообщил, что Блюмкин арестован. Арест произвели ночью сотрудники оперативного отдела во главе с казначеем иностранного отдела Ключаревым. Причина ареста неизвестна.

За разъяснением я обратился к Горбу, помощнику Трилиссера, и тот рассказал следующее.

Блюмкин в Константинополе связался с Троцким. Троцкий пользовался этой связью для посылки писем своим приверженцам в СССР через секретную почту ОГПУ. Когда Блюмкин выехал в СССР, он поручил ему переговоры с Карлом Радеком и с другими троцкистами. Блюмкин это выполнил. Сожительствуя с сотрудницей иностранного отдела Горской, он рассказал ей о своих связях с Троцким, пытаясь завербовать и ее для работы на Троцкого. Горская сделала вид, что согласилась, но на следующий день донесла обо всем Трилиссеру. Ключарев затем мне рассказал, что он вместе с комиссарами из оперативного отдела в час ночи подъехал к квартире Блюмкина, который как раз в это время отъезжал на автомобиле вместе с Горской. Поняв, что приехали за ним, Блюмкин приказал шоферу гнать полным ходом. Из автомобиля ОГПУ было сделано несколько выстрелов вдогонку. Блюмкин велел шоферу остановиться, обернулся к Горской и сказал: «Лиза, это ты меня предала». Выйдя из автомобиля, он обратился к подоспевшим агентам ОГПУ: «Не стреляйте, товарищи, я сдаюсь».

Блюмкина препроводили во внутреннюю тюрьму ОГПУ, а дело его передали в секретный отдел. Дело его вел помощник начальника секретного отдела Агранов.

На следующий день после ареста Трилиссер передал мне дневник Блюмкина, найденный при обыске. Дневник начинался с 25-й страницы и содержал подробный отчет о финансовом и деловом положении резидентуры ОГПУ на Ближнем Востоке. По оставшимся несколькими строчкам можно было судить, что первая часть дневника была посвящена отношениям с Троцким. Дневник был адресован Трилиссеру. Видимо, Блюмкин успел раскаться в измене Центральному Комитету партии и незадолго до ареста написал покаянный доклад.

Минский потом признался, что еще из Турции он доносил в Москву о деятельности Блюмкина, жившего совершенно неподобающим образом. До него регулярно доходили сведения, что Блюмкин, разъезжая на советских пароходах, ведет пропаганду среди команд в пользу Троцкого. Все эти доклады

Минский посылал непосредственно на имя Трилиссера. Этим и объяснялись сомнения Трилиссера в Блюмкине в самый расцвет его славы Блюмкина. В Константинополе я получил сообщение, что Блюмкин расстрелян. Блюмкин был известен под кличкой Живой. Весть пришла в таком виде: «Живой — помер», а вслед за тем пришли и подробности. Как сотрудник ГПУ, Блюмкин был расстрелян без суда, по постановлению коллегии ОГПУ. На коллегии Ягода стоял за расстрел, Трилиссер — против, Менжинский колебался. Однако под давлением Политбюро, то есть Сталина, ЦК утвердил приговор и Блюмкина ликвидировали.

Что представлял собой Блюмкин? В сущности, молодой человек лет тридцати, он с юного возраста был захвачен революционной волной. Убийство Мирбаха возвело его в чин вождя левых эсеров. Чрезвычайно начитанный и образованный, он был авантюристом по натуре и, собственно говоря, не был предан идейно ни одной партии, членом которых он попеременно состоял. К политической работе относился как к тотализатору.

Последняя ставка на Троцкого его погубила.

ВЫСЫЛКА ТРОЦКОГО

Троцкий жил в Алма-Ате в Семиреченской области, под тщательным надзором местного ОГПУ, в еженедельных сводках сообщавшего в Москву о его деятельности. В начале 1929 года в Москве распространились слухи, будто Троцкий сильно болен и находится при смерти, а Центральный Комитет не дает ему возможности лечиться. Многие говорили, что Сталин нарочно держит Троцкого в Семиречье, где нет врачей, чтобы скорее уморить его и избавиться таким образом от опаснейшего конкурента на власть. Вместе с тем оперативные сводки указывали, что сторонников Троцкого становится все больше и больше. Посещение ими Алма-Аты приняло характер паломничества в Мекку. Вопрос был поставлен на обсуждение в Политбюро, и оно решило выслать Троцкого за границу. После долгих переговоров турецкое правительство согласилось принять Троцкого. Проведение постановления в жизнь было поручено агентам ОГПУ. Охранявшие Троцкого чекисты стали за это время яркими сторонниками Троцкого и вместе с сыном Троцкого пытались оказать сопротивление ОГПУ и не дать возможности увезти «опального вождя». Сын Троцкого даже начал драться. Однако это не остановило со-

трудников ОГПУ, и Троцкого почти на руках вынесли из дома и доставили на пароход, шедший в Константинополь.

Приехавшему в Константинополь Троцкому с семьей ответили на первое время помещение в советском консульстве. Одновременно резидент Минский получил распоряжение тщательно наблюдать за Троцким, но быть с ним любезным и помочь ему устроиться в Турции по его личному желанию.

Во исполнение инструкции Минский хотел представиться Троцкому, но Троцкий не принял его и поручил сыну вести все переговоры. Довольно наглый молодой человек, забыв, что он сам не Троцкий, а всего только его сын, пытался говорить с Минским в повелительном тоне. Минский его осаживал, но ежедневно получал десятки требований, исходивших якобы от Льва Давидовича.

Консульство предложило Троцкому подыскать себе другое помещение. Он долго не соглашался, но наконец уступил при условии, что ему будет найдено помещение удобное и безопасное от возможных покушений со стороны белой эмиграции. Минский пустил на розыски помещения почти всю свою агентуру. В течение месяца Троцкому было предложено около двадцати квартир, но от всех он отказывался под разными предлогами. Наконец стало ясно, что Троцкий не желает покинуть консульство и хочет выиграть время. Минский начинал терять терпение. Меду ним и сыном Троцкого происходили жестокие схватки. В конце концов Минский настоял на своем. Троцкий выехал из советского консульства. Теперь он живет на острове Принкипо под охраной и наблюдением турецкой полиции и тайных агентов ОГПУ.

Кроме задачи устроить Троцкого на жительство, перед резидентом стоял вопрос о наблюдении за деятельностью Троцкого. Для этой цели Минский использовал агента, работающего официально в одном из советских хозяйственных учреждений в Турции. Этот агент, бывший офицер, знакомый с семьей Троцкого по Москве, якобы возобновил свое знакомство с Троцким и, посещая его, передавал резиденту разные сведения. В конце 1929 года этот агент женился на сотруднице связи при ОГПУ некоей Эльзе.

Константинопольская резидентура организовала также просмотр писем, прибывающих по турецкой почте на имя Троцкого. Несколько таких писем при мне получено было в Москве. Они носили официальный характер. Некоторые издатели и журналисты обращались к Троцкому с вопросами или пред-

ложениями. Впоследствии было решено таких писем не задерживать, а пропускать их Троцкому.

После ареста Блюмкина Минский рассказывал, что при встречах с сыном Троцкого он часто удивлялся его осведомленности о делах в советском консульстве. Так, например, Троцкий всегда знал, когда резидент отправляет почту в Москву и когда почта прибывает из Москвы. В то время Минский не мог догадаться, откуда это могло быть известно Троцкому, но теперь вспоминает, что Блюмкин всегда старался узнать за несколько дней об отправке курьеров в Москву и, по-видимому, сообщал Троцкому. Из допроса Блюмкина, между прочим, выяснилось, что он должен был вести в Москве переговоры с Радеком. Первое время после ареста Блюмкина все думали, что его выдал Радек. Это недоразумение рассеял секретарь ЦКК Ярославский, выступивший на одном из собраний ОГПУ с обвинением Радека в двуличности.

Оказывается, Радек, отказавшись от троцкистских взглядов, все же ничего не сообщил ни в Центральный Комитет партии, ни в ОГПУ о посещении Блюмкина. После ареста Блюмкина Радек был вызван в Центральный Комитет и подтвердил показания Блюмкина, сообщив при этом, что на предложения Троцкого, переданные через Блюмкина, он ответил отказом.

Весной 1929 года в ОГПУ поступила просьба сына Троцкого разрешить ему приехать в СССР за женой. Мы передали просьбу в Центральный Комитет партии, откуда получили отрицательный ответ. Отказ мотивировался тем, что сын Троцкого может приехать под предлогом личных дел, а в действительности начнет, вероятно, устанавливать связь с троцкистами. Поэтому было благоразумно предложено невестке Троцкого, без помощи мужа, самой выехать в Константинополь.

После высылки Троцкого в Константинополь число сочувствующих ему в России значительно увеличилось. Особенно много сторонников он приобрел среди беспартийных рабочих и крестьянских масс. Центральный Комитет партии, учитывая растущую популярность Троцкого, широко использовал опубликованные Троцким в английских и американских газетах статьи и объявил его уже не оппозиционером, а контрреволюционером. На всех собраниях и митингах выступали правоверные коммунисты и по заказу Центрального Комитета партии порочили Троцкого на все лады, вспоминая все его политические ошибки с 1903 года.

Пока Центральный Комитет партии боролся с троцкизмом (вернее, лично с Троцким, так как, в сущности, Сталин украл

программу Троцкого и сам проводит ее в жизнь), начала выявляться новая оппозиция справа. На смену Троцкому выступили против Сталина новые борцы, бывшие соратники Сталина в борьбе с Троцким. Разгоревшаяся борьба с правыми уклонистами отвлекла внимание партии от троцкизма. К осени 1929 года можно было видеть, что Троцкого постепенно забывают в советской России.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что пройдет еще один год такой пассивности, какую проявляет Троцкий в изгнании, и вождь Красной Армии до конца своих дней останется на берегах Босфора, превратясь из страстного политика просто... в рыболова.

ЧТО ДЕЛАЕТ ОГПУ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ?

После ареста Блюмкина меня вызвал Трилиссер и сказал, что мне придется отложить поездку в Индию, а поехать пока в Константинополь для приема дел и продолжения работы, начатой Блюмкиным. В сферу моей деятельности отныне входили Сирия, Палестина, Геджас и Египет. В самом Константинополе, где находилась моя резиденция, я не должен был вести работы, предоставив ее исключительно заботам легальной резидентуры в Турции.

В Константинополе находились помощник Блюмкина, оставшийся на время его отсутствия заместителем, а также Ирина Петровна, которую он успел отправить до своего ареста в Турцию в качестве своей жены с персидским паспортом на фамилию Султан-заде.

Помощник Блюмкина был беспартийным и совершенно неизвестным ОГПУ человеком. Блюмкин завербовал его в Париже и привез в Константинополь. Родители помощника проживали в Одессе. Подозревая, что и он, подобно Блюмкину, связан с Троцким, мы решили откомандировать его в СССР. Для этой цели Блюмкин был вызван из тюрьмы и написал под диктовку письмо помощнику с вызовом в Москву. Письмо было отправлено легальному резиденту в Константинополь, с поручением доставить помощника Блюмкина в СССР. Такое же письмо Блюмкин написал и Ирине Петровне.

В Сирии находились два агента ОГПУ, мужчина и женщина, проживавшие в Бейруте под видом мужа и жены. Они

открыли комиссионную контору на улице Алембо, служившую им «прикрытием». Мужчина работал под кличкой Прыгун, а женщина — Двойка. Двойка служила связной с Константинополем и ежемесячно привозила почту для константинопольской резидентуры. Мне было предложено присмотреться к ним, и если я найду, что они полезны и не находятся в связи с Троцким, то продолжать работать с ними, в противном случае — командировать их в СССР.

В Сирии находился также работник Коминтерна Обейдулла, работавший в свое время в ОГПУ. Мне было предложено разыскать его и, установив с ним связь, использовать его услуги для освещения социальных вопросов в Сирии. Кроме агентуры в Бейруте, я должен был организовать агентуру в Дамаске.

В Сирии нам предстояло выяснить отношения сирийцев к французскому правительству, взаимоотношения между арабами и армянами и сирийско-турецкие отношения. Конечно, главная задача заключалась в добыче документальных данных, для чего необходимо было произвести вербовку осведомителей в правительственных учреждениях Сирии. Одновременно следовало прощупать почву для выяснения возможностей объединения сирийцев с арабами других стран. Советское правительство мечтает об образовании единого арабского независимого государства, которое можно было бы противопоставить на Востоке Англии и Франции.

В Палестине, как я уже упоминал, у Блюмкина имелся всего один агент, укrywшийся под видом хозяина пекарни в Яффе. Кроме того, несколько местных коммунистов поддерживали связь с резидентурой ОГПУ в Берлине. Мне было предложено списаться с Берлином и присоединить его агентов к своей сети. В это время в Палестине происходили арабо-еврейские столкновения, и Москва очень интересовалась развитием событий. Мне предлагалось по прибытии в Константинополь возможно скорее выяснить причины столкновений. Палестинская агентура держала связь с Бейрутом и посылала свои донесения Прыгуну, который затем переправлял их в Константинополь.

Прыгун и Двойка — оба евреи и коммунисты. Приехали они в Бейрут через Париж, где заручились торговыми представительствами французских фирм в Сирии. Оба были завербованы Блюмкиным в Москве. После его ареста я, ради осторожности, откомандировал их обратно в Москву.

В Египте работу на ОГПУ вели местные коммунисты. В числе их имелся редактор одной из местных газет. Работой руководила берлинская резидентура, ежемесячно посылавшая на оплату агентов в Египте тысячу долларов.

В Египет должен был ехать Моисей Аксельрод с целью непосредственно ознакомиться с местными партийными группировками, в частности с партией «Вафда», левое крыло которой мы надеялись отколоть для совместной работы с египетской коммунистической партией. Вместе с тем Аксельрод должен был изучить фелакский (египетское крестьянство) и нубийский вопросы. Поручения добыть переписку верховного комиссара в Египте он не получил, потому что документы эти уже поступали из других источников (к нам систематически поступали доклады лорда Ллойда, а затем сэра Перси Лорейна, содержавшие подробные сведения об общественных настроениях и отчеты о переговорах, ведшихся в Египте). Зато Аксельрод должен был обратить внимание на египетское купечество, в частности на местных армян, которых насчитывалось в Египте до пятнадцати тысяч человек, и попытаться связаться через них с Индией.

Между прочим, ему было поручено выяснить отношение к англичанам главы ювелирной фирмы в Каире Гюльбекияна, который за несколько месяцев перед тем обратился к нам через торгпредство в Греции с предложением распространять советские товары в Египте и с просьбой разрешить ему приехать в Москву для закупки бриллиантов и драгоценных камней на полмиллиона фунтов стерлингов. В своем письме Гюльбекиян многозначительно указывал, что имеет в Египте колоссальные связи. По тону письма можно было догадаться, что он готов предложить нам свои услуги и по политическим вопросам. Связал его с нами армянский епископ в Греции Мазлумян. Мы решили использовать фирму Гюльбекияна, имеющую отделения во всех городах Египта, для разведки и пропаганды, но предварительно хотели к ней присмотреться, чтобы не оказаться спровоцированными и не попасть в ловушку.

До моего отъезда из Константинополя эта работа не была закончена.

С египетскими коммунистами, которые были связаны с резидентурой в Берлине, Аксельрод должен был вступить в непосредственную связь только после тщательного ознакомления с ними на месте.

Мы с Аксельродом начали готовиться к отъезду. Я должен был ехать прямо в Турцию, а Аксельроду предстояло проехать в Европу, найти себе там «прикрытие» и затем следовать через Константинополь в Египет.

Я попросил контрразведывательный отдел ГПУ заготовить мне персидский паспорт. Его добыли для меня в течение двух дней через секретаря персидского консульства в Москве. С паспортом на имя персидского купца Нерсеса Овсениана я затем лично обратился в турецкое консульство за визой.

Посетителей в консульстве не было, так что меня без всяких задержек пропустили к консулу.

— Для какой надобности вы хотите ехать в Стамбул? — спросил консул, перелистывая лежавший перед ним мой паспорт.

— По торговым делам. Я отправил из Персии в Стамбул партию ковров, которые не продаются, поэтому я хочу поехать лично и закончить это дело лично, — ответил я по-турецки, вставляя в свою речь персидские слова, чтобы у него не было сомнений в моем персидском происхождении.

— Бывали ли вы раньше в Турции? — последовал вопрос консула.

— Нет, много раз собирался съездить, но как-то не приходилось, — ответил я.

— Кого вы знаете в Турции? — продолжал допрашивать консул.

Я назвал ему несколько имен известных персидских купцов в Стамбуле.

— Есть ли у вас еще какие-нибудь документы, кроме паспорта? — спросил консул.

— Конечно, конечно, только не с собой, — без запинки ответил я, хотя контрразведывательный отдел ОГПУ не подготовил для меня никаких бумаг, кроме паспорта.

— Так вот, принесите ваши остальные документы также, и тогда я решу вопрос о визе, — ответил консул.

— Хорошо, прикажете принести только письма или всю переписку, показывающую мою деловую связь с Турцией? — спросил я, делая вид, что я не понял требований консула.

— Да нет же. Мне нужны не письма, а документы. Например, метрическое свидетельство и вообще документы, удостоверяющие вашу личность, — стал объяснять консул.

— Позвольте, вы что же, сомневаетесь в моей личности? — обиженным тоном спросил я. — Меня здесь хорошо знают в персидском посольстве (КРО устроил так, что их агент в пер-

сидском посольстве послал обо мне ноту туркам), наконец, десяток богатых персидских купцов могут рекомендовать меня. Если вы разрешите, я вызову сейчас двоих из моих знакомых сюда, — предложил я, протягивая руку к стоявшему на консульском столе телефону.

Говоря это, я в то же время думал: а вдруг консул согласится на мое предложение? Что я буду делать? Куда я позволю? Разве в ОГПУ! Но нет, я рассчитал правильно. Консул попался на удочку. Подумав немного, он наконец предложил мне внести деньги за визу, и через десять минут я возвращался к себе с готовым паспортом в кармане.

На следующий же день, 22 октября 1929 года, я выехал с Брянского вокзала в Одессу. Одетый так же, как и при посещении консульства, с десятью тысячами долларов, выданными мне на работу, я уже с момента появления на вокзале начал играть роль персидского коммерсанта, чтобы к приезду в Константинополь привыкнуть к ней. Мерно покачиваясь в купе второго класса и перебирая янтарные четки, я думал не о предстоящей работе, а о моей прошлой жизни в Москве. Я был рад, что наконец вырвался оттуда, что мне не придется участвовать на ближайшем казенном параде 7 ноября, как и на многих других. Что наконец я избавился от чтений докладов по передовицам «Правды», от необходимости ругать левых и правых уклонистов и божиться, что только Центральный Комитет партии является хранителем заветов Ильича. Клясться, что еще пять лет голодовки — и мы перегоним Америку.

В купе, кроме меня, ехали два пассажира. Какой-то украинец с инженером-немцем. Они ехали до Киева и, видимо, работали на одном из сахарных заводов, так как всю дорогу говорили об урожае свеклы и о сахарной политике СССР. Но я их почти не слушал. Забравшись на верхнюю полку, я углубился в чтение только что переведенной на русский язык книги Ремарка «На Западном фронте без перемен».

Рано утром я приехал в Одессу и, узнав, что пароход в Константинополь отправится лишь на следующий день, поехал в гостиницу «Гранд Отель». Швейцар, узнав из заполненной анкеты, что я иностранец, потребовал мой паспорт, и спустя несколько минут я с улыбкой наблюдал из моего номера, как он мчался по направлению местного ОГПУ. Я знал, что таковы правила. Швейцар каждой гостиницы должен немедленно доносить об остановившихся у них иностранцах.

Несмотря на позднюю осень, Одесса была еще залита южным солнцем. От нечего делать я решил пройтись по го-

роду. В последний раз я был в Одессе в 1917 году, когда началась Февральская революция. Помню, что, несмотря на трехлетнюю войну, Одесса была шумным, веселым и людным городом. Теперь я не узнавал старых мест. Город почти опустел. Кое-где попадались унылые прохожие. Магазины почти все были закрыты. Кое-где лишь краснели вывески кооперативов на украинском языке. Я зашел в бывшее кафе «Фанкони», где теперь помещалась кооперативная столовая, пообедал. Все дешево, грязно и несъедобно. Проведенный в Одессе день показался мне бесконечным. На меня напало какое-то тоскливое чувство. Я знал, что покидаю родную страну, и вместе с тем все здесь казалось мне чужим. Может быть, потому, что вокруг красовались украинские надписи, которых я не понимал. Мне хотелось скорей покинуть этот город, но меня тянуло не в море, а обратно в Москву. Мне хотелось вернуться в отдел и сказать, что я не могу ехать на работу, что я уже не верю в это дело. Но я думал, что мне на это скажут, что я испугался ехать на нелегальную работу, что я трус... Чтобы избавиться от этих дум, я раньше времени поехал на пристань. После сложных манипуляций с паспортом и багажом меня наконец пропустили на борт советского парохода «Чичерин». Я прошел все этапы мытарства, как и каждый иностранец, ибо местное ОГПУ не знало, кто я такой. В пять часов вечера раздался последний гудок, и мы медленно отчалили от пристани.

Неожиданно для меня, оказавшись в своей каюте, я встретился с одним из своих старых друзей по Ташкенту. Мы не подали вида, что знаем друг друга, до тех пор, пока не уединились. Он рассказал мне, что теперь работает в Коминтерне и командирован в Палестину, где в это время происходили кровавые столкновения между арабами и евреями.

— Ты что же, один едешь? — спросил я.

— Нет, я еду как высланный из СССР сионист с женой, которая на самом деле тоже работает в Коминтерне. Кроме того, едет еще один из наших в Турцию, но он без всяких документов и поэтому скрывается в числе экипажа парохода. По прибытии в Константинополь он нелегально спустится на берег, — рассказал мой приятель.

27 октября, в четыре часа утра, показались холмы Босфора. Пароход остановился у карантина, и только к полудню мы вошли в Босфор. С одного борта к нам пристал лоцман, а с другого полицейский катер. Началась проверка документов пассажиров, сходящих в Константинополе. На просмотренных

паспортах полицейский офицер ставил штамп и возвращал владельцам. Мой же паспорт был им задержан без объяснения причин. Пассажиры спешно выгружались на окружившие пароход ялики, а я стоял на палубе и ждал своего паспорта, который был отправлен офицером на берег для проверки. Прошло около часа. С берега подошли к пароходу несколько лодок с людьми. То были сотрудники и дипкурьеры из советского консульства. Они прошли мимо меня в каюту капитана. Среди них был также помощник резидента Кикодзе, которого я всего два месяца назад снарядил в Константинополь. Многие из прибывших знали меня в лицо и, увидев, издали улыбались, думая, что я приехал официально. Но видя, что я отворачиваюсь и принимаю вид, что никого из них не знаю, они также прошли мимо меня, как чужие, поняв, что тут что-то неладно.

Время шло, а моего паспорта все не было. На пароходе почти никого не осталось, и я все больше беспокоился о своей участи. Я не боялся того, что турки могут меня задержать, но они могли отказать в высадке на берег и вернуть в СССР, откуда я с таким трудом выбрался. Наконец полицейский офицер передал, что я могу сойти на берег. Паспорт же мой доставят в гостиницу. С внутренним беспокойством, но внешне возмущаясь турецкими порядками, я поехал в город и взял номер в отеле «Лондон».

Так я попал в Константинополь. Но в каком положении? Полиция отобрала мой паспорт и явно в чем-то подозревает. В самом городе, совершенно мне незнакомом, у меня не было друзей, которые могли бы меня поддержать. Требовать помощи от легальной резидентуры воспрещалось, ибо это могло бы привести к провалу. Как быть? А вдруг турецкая полиция запросит обо мне сведения в турецком консульстве в Москве. Что, если завтра вызовут меня в полицию и спросят, где мой товар, мои знакомые купцы? Да, положение было не из приятных. Было уже шесть вечера. Я решил привести себя в порядок, а там видно будет. Когда я, пообедав, вышел из отеля, было уже темно. Мне нужно было сейчас же сделать кое-какие покупки. В особенности требовалось сменить мои ботинки, имевшие марку «Скорород» и могущие выдать их московское происхождение. Наконец, нужно купить часы, я не имел часов. По традиции, перед отъездом из Москвы я подарил свои часы одному из товарищей по работе. Таков обычай — перед отъездом за границу раздаривать вещи. Ведь за границей легко можно все купить, а в СССР где же!

Спускаясь из Пера по линии трамвая, я незаметно для себя добрался до Галаты. Повсюду сверкали ярко освещенные витрины магазинов. Я остановился у витрины часового магазина и разглядывал выставленные часы, как услышал в магазине армянскую речь. Это хозяин магазина говорил с приказчицей. Значит, тут армяне, а я ведь тоже армянин. Я вошел в магазин и на армянском языке попросил показать мне часы. Я выбирал часы в течение двух часов, уплатил за них в два раза дороже их стоимости, но зато в процессе покупки я настолько сдружился с хозяином магазина, что он пригласил меня к себе на следующий день. Так я завел первое знакомство в Константинополе. На следующий день мы уже обедали вместе в соседнем ресторане. Угощал я, и, нужно сказать, довольно щедро. К концу обеда после обильного вина я ему рассказал о затруднениях с паспортом.

— О, это пустяковое дело. У меня в полиции масса друзей, клиентов. Завтра же с утра пойдем, и я все дело обделаю, — успокоил меня мой новый знакомый.

Наутро мы, взяв машину, поехали в первый отдел политической полиции, куда был передан мой паспорт. Отозвав в сторону начальника отдела, который оказался приятелем моего купца, он рассказал ему о цели нашего прихода, прибавив, что он меня давно знает как крупного и честного купца. Тут же он меня представил полицейскому, который оказался довольно сговорчивым.

— Извините, что мы задержали ваш паспорт. Видите ли, сейчас много большевиков приезжают к нам в Турцию из России, а так как и вы приехали через Москву, то поэтому попали под подозрение. Теперь, конечно, раз вас рекомендует эфенди (мой приятель), то я распоряжусь, чтобы немедленно вам вернули паспорт, — обратился ко мне начальник полиции. В виде благодарности полицейскому я передал моему купцу две двадцатидолларовые бумажки. Сколько он из этой суммы передал по назначению, не знаю, но, видимо, это еще более убедило полицейского в моей солидности.

— Эфенди, вы можете больше не приходить сюда. Через час я пришлю вам паспорт в отель, — сказал он, пожимая мне руку.

И действительно, не успел я вернуться в отель, как полицейский принес мне паспорт с соответствующими визами. С получением документа я почувствовал уверенность. «Теперь уже меня не арестуют и не выселят, — подумал я. — Нужно и можно начать работу».

Через два дня произошла встреча с легальным резидентом ГПУ, которому я передал инструкции Москвы о ликвидации наследства Блюмкина. Я же ему сообщил и об аресте Блюмкина. Мы решили, что отправку помощника Блюмкина и его «жены» в СССР Наумов возьмет на себя, чтобы в случае неудачи не провалить меня.

Наумов при первой встрече рассказал, что представитель Коминтерна, прибывший со мной на «Чичерине», неудачно сошел на берег и был арестован турецкой полицией. Принимаются меры к его освобождению. Еще через несколько дней Наумов сообщил, что представитель Коминтерна благополучно освобожден.

К концу ноября 1929 года пришло из Москвы распоряжение принять руководство агентурной сетью в Греции, для сдачи которой приедет в Константинополь бывший резидент в Афинах Молотковский. Едущего в Египет Аксельрода предлагалось задержать и временно использовать в Константинополе. Москва сообщала, что в последнее время во внешней политике Турции наблюдается поворот на запад, и потому мне необходимо начать разведывательную работу против турецкого правительства, для чего в случае надобности я могу направить Аксельрода в Ангору.

В первых числах декабря в Константинополь приехал Аксельрод с австрийским паспортом, на имя Фридриха Кейля. Он выехал из Москвы через Ленинград в Латвию с двумя паспортами в кармане. По приезде в Ригу он уничтожил паспорт, по которому выехал из СССР и на котором значилась советская виза, и начал проживать по другому, на котором никаких советских пометок не было. В Риге у Аксельрода оказался дядя, некто Тейтельбаум, владелец лесной торговой конторы. Дядя принял его с распростертыми объятиями, хотя знал, с какой миссией приехал Аксельрод. В Риге дорогой племянник провел несколько дней, в течение которых дядя перезнакомил его с местной публикой. Аксельрод особенно подружился со шведским консулом в Риге. Сидя однажды в кабинете консула, он заметил пачку чистых шведских паспортов и на всякий случай незаметно сунул два паспорта в карман. Он передал их мне в Константинополе для отправки в Москву.

Дядя Аксельрода снабдил его доверенностью и удостоверением в том, что племянник его является представителем его торговой фирмы в Сирии, Палестине и Египте, причем зарегистрировал это удостоверение в местном английском консульстве. Снабженный вполне «безопасными» документами,

Аксельрод выехал в Берлин, получил там визу в Египет и транзитные визы через Сирию и Палестину.

В Берлине Аксельрод также не терял времени. Он связался с вновь прибывшим резидентом ОГПУ Самсоновым, который, между прочим, сообщил ему о расстреле Блюмкина. Из Берлина, через Балканы, Аксельрод приехал в Константинополь.

Я передал Аксельроду распоряжение Москвы и предложил остаться работать в Константинополе.

За это время я успел завести знакомства среди местного купечества и считал свое положение прочным. Аксельрод вступил в мою «контору» компаньоном, чтобы не тратить зря денег на организацию собственной «конторы». Вдвоем мы почувствовали себя более уверенно и начали вместе присматриваться, с кого и с чего начать нашу работу.

Среди знакомых нам купцов имелся армянин Элмаян, старик, занимавшийся всевозможными торговыми делами в Константинополе в течение тридцати лет. Связи его во всех турецких правительственных учреждениях были колоссальны. Он знал подноготную всех влиятельных лиц в Константинополе. Очень подвижный, несмотря на изрядную толщину, Элмаян был хитер, беспринципен и готов за деньги на что угодно. С нами он очень дружил, чувствуя, что в торговых делах мы неопытны, и надеясь на нас нажиться. Посоветовавшись с Аксельродом, я решил начать с Элмаяна.

Как-то в одной беседе я ему сказал, что мой компаньон по конторе, немец Фридрих Кейль, является одновременно корреспондентом большой берлинской газеты и ищет человека, который мог бы снабжать его интересными сведениями о константинопольской жизни. Элмаян легко пошел на удочку. Я свел его с «корреспондентом». Еще несколько бесед, и мы поняли друг друга. Элмаян согласился работать агентом Кейля за 150 турецких лир в месяц, полагая, что будет работать для германской разведки. Я же считался в этом деле просто маклером, устроившим хорошее дело Элмаяну, родному мне армянину.

Начал Элмаян, получивший кличку Малояна, работу с турецкой полицией. В первую очередь он завербовал начальника второго отделения турецкой полиции Изед-бея, ведавшего делами национальных меньшинств в Турции. Мы получали от него через Элмаяна все доклады турецкой полиции о дашнаках и других группах армянского населения в Константинополе. Элмаян затем достал нам схему организации почтового

управления в Константинополе. Мы были намерены, изучив почтовые операции, повторить в Турции персидский опыт.

У Элмаяна в качестве компаньона работал армянин Гюмишьян, очень интересовавшийся политическими делами. Мы завербовали его вслед за Элмаяном. Платили мы ему всего 50 лир.

К концу декабря из Москвы приехал Молотковский. По его рассказам, греческая сеть была организована неплохо: под № 3/23 числился армянский архиепископ в Греции Мазлумян; другим крупным агентом был редактор армянской газеты, издававший ее на деньги ОГПУ. Но Молотковский советовал не связываться с ними, так как они до некоторой степени уже скомпрометировали себя советофильскими выступлениями. Кроме архиепископа и редактора, резидентура в Греции имела сеть агентов в военном министерстве и министерстве иностранных дел, объединенных под руководством одного «групповика». Через эту сеть ОГПУ получало все секретные военные сведения в Греции.

«Групповик»-грек вступил в коммунистическую партию в России и три года тому назад был переброшен для работы в Грецию. Однажды при какой-то облаве его арестовали по подозрению в коммунизме, но затем освободили. Молотковский предлагал выехать вместе с ним в Грецию и принять руководство над агентурой. После долгого обсуждения мы, однако, решили послать принимать греческую сеть легального резидента в Константинополе Этингона-Наумова. Наладив связь, он затем должен был передать эту сеть мне.

— Что ты скажешь об этом предложении? — спросил Этингона Молотковский.

— А мне все равно, если хотите — поеду в Грецию и приму сеть. Провала я не боюсь. Скорей тогда поеду в Москву. Признаться, надоела мне вся эта работа. А теперь после ухода Трилиссера в особенности. Как только вернусь в Москву, не останусь работать в ОГПУ, уйду куда-нибудь, — равнодушно ответил Этингон-Наумов.

— А какая есть у тебя возможность поехать в Афины? — продолжал свои расспросы Молотковский.

— Это пустяки. Послезавтра я поеду в Ангору и попрошу Сурица послать за визой. Скажу, что еду в отпуск, — ответил тот.

— Итак, решено. Наумов примет агентуру в Греции и передаст затем тебе, — заключил Молотковский.

Через неделю Этингон, получив визу, выехал в Грецию, а

Молотковский вернулся в Москву. Связь с греческой сетью должна была поддерживаться советскими пароходами, заходящими в Пирей и Константинополь.

Наша работа продолжалась до середины января 1930 года. К этому времени мы ликвидировали бейрутскую группу агентов, так как предполагали, что Блюмкин тайно связал их с Троцким.

Связь нашей нелегальной организации поддерживал с Москвой Этингон-Наумов, занимавший в советском консульстве официальную должность атташе. Ему мы передавали пакеты для отправки в Москву и от него получали почту, прибывавшую из Москвы. Встречались мы с ним или с его представителями на улицах Стамбула или в моей квартире («Шишли», улица Ахмед-бей, № 51), хорошо изолированной и приспособленной для конспиративных встреч.

В начале января 1930 года я послал в Москву доклад с предложением перенести наш центр в Бейрут. Там мы были бы ближе к тем странам, где должны были вести работу, и имели бы то преимущество перед Константинополем, что выходили из сферы действия международной разведки, направленной против нас и свившей прочное гнездо в Стамбуле. Москва в ответ предложила командировать Аксельрода для личного доклада. В середине февраля Аксельрод, получив транзитную визу через СССР в Латвию, выехал в Москву.

Уже в Москве, на работе в иностранном отделе в 1928 году, во мне возникали сомнения в правильности той политики, которая проводилась в то время советским правительством. Получаемые из СССР письма были полны жалоб на методы, применяемые Центральным Комитетом партии по проведению пятилетки. В одном из писем от моих партийных товарищей писалось: «Методы нашей работы и темп жизни для нас сейчас не новый. Это — копия эпохи военного коммунизма минус революционный энтузиазм». Особенно меня поражало, что даже наиболее ответственные работники не могли открыто выражать своих мыслей. Я вскоре лично убедился, что каждое неосторожное слово, не соответствующее политике Центрального Комитета, влечет за собой немедленные репрессии. Открыли мне глаза два случая. Риольф, сотрудник ИНО, вздумавший защищать троцкиста Оссовского, немедленно был уволен из органов. Но особенное впечатление произвела на меня история сотрудника Наркоминдела Шохина.

Шохин, по происхождению крестьянин, до 1921 года служил в Красной Армии. Состоя в коммунистической партии с 1918 года, он самоотверженно боролся на фронте за советскую власть. Затем его перевели на работу в Наркоминдел. Он служил со мной два года в Тегеране на должности шифровальщика. Это был честный человек, работавший круглые сутки и глубоко преданный социализму. Из Тегерана его откомандировали в СССР по болезни. Получив отпуск, он поехал в деревню к старикам родителям. Это было в середине 1928 года, когда началась «пятилетка». Приехав из деревни в Москву, Шохин пришел ко мне и рассказал ужасные вещи о положении крестьян. Борьба с кулачеством довела деревню до полного разорения. Даже крестьянские хозяйства, имевшие одну лошадь и две коровы, считались кулаческими и ревизировались...

Спустя некоторое время после приезда Шохин выступил на собрании Наркоминдела с докладом о деревне и требовал назначения суда и следствия над переусердствовавшими местными властями. Не прошло недели после этого выступления, как Шохина исключили из партии, а затем вообще сняли с работы. Тут я понял, почему мои товарищи в частных беседах говорят одно, а на партийных собраниях другое. И чем меньше они верили, тем больше и длинней говорили, может быть стараясь самих себя убедить собственным словесным потоком. Мои сомнения, видимо, были замечены ячейкой ОГПУ. Меня начали загружать докладами на всевозможные темы, чтобы по моим выступлениям выявить, нет ли у меня уклонов. Я, видимо, выдержал экзамен. Вскоре меня зачислили в так называемый партийный актив.

Однако, читая в Стамбуле информационные сводки ОГПУ, я все более убеждался в том, что народное хозяйство разрушается и гибнет, пока наверху идет драка за власть. В частных письмах мне сообщали, что положение все более ухудшается, что приближается новый, 1931 голодный год. Постепенно становилось ясно, что в создавшемся положении виноваты не отдельные личности, но вся система управления. Зрела мысль о борьбе с руководителями преступной политики. Ехать обратно в СССР и начать там открыто выступать — это значило в лучшем случае сесть куда-нибудь в концентрационный лагерь.

Я решил ехать на Запад. Работать при таких условиях я уже не мог и после отъезда Аксельрода почти прекратил свою разведывательную деятельность.

Москва, не подозревая о происшедших во мне переменах,

продолжала присылать задание за заданием. Надо было что-то предпринимать. В Турции я оставаться не мог: с одной стороны, я подвергал себя преследованиям советской власти, а с другой — мог попасть под удары турецкого правительства (на территории которого я вел разведку). В апреле я обратился в одну из иностранных миссий в Константинополе с просьбой разрешить мне въезд в ее страну и сообщил, кто я такой. Мне предложили подождать ответа из столицы. Приблизительно в то же время я получил сведения от моего агента Гюмишьяна, что за мною следит турецкая полиция. Я не обратил на это внимания и продолжал ждать...

Наконец, в июне мне передали из персидского консульства, что турецкая полиция усиленно интересуется мною и даже будто бы собирается меня арестовать. К этому времени начатые мною записки были готовы. Ждать больше было нельзя. По рекомендации персидского консульства я, как честный купец, получил визу во Францию.

Еще два дня на сборы, и в четверг 19 июня я погрузился на пароход «Тадла», шедший в Марсель. Еще вчера я имел свидание с Этингоном-Наумовым, который передал мне, что Москва удивляется моему длительному молчанию и требует присылки материалов. Я обещался встретиться с ним в субботу и передать почту для Москвы. Сегодня я уже на пароходе. Еще несколько минут — и прощай Стамбул с твоими прекрасными берегами и всем пережитым мною здесь за эти девять месяцев. В субботу вечером, когда Наумов будет ждать меня на мосту Галаты с почтой для Москвы, я уже буду у Неаполя.

Пароход тронулся и медленно отошел из Галаты, с того места, куда я прошлой осенью причалил как резидент ОГПУ, как защитник диктатуры Сталина. Теперь я отъезжал как эмигрант, как враг этой диктатуры. Мы вышли в Мраморное море. Всю ночь я не спал. Я все еще боялся погони, пока пароход был в турецких водах. Но вот начало рассветать. Вдали показались контуры Пиреи. Мы были уже в Греции. Я стоял на борту и смотрел на приближавшийся берег. Непосредственной опасности больше не было. Я вынул из кармана револьвер, с которым не расставался со дня революции в России. Посмотрел в последний раз на своего верного долголетнего спутника и медленно, с сожалением разжал пальцы. Он отвесно по борту нырнул в темно-синее зеркальное море.

Прощай, ты мне больше не нужен.

27 июня я приехал в Париж. Свои записки я не повез с собой, а отправил другим, надежным путем, боясь обыска турецкой таможни. Эти записки, украдкой составлявшиеся мною в Турции, ныне составили эту книгу.

Я начал их за несколько месяцев до бегства для того, чтобы они были опубликованы в том случае, если мне не удастся вырваться из рук ОГПУ.

Я не литератор и избегал лишних слов в моей книге. Я предназначал ее не для развлечения широкой публики, а для того, чтобы в точном и бесстрастном изложении фактов познакомить Европу с природой и деятельностью ОГПУ — учреждения, фактически руководящего властью в России.

Какие выводы хотел бы я сделать из всего рассказанного? Первый и основной вывод тот, что ОГПУ, созданное в 1918 году как классовый орган для защиты завоеваний пролетариата ныне обратилось в охранное отделение худшего типа, защищающее исключительно интересы Сталина и его клики.

В борьбе за власть внутри ОГПУ вполне усвоен лозунг «социалистического соревнования» между отделами. Это соревнование ведет к тому, что количество тюрем и концентрационных лагерей в СССР увеличивается в геометрической пропорции по отношению к росту населения. На иностранных территориях сталинская агентура старается раскинуть такую же широкую сеть шпионажа, как и внутри России. Читатель видит из моей книги, что в этом отношении работа на Востоке поставлена не плохо. Думаю, что на Западе дело обстоит не хуже.

Ежегодно советское правительство отпускает для шпионажа в иностранных государствах только в руки ОГПУ около трех миллионов долларов, которые добываются от продажи на граничных рынках продуктов питания, вырванных изо рта голодного рабочего и крестьянина.

Но доллары, жесточайшим образом выколачиваемые из народа, текут не только в руки ОГПУ. Несмотря на официальные заверения советского правительства о полной его непричастности к делам Коминтерна, читатель видит, что фактически Наркоминдел и Разведупр работают вместе для общей цели и на одного хозяина — имя которому: Политбюро Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии, или Сталин.

Разница между ними та, что Наркоминдел разговаривает и отвлекает внимание, а остальные молча ведут подрывную рабо-

ту под теми, с кем Наркоминдел говорит. На языке сотрудников ОГПУ, Разведупра и Коминтерна такое «разделение труда» облекается в следующую формулу по адресу Наркоминдела:

— Ваше дело болтать и отписываться, а наше дело вести реальную работу.

Опыт предыдущих лет показал, что легальные резидентуры при дипломатических и торговых представительствах не достигают целей в военное время. По мнению же ЦК ВКП(б), война неизбежна, и вот уже год с лишним, как ОГПУ повсеместно за границей организует наряду с легальной работой нелегальную.

ОГПУ за двенадцать лет существования сумело раскинуть сеть шпионства не только в каждом уголке Советского Союза, но почти во всех странах мира. В особенности его сетью охвачены соседние с СССР страны: на Востоке — Персия, Афганистан, Турция, Китай, а на Западе — Прибалтийские страны и Германия.

Для достижения своих задач ОГПУ не стесняется в средствах; читатель мог увидеть это из моей книги.

Все крупные задачи, которые ставятся перед ОГПУ, предварительно обсуждаются в Политбюро. Поэтому за всю деятельность агентов ОГПУ полностью ответственно советское правительство в лице ЦК ВКП(б).

Идейным руководителем ОГПУ в настоящее время является Генеральный секретарь партии Сталин. Он лично дает направление внешней и внутренней работе органов ОГПУ.

Из органа, являвшегося мечом в руках пролетариата, ОГПУ превратилось в орган личной диктатуры Сталина. Примером служит расправа с Троцким, Мясниковым, Мдивани и с «правой оппозицией».

Сотрудники ОГПУ, считавшие свою работу революционной обязанностью, ныне превратились в ретивых чиновников, работающих в целях личного благополучия и карьеры. Они теперь настолько обезличены и «дисциплинированы», что творят по указке Сталина все, что угодно, не задумываясь о революционной целесообразности. ОГПУ, поставленное над всеми другими учреждениями соввласти, пользующееся особыми материальными и правовыми привилегиями, стало «царской опричниной». Из органа диктатуры пролетариата оно обратилось в орган душителей пролетариата.

Содержание

КОММУНИСТЫ В ЧК.....	21
ПРОВЕРКА ЧЕКИСТОВ.....	26
АГЕНТУРНОЕ ДЕЛО «ЛЮСЯ».....	30
СУД И РАСПРАВА В ЧК.....	36
КОМАНДИРОВКА В ТЮМЕНЬ.....	41
В ВОСТОЧНОМ ОТДЕЛЕ ВЧК.....	44
СОНЬКА НЕЗОЛОТАЯ РУЧКА.....	51
УБИЙСТВО ЭНВЕР-ПАШИ.....	59
СЛУЖБА В КОНТРАЗВЕДКЕ.....	72
ОГПУ И КОНТРАБАНДИСТЫ.....	77
РАБОТА В ПАРТАППАРАТЕ.....	83
ТРОЦКИЗМ СРЕДИ ЧЕКИСТОВ.....	90
НАЗНАЧЕНИЕ РЕЗИДЕНТОМ В КАБУЛ.....	98
КРАЖА КОНСУЛЬСКИХ ШИФРОВ.....	101
АФГАНИСТАН.....	109
АГЕНТЫ И СОТРУДНИКИ ОГПУ В АФГАНИСТАНЕ.....	114
РАЗЛОЖЕНИЕ БУХАРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ.....	123
КАК МЫ ДРУЖИЛИ С АНГЛИЧАНАМИ.....	136
ПЕРСИЯ.....	143
ЧЕКИСТ... НА СТРАЖЕ НРАВСТВЕННОСТИ.....	146
ОГПУ В БЕЛУДЖИСТАНЕ.....	161
КУСОЧЕК КОМИНТЕРНА.....	166
БУДНИЧНЫЙ ДЕНЬ ЧЕКИСТА.....	172
РАБОТА ОГПУ В ТЕГЕРАНЕ.....	192
СЕКРЕТНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИНОСТРАННЫХ МИССИИ.....	198
ПЕРЕМНЫ В ПОЛПРЕДСТВЕ.....	204
БЕГСТВО СЕКРЕТАРЯ СТАЛИНА.....	213
ОГПУ В ЮЖНОЙ ПЕРСИИ.....	226
ВОСТОЧНЫЙ СЕКТОР ОГПУ В МОСКВЕ.....	232
ЧЕКИСТЫ НАИЗНАНКУ.....	243
ШЕСТИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ.....	249
СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ.....	261
АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ОТДЕЛ ОГПУ.....	273
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТРОЛЬНОЙ КОМИССИИ.....	276
ВОЖДИ ЧИСТЯТ ОГПУ.....	282
КИТАЙ. ИРАК.....	287

ГЕРМАНИЯ. ФРАНЦИЯ. АМЕРИКА.	293
ПАЛЕСТИНА. ГЕДЖАС И ЙЕМЕН	301
ТУРЦИЯ	305
ВЫСЫЛКА ТРОЦКОГО	315
ЧТО ДЕЛАЕТ ОГПУ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ?	318

СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ

Автор книги «Секретный террор» Георгий Агабеков — первый крупный разведчик-чекист, ушедший в 1930 г. на Запад. В 1937 г. был убит агентами НКВД.

Мемуары Г. Агабекова — это уникальное свидетельство непосредственного участника событий, происходивших в 20-е годы.

Помимо рассказа об операциях советской разведки в книге даны весьма выразительные характеристики многих деятелей ВЧК—ОГПУ—НКВД, в том числе В. Менжинского, Г. Ягоды, Я. Петерса и других.

ISBN 5-300-01738-8

9 785300 017385